

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ V-VI
ДЕТИ ВАВИЛОНА

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ V-VI

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ V-VI ДЕТИ ВАВИЛОНА

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Бел)
Б 25

Clive Barker

THE BOOKS OF BLOOD, VOLUME V

© 1985 by Clive Barker

THE BOOKS OF BLOOD, VOLUME VI

© 1985 by Clive Barker

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Баркер К.

Б 25 Книги крови V—VI: Дети Вавилона / Клайв Баркер;
[пер. с англ. Н. Волковой, М. Красновой, А. Крышана,
В. Шитикова]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 432 с.

ISBN 978-5-699-25738-6

«У мертвых свои магистрали. Проложенные в тех неприветливых пустырях, что начинаются за пределами нашей жизни, они заполнены потоками уходящих душ. Их тревожный гул можно услышать в глубоких изъятиях мироздания — он доносится из выбоин и трещин, оставленных жестокостью, насилием и пороком. Их лихорадочную сутолоку можно мельком увидеть, когда сердце готово разорваться на части, — именно тогда взору открывается то, чему положено быть тайным». Эта цитата как нельзя более точно передает суть знаменитых сборников Клайва Баркера, объединенных общим названием «Книги крови» и ставших классикой не только мистики, но и литературы в целом.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Бел)

© Н. Волкова, перевод с английского, 2008
© М. Краснова, перевод с английского, 2008
© А. Крышан, перевод с английского, 2008
© В. Шитиков, перевод с английского, 2008
© ООО «ИД «Домино». Оформление, 2008
© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на
русском языке, 2008

ISBN 978-5-699-25738-6

КНИГА КРОВИ V

Запретное

Как в безупречной трагедии изящество структуры плохо различимо за страданиями героев, так и совершенная геометрия района Спектор-стрит была видна лишь с некоторого расстояния. Если прогуливаться по его мрачным ущельям, шагая грязноватыми коридорами от одной серой бетонной коробки к другой, мало что может остановить взгляд или всколыхнуть воображение. Молодые деревья, высаженные прямоугольниками, давно изувечены и выдраны с корнем; трава, хотя и высокая, не похожа на здоровую зелень.

Несомненно, этот район и две соседние застройки когда-то были мечтой архитектора. Несомненно, городские планировщики рыдали от счастья над проектом, позволившим поселить триста тридцать шесть человек на одном гектаре, да еще найти место для детской площадки. Также нет сомнения, что на Спектор-стрит построены состояния и репутации, а на открытии говорились прекрасные слова о том, что это — образец, на который предстоит равняться в будущем. Но слезы пролиты, слова сказаны, и архитекторы оставили район его собственной судьбе, а сами поселились в отреставрированных особняках времен короля Георга на другом конце города. Возможно, они больше ни разу здесь не появились.

Но даже если бы они пришли сюда, они не испытали бы стыда от явных ухудшений. Они бы доказали: порожд-

денье их умов по-прежнему блестяще, геометрия точна, пропорции соразмерны; только *люди* испортили Спектор-стрит. И это обвинение не было бы неправильным. Элен редко видела столь варварски разрушенную городскую среду. Фонари разбиты, ограды задних дворов повалены, машины без колес, с разобранными моторами и сожженными ходовыми частями брошены возле гаражей. Дома из трех и четырех этажей в одном из внутренних дворов опустошены пожаром, а окна и двери заколочены досками и помятыми листами железа.

И все-таки самое поразительное — граффити. Именно на них пришла посмотреть Элен, вдохновленная рассказом Арчи, и не была разочарована. При виде этих наплавающихся друг на друга рисунков, имен, непристойностей и лозунгов, накорябанных или набрызганных из распылителя на каждом кирпиче, до какого только можно дотянуться, с трудом верилось, что Спектор-стрит существует лишь три с половиной года. Стены, совсем недавно девственные, замазаны так основательно, что муниципальный отдел, ведавший уборкой, уже не надеялся вернуть им прежний вид. Слой свежей побелки, уничтожающий эту зрительную какофонию, предоставил бы художникам новую, еще более соблазнительную поверхность, чтобы оставить свой след.

Элен чувствовала себя на седьмом небе. Любой угол давал свежий материал для темы «Граффити: семиотика городской безысходности». Тут сходились две ее любимые дисциплины — социология и эстетика; она бродила по району и думала, что здесь наберется материала на целую книгу. Элен прошла по дворам, нашла множество интереснейших надписей и отметила их местонахождение. Затем взяла из машины фотоаппарат со штативом и вернулась к наиболее исписанным стенам, чтобы произвести тщательную съемку.

Не самое приятное занятие. Элен не была искусным фотографом, а небо позднего октября непрерывно менялось, свет поминутно перебегал с кирпича на кир-

пич. Пока она устанавливала выдержку, чтобы как-то компенсировать неустойчивое освещение, пальцы ее де-
лались все более неуклюжими, а самообладание соот-
ветственно иссякало. Но она старалась изо всех сил, не
обращая внимания на праздное любопытство прохо-
жих. Здесь так много рисунков, достойных запечатле-
ния. Она напоминала себе, что нынешние неудобства
воздадутся сторицей, когда она покажет слайды Трево-
ру, с самого начала выражавшему сомнения насчет те-
мы ее проекта.

— Надписи на стенах? — произнес он с улыбкой, в
своей обычной раздражающей манере. — Это делали сто
раз.

Конечно, он прав, и тем не менее... Безусловно, уже
есть научные труды о граффити, нашпигованные соци-
ологическим жаргоном: «лишение прав на культуру, го-
родское отчуждение». Но Элен тешила себя надеждой,
что среди сора сможет отыскать нечто, упущенное дру-
гими исследователями: общий принцип, который ис-
пользует в качестве подпорки для собственного тезиса.
Усердная каталогизация и перекрестные ссылки на фра-
зы и образы, представшие перед ней, помогут обнару-
жить этот принцип, поэтому так важно сфотографиро-
вать граффити. Столько рук поработало здесь, столько
умов оставило свой след, однако все происходило хао-
тически; если бы Элен отыскала какую-то схему, доми-
нанту или же *лейтмотив*, появилась бы гарантия, что
ее работа привлечет серьезное внимание, а вместе с ра-
ботой — и она сама.

— Что вы делаете? — спросил голос у нее за спиной.

Она отвлеклась от своих мыслей и увидела на троту-
аре позади себя молодую женщину с сидячей детской
коляской.

«Выглядит усталой и озябшей», — подумала Элен.

Ребенок в коляске хныкал, его грязные пальцы сжи-
мали оранжевый леденец на палочке и обертку от шо-

коладного батончика. Большая часть шоколада и мармеладная начинка были размазаны по его пальтишку.

Элен слабо улыбнулась: казалось, женщине это необходимо.

— Я фотографирую стены,— ответила Элен, подтверждая очевидное.

Женщина — по мнению Элен, ей едва ли исполнилось двадцать — спросила:

— Вы имеете в виду эту пачкотню?

— Надписи и рисунки,— сказала Элен. И добавила: — Да. Пачкотню.

— Вы из муниципального совета?

— Нет, из университета.

— Чертовски противно,— сказала женщина,— то, что они творят. И не только дети.

— Не только?

— Взрослые люди тоже. Им на все наплевать. Посреди дня... Посмотрите только... посреди дня...

Она взглянула вниз, на ребенка, который точил свой леденец о землю.

— Керри! — резко окликнула она, но мальчик не обратил внимания.— Они собираются все это смыть? — спросила женщина.

— Не знаю,— ответила Элен и повторила: — Я из университета.

— О! — сказала женщина так, будто услышала нечто новое.— Значит, к муниципалитету вы не имеете никакого отношения?

— Никакого.

— Кое-что здесь неприлично, правда? По-настоящему грязно. Некоторые штуки, которые они рисуют, мне неловко видеть.

Элен кивнула, глядя на мальчика в коляске. Керри решил для верности сунуть конфету в ухо.

— Не делай этого! — сказала мать, нагнулась и шлепнула ребенка по руке.

За шлепком последовал детский рев. Элен воспользовалась моментом, чтобы вернуться к фотоаппарату. Но женщина не наговорила.

— Это не только снаружи, нет,— заметила она.

— Простите? — переспросила Элен.

— Они вламываются в опустевшие квартиры. Городской совет пытается заколачивать двери, но это бесполезно. Так или иначе, они туда влезают. Гадят там и пьшут мерзости на стенах. Устраивают пожары. Чтобы никто не мог въехать обратно.

Эти слова возбуждали любопытство. Отличаются ли существенным образом граффити внутри от тех, что снаружи? Это стоит исследовать.

— А здесь поблизости вы знаете такие места?

— Пустые квартиры?

— С граффити.

— Прямо возле нас одна или две,— охотно отозвалась женщина.— Я из Баттс-корта.

— Вы могли бы их мне показать? — спросила Элен. Женщина пожала плечами.

— Кстати, меня зовут Элен Баченан.

— Энн-Мари,— назвала себя мать Керри.

— Я была бы вам очень признательна, если бы вы показали мне одну из этих пустых квартир.

Энн-Мари, озадаченная энтузиазмом Элен, не скрывала удивления. Вновь пожав плечами, она ответила:

— Там не на что особенно смотреть. Только еще больше дряни.

Элен собрала свое снаряжение, и они пошли бок о бок по пересекающимся коридорам между зданиями. Хотя все вокруг было приземистым и дома имели не больше пяти этажей в высоту, окруженные стенами четырехугольные дворы рождали ужасающее чувство клаустрофобии. Лестницы и переходы — мечта воров — изобиловали глухими углами и скудно освещенными подворотнями. Мусоропроводы, по которым с верхних этажей скидывали мешки с отходами, давно были заперты, по-

тому что во время пожаров действовали как воздушные шахты. Ныне пластиковые мешки с мусором высоко громоздились в проулках. Часть их разодрали бродячие собаки, а содержимое рассыпалось по земле. Запах, неприятный даже в холодную погоду, в разгар лета должен был сшибать с ног.

— Мне туда,— сказала Энн-Мари.— Где желтая дверь.— Потом она указала на противоположную сторону двора.— Пять или шесть квартир, считая от того конца. Две из них уже несколько недель как пусты. Одна семья переехала в Раскин-корт. Другая удрала посреди ночи.

Она повернулась к Элен спиной и покатила коляску Керри, продолжавшего пускать слюни.

— Благодарю вас! — крикнула Элен вслед.

Энн-Мари через плечо быстро взглянула на нее, но не ответила.

С нарастающим предвкушением открытия Элен шла вдоль ряда квартир на первом этаже. Большинство их, пусть и обитаемые, не походили на человеческое жилье. Шторы плотно задернуты, молочных бутылок у порогов нет, как и игрушек, которые дети обычно забывают там, где играли. Не наблюдалось ничего, связанного с *жизнью*. Однако здесь было больше граффити, грубо намаленных на дверях. Элен разрешала себе только небрежно взглянуть на надписи — отчасти из страха, что как раз в тот момент, когда она будет изучать эту отборную ругань, двери распахнутся, но больше потому, что горела желанием увидеть, какие откровения таят в себе пустые квартиры.

Ядовитые запахи, свежие и застоявшиеся, встретили ее на пороге квартиры номер 14. Самый слабый — запах горелой краски и пластика. Целых десять секунд она колебалась, размышляя: безрассудно ли войти туда. Пространство за спиной было чуждым, спеленатым собственной нищетой, но комнаты впереди путали еще сильнее: тихий темный лабиринт, едва различимый взгля-

дом. Но она вспомнила о Треворе, о том, как сильно желает заслужить его одобрение, и ушедшая решительность возвратилась. С этими мыслями она и шагнула за порог, нарочно поддав ногой кусок обутлившейся деревяшки, надеясь таким образом принудить возможного обитателя квартиры обнаружить себя.

Однако никаких признаков жизни не было. Обретя уверенность, Элен стала изучать первую комнату — судя по останкам распотрошенной софы в углу и мокрому ковру под ногами, гостиную. Бледно-зеленые стены, как и обещала Энн-Мари, были сплошь исчерканы малолетними писцами, довольствовавшимися ручкой и более грубыми приспособлениями вроде головешки от софы, а также теми, кто на радость публике пользовался полудюжиной красок.

Некоторые надписи представляли интерес, хотя часть из них она уже видела снаружи. Знакомые имена и словосочетания повторялись. Элен ни разу не видела этих людей, но знала, сколь жестоким способом Фабиан Дж. намеревался дефлорировать Мишель, а Мишель, в свою очередь, жаждала некоего м-ра Шина. Здесь, как и повсюду снаружи, человек по имени Белая Крыса хвастал своими достоинствами, а надпись красной краской обещала, что братья Силлабуб вернутся. Одна-две картинки, сопутствующие им или соседствующие с ними, представляли особый интерес. Их озаряла почти символическая простота. Рядом со словом «Христос» красовалась малоприятная личность с волосами, торчащими в разные стороны, словно шипы, и другие головы, на эти шипы насаженные. Нарисованный рядом процесс совокупления был так схематизирован, что Элен сначала приняла его за изображение ножа, вонзаемого в ослепший глаз. Но как ни привлекали рисунки, в комнате не хватало света для фотосъемки, а захватить вспышку она не подумала. Если ей потребуется документальное свидетельство, она придет снова, а сейчас удовольствуется простым осмотром помещений.

Квартира была небольшая, но окна повсюду заколочены, и по мере того, как Элен удалялась от входной двери, тусклый свет делался еще слабее. Запах мочи, достаточно отчетливый у порога, становился все гуще. К тому времени, когда она достигла конца гостиной и перешла через короткий коридор в следующую комнату, запах сделался вовсе невыносимым. Эта комната, самая дальняя от входной двери, была к тому же и самой темной, и Элен пришлось переждать несколько мгновений в крошечном мраке, чтобы привыкли глаза. Здесь спальня, предположила она. Немногочисленная мебель, оставленная жильцами, была разбита вдребезги. Уцелел только матрас, сваленный в угол комнаты среди беспорядочно разбросанных рваных одеял, газет, осколков посуды.

Снаружи солнце отыскивало дорогу в облаках. Два или три солнечных луча скользнули меж досок, закрывавших окно спальни, и проникли в комнату, как благовещение, разметив противоположную стену яркими полосами. Мастера граффити потрудились и тут: обычный хор любовных посланий и угроз. Элен быстро осмотрела их, и взгляд ее, следуя за солнечными лучами, скользнул к стене с дверью, в которую она вошла.

Здесь тоже поработали художники, но ничего похожего она прежде не встречала. Дверь оказалась ртом огромной головы, нарисованной на ободранной штукатурке. Картина вышла более искусная, чем большинство из уже виденных: тщательно прорисованные детали придавали изображению ошеломляющее правдоподобие. Скулы проступали под кожей цвета пахты, острые неровные зубы сходились к двери. Глаза из-за низкого потолка находились всего несколькими дюймами выше верхней губы, но эта особенность лишь придавала образу силы — создавалось впечатление, будто голова откинута. Спутанные пряди волос змеились по потолку.

Был ли это портрет? Нечто особенное присутствовало в линии бровей и в складках вокруг широкого рта, в тщательной прорисовке кривых зубов. Несомненный

кошмар — возможно, дотошное изображение героинового бреда. Каков бы ни был его источник, оно убеждало. Впечатляла даже иллюзия двери-рта. Короткий проход между гостиной и спальней представлял собой как бы зияющее горло с разбитой лампой вместо миндалин. За глоткой пылал белизной день в животе кошмара. В целом производимый эффект напоминал процессию призраков: то же колоссальное уродство, то же бесстыдное намерение напугать. И оно действовало; Элен стояла, потрясенная образом на стене, а глаза, обведенные красным, безжалостно уставились на нее. Завтра, твердо решила она, надо прийти сюда с высокочувствительной пленкой и вспышкой, чтобы осветить художества.

И когда она собралась уходить, солнце зашло, полосы света исчезли. Она взглянула через плечо на заколоченные окна и в первый раз увидела надпись из трех слов, намалеванную в простенке.

«Сладкое к сладкому». Элен было знакомо само выражение, но откуда оно? О чем это — о продажной любви? Если так, то здесь странное место для подобного объявления. Несмотря на матрас в углу и относительную уединенность комнаты, трудно представить себе, кому предназначены эти слова, кто зайдет сюда, чтобы ощутить вкус этой любви. Влюбленные подростки, как бы ни были они распалены, не стали бы играть в папу и маму под пристальным взглядом ужаса со стены. Она пересекла комнату, чтобы осмотреть надпись. Краска, казалось, того же оттенка розового, каким нарисовали рот кричащего человека; возможно, та же рука.

За спиной послышался шум. Элен повернулась так быстро, что почти упала на матрас, заваленный одеялами.

— Кто?..

На другом конце глотки, в гостиной, находился мальчик лет шести-семи, его колени были покрыты струпьями. Он уставился на Элен поблескивающими в полутьме глазами, будто ожидал, когда к нему обратятся.

— Что? — сказала она.

— Энн-Мари говорит, не хочешь ли ты чашку чаю? — провозгласил он без пауз и без интонации.

После беседы с женщиной, кажется, минули часы. Элен была благодарна ей за приглашение. Сырость в квартире рождала озноб.

— Да,— ответила она мальчику.— Да, с удовольствием. Ребенок не двинулся и лишь смотрел.

— Ты собираешься показать мне, куда идти? — спросила она.

— Если хочешь,— произнес тот без всякого энтузиазма.

— Мне хотелось бы.

— Ты фотографируешь? — задал вопрос он.

— Да, фотографирую. Но не здесь.

— Почему не здесь?

— Слишком темно,— сказала она ему.

— Не работает в темноте?

— Нет.

Мальчик кивнул так, словно эта информация каким-то образом хорошо укладывалась в его картину мира. Он без единого слова повернулся кругом, очевидно уверенный, что Элен последует за ним.

Если на улице Энн-Мари была молчалива, то в уединении собственной кухни она вела себя иначе. Настороженное любопытство исчезло, его сменили поток оживленной болтовни и бесконечная суета, чередой мелких домашних хлопот, похожая на старания жонглера удерживать несколько вращающихся тарелок одновременно. Элен наблюдала за этим цирковым номером и отчасти испытывала восхищение — ее собственные хозяйственные дарования были ничтожны. Наконец пустой разговор обратился к предмету, который и привел сюда Элен.

— А фотографии,— спросила Энн-Мари,— зачем они вам нужны?

— Я пишу о граффити. Фотографии иллюстрируют мои мысли.

- Не очень-то приятное дельце.
- Да, вы правы, не слишком приятное. Но я считаю, интересное.

Энн-Мари покачала головой.

— Ненавижу этот район,— проговорила она.— Здесь опасно. Людей грабят у их собственных порогов. Дети каждый день поджигают мусор. Прошлым летом пожарная команда приезжала по два-три раза на дню, пока все мусоропроводы не закрыли. Теперь просто сваливают мешки в проходах, а это привлекает крыс.

— Вы живете одна?

— Да,— ответила она,— с тех пор, как Дэви ушел.

— Это ваш муж?

— Отец Керри, но мы никогда не были женаты. Знаете, мы прожили вместе два года. И у нас случались хорошие времена. Но однажды он просто встал и ушел, когда я с Керри гостила у своей мамы.

Она смотрела на свою чашку.

— Мне без него лучше,— сказала она.— Только иногда становится страшно. Хотите еще чаю?

— Думаю, мне пора.

— Одну чашку,— предложила Энн-Мари, поднявшись и отсоединяя вилку электрического чайника, чтобы вновь его наполнить. Когда она собиралась открыть кран, она заметила что-то на сушилке и большим пальцем раздавила.

— Вот тебе, паршивец,— воскликнула она, затем повернулась к Элен.— У нас эти чертовы муравьи.

— Муравьи?

— Во всем районе. Они из Египта, называются «фараоновы муравьи». Маленькие коричневые твари. Плзздут в трубах центрального отопления и таким манером пролезают в квартиры. Все заплонили.

Такая невероятная экзотика (муравьи из Египта!) позабавила Элен, но она промолчала. Энн-Мари выглянула из кухонного окна в задний двор.

— Вы должны сказать им,— заговорила она, хотя Элен не понимала, кому ей надо это рассказать.— Скажите им, что простые люди больше не могут даже ходить по улицам.

— Неужели на самом деле все так плохо? — отозвалась Элен, по-настоящему уставшая от этого перечня неудач.

Энн-Мари отвернулась от раковины и сурово посмотрела на нее.

— У нас здесь случаются убийства,— сказала она.

— В самом деле?

— Этим летом было одно. Старик из Раскина. Со всем рядом с нами. Я его не знала, но он дружил с соседкиной сестрой. Забыла, как его звали.

— И его убили?

— Порезали на куски прямо в собственной гостиной. Его нашли только через неделю.

— А что же соседи? Они не заметили его отсутствия?

Энн-Мари пожала плечами, словно самое главное — об убийстве и человеческом одиночестве — сказано и больше спрашивать не о чем. Но Элен настаивала.

— Мне это кажется странным,— заметила она.

Энн-Мари включила наполненный чайник.

— Бывает и так,— произнесла она, застыв.

— Я не говорю, что этого не может быть, я просто...

— Ему глаза выкололи,— добавила Энн-Мари, прежде чем Элен снова выразила сомнение.

Элен содрогнулась.

— О нет,— беззвучно прошептала она.

— Именно так,— продолжала Энн-Мари.— И это не все, что с ним сделали.

Она для эффекта сделала паузу, затем продолжила:

— Вы думаете, кто же способен на такое? Правда? Думаете?

Элен кивнула. Она думала именно об этом.

— Хотя бы виновного нашли?

Энн-Мари хмыкнула с пренебрежением.

— Полиции наплевать, что у нас творится. Они стараются, насколько возможно, держаться подальше от этого места. Когда патруль приезжает, они забирают пьяных подростков и тому подобное. Видите ли, они боятся. Поэтому держатся в стороне.

— Боятся убийцы?

— Может быть,— ответила Энн-Мари.— Ведь у него крюк.

— Крюк?

— У человека, который это сделал. У него крюк, как у Джека Потрошителя.

Элен не разбиралась в убийствах, но была уверена: то, что делал своим крюком Потрошитель, вовсе не заслуживает похвалы. Однако подвергать сомнению правдоподобие истории Энн-Мари было занятием неблагодарным, хотя про себя Элен размышляла, какие из деталей — выколотые глаза, гниющее в квартире тело, крюк — прибавлены для полноты сюжета. Даже самые добросовестные рассказчики изредка испытывают искушение что-то приукрасить.

Энн-Мари налила себе еще чашку и потянулась к чашке Элен.

— Нет, спасибо,— покачала головой та.— Я все-таки пойду.

— Вы замужем? — спросила Энн-Мари неожиданно.

— Да. За преподавателем университета.

— Как его зовут?

— Тревор.

Энн-Мари положила себе в чашку две полные ложки сахара.

— Вы вернетесь?

— Да. Надеюсь. На этой неделе. Я хочу сделать несколько снимков в доме, что на другом конце двора.

— Хорошо. Заходите.

— Зайду. И спасибо вам за помощь.

— Не за что,— ответила Энн-Мари.— Вы должны рассказать кое-кому, так ведь?

— По-видимому, у человека вместо руки крюк.

Тревор оторвал взгляд от своей тарелки с tagliatelle con prosciutto*.

— Прости, как?..

Элен изо всех сил старалась пересказать историю так, чтобы не окрашивать ее субъективными чувствами. Ее интересовало, как это истолкует сам Тревор. Но если она хоть чем-то выдаст собственную заинтересованность, Тревор в силу своего скверного характера инстинктивно займет противоположную позицию.

— У него есть крюк,— ровным голосом повторила она.

Тревор положил вилку и потянул себя за нос, фыркнув.

— Ничего о таком не читал,— сказал он.

— Ты не читаешь местные газеты,— возразила Элен.— Никто из нас не читает. Возможно, никто в стране.

— Заголовок: «Старик убит маньяком с рукой-крюком!» — произнес Тревор, наслаждаясь.— Кажется, годится для новостей. Когда предположительно все произошло?

— Прошлым летом. Может быть, когда мы были в Ирландии.

— Возможно,— отозвался Тревор, вновь берясь за вилку. Нацеленные на еду блестящие линзы его очков скрывали глаза, отражая тарелку с макаронами и нарезанную ветчину.

— Почему «возможно»? — поддела его Элен.

— Это не совсем правдоподобно,— сказал он.— По правде сказать, это звучит чертовски нелепо.

— Ты не веришь? — спросила Элен.

* Широкая лапша с ветчиной (*ит.*).

Тревор поднял взгляд от тарелки, языком слизнул кусочек лапши в углу рта. Лицо его приняло свойственное ему уклончивое выражение — без сомнения, такое лицо он делал, когда слушал своих студентов.

— А *ты* веришь? — Это был излюбленный прием Тревора, чтобы выиграть время, еще один профессорский фокус — вопрос спрашивающему.

— Не до конца,— ответила Элен, слишком озабоченная поиском хоть какой-то опоры в море сомнений, чтобы тратить силы на соревнование с ним.

— Хорошо, оставим сам рассказ,— произнес Тревор, прерывая процесс еды, чтобы выпить еще один бокал красного вина.— А как насчет рассказчицы? Ей ты веришь?

Элен представила искреннее выражение на лице Энн-Мари, когда та рассказывала о смерти старика.

— Да,— сказала она.— Да. Думаю, я бы поняла, если бы мне лгали.

— В любом случае, почему так важно, лжет она или нет? Какого хрена, что нам за дело?

Резонный вопрос, пусть даже задан он с раздражением. Почему же это действительно важно? Потому что Элен хотела, чтобы худшие ощущения от Спектор-стрит оказались ложными? Район грязного отчаявшегося сброда, где лишних неудачливых людей прятали от глаз чистой публики; но это либеральная банальщина, и Элен принимала положение дел как неприятную социальную реальность. Однако в рассказе об убийстве старика и издевательствах над ним таилось нечто другое. Образ насильственной смерти, однажды явившись, теперь преследовал Элен.

Она поняла, к собственной досаде, что растерянность ясно написана у нее на лице и что Тревор, наблюдая за ней через стол, немало потешается.

— Если это так сильно тебя волнует,— заговорил он,— почему бы не вернуться и не порасспросить людей в

окруте, вместо того чтобы играть за обедом в «веришь-не-веришь»?

При этом его замечании она не могла сдержаться.

— Я думала, тебе нравится играть в загадки,— сказала она.

Он бросил на нее сердитый взгляд.

— Опять ошибаешься.

Начать расследование — неплохое предложение, хотя оно явно порождено какими-то скрытыми причинами. День ото дня Элен смотрела на Тревора все менее снисходительно. То, что раньше она принимала за готовность к дискуссии, теперь казалось простой игрой «кто сильнее». Он спорил не из-за диалектического возбуждения, а из-за патологической склонности к соревнованию. Она видела, как раз за разом он занимает чуждые ему самому (Элен знала об этом) позиции, просто чтобы разогреть кровь. Еще более печально, что он — не единственный, кто занимался такого рода спортом. Академия была одним из последних оплотов профессиональных транжиров времени. Так случилось, что в их кругу преобладали образованные дураки, заблудившиеся в пустыне затхлой риторики и бесплодных занятий.

От одной пустыни к другой. Она вернулась на Спектор-стрит на следующий день, вооруженная фотовспышкой в дополнение к штативу и высокочувствительной пленке. В тот день поднялся ветер, и это был ветер арктический, явившийся все сильнее оттого, что заблудился в лабиринте проходов и дворов. Элен направилась к номеру 14 и провела целый час в его оскверненных пределах, тщательно фотографируя стены спальни и гостиной. Она ожидала, что воздействие образа в спальне при повторном осмотре станет значительно слабее; этого не произошло. Хотя она старалась запечатлеть и целое, и детали как можно тщательнее, она знала: фотографии в лучшем случае будут лишь слабым эхом его бесконечного вечного рева.

Большая часть силы образа заключалась, конечно, в контексте. То, что на подобное изображение можно наткнуться в столь сером окружении, подозрительно лишённом таинственности, походило на обнаружение иконы в куче мусора: сияющий символ перехода из мира тяжкого труда и распада в некое более темное, но и более грандиозное царство. Элен с болью осознала, что глубину впечатления, вероятно, ей выразить не удастся. Она владела словарем аналитическим, насыщенным трескучими словами и академической терминологией, но прискорбно убогим в своей выразительности. Она надеялась, что фотографии, какой бы бледной копией подлинника они ни были, хотя бы намекнут на мощь изображения, даже если и не смогут передать это чувство, пробирающее до печенок.

Когда она покинула дом, ветер продолжал немилосердно дуть, но снаружи ее ждал мальчик — тот же самый ребенок, что сопровождал ее вчера, — одетый повесенному. Он гримасничал, стараясь удержаться от отчаянной дрожи.

— Привет, — сказала Элен.

— Я ждал, — доложил ребенок.

— Ждал?

— Энн-Мария сказала, что ты вернешься.

— Я собиралась прийти как-нибудь на неделе, — сказала Элен. — Ты мог бы прождать долго.

Лицо мальчика прояснилось.

— Ничего, — сказал он. — Мне нечего делать.

— А как насчет школы?

— Не нравится! — ответил мальчик, будто получение образования зависело от его вкуса.

— Вижу, — сказала Элен и пошла по периметру двора.

Мальчик шел за ней. На клочке травы в середине двора были кучей навалены несколько стульев и два или три мертвых дерева.

— Что это? — спросила она, наполовину адресуя вопрос себе самой.

— Ночь костров*, — сообщил мальчик. — На следующей неделе.

— Да, конечно.

— Ты зайдешь к Энн-Мари? — спросил он.

— Да.

— Ее нет.

— А ты уверен?

— Ага.

— Хорошо, вдруг *ты* сможешь мне помочь...

Она остановилась и повернулась, чтобы взглянуть на ребенка; от усталости у него под глазами залегли круги.

— Я слышала о старике, которого убили поблизости, — сказала она. — Летом. Ты ничего о нем не знаешь?

— Нет.

— Совсем? Ты не помнишь никакого убитого?

— Нет, — повторил мальчик с выразительной категоричностью. — Не помню.

— Хорошо. В любом случае, спасибо.

На сей раз, когда она возвращалась к машине, мальчик за ней не пошел. Но, поворачивая за угол при выходе из двора, она оглянулась и увидела, что он стоит на том же месте, где она его оставила, и глядит ей вслед так, будто она сумасшедшая.

Когда она добралась до машины и принялась укладывать фотопринадлежности в багажник, в порывах ветра уже вызрели крупницы дождя, и Элен ощутила сильное искушение забыть о рассказе Энн-Мари и отправиться домой. Там будет горячий кофе, даже если встретят ее холодно. Но ей необходимо получить ответ на вопрос, заданный Тревором в прошлый вечер: «Ты веришь в это?» Тогда она не знала, что ответить, как не знала и теперь. Она отчего-то чувствовала, что рассуждать в терминах

* Ночь костров, или Ночь Гая Фокса, — ежегодный английский праздник в ночь на 5 ноября. Отмечается провал Порохового заговора, когда группа католиков-заговорщиков пыталась взорвать парламент в 1605 году. Во время праздника жгут костры и сжигают чучело главы заговорщиков Гая Фокса.

подлинности здесь излишне; возможно, окончательный ответ на этот вопрос — вовсе и не ответ, а еще один вопрос. Если так, она должна докопаться до сути.

Раскин-корт был так же заброшен, как и его обитатели, если не сильнее. Он не мог даже похвастаться праздничным костром. На балконе четвертого этажа женщина снимала выстиранное белье, пока не разразился дождь; в центре двора, не обращая ни на кого внимания, на траве совокупались две собаки. Шагая по пустому тротуару, она придала лицу решительное выражение: целеустремленность во взгляде, как сказала однажды Бернадетт, предотвращает нападение. Элен заметила двух женщин, беседовавших в дальнем конце двора, и торопливо направилась к ним, ощутив благодарность за их присутствие.

— Простите...

Женщины, обе пожилых лет, прервали оживленное общение и оглядели ее.

— Не могли бы вы мне помочь?

Она ощутила их оценивающие взгляды, их недоверие — и то и другое было слишком откровенным. Одна из женщин, с багровым лицом, спросила попросту:

— Чего надо?

Элен почувствовала, что потеряла всякую способность расположить к себе. Что нужно сказать этим двум, чтобы намерения гости не вызвали у них протест?

— Мне сказали... — начала она и запнулась, понимая, что женщины ей не помогут. — Мне сказали, поблизости произошло убийство. Это правда?

Багровая женщина подняла брови, выщипанные почти полностью.

— Убийство? — переспросила она.

— Вы из газеты? — спросила другая. Годы настолько исказили ее черты, что не помогали никакие ухищрения: узкие губы глубоко запали, волосы, выкрашенные в темный цвет, были на полдюйма седыми у корней.

— Нет, я не из газеты,— ответила Элен.— Я подруга Энн-Мари из Баттс-корта.

Констатация дружбы, хотя и была преувеличением, казалось, чуть смягчила женщин.

— Гостите здесь? — спросила багровая женщина.

— Можно так сказать.

— Упустили теплую погоду.

— Энн-Мари говорила, тут кого-то убили прошлым летом. Мне стало любопытно.

— Неужели?

— Вы что-нибудь знаете об этом?

— Тут много чего творится,— сказала вторая женщина.— Не знаешь и половины всего.

— Значит, это правда,— произнесла Элен.

— Им пришлось прикрыть туалеты,— ввернула первая.

— Верно. Они так сделали,— подтвердила другая.

— Туалеты? — переспросила Элен.— Какое отношение они имеют к смерти старика?

— Все было ужасно! — воскликнула первая женщина.— Джози, это твой Фрэнк рассказал?

— Нет, не Фрэнк,— ответила Джози.— Фрэнк еще в море. Это миссис Тизак.

Назвав свидетеля, Джози подхватила рассказ подруги, и взгляд ее возвратился к Элен. Подозрение в глазах не исчезло.

— Это случилось два месяца назад,— продолжала Джози.— Как раз в конце августа. Ведь был август, правда? — Ища подтверждения, она посмотрела на подругу.— Ты числа хорошо запоминаешь, Морин.

Морин, казалось, чувствовала себя неудобно.

— Я забыла,— сказала она, явно не желая говорить.

— Мне бы хотелось знать,— настаивала Элен.

Джози, несмотря на неохоту подруги, страстно желала угодить.

— Здесь есть уборные! — выпалила она.— Перед магазинами, знаете, общественные уборные. Мне не изве-

стно, что в точности произошло, но тут раньше жил мальчик... Ну, не совсем мальчик — лет двадцати или больше... — Она подбирала слова. — Но он был... с умственными отклонениями, так вроде бы это называют. Мать обычно брала его всюду с собой, словно ему четыре года. Она отпустила его в уборную, пока сама отправилась в тот маленький супермаркет. Как он там называется?

Она повернулась к Морин за подсказкой, но подруга только озиралась с очевидным неодобрением. Джози, однако, это не остановило.

— Был самый разгар дня, — сказала она Элен. — Полдень. В общем, мальчик пошел в туалет, а мать в магазин. Спустя какое-то время — вы знаете, как оно бывает — она занялась покупками, о сыне забыла, а потом подумала — что-то его долго нет...

Тут Морин не смогла удержаться, чтобы не встрять в разговор: наверное, забота о точности пересилила пренебрежительность.

— Она затеяла спор, — сообщила Морин, — с хозяином. Об испорченном беконе, который брала у него. Вот почему она столько времени...

— Понятно, — кивнула Элен.

— Ну, так или иначе, — вступила Джози, чтобы продолжить повествование, — она закончила покупки, а когда вышла, мальчика все еще не было...

— Поэтому она попросила кого-то в супермаркете... — начала Морин, но Джози не собиралась передавать ей инициативу в столь животрепещущий момент.

— Она попросила одного из мужчин в супермаркете, — повторила она вслед за Морин, — пойти в уборную и поискать его.

— Это было ужасно, — сказала Морин, очевидно, воображая картину какого-то зверства.

— Он лежал на полу в луже крови.

— Убитый?

Джози покачала головой.

— Лучше было бы ему умереть. На него напали с бритвой.— Она дала возможность усвоить эту часть информации перед тем, как нанести coup de grâce*.— И отрезали ему интимные части. Просто отрезали и спустили в туалет. Без причины.

— О боже.

— Лучше умереть,— повторила Джози.— Думаю, такое уже никак не заштопать, так ведь?

Ужасающее повествование усиливалось спокойствием рассказчицы и повторением слов: «Лучше умереть».

— А мальчик,— спросила Элен,— смог описать нападавших?

— Нет,— ответила Джози,— он слабоумный. Не может и двух слов связать.

— А кто-нибудь видел заходивших в уборную? Или выходивших оттуда?

— Люди все время шастали взад-вперед,— отозвалась Морин.

Она произнесла это, как исчерпывающее объяснение, но Элен на опыте видела другое: ни во дворе, ни в проходах никакой суеты отнюдь не наблюдалось. Вероятно, торговая улица оживленнее и под ее прикрытием можно совершить подобное преступление.

— Значит, преступника не нашли,— предположила она.

— Нет,— подтвердила Джози, и пыл ее угас. Преступление и его последствия были целью рассказа, а поимка преступника почти или вовсе не интересовала ее.

— Мы не чувствуем себя в безопасности даже в собственных постелях,— заявила Морин.— Спросите любого.

— Энн-Мари говорила то же самое,— ответила Элен.— Потому она и решила рассказать мне о смерти старика. Она говорила, что он убит прошлым летом здесь, в Раскин-корте.

* Удар милосердия — удар, которым добивают (фр.).

— Что-то и вправду припоминаю,— проговорила Джози.— Какие-то разговоры были, я слышала. Старик, его собака... Его забили до смерти, а собака dokonчила дело... Не знаю... Да, точно, это не здесь. В каком-то другом районе.

— Вы уверены?

Подобное недоверие обидело женщину.

— Ну, если б это случилось тут, мы бы знали, так ведь?

Элен поблагодарила за помощь и решила еще побродить по четырехугольному двору и посмотреть, сколько квартир пустует. Как и в Баттс-корте, занавески на многих окнах были задернуты, двери заперты. Но если на Спектор-стрит действительно орудовал маньяк, способный убить и изувечить, неудивительно, что обитатели улицы забрались в свои дома и тихо сидят там. Во дворе разглядывать было нечего. Все незаселенные здания недавно опечатали и заколотили, судя по гвоздям, которые муниципальные рабочие разбросали у порогов. Но одна вещь по-настоящему привлекла внимание Элен: накорябанная на булыжниках мостовой и почти стертая дождем и ногами прохожих та же самая фраза, что и в спальне квартиры номер 14: «Сладкое к сладкому». Слова были такими безобидными, почему же Элен слышала в них угрозу? Или дело в их избыточности, в чрезмерности сахара на сахаре, меда в меду?

Она продолжала идти, хотя дождь упорствовал, и путь постепенно уводил ее прочь от кварталов в бетонные безлюдные пространства, где она раньше не была. Здесь располагались — или когда-то были — места для отдыха и развлечения: железные ограды детских площадок перевернуты, песочницы загажены собаками, «лягушатник» опустел. И тут встречались магазины. Некоторые были заколочены, действующие — отталкивающе грязны, их окна забраны крепкой металлической сеткой.

Элен прошла вдоль ряда и свернула за угол, и перед ней оказалось приземистое кирпичное здание. Она

предположила, что это общественная уборная, хотя вывеска отсутствовала. Железные ворота были заперты на висячий замок. Элен стояла перед непривлекательным зданием, порывистый ветер вился у ее ног, а она не могла удержаться от мысли о том, что здесь произошло. О мужчине-ребенке, истекавшем кровью на полу, неспособном позвать на помощь. Даже мысль об этом вызывала тошноту. Элен задумалась о преступнике. Как же выглядит, размышляла она, столь порочный человек? Она пыталась представить его, но ни одна придуманная черта не имела достаточной силы. Монстры — это редкость, но однажды чудовище показалось при ясном дневном свете. Поскольку он был известен лишь своими деяниями, то обладал неимоверной властью над воображением. Однако Элен знала: действительность, окутанная ужасом, мучительно разочаровывает. Он не монстр — просто бледная апология человека, нуждающегося скорее в жалости, чем в благоговейном страхе.

Очередной порыв ветра принес более сильный дождь. На сегодня, решила она, хватит приключений. Повернувшись спиной к общественным уборным, она заспешила через дворы, чтобы укрыться в машине, а ледяной дождь хлестал по онемевшему лицу.

Гости, приглашенные на обед, выглядели приятно уstraшенными ее рассказом, а Тревор, судя по выражению лица, разъярился. Однако сделанного не воротишь. Элен не могла отрицать, что почувствовала удовлетворение, заставив смолкнуть болтовню на университетские темы. Бернадетт, ассистентка Тревора на историческом факультете, прервала мучительное молчание:

— Когда это случилось?

— Этим летом, — ответила Элен.

— Не помню, чтобы я читал об этом, — произнес Арчи самые лучшие слова, произнесенные им за два часа питания. Речь его, обычно неискренняя от самолюбования, смягчилась.

— Возможно, полиция замалчивает дело,— высказал мнение Дэниел.

— Тайный сговор? — спросил Тревор с неприкрытой издевкой.

— Такое происходит постоянно,— парировал Дэниел.

— Зачем им это замалчивать? — спросила Элен.— Какой смысл?

— С каких это пор в действиях полиции появился смысл? — отозвался Дэниел.

Бернадетт вмешалась до того, как Элен успела ответить.

— Мы даже не затрудняемся читать о таких вещах,— сказала она.

— Говори за себя,— возразил кто-то, но Бернадетт не обратила внимания.

— Мы ослеплены жестокостью,— продолжала она.— Мы ее больше не видим, даже когда она перед самым носом.

— Каждую ночь на экране,— ввернул Арчи.— Смерть и трагедии в полный рост.

— Тут нет ничего нового,— сказал Тревор.— В елизаветинскую эпоху люди видели смерть постоянно. Публичные казни были популярным развлечением.

Страсти разгорелись. После двух часов вежливых сплетен вечеринка внезапно оживилась. Прислушиваясь к яростному спору, Элен пожалела, что у нее не хватило времени проявить и напечатать фотографии: граффити подлили бы масла в огонь. Парселл под конец, как обычно, выдвинул свою точку зрения, и она, как обычно, была разрушительной.

— Конечно, Элен, дорогая,— начал он, и мягкость его голоса подчеркивала предчувствие возражений,— все твои свидетельницы могут лгать, не так ли?

Разговоры за столом стихли, лица повернулись к Парселлу. Он упрямо игнорировал всеобщее внимание и отвернулся, чтобы шепнуть что-то на ухо своему юному

спутнику — новой пассивности, которую через несколько недель сменит на другого хорошенького мальчика.

— Агут? — переспросила Элен. Она почувствовала гнев, а Парселл произнес только дюжину слов.

— Почему бы и нет? — ответил тот, поднося бокал вина к губам. — Возможно, они все плетут некую искусную фантазию. История о неожиданном нападении в общественном туалете. Убийство старика. Даже этот крюк. Все детали знакомы. Ты должна чувствовать нечто традиционное в этих зверских историях. Ими постоянно обмениваются, они будоражат людей. В поиске новых подробностей для расцвечивания коллективной фантазии есть элемент соревнования: каждый поворот делает рассказ чуть более устрашающим, и это исходит от тебя.

— Может быть, тебе виднее, — сказала Элен, обороняясь. Ее раздражала вечная невозмутимость Парселла. Даже если его рассуждения обоснованны, в чем Элен сомневалась, уступать она не собиралась. — Я прежде никогда не слышала подобных историй.

— Неужели? — произнес Парселл таким тоном, будто она призналась в собственном невежестве. — А про любовников и беглого сумасшедшего, слышала такую байку?

— Я слышал, что... — начал Дэниел.

— Женщине вспарывают живот — как правило, это делает человек с рукой-крюком — тело оставляют на крыше машины, а жених в это время прячется внутри. Фантазия, предостерегающая от порока необузданной гетеросексуальности. — Шутка вызвала взрыв смеха у всех, кроме Элен. — Подобные истории чрезвычайно распространены.

— Итак, ты утверждаешь, что они мне лгали, — запротестовала она.

— Это не совсем ложь...

— Ты сказал: «Они лгали».

— Я дразнил тебя,— ответил Парселл. Сейчас его умиротворяющий тон сердил Элен еще больше, чем обычно.— Не стану утверждать, что имела место осознанная злонамеренность. Но ты должна признать: до сих пор ты не встретила ни единого свидетеля. Все случилось в какое-то неопределенное время с неопределенными людьми. Сообщение проходит через несколько передаточных звеньев. В действии непосредственно участвуют в лучшем случае братья друзей дальних родственников. Пожалуйста, допусти возможность, что эти события могут быть не реальными фактами, а лишь забавой для скупающих домохозяек...

Элен не стала приводить очередных доводов, поскольку просто не нашла их. Замечание Парселла об отсутствии свидетелей было совершенно здравым, Элен сама удивлялась тому же. Странно и то, как быстро женщины из Раскин-корта переадресовали убийство старика, назвав другое место, будто зверства всегда происходили не на виду, а за следующим углом, дальше по переулку — но никогда *здесь*.

— Тогда зачем они? — спросила Бернадетт.

— Зачем — что? — заинтересовался Арчи.

— Выдумки. Зачем рассказывают жуткие истории, если это неправда?

— Да,— сказала Элен, начиная новый раунд спора.— Зачем?

Парселл сознавал, что его вступление в дискуссию все резко изменило, и гордился собой.

— Не знаю,— ответил он, удовлетворенный. Он хотел покончить с игрой теперь, когда показал, на что способен.— Ты действительно не должна воспринимать меня слишком всерьез, Элен. Я сам поступаю именно так.

Мальчик возле Парселла хихикнул.

— Может, это табуированная тема,— предположил Арчи.

— Замалчиваемая,— подсказал Дэниел.

— Это не то, что ты подразумеваешь,— парировал Арчи.— На политике свет клином не сошелся, Дэниел.

— Какая наивность.

— Что есть табу в сравнении со смертью? — сказал Тревор.— Бернадетт уже отмечала: смерть перед нами все время. Телевизор, газеты.

— Может, это недостаточно близко? — спросила Бернадетт.

— Никто не возражает, если я закурю? — вмешался Парселл.— Однако десерт, мне кажется, отложен на неопределенный срок...

Элен пропустила замечание мимо ушей и спросила Бернадетт, что значит «недостаточно близко».

Бернадетт пожала плечами.

— Точно не знаю,— откровенно сказала она.— Может, то, что смерть рядом. Мы должны знать, что она за соседним углом. Телевидение недостаточно близко.

Элен нахмурилась. Замечание имело для нее некоторый смысл, но в суете момента она не могла постигнуть его.

— Ты думаешь, там тоже выдумки? — спросила она.

— Эндрю обратил внимание на то...— начала Бернадетт.

— Милые мои,— перебил Парселл,— есть у кого-нибудь спичка? Мальчик заложил мою зажигалку.

— На то, что свидетели отсутствуют.

— Очевидно лишь одно: я не встретила никого, кто что-либо видел сам,— возразила Элен.— Но это не означает, что свидетелей не существует.

— Ладно,— сказал Парселл.— Найди хоть кого-то. Если сможешь мне доказать, что убийца на самом деле живет и дышит, я угощаю всех обедом в «Аполлинере». Ну как? Я слишком щедр или просто знаю, что не могу проиграть?

Он засмеялся и постучал костяшками пальцев от удовольствия.

— Звучит неплохо, — отозвался Тревор. — Что скажешь, Элен?

Она не возвращалась на Спектор-стрит до следующего понедельника, но мысленно все время была там: стояла перед заброшенными зданиями под ветром и дождем или ходила по комнате, где вырисовывался портрет. Все ее мысли сосредоточились на этом. Когда в субботу, ближе к вечеру, Тревор отыскал какой-то повод для дискуссии, она не отреагировала на его выпад и безучастно наблюдала, как он осуществляет знакомый ритуал самобичевания. Ее безразличие еще больше разъярило Тревора. Он бушевал, а потом отправился к одной из своих женщин. Элен было приятно видеть его подлинную сущность. Когда он не соизволил вернуться той ночью, Элен и не подумала огорчиться. Пустой и глупый человек. В его глазах никогда не отражалось ни тревоги, ни мучительного переживания, а что может быть хуже человека, которого ничто не волнует?

Он не вернулся и вечером в воскресенье. Когда Элен на следующее утро парковала машину в самом центре квартала, ей пришло в голову: она могла бы затеряться здесь на несколько дней, и никто бы об этом не узнал. Так же как о старике из рассказа Энн-Мари, лежавшем с выколотыми глазами в своем любимом кресле, пока пировали мухи, а на столе портилось масло.

Ночь костров приближалась, и к концу недели небольшая горка топлива значительно выросла. Она выглядела шаткой, что не мешало мальчишкам и подросткам постарше забираться на нее и внутрь конструкции. В основном туда свалили мебель — несомненно, вытасченную из заколоченных квартир. Элен сомневалась, будет ли это гореть; если и будет, наверняка удушливо. Четырежды на пути к дому Энн-Мари ее перехватывали дети, выпрашивая деньги на фейерверк.

— Дайте пенни для чучела! — клянчили они, хотя чучела ни у кого из них не было.

К тому времени, когда Элен дошла до входной двери, в ее карманах совсем не осталось мелочи.

Энн-Мари оказалась дома. Она не встретила гостью радушной улыбкой, а просто уставилась на Элен, словно загипнотизированная.

— Я надеюсь, вы не против того, что я зашла...

Энн-Мари не ответила.

— Я только хотела спросить...

— Я занята,— наконец отозвалась женщина. Элен не пригласили войти, не предложили чаю.

— О... это займет лишь минуту.

Задняя дверь распахнулась, и сквозняк прошелся по дому. Обрывки бумаги летали в заднем дворе. Элен видела, как они взлетают, словно громадная белая моль.

— Что вам надо? — спросила Энн-Мари.

— Я хочу только спросить о старике.

Женщина нахмурилась. Она кажется больной, подумала Элен: лицо Энн-Мари по цвету и виду напоминало перестоявшее тесто, волосы сальные.

— Что еще за старик?

— В прошлый раз вы рассказывали мне об убитом старике, помните?

— Нет.

— Вы сказали, что он жил в соседнем дворе.

— Не помню,— ответила Энн-Мари.

— Но вы точно рассказывали мне...

В кухне что-то упало на пол и разбилось. Энн-Мари вздрогнула, но не двинулась с места. Она стояла на пороге и загораживала дорогу в дом. В прихожей были разбросаны детские игрушки, облезлые и поломанные.

— С вами все в порядке?

Энн-Мари кивнула.

— У меня дела,— сказала она.

— Вы не помните, как говорили мне о старике?

— Должно быть, вы неправильно поняли,— произнесла Энн-Мари, затем понизила голос: — Вы не должны приходить. Все знают.

— Что знают?

Женщина задрожала.

— Неужели вы не поняли? Думаете, люди не замечают?

— О чем вы? Я только спросила...

— Я ничего не знаю,— повторила Энн-Мари.— Что бы я ни говорила тогда, это неправда.

— Ну, в таком случае благодарю вас,— сказала Элен, сбитая с толку глухими намеками Энн-Мари. Почти в тот же миг, когда она повернулась спиной к двери, раздался щелчок замка.

Разговор стал не единственным разочарованием в то утро. Элен вернулась на торговую улицу и посетила супермаркет, о котором рассказывала Джози. Там она спросила об уборных и о недавней истории. Супермаркет месяц назад перешел в другие руки, и новый хозяин, неразговорчивый пакистанец, утверждал, будто не знает ничего о том, когда и почему были закрыты уборные. Задавая вопросы, Элен осознала, что посетители магазина внимательно ее рассматривают. Она ощущала себя отверженной. Это чувство усилилось, когда она покинула супермаркет и увидела Джози, выходящую из прачечной самообслуживания: Элен окликнула ее, но женщина прибавила шагу и нырнула в лабиринт проходов. Элен двинулась за ней, однако быстро потеряла из виду.

Почти до слез расстроенная, она стояла среди растерзанных мусорных мешков и чувствовала, как на нее накатывает волна презрения к собственной глупости. Она чужая здесь, ведь так? Сколько раз она критиковала других за самонадеянность: они утверждали, что понимают людей, которых разглядывали издали. И теперь она совершила тот же самый промах — пришла

сюда со своим фотоаппаратом и своими вопросами, используя жизнь и смерть здешних жителей как тему для разговора на вечеринке. Она не винила Энн-Мари за то, что женщина отвернулась от нее. Заслуживала ли она лучшего отношения?

Усталая и продрогшая, она приготовилась признать правоту Парселла. Все, что ей рассказали, — выдумка. Ее разыграли, чувствуя, что она не прочь услышать о каких-нибудь ужасах. И она, как круглая дура, поверила этим нелепостям. Пора заканчивать со своей доверчивостью и отправляться домой.

Однако одну вещь необходимо сделать до того, как она вернется к машине: в последний раз взглянуть на изображение головы. Посмотреть на нее не как ученый на объект исследования, а как обычный человек, чтобы почувствовать прилив нервного возбуждения. Однако, добравшись до номера 14, она испытала окончательное, самое сокрушительное разочарование. Квартира была заколочена добросовестными рабочими городского совета. Дверь закрыта, фасадное окно тоже забито.

Но Элен решила, что так легко не сдастся. Она обошла задворки Баттс-корта и путем несложных арифметических вычислений определила, где находится задний двор, относящийся к номеру 14. Ворота были заклинены изнутри; Элен приложила силу, и створки распахнулись. Груда мусора — сгнившие ковры, ящик с журналами, мокрыми от дождя, осыпавшаяся рождественская елка — это и мешало воротам открываться.

Она пересекла двор, подошла к заколоченному окну и заглянула в щель между досок. Внутри было еще темнее, чем снаружи, и картину, нарисованную на стене спальни, не удавалось разглядеть. Элен прижалась лицом к доскам, страстно желая еще раз взглянуть на изображение.

Тень двинулась через комнату, мгновенно перекрыв ей обзор. Элен отшатнулась от окна в испуге, не уверенная, на самом ли деле она что-то видела. Может, ее соб-

ственная тень упала на окно? Но она не двигалась, а внутри было движение.

Она снова, уже более осторожно, подошла к окну. Воздух дрожал, и она слышала тихое повизгивание, неясно откуда доносившееся, изнутри или снаружи. Она опять приблизила лицо к необструтанным доскам, и внезапно что-то прыгнуло на окно. Теперь она вскрикнула. Изнутри раздавался царапающий звук, словно скребли ногтями по дереву.

Собака! И большая, если прыгает так высоко.

— Дура,— произнесла Элен, обращаясь к себе самой. Неожиданно ее бросило в пот.

Царапанье прекратилось так же внезапно, как и началось, но Элен не могла заставить себя вернуться к окну. Очевидно, рабочие, заколачивавшие дом, не потрудились осмотреть его и случайно заперли там животное. Оно голодное — Элен слышала, как зверь пускает слюну, и радовалась, что не попыталась войти. Собака голодная, возможно, даже взбесившаяся, и в зловонной темноте она могла вцепиться в горло гостя.

Элен посмотрела на заколоченное окно. Щели между досками были едва ли в полдюйма шириной, но она чувствовала, что животное встало на задние лапы с другой стороны, следя за нею сквозь щель. Теперь, когда Элен немного успокоилась, она слышала чужое разгоряченное дыхание; она слышала, как когти скребут подоконник.

— Проклятая тварь,— сказала она.— Черт с тобой, оставайся там.

Она попятилась к воротам. Мириады мокриц и пауков, потревоженные после перемещения груды ковров у ворот, суетились под ногами и отыскивали местечко потемнее для своего нового приюта.

Элен затворила за собой ворота. Проходя вдоль фасадов квартала, она услышала рев сирен; отвратительный, двойной, то возвышающийся, то опадающий звук, от которого шевелились волосы на затылке. Сирены при-

ближались. Она прибавила ходу и попала в Баттс-корт как раз в тот момент, когда несколько полисменов шагали по траве, обогнув костер, а скорая помощь въехала на тротуар и покатила в конец двора.

Жители дома появлялись из дверей и стояли на балконах, глядя вниз. Другие люди, не скрывая любопытства, спешили присоединиться к столпившимся во дворе. Элен показалось, что сердце у нее оборвалось, когда она поняла, где находится центр всеобщего внимания: у порога дома Энн-Мари. Полиция расчищала путь сквозь толпу для врачей скорой помощи. Вторая полицейская машина последовала по тротуару в том же направлении, что и скорая помощь. Из машины вылезли два полицейских в гражданской одежде.

Элен подошла к столпившимся зевакам. Зрители обменивались короткими репликами, они говорили тихими голосами; несколько женщин постарше плакали. Она попыталась взглянуть поверх голов, но ничего не увидела. Повернувшись к бородатому мужчине, на плечах у которого сидел ребенок, она спросила, что происходит. Тот не знал. Говорят, кто-то умер, но он не уверен.

— Энн-Мари? — спросила Элен.

Женщина впереди нее обернулась и спросила:

— Вы ее знаете? — В голосе слышалось почти благоговение.

— Немного,— нерешительно ответила Элен.— Вы не скажете, что случилось?

Женщина инстинктивно прикрыла рот рукой, словно пыталась не дать вырваться словам. Это не помогло.

— Ребенок,— ответила она.

— Керри?

— Кто-то забрался в дом с черного хода и перерезал ему горло.

Элен почувствовала, что снова покрылась потом. Перед ее внутренним взором возникла картинка: газета во дворе Энн-Мари взмывает и падает вниз.

— Нет,— прошептала она.

— Точно.

Она смотрела на стоящую перед ней вестницу судьбы, а губы сами говорили:

— Нет.

В такое невозможно поверить, и все-таки никакие уговоры не спасали от крепнущего осознания ужаса.

Она повернулась к женщине спиной и побрела прочь. Она знала: тут не на что смотреть, да если бы и было, она не желала ничего видеть. Люди, выходявшие из домов по мере того, как распространялись слухи, проявляли любопытство, вызывавшее у Элен отвращение. Она не из таких и никогда не станет такой. Ей хотелось ударить по их возбужденным лицам, чтобы привести людей в чувство; ей хотелось крикнуть: «Вы собрались поглазеть на боль и горе. Зачем? Почему?» Но у нее не осталось мужества. Отвращение лишило ее сил, и она смогла лишь уйти прочь, оставив позади развлекающую толпу.

Тревор вернулся домой. Он не пытался объяснить свое отсутствие и ждал, пока Элен сама начнет его допрашивать. Увидев, что она не собирается этого делать, он проникся мягким добродушием, что было еще хуже выжидающего молчания. Элен чувствовала, что отсутствие интереса с ее стороны обескуражило его больше, чем ожидаемый скандал. Но ее это не волновало.

Она настроила радиоприемник на местное вещание, где передавали новости. Слова женщины из толпы подтвердились: Керри Латимер был мертв. Неизвестный или неизвестные проникли в дом через заднюю дверь и убили ребенка, который играл в кухне на полу. Полицейский чин, ведающий связями с общественностью, нес обычные пошлости, называя смерть Керри «неописуемым преступлением», а злодея — «опасной и глубоко ненормальной личностью». Один раз эта риторика

показалась уместной, и голос мужчины дрогнул, когда он заговорил о сцене, представшей глазам полицейских в кухне Энн-Мари.

— Радио? Зачем? — внезапно спросил Тревор, когда Элен трижды прослушала сводку новостей от начала до конца.

Она не видела причин скрывать от него то, что пережила на Спектор-стрит. Рано или поздно он все равно бы узнал. Бесцветным голосом она кратко обрисовала случившееся в Баттс-корте.

— Энн-Мари — это женщина, которую ты встретила, когда ездила туда в первый раз, верно?

Она кивнула, надеясь, что он больше не станет задавать вопросов. Она была готова разрыдаться и не хотела, чтобы он видел ее слезы.

— Значит, ты права, — сказал он.

— Права?

— Насчет местного маньяка.

— Нет, — сказала она. — Нет.

— Но ребенок...

Она встала и подошла к окну. С высоты двух этажей она глядела на темнеющую внизу улицу. Почему она ощущала необходимость настойчиво отрицать версию о тайном сговоре? Почему теперь она молила, чтобы Парселл оказался прав, а все рассказанное ей обернулось ложью? Элен опять и опять вспоминала, как выглядела Энн-Мари во время последней встречи: бледная, нервная, *ожидаящая*. Будто ждала чего-то. Она отчаянно старалась отпугнуть непрошеную гостью, чтобы вернуться к своему ожиданию. Но ожиданию чего, *кого*? Может ли быть, что Энн-Мари знала убийцу? Возможно, сама пригласила его в дом?

— Надеюсь, они отыщут ублюдка, — сказала Элен, по-прежнему глядя на улицу.

— Отыщут, — ответил Тревор. — Детоубийца, боже... Такими делами занимаются в первую очередь.

На углу улицы появился человек, он повернулся и свистнул. Большая восточноевропейская овчарка возникла у его ног, и оба они отправились дальше, к собору.

— Собака,— пробормотала Элен.

— Что?

Из-за всего случившегося она забыла об этом, а теперь вспомнила свое потрясение, когда собака прыгнула на окно.

— Какая собака? — настаивал Тревор.

— Сегодня я вернулась в квартиру, где снимала граффити. Там была собака. Запертая внутри.

— Ну и что?

— Она умрет с голоду. Никто не знает, что она там.

— Но, может быть, ее специально заперли там, как в конуре?

— Она так шумела,— возразила Элен.

— Собаки лают,— ответил Тревор.— Вот и все, на что они годятся.

— Нет...— сказала Элен очень спокойно, вспоминая звуки внутри заколоченного дома.— Она не лаяла.

— Забудь о собаке,— предложил Тревор.— И о ребенке. Тут ничего не поделаешь. Ты просто прошла через это, получила опыт.

Элен подумала о том же самом чуть раньше, но не могла подобрать слов, чтобы сформулировать свои мысли — ее уверенность рухнула за несколько последних часов. Никто никогда не приобретает опыт *просто так*, опыт всегда накладывает на человека свою метку. Иногда это лишь царапина, а порой тебе отрывает руки и ноги. Она не знала, насколько серьезно теперешнее ранение, но чувствовала: оно намного глубже, чем можно представить. Это ее пугало.

— Выпивки больше нет,— сказала она, выливая последнюю каплю виски в свой стакан.

Тревор как будто получал удовольствие от собственной предупредительности.

— Я сбегая, да? — спросил он. — Одну или две бутылки?

— Давай, — ответила она. — Если не трудно.

Он отсутствовал всего полчаса, а Элен предпочла бы, чтоб его не было подольше. Она не желала разговаривать, ей хотелось посидеть и подумать, несмотря на неприятное ощущение в животе. Хотя Тревор считал ее беспокойство о собаке ерундой — возможно, справедливо, — она не смогла удержаться и мысленно вернулась к закрытому дому, представила озлобленное лицо на стене спальни и услышала приглушенный рык животного, скребущего лапами заколоченное окно. Что бы ни говорил Тревор, она не верила, что это место используется в качестве временной собачьей конуры. Без сомнения, пес там *заточен*: он бегаёт кругами, вынужденный в отчаянии есть собственные фекалии, и с каждым часом его безумие усиливается. Она боялась, что кто-то ворвется туда, не зная, что ждет внутри. Например, дети в поисках дров для костра. Не то что бы она беспокоилась об их безопасности... Но собака, как только вырвется на свободу, придет за ней. Узнает, где она (так воображала опьяневшая Элен), и найдет по запаху.

Тревор вернулся с бутылкой виски, и они пили вместе, пока, далеко за полночь, ее желудок не взбунтовался. Элен заперлась в туалете. Тревор снаружи спросил, не надо ли чего, и она слабым голосом отослала его прочь. Когда она появилась часом позже, Тревор был уже в постели. Она не присоединилась к нему, а легла на софу и продремала до рассвета.

Убийство стало горячей новостью. На следующее утро оно заняло первые полосы всех бульварных изданий; заметки о нем стояли на видных местах и в серьезных газетах. Были фотографии потрясенной матери, которую выводят из дома, и другие — не особенно четкие, но впечатляющие, снятые поверх ограды заднего двора

и через открытую дверь кухни. Что там, кровь на полу или тень?

Элен не утруждала себя чтением статей, ее головная боль усиливалась при одной мысли об этом. Однако Тревор, который принес газеты, страстно желал обсудить новости. Элен не разобрала, было ли то продолжение его миротворческой миссии либо неподдельный интерес к делу.

— Женщина арестована! — воскликнул он, погружившись в «Дейли телеграф». С этой газетой он имел политические разногласия, но насильственные преступления в ней освещались подробно.

Реплика привлекла внимание Элен независимо от ее желания.

— Арестована? — спросила она. — Энн-Мари?

— Да.

— Дай посмотреть.

Он передал газету, и Элен стала искать глазами заметку.

— Третья колонка, — подсказал Тревор.

Там было напечатано, что Энн-Мари взята под стражу для допроса. Следовало уточнить, сколько времени прошло от предположительного времени смерти ребенка до момента, когда о ней объявили. Элен перечитывала эти строки снова и снова, чтобы убедиться, что поняла правильно. Да, верно: полицейский патологоанатом установил, что смерть Керри наступила между шестью и шестью тридцатью утра, а об убийстве не сообщали до двенадцати.

Она перечитала заметку в третий или в четвертый раз, но повторение не отменило ужасающих фактов. Ребенка убили до рассвета. Когда она приходила утром, Кэрри был мертв уже четыре часа. Тело находилось в кухне, в нескольких ярдах по коридору от того места, где стояла Элен, и Энн-Мари ничего не сказала ей. Та

атмосфера ожидания — что она означала? Энн-Мари ждала какого-то знака, чтобы поднять трубку и вызвать полицию?

— Боже мой... — произнесла Элен, роняя газету.

— Что?

— Я должна пойти в полицию.

— Зачем?

— Надо сообщить им, что я заходила в дом, — ответила она. Тревор выглядел озадаченным. — Ребенок был уже мертв, Тревор. Когда я видела Энн-Мари вчера утром, Керри был уже мертв.

Она позвонила по телефону, указанному в газете для тех, кто располагает какой-либо информацией, и через полчаса за ней приехала полицейская машина. Во время двухчасового допроса Элен многое поразило; особенно то, что никто не сообщил о ней полиции, хотя люди несомненно видели ее возле места происшествия.

— Они не желают ничего знать, — сказал детектив. — Вы думаете, в подобных местах полно свидетелей? Если и так, они стараются не вылезать вперед. Преступление вроде этого...

— Оно единственное? — спросила Элен.

Детектив взглянул на нее поверх стола с царившим там беспорядком.

— Единственное?

— Мне рассказывали о некоторых случаях. Убийства. Этим летом.

Детектив покачал головой.

— Я не слышал. Была вспышка хулиганства, одна женщина попала в больницу на неделю или около того. Но никаких убийств.

Детектив ей понравился. Открытое лицо, в глазах приятная мягкость. Не боясь, что ее слова прозвучат глупо, Элен воскликнула:

— Зачем выдумывают подобную ложь? Про людей с выколотыми глазами. Ужасно.

Следователь почесал длинный нос.

— Мы тоже слышали,— подтвердил он.— Люди приходят и признаются в любой чепухе. Говорят ночь напролет о том, что они сделали. Или им *кажется*, будто сделали. Излагают мельчайшие подробности. Но стоит проверить, и все оказывается выдумкой. Фантазией.

— Может быть, они не придумали... а действительно совершали это.

Следователь кивнул.

— Да, боже милостивый. Возможно, вы правы.

А рассказанное ей — было ли это признание в несовершенных преступлениях? Фантазии помогают воздержаться от воплощения их в действительность. Мысли, спасающиеся от самих себя, ужасные выдумки нуждались в первопричине, исходной точке. Элен шла домой по оживленным улицам и размышляла, насколько распространены подобные истории. Прав ли Парселл, который говорит, что это общеизвестные вещи? Неужели в каждом сердце есть уголок для чудовищ?

— Парселл звонил,— объявил Тревор, когда она вернулась домой.— Приглашал нас на обед.

Она состроила недовольную гримасу.

— «Аполлинер», помнишь? — подсказал Тревор.— Парселл обещал угостить всех ужином, если ты докажешь, что он не прав.

Отмечать за ужином смерть сына Энн-Мари было абсурдом, и Элен сказала об этом.

— Он обидится на твой отказ.

— А мне наплевать. Я не хочу обедать с Парселлом.

— Пожалуйста,— мягко попросил Тревор.— Он может затаить обиду, а я хочу, чтобы именно сейчас он продолжал улыбаться.

Элен бросила на него быстрый взгляд. Такое выражение лица делало его похожим на промокшего спани-

еля. Ублюдок, любящий манипулировать людьми, подумала она, но ответила:

— Ладно. Я пойду. Только не жди танцев на столах.

— Предоставим это Арчи,— согласился он.— Я сказал Парселлу, что сегодня вечером мы свободны. Хорошо?

— Когда?

— Стол заказан на восемь часов.

Вечерние газеты свели трагедию малыша Керри к небольшой колонке на внутренних полосах. Вместо свежих новостей они ограничились описанием расследования, что велось сейчас на Спектор-стрит. Кое-где было напечатано, что Энн-Мари после продолжительного допроса освобождена из-под стражи и теперь находится в кругу друзей. Также между делом упоминалось, что похороны состоятся на следующий день.

Укладываясь вечером спать, Элен и не думала о том, чтобы пойти на похороны, но сон как будто что-то изменил. Проснувшись она с готовым решением.

Смерть пробудила жизнь квартала. Элен ни разу не видела здесь так много людей, как сейчас, войдя с улицы в Раскин-корт. Многие уже выстроились на обочине, чтобы наблюдать за похоронным кортежем. Похоже, они заняли места пораньше, несмотря на угрозу дождя. Некоторые надели что-то черное — пальто, шарф,— но над всем витала праздничная атмосфера, чему не мешали приглушенные голоса и деланно хмурые лица. Бежали дети, взрослые сплетничали, у них вырывались случайные смешки. Элен прониклась общим ожиданием, и настроение ее, как ни странно, стало почти радостным.

Но не присутствие толпы людей успокоило ее. Нет, призналась она сама себе: она счастлива вернуться на Спектор-стрит. Четырехугольные дворы с малорослыми деревцами и серая трава были для нее более подлинными, чем застеленные коврами коридоры, по которым она привыкла ходить; неизвестные люди на балконах и

на улицах значили больше, чем коллеги по университету. Одним словом, здесь она чувствовала себя дома.

Наконец появились машины, продвигавшиеся по узким улицам со скоростью улиток. Когда показался катафалк — маленький белый гробик был украшен цветами, — несколько женщин в толпе тихо заплакали. Одна зрительница упала в обморок, вокруг нее собралась кучка взволнованных людей. Даже дети примолкли.

Глаза Элен оставались сухими. Слезы приходили к ней не слишком легко, особенно на людях. Когда машина, где сидели Энн-Мари и еще две женщины, поравнялась с ней, Элен увидела, что осиротевшая мать тоже не желает демонстрировать свое горе публике. Происходящее как-то облагородило ее, и хотя лицо женщины было мертвенно-бледным, держалась она очень прямо, застыв на заднем сиденье. Элен подумала — и это была зловещая догадка, — что видит звездный час Энн-Мари: единственный день в череде бесцветных будней, когда та попала в центр внимания. Кортёж медленно проследовал и пропал из виду.

Толпа расходилась, лишь несколько скорбящих все еще стояли на обочине дороги. Элен пошла в Баттс-корт. Она намеревалась вернуться к заколоченному дому и посмотреть, там ли собака. Если там, Элен разыщет кого-нибудь из муниципальных работников и сообщит об этом.

В отличие от остальных дворов здесь было пусто. Возможно, соседи Энн-Мари отправились в крематорий, дабы присутствовать на службе. Так или иначе, во дворе было необыкновенно пусто. Остались только дети — они играли возле пирамиды костра, и их голоса эхом перекатывались в пустом пространстве между стен домов.

Элен подошла к дверям квартиры и с удивлением обнаружила, что они открыты, как и в тот раз, когда она впервые появилась здесь. При одном взгляде на двери Элен почувствовала головокружение — так часто в последние дни она воображала, что стоит тут, вглядыва-

ясь в темноту. Из дома не доносилось никаких звуков. Собака или убежала, или умерла. Ничего опасного, не так ли? В последний раз она перешагнет порог, чтобы увидеть лицо на стене и сопроводительную надпись.

«Сладкое к сладкому». Она не искала первоисточник фразы. Не важно, думала она. Что бы это ни было изначально, здесь оно трансформировалось, как изменяется все, включая и саму Элен. На несколько мгновений она застыла в прихожей, чтобы подготовиться к грядущей очной ставке. Далеко за спиной дети вскрикивали, как сумасшедшие птицы.

Перешагивая через мебельный хлам, она направилась к короткому коридору, что соединял гостиную со спальней. Она медлила, сердце ее колотилось, улыбка играла на губах.

Вот, наконец! По-прежнему неотразимый, портрет неясно вырисовывался на стене. Она отступила в мрачную комнату, чтобы увидеть полную картину, и каблук ее зацепился за матрас, лежавший в углу. Она глянула вниз. Грязная постель была перевернута — вверх той стороной, где меньше дыр, — сверху брошено несколько одеял и завернутая в лохмотья подушка. Что-то блестело между складок верхнего одеяла. Она наклонилась, чтобы рассмотреть получше, и обнаружила горсть шоколадок и карамелек в ярких обертках. А среди них — дюжину бритвенных лезвий, не столь привлекательных и сладких. На некоторых запеклась кровь. Элен выпрямилась и попятилась, и тут ее ушей достиг жужжащий звук из соседней комнаты. Она повернулась, и в спальне стало темнее: фигура встала между ней и внешним миром. Элен видела только вырисовывающийся против света силуэт человека, но она чувствовала его запах. Пахло сахарной ватой; жужжание было с ним или в нем.

— Я хотела только взглянуть, — произнесла Элен, — на картину!

Жужжание продолжалось: звук сонного полдня далеко отсюда. Человек в дверях не двигался.

— Ну... я увидела все, что хотела.

Она надеялась, что произойдет чудо и эти слова заставят человека посторониться и пропустить ее. Но он не двигался, а у Элен не хватало смелости бросить вызов и шагнуть к двери.

— Я должна идти,— сказала она. Несмотря на ее усилия, страх отдавался в каждом звуке.— Меня ждут.

Она не гнала. Сегодня все приглашены обедать в «Аполлинер». Но до этого еще четыре часа. Ее не хватит долго.

— Если вы позволите!..

Жужжание на какой-то момент затихло, и в тишине человек в дверях заговорил. Его ровная речь была почти так же сладка, как его запах.

— Пока нет нужды уходить! — выдохнул он.

— Меня ждут... ждут...

Она не могла видеть его глаз, но ощущала на себе его взгляд, и этот взгляд наводил дремоту, подобно песне лета в ее голове.

— Я пришел за тобой,— сказал он.

Она повторила про себя эти четыре слова: «Я пришел за тобой». Даже если они означали угрозу, они не звучали как угроза.

— Я не... знаю тебя,— ответила она.

— Не знаешь,— прошептал человек.— Но ты усомнилась во мне!

— Усомнилась?

— Тебя не удовлетворило то, что пишут на стенах. Поэтому мне пришлось прийти за тобой.

Сонливость обволакивала ее разум, но она осознала суть сказанного человеком. Он был легендой, а Элен своим неверием обязала его показаться и продемонстрировать руку. Элен тут же взглянула и увидела: да, одна рука отсутствовала. Вместо нее был крюк.

— За это следует наказать,— объявил он.— Они говорят, что твои сомнения проливают невинную кровь. Но я отвечаю: для чего кровь, если не проливать ее? А теща-

тельное расследование со временем закончится. Полиция уберется, камеры найдут для съемки какой-нибудь новый ужас, и снова можно будет спокойно рассказывать истории о Кэндимене*.

— Кэндимен? — переспросила она. Язык едва выговорил это невинное слово.

— Я пришел за тобой, — прошептал он так ласково, что в воздухе сгустился соблазн. Потом он двинулся через проход на свет.

Она знала его. Нет сомнения, она всегда знала его тем участком души, где таится страх. Это был тот, кто изображен на портрете. Художник не фантазировал: картина, кричавшая со стены, в каждой детали повторяла черты человека, на которого сейчас уставилась Элен. Он был ярким до пошлости: плоть восковой желтизны, бледно-голубые тонкие губы, безумные сверкающие глаза — зрачки словно усыпаны рубинами. Его куртка была сшита из лоскутьев, штаны тоже. Элен подумала, что он выглядит почти комично в своем измазанном кровью шутовском наряде, со слоем румян на желтушных щеках. Но люди нуждались в таких зрелищах и подделках. Чтобы поддерживать их интерес, нужны чудеса, убийства, демоны, вызванные из тьмы, разверзшиеся могильные камни. Дешевая мишура таит глубокий смысл. Яркое оперенье не только скрывает — оно привлекает.

И Элен была почти околдована его голосом, яркими красками, жужжанием, доносившимся из его тела. Но она сопротивлялась восхищению. Под этой оболочкой таилось чудовище. Набор его лезвий лежал рядом, еще мокрый от крови. Станет ли оно колебаться перед тем, как перерезать горло Элен?

Когда Кэндимен приблизился, Элен резко нагнулась и, сорвав с постели одеяло, бросила в него. Плечи его осыпал дождь лезвий и сладостей. Одеяло его ослепило. Но

* Кэндимен — сладстена, конфетник (англ.).

в тот момент, когда Элен хотела выскользнуть, подушка, лежавшая на постели, скатилась.

Это оказалась вовсе не подушка. Что бы ни вместили в себя злосчастный белый гроб, покоившийся на катафалке, там не было тела малыша Керри. Тело находилось *здесь*, у ее ног, повернутое к ней бескровным лицом. Голый труп покрывали страшные отметины.

Элен ощутила этот ужас за один короткий миг между ударами сердца, а Кэндимен уже сбросил одеяло. Куртка его случайно расстегнулась, и Элен увидела — ее чувства протестовали против такого зрелища, — что туловище его стнило, и в пустых дырах поселились пчелы. Они кишели в грудной клетке, покрывали шевелящейся массой остатки плоти. Заметив отвращение, Кэндимен улыбнулся.

— Сладкое к сладкому, — прошептал он и потянулся крючком к ее лицу.

Она больше не могла ни видеть свет из внешнего мира, ни слышать детей, играющих во дворе. Пути назад из этого безумия не существовало. Все заслонил Кэндимен. Элен не могла сопротивляться, силы покинули ее.

— Не убивай, — выдохнула она.

— Ты веришь в меня? — спросил он.

Она с готовностью кивнула.

— Как я могу не верить?

— Тогда почему ты хочешь жить?

Она не поняла, но побоялась, что ее непонимание окажется роковым, и ничего не ответила.

— Если бы ты научилась у меня хоть чему-то, — сказал монстр, — ты бы не умоляла о жизни.

Голос его понизился до шепота.

— Я — лишь слух, — пел он ей на ухо. — Это благословенное состояние, поверь. О тебе шепчутся на всех углах, ты живешь в снах людей, но ты не обязан *быть*. Понимаешь?

Ее утомленное тело понимало. Ее нервы, уставшие от непрерывного гула, понимали. Сладость, которую он

предлагал, была жизнью без жизни: стать мертвой, которую повсюду поминают, получить бессмертие в сплетнях и граффити.

— Стань моей жертвой,— сказал он.

— Нет...— пробормотала она.

— Я не принуждаю тебя,— ответил он, как истинный джентльмен.— Я не обязываю тебя умереть. Но подумай, *подумай*. Если я убью тебя здесь... если я распотрошу тебя...— Он провел крюком вдоль будущей раны. Линия шла от паха до горла.— Представь, как люди прославили бы это место в пересудах. Они указывали бы пальцем, проходя мимо, и говорили: «Она умерла здесь, женщина с зелеными глазами». Твоя смерть превратилась бы в сказку, ею бы пугали детей. Любовники вспоминали бы о ней, чтобы крепче прильнуть друг к другу.

Элен не ошиблась: он *соблазнял* ее.

— Есть ли более легкая слава? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я бы предпочла, чтобы меня забыли,— ответила она,— чем так вспоминали.

Он пожал плечами.

— Что знает добро? — спросил он.— Пока его всему не научит зло.— Он поднял руку, увенчанную крюком.— Я сказал, что не принуждаю тебя умереть, и я верен своему слову. Но позволь хотя бы поцеловать тебя.

Он двинулся к ней. Элен пробормотала какую-то бессмысленную угрозу, на которую он не обратил внимания. Жужжание усилилось. Мысль о прикосновении его тела, о близости насекомых была отвратительной. Элен подняла тяжелые как свинец руки, чтобы защититься.

Его мертвенно-бледное лицо заслонило портрет на стене. Она не могла заставить себя дотронуться до него и отступила. Пчелиное жужжание росло, пчелы в возбуждении выползли через горло и вылетали изо рта. Они копошились возле его губ, в волосах.

Элен снова и снова умоляла оставить ее, но он не обращал внимания. Отступать дальше она не могла, за спиной возвышалась стена. Набравшись мужества и не думая о пчелах, Элен положила ладони на его шевелящуюся грудь и толкнула. В ответ он вытянул руку, обхватив затылок Элен, и крюк взрезал кожу на ее шее.

Элен почувствовала, как выступила кровь. Она была уверена, что одним ужасным ударом он вскрыет ей яремную вену, но он дал слово и держал его.

Потрявоженные пчелы гудели повсюду. Элен чувствовала, как они ползают по ней, разыскивают в ушах кусочки воска, а на губах — крошки сахара. Она не пыталась отогнать их. Крюк по-прежнему находился у горла и поранил бы ее при малейшем движении. Элен оказалась в ловушке, как в детских кошмарах: все пути к спасению отрезаны. Когда во сне она попадала в такое безнадёжное положение — со всех сторон демоны, готовые разорвать на куски, — у нее оставалась единственная уловка: отказаться от всякого стремления к жизни, отдать свое тело темноте. Теперь лицо Кэндимена прижалось к ее лицу, пчелиный гул заглушил ее дыхание, и она поступила так же. И так же, как во сне, комната и злодей расплылись и исчезли.

Элен очнулась от яркой вспышки во тьме. В течение нескольких пугающих секунд она не могла понять, где находится, затем еще несколько мгновений вспоминала все. Тело не чувствовало боли. Она потрогала шею — за исключением пореза от крюка, никаких повреждений. Элен поняла, что лежит на матрасе. Не пытались ли ее изнасиловать, пока она была без сознания? Элен осторожно трогала свое тело. Крови нет, одежда не порвана. Кэндимен, кажется, ограничился поцелуем.

Она села. Сквозь заколоченное окно проникал слабый свет, а со стороны входной двери его не было. Возможно, дверь закрыта, рассудила Элен. Однако нет —

слышалось, как кто-то шепчется у порога. Женский голос.

Элен не двигалась. Они сумасшедшие, эти люди. Ведь все это время они знали, чем вызвано ее появление в Баттс-корте, и они *оберегали* его — сочащегося медом монстра. Предоставляли ему постель и снабжали конфетками, прятали от любопытных глаз и хранили молчание, когда он проливал кровь у их порогов. Даже Энн-Мари, когда ее ребенок лежал мертвый в нескольких ярдах от Элен, стояла в прихожей своей квартиры с сухими глазами.

Ребенок! Вот необходимое доказательство. Они исхитрились забрать тело из гроба (чем его заменили — мертвым псом?) и принесли сюда, в капище Кэндимена как игрушку. Она возьмет малыша Керри с собой, пойдет в полицию и обо всем расскажет. Даже если ей не поверят полностью, труп ребенка — неопровержимый факт. И некоторые из местных психов поплатятся за свою скрытность. Пострадают за *ее* страдания.

Шепот у двери прекратился. Теперь кто-то двигался в сторону спальни. Огня они не захватили. Элен сжалась, надеясь, что ее не обнаружат.

Кто-то возник на пороге. Хрупкая фигура наклонилась в темноте и подняла с пола сверток. По белокурым волосам можно было узнать Энн-Мари, а сверток, несомненно, был трупом Керри. Не глядя в сторону Элен, мать повернулась и вышла из спальни.

Элен услышала, как шаги удаляются через гостиную. Она поспешно вскочила на ноги и пересекла проход между комнатами. Отсюда она могла видеть смутные очертания Энн-Мари на пороге. Во дворе не было никакого света. Женщина исчезала, и Элен последовала за ней так быстро, как только могла. Устремив глаза на дверь, она несколько раз споткнулась, но успела вовремя и увидела сквозь ночь впереди неясную фигуру Энн-Мари.

Элен шагнула на свежий воздух. Было холодно, на небе ни одной звезды. Свет не горел ни в проходах между

домами, ни на балконах, ни в квартирах, даже телевизоры не мерцали. Баттс-корт опустел.

Элен колебалась, стоит ли преследовать женщину.

«Почему бы не сбежать? — уговаривала ее трусость. — Не отыскать дорогу к машине?»

Но если она сделает так, заговорщики успеют спрятать тело ребенка. Когда она вернется сюда с полицией, их встретят молча, пожимая плечами, и скажут, что Элен выдумала и труп, и Кэндимена. Пережитый ею ужас снова станет достоянием молвы. Надписями на стенах. И каждый день оставшейся жизни она будет проклинать себя за то, что не отправилась в погоню за здравым смыслом.

И она отправилась за ним. Энн-Мари не пошла по краю двора, а двинулась в самый центр. К костру! Да, к костру! Он неясно вырисовывался перед Элен, чуть чернее ночного неба. Она едва могла различить фигуру Энн-Мари, которая приблизилась к груде дров и мебели и нагнулась, чтобы забраться в середину. *Вот* как они собирались избавиться от улики. Похоронить ребенка — не слишком надежно. Надо сжечь его, растереть кости в порошок, и никто ни о чем не узнает.

Элен стояла на расстоянии дюжины ярдов от пирамиды и наблюдала, как Энн-Мари выбирается оттуда и уходит прочь, как ее фигуру скрывает тьма.

Элен быстро двинулась через высокую траву и нашла место среди сложенных деревяшек, куда Энн-Мари засунула труп. Элен показалось, что она видит белеющее тело — оно лежало в ложбине. Однако Элен не могла до него дотянуться. Элен втиснулась в узкую щель — слава богу, она не толще Энн-Мари. Тут одежда ее зацепилась за какой-то гвоздь. Элен повернулась, чтобы освободиться. Пока она делала это, она потеряла тело из виду.

Элен, как слепая, шарила перед собой. Ее дрожащие пальцы натыкались на дерево и тряпки, на то, что она приняла за спинку старого кресла, но не на холодное тело ребенка. Она готовила себя к такому прикоснове-

нию; за последние часы она пережила вещи куда более страшные. Решив не сдаваться, Элен продвинулась немного вперед. Ее ноги были ободраны, пальцы исколоты занозами. Перед глазами плавали цветные круги, кровь в ушах звенела. Вот оно! Тело лежало всего в полутора ярдах от нее. Элен нырнула, чтобы дотянуться до щели под деревянной балкой, но пальцы ее чуть-чуть не доставали до злосчастного свертка. Она потянулась еще, рев в ушах усилился, но она так и не могла добраться до ребенка. Ей удалось лишь перегнуться пополам и втиснуться в тайничок, оставленный детьми в центре костра.

Пространство было так мало, что она с трудом смогла проползти там на четвереньках. Ребенок лежал вниз лицом. Она отбросила остатки брезгливости и решила взять его. Когда она это сделала, что-то опустилось на ее руку. Элен вздрогнула от потрясения. Она едва не закричала, но стерпела. Она сдержала гнев. Что-то зажужжало, когда поднялось с ее кожи. Звон, отдававшийся в ее ушах, был не шумом крови, а шумом улья.

— Я знал, что ты придешь, — раздался голос за спиной. Широкая рука закрыла ей лицо. Элен очутилась в объятиях Кэндимена.

— Мы должны идти, — сказал он ей на ухо, когда мерцающий свет просочился между сложенных балок. — Должны отправиться в путь, ты и я.

Она боролась, пыталась освободиться и крикнуть, чтобы костер не поджигали, но Кэндимен любовно прижимал ее к себе. Свет рос, потом пришло тепло, и сквозь слабое пламя она разглядела фигуры, выходящие из темноты Баттс-корта к погребальному костру. Они все время были здесь, они ждали, выключив свет в домах. Это их последний сговор.

Костер занялся охотно, но из-за хитрой конструкции огонь не сразу ворвался в ее убежище, и дым не поспешил удушить ее. Элен могла видеть, как сияли детские лица, как родители предостерегали своих чад, чтобы те

не подходили близко, как те не подчинялись, как пожилые женщины грели руки, не согреваемые собственной кровью, и улыбались, глядя на пламя. Тут рев и треск стали устрашающими, и Кэндимен позволил ей хрипло закричать. Он прекрасно знал, что никто ее не услышит. Да если бы и услышали — они не двинутся с места, чтобы вызвать ее из огня.

Когда воздух стал горячим, пчелы вылетели из живота злодея и испуганно закружили в воздухе. Некоторые, пытаясь спастись, ныряли в огонь и падали на землю, словно крохотные метеоры. Тело малыша Керри, лежавшее у подползавшего пламени, поджаривалось. Его нежные волосы задымались, спина вспухла пузырями.

Скоро жар проник в горло Элен и выжег ее мольбы. Опустошенная и измученная, она упала на руки Кэндимена, уступая его триумфу. Очень скоро, как он и обещал, они отправятся в путь. И нет спасения, и ничем уже не помочь.

Не исключено, как он и говорил, что о ней вспомнят, когда найдут ее потрескавшийся череп среди углей. Не исключено, что этой историей будут пугать расшалившихся ребятишек. Она лгала, когда говорила, что предпочитает смерть столь сомнительной славе; это не так. А ее соблазнитель смеялся в самом сердце огня. Сегодняшняя ночная смерть не была для него вечной и необратимой. Его дела запечатлены на сотнях стен, рассказы о нем не сходят с тысяч уст, а если в нем усомнятся, его паства призовет его снова. С его сладостью. У него был повод радоваться.

И тут, когда пламя захлестывало их, Элен разглядела знакомое лицо в толпе зевак. Там был Тревор. Вместо того чтобы обедать у «Аполлинера», он пришел ее искать.

Она видела, как он спрашивает что-то то у одного, то у другого зрителя, а те в ответ качают головами, неотрывно глядя на погребальное пламя. В их глазах таи-

лись улыбки. Бедный простофиля, думала Элен, глядя на его ужимки. Она желала, чтобы он посмотрел в огонь и увидел, как она горит. Она не надеялась, что он спасет ее от смерти. Но она жалела его, потерянного и недоумевающего, и хотела подарить ему — хотя он не станет благодарить за такой дар — наваждение, которое будет его преследовать. И еще историю, которую он будет рассказывать.

Мадонна

Уже почти час Джерри Колохоун ждал Харви на ступенях комплекса плавательных бассейнов Леопольд-роуд. Холод прошивал подошвы его туфель, и ступни постепенно теряли чувствительность. Ничего, утешал он себя, придет время, и кто-то другой будет вот так же мерзнуть, поджидая *меня*. Эта привилегия и в самом деле казалась Джерри достижимой в не столь далеком будущем — если, конечно, удастся убедить Эзру Харви вложить деньги в развлекательный центр. От инвестора подобная сделка требовала как склонности к риску, так и солидных финансовых активов, но информация доверенных лиц убедила Колохоуна: Харви независимо от его репутации и тем и другим обладал в избытке. Никто не станет допытываться, откуда у Эзры первоначальный капитал; так уговаривал себя Джерри. За последние полгода несколько плутократов посолиднее Харви безапелляционно отвергли проект, и в этой ситуации чрезмерная щепетильность казалась непозволительной роскошью.

Нельзя сказать, что отказы инвесторов удивили Джерри. Сейчас нелегкие времена, и люди с неохотой идут на риск. Более того, без определенной доли воображения — нехарактерного для богатей — трудно было представить себе бассейны преобразенными в сверкающий комплекс досуга. Однако проведенные изыскания убедили Джерри, что в этом квартале, где идущие под снос обветшалые дома скупались поколением сибаритов сред-

него класса и обретали новый блеск,— в таком месте его планы не могут не принести выгоду.

Был еще один побуждающий мотив. Муниципалитет, владеющий бассейнами, стремился поскорее избавиться от бремени ветхой собственности — долгов и без того хватало. Прикормленный Джерри чиновник из управления коммунальных служб (тот самый, что за пару бутылок джина стянул для него ключи от комплекса) сообщил, что здание продадут за гроши, если предложение поступит немедленно. Вопрос лишь в правильном выборе времени. И в проворстве, которого Харви, по видимому, не доставало: к моменту его появления у Джерри заоченели не только ступни, но и колени, а самообладание истощилось до предела. Тем не менее он ничем не выдал своих чувств при виде того, как Харви выбирается из «ровера» с личным водителем и поднимается по ступеням. Джерри раньше не доводилось встречаться с Харви, они общались лишь по телефону, и он представлял себе мужчину более крупного. Однако, несмотря на недостаток роста, властная солидность Харви не вызвала сомнений. Она проявлялась и в спокойном оценивающем взгляде, брошенном на Колохоуна, и в мрачноватом выражении лица, и в безупречном костюме.

Они пожали друг другу руки.

— Рад видеть вас, мистер Харви.

Тот кивнул, но взаимного удовольствия не выказал. Джерри, страстно мечтавший поскорее спрятаться от холода, открыл входную дверь и повел гостя за собой.

— У меня всего десять минут,— бросил Харви.

— Отлично,— сказал Джерри.— Я только хотел показать планировку...

— Вы хорошо изучили объект?

— Конечно!

Это была ложь. Последний раз Джерри заходил внутрь в августе с разрешением департамента архитектуры и с тех пор несколько раз любовался объектом лишь издали. Вот уже пять месяцев он не переступал порог зда-

ния и сейчас очень надеялся, что прогрессирующее обветшание еще не охватило весь комплекс. Они вошли в вестибюль. Пахло сыростью, но не слишком.

— Света нет,— объяснил Джерри.— Придется включить фонарик.

Он вытащил из кармана мощный фонарь, навел луч на внутреннюю дверь — и оторопело уставился на неведь откуда взявшийся замок. Возможно, когда он приходил сюда в прошлый раз, дверь тоже была заперта? Джерри не помнил. Он вложил в замок один из трех имевшихся ключей, заранее зная, что два других не подойдут. Перебирая в уме варианты, Джерри неслышно чертыхнулся. Или придется убратъся отсюда ни с чем, оставив бассейны с их секретами (если плесень, ползучую ржавчину и готовую вот-вот рухнуть крышу можно отнести к категории секретов), или же ломать замок. Он глянул на Харви. Тот, вытянув из внутреннего кармана непомерной длины сигару и поведив по ее кончику огоньком зажженной спички, окутался бархатистым дымком.

— Простите, небольшая заминка...— извинился Джерри.

— Бывает,— невозмутимо ответил Харви.

— Думаю, без силовых методов не обойтись.— Колохоун осторожно попытался выяснить, как Харви реагирует на идею взлома.

— Не возражаю.

Джерри второпях осмотрел полутемный вестибюль в поисках подходящего инструмента. В будке кассира нашелся табурет с металлическими ножками. Вытащив его из будки, Джерри поспешил к двери, чувствуя на себе удивленный и в то же время снисходительный, одобряющий взгляд Харви. Действуя ножкой стула как рычагом, он сломал дужку, и замок с лязгом ударился о кафель пола.

— Сезам, откройся,— облегченно прошептал Джерри и толкнул дверь, приглашая Харви войти.

Когда они шагнули за порог, звон упавшего замка еще летел по пустым коридорам и затем утас до шелеста едва слышного вдоха. Уютнее здесь не стало, скорее наоборот, подметил Джерри. Сумрак коридора перечеркивали голубовато-серые лучи света зимнего дня, проникавшего сквозь мутные от грязи световые люки. Несомненно, когда-то бассейны Леопольд-роуд отличались образцовым дизайном внутренней отделки: сверкающие плитки и искусная мозаика, изящно вписанная в стены и пол. Это было давно, до того как Джерри стал взрослым. Кафель под ногами вспучило от сырости, вдоль стен тянулись горки из сотен плиток, осыпавшихся и оставивших на стенах вереницы квадратиков белой керамики и темной штукатурки. Они складывались в бесконечный кроссворд. Атмосфера заброшенности была настолько явной, что Джерри почти попрощался с идеей продать проект Харви. Никакой надежды, даже по смехотворно низкой цене. Но Харви, похоже, заинтересовался больше, чем предложение того заслуживало. Он уверенно вышагивал по коридору, попыхивая сигарой и ворча что-то себе под нос. Должно быть, нездоровое любопытство влечет застройщика все дальше в этот гулкий мавзолей, подумал Джерри и упал духом. Однако Харви заговорил.

— Просторно. И перспективно,— сказал он.— Вам известно, Колохоун, что я не обладаю репутацией филантропа, но и чувством прекрасного я не обделен.

Харви помедлил у мозаичного изображения не подающейся описанию мифологической сцены: резвящиеся рыбы, нимфы и морские божества. Одобрительно крикнув, влажным концом сигары он прочертил в воздухе волнистую линию.

— Теперь такого мастерства не сыскать,— прокомментировал он.

Джерри мозаика показалась обыкновенной, но он поддакнул:

— Здорово!

— Показывайте остальное.

В прежние времена комплекс славился богатым выбором услуг. Сауны, турецкая баня, термальные ванны, два плавательных бассейна — все это соединялось сетью проходов и переходов. В отличие от главного коридора световые люки здесь отсутствовали, и пришлось включить фонарь. В темноте ли, при свете — Харви хотел видеть все. Десять минут, о которых он предупредил, растянулись на двадцать, потом на тридцать; осмотр то и дело прерывался, когда Харви с радостью обнаруживал что-либо, требующее его комментария. Джерри выслушивал с деланным пониманием: энтузиазм этого человека по поводу декора приводил его в замешательство.

— Так, а теперь я хотел бы взглянуть на бассейны, — объявил Харви после того, как они тщательно обследовали второстепенные достопримечательности. Джерри послушно повел гостя по лабиринту в направлении к двум бассейнам. В коротком коридорчике при выходе из турецких бань Харви вдруг произнес:

— Тихо!

Джерри остановился.

— Простите?

— Я слышал голос.

Джерри прислушался. Кафельные плитки стен, куда плескал светом луч фонаря, отбрасывали ореолы слабого свечения. В них лицо Харви казалось обескровленным.

— Не слышу...

— Я сказал — *тихо!* — оборвал Харви. Он медленно крутил головой из стороны в сторону.

Джерри ничего не слышал. Да и Харви, скорее всего, тоже: пожав плечами, он затянулся сигарой. Убитая сырým воздухом, сигара погасла.

— Это все коридоры, — пояснил Джерри. — Эхо в них обманчивое... Иногда кажется, звук твоих шагов летит навстречу.

Харви опять что-то проворчал. Похоже, ворчание было главной составляющей его речи.

— Я точно слышал,— твердо сказал он, не удовлетворенный объяснениями Джерри, и вновь прислушался.

В коридорах висела звенящая тишина. Не слышалось даже шума транспорта на Леопольд-роуд. Наконец Харви сдался.

— Ведите дальше,— скомандовал он, и Джерри повиновался, хотя понятия не имел, как пройти к бассейнам. Несколько раз оба поворачивали не туда, кружа по лабиринту коридоров-близнецов, прежде чем взяли правильное направление.

— А здесь тепло,— заметил Харви, когда они подошли к меньшему бассейну.

Джерри пробормотал что-то, соглашаясь. В своем стремлении добраться до бассейнов он поначалу не заметил возрастания температуры воздуха. Но сейчас он остановился и почувствовал, что тело его покрылось тонкой пленкой пота. Воздух был влажным, однако отдавал не сыростью и плесенью, как повсюду в здании, но каким-то густым тяжелым ароматом. Джерри надеялся, что Харви, укрывшийся за коконом дыма от вновь зажженной сигары, не чувствовал странного запаха, не слишком приятного.

— Отопление включено,— сказал Харви.

— Да, скорее всего, так,— кивнул Джерри, хотя не понимал, зачем оно включено. Вероятно, муниципальная инженерная служба периодически протапливала помещения, дабы поддерживать систему обогрева в исправном состоянии. А значит, не исключено, что кто-то из инженеров находится в здании и Харви в самом деле слышал голоса? Джерри мысленно готовил объяснение своего присутствия здесь на случай, если они пересекутся с инженерами.

— А вот и бассейны,— объявил Колохоун и потянул на себя створку двойных дверей.

Свет дня здесь был заметно слабее, чем в главном коридоре, и едва освещал помещение. Однако Харви это не остановило. Переступив порог, он направился напрямиком к краю бассейна. Собственно, смотреть там было не на что: внутреннюю поверхность покрывала многолетняя поросль плесени. Со дна бассейна, едва различимый под водорослями, проглядывал рисунок мозаики: светлый рыбий глаз бессмысленно таращился на вошедших.

— Всегда боялся воды,— задумчиво проговорил Харви, глядя в пустую чашу бассейна.— Не знаю, откуда это во мне...

— Из детства,— отважился предположить Джерри.

— Не думаю,— ответил Харви.— Жена считает, это наследственное.

— Наследственное?

— Потому, говорит, я и не люблю купаться,— промолвил он с улыбкой, адресованной самому себе или, скорее всего, жене.

Отрывистый звук, похожий на падение какого-то предмета, прилетел к ним с противоположной стороны бассейна. Харви замер.

— Слышали?! — Его голос вдруг подскочил на пол-октавы.— Там кто-то есть.

— Крысы,— предположил Джерри. Он очень хотел избежать встречи с инженерами и необходимости отвечать на их непростые вопросы.

— Дайте сюда! — Харви выхватил фонарь у Джерри и пустил луч вдоль противоположной стены: ряды кабинок-раздевалок и открытая дверь, ведущая из помещения. Никого.

— Вредителей не люблю...— поморщился Харви.

— Здание давно заброшено,— отозвался Джерри.

— А особенно их человеческую разновидность.— Харви сунул фонарик обратно Джерри в руки.— У меня есть враги, мистер Колохоун. Вы ведь наводили обо мне справки, не так ли? И знаете, что я не безупречен.—

Интерес Харви к звукам, которые, как ему показалось, он слышал, приобретал довольно неприятный оттенок. Не крыс он опасался, а тяжких телесных повреждений. — Ну, ладно, пора закругляться. Показывайте второй бассейн, и на этом закончим.

— Да, конечно.

Джерри, как и его гость, тоже был бы рад поскорее уйти отсюда. Температура заметно поднялась. Пот тек уже обильно, щекоча струйкой загривок, тело за пазухой чесалось. Джерри через зал прошел вместе с Харви к двери, ведущей к большому бассейну, и потянул за ручку. Дверь не поддавалась.

— Проблемы?

— Наверно, закрыта с той стороны.

— А другой вход есть?

— Думаю, есть. Хотите, я зайду оттуда?

Харви взглянул на часы и сказал:

— Две минуты. У меня еще дел по горло.

Харви смотрел вслед растворившемуся в темноте коридора Колохоуну — луч фонаря бежал впереди него. Парень не нравился Харви. Слишком тщательно выбрит, и туфли итальянские. Но это мелочи. Проект имел право на жизнь. Харви пришлось по душе бассейны и весь комплекс, единообразие дизайна, банальность оформления. Общественные заведения: больницы, школы и даже тюрьмы — умиротворяли Харви: в самом факте их существования он видел признак социального порядка, они несли покой в тот уголок его души, где прятался страх хаоса. Лучше жить в мире слишком упорядоченном, чем в том, где порядка не хватает.

И вновь его сигара потухла. Сжав ее зубами, Харви чиркнул спичкой. В тот миг, когда вспышка утасла, ему показалось, что взгляд его успел выхватить из темноты обнаженную девушку. Она стояла в коридоре чуть впереди и смотрела на него. Видение было скоротечным, но когда спичка выпала из пальцев и огонек умер, образ девушки, отлично запомнившийся, подсказала па-

мать. Девушка юная, не старше пятнадцати, и прекрасно сложена. Пот, покрывавший девичье тело, придавал ей такую чувственность, словно она вышла из самых сладких грез Харви.

Выронив сигару, он нацупал спичку и чиркнул ею, но за пару недолгих секунд темноты красавица исчезла, оставив в воздухе, как напоминание о себе, едва уловимый свежий запах молодого тела.

— Девушка! — позвал Харви.

Ее нагота и смятение в глазах всколыхнули острое желание.

— Девушка!

Огонек второй спички светил лишь на пару ярдов вперед.

— Вы здесь?

Далеко уйти она не могла, рассуждал Харви. Приготовив третью спичку, он пошел искать девушку. Не успел он сделать несколько шагов, как услышал кого-то за спиной. Харви повернулся. Луч фонаря отразил страх на его лице. Ага, ясно, кто это — итальянские туфли.

— Входа нет...

— Как нет нужды светить мне в лицо, — проворчал Харви.

Луч опустился вниз.

— Простите.

— А мы здесь не одни, Колохоун. Тут девушка.

— Девушка?

— Вы будто не в курсе?

— Да откуда ж...

— Абсолютно голая. И стояла вот здесь, в трех-четыре ярдах от меня.

Джерри озадаченно взглянул на Харви: может, тот страдает сексуальными галлюцинациями?

— Да говорю вам, я видел девчонку, — уверял Харви, хотя и слова против не услышал. — Еще секунда, и я бы до нее дотянулся, но тут подошли вы... Ну-ка, посветите туда, — добавил он, оглянувшись.

Джерри направил луч в даль коридора — ни души.

— Вот дьявол...— Сожаление Харви было искренним. Он повернулся к Джерри.— Ладно, пошли отсюда к чертям собачьим.

— Считайте, что вы меня заинтересовали,— вновь заговорил Харви, когда оба зашагали назад.— Проект перспективный. План первого этажа у вас с собой?

— Нет, но я могу его достать.

— Достаньте.— Харви прикуривал новую сигару.— И пришлите мне свои предложения в более подробном изложении. Тогда и поговорим.

Чтобы раздобыть планы бассейнов, потребовалась солидная взятка знакомому муниципальному чиновнику, но в конечном итоге у Джерри все получилось. На бумаге комплекс смахивал на лабиринт. И как в лучших лабиринтах, трудно было разглядеть какую-либо систему в расположении душевых, туалетов и раздевалок. Однако Кэрл доказала обратное.

— Что это? — спросила она Джерри, когда вечером он сидел над схемами. Четыре-пять часов они провели в его квартире — часы без ссор и неприятного тягостного чувства, в последнее время отравлявшего их встречи.

— План первого этажа плавательных бассейнов на Леопольд-роуд. Хочешь еще выпить?

— Нет, спасибо.— Она вглядывалась в план, пока Джерри вставал, чтобы налить себе еще виски.

— Похоже, Харви клюнул.

— Ты что, собираешься начать с ним дело?

— А что такого? Он — человек с деньгами.

— С грязными деньгами.

— Деньги не пахнут...

Она холодно посмотрела на Джерри, и ему захотелось прокрутить назад последние десять секунд и стереть свой комментарий.

— Мне так нужен этот проект,— произнес он, усаживаясь со стаканом в руке на тахту напротив Кэрл.

План, развернутый на низком столике, разделил их.— Мне нужно доказать себе наконец, что я чего-то стою.

В ее взгляде он не нашел поддержки.

— Мне кажется, не стоит связываться с Харви и ему подобными,— сказала она.— Плевать, сколько у него денег. Он преступник, Джерри.

— Что ж теперь, бросить все к черту, да? Ты так думаешь? — Уже не первый раз за последние несколько недель они начинали этот спор.— Забыть о том, как я вкалывал, забыть, сколько трудов вложено, и добавить еще одну неудачу ко всем остальным?

— А кричать-то зачем?

— Я не кричу!

Она пожала плечами.

— Хорошо,— тихо проговорила она,— ты не кричишь.

— Господи!

Она снова принялась внимательно рассматривать план. А он наблюдал за ней поверх стакана с виски, разглядывая аккуратный пробор тонких светлых волос. «Ничего у нас не получилось»,— думал он. Причины, заведшие их отношения в тупик, были слишком очевидны. Вновь, уже в который раз, им не удавалось найти общий мотив, необходимый для плодотворного обмена мнениями. И не только в этом вопросе — как минимум еще в полусотне других. Какие бы мысли ни крутились в ее милой головке, все они оставались загадками для Джерри. А его мысли, по-видимому, были непостижимы для нее.

— Это же спираль,— заметила она.

— Что?

— Комплекс. Он спроектирован в виде спирали. Смотри.

Джерри поднялся, чтобы взглянуть с высоты своего роста на план. Он следил, как Кэрол указательным пальцем проложила путь вдоль проходов. Она не ошиблась.

Несмотря на то что архитектурный лаконизм слегка искажал структуру задуманного рисунка, на плане явно просматривались очертания неровной спирали, встроенной в сеть коридоров и помещений. Повторяя ее форму, круживший по бумаге палец Кэрол рисовал уменьшающиеся радиусы и наконец замер на большом бассейне — том самом, что оказался заперт. Джерри молча уставился на план. Не подскажи ему Кэрол — он бы неделю вот так таращился и не разглядел несущей структуры.

Кэрол решила на ночь не оставаться. Не оттого, попыталась она объяснить Джерри у порога, что между ними все кончено, а лишь потому, что ценила их близость слишком высоко, чтобы злоупотреблять ею как развлечением. Он отчасти ухватил смысл; Кэрол тоже сравнивала их двоих с ранеными животными. Что ж, по крайней мере, в их жизни имелись общие метафоры.

Спать одному было привычно. Во многих отношениях Джерри предпочел бы оставаться в кровати в одиночестве, чем разделять ее с кем-то, даже с Кэрол. Но сегодня он хотел, чтобы она была рядом; вернее, не обязательно Кэрол, но *кто-нибудь*. Он чувствовал себя без причины капризным, как ребенок. Джерри засыпал и тут же просыпался, словно боялся сновидений.

Незадолго до рассвета, предпочтя бессонницу разбитой мечте о сне, он встал, завернул содрогающееся тело в халат и отправился готовить себе чай. План все еще лежал на кофейном столике, где его оставили накануне вечером. Отхлебывая теплый «ассам», Джерри остановился взглянуть на него. Теперь, после подсказки Кэрол, взгляд его невольно сосредоточился — вопреки отвлекавшей внимание неразберихе пометок — на спирали, проступавшей из-под кажущегося хаоса лабиринта. Бесспорное доказательство скрытого умысла в работе архитектора, она бросалась в глаза и заставляла их следить за последовательным маршрутом: кругами, сужаясь и стремясь... к чему? К запертому бассейну.

Допив чай, Джерри побрел к кровати. На сей раз усталость всецело завладела им, и Джерри одолел сон, в котором ему было отказано ночью. В семь тридцать его разбудила Кэрл. Она решила извиниться за вчерашний вечер.

— Я очень хочу, чтобы у нас с тобой все было хорошо, Джерри. И ты это знаешь, правда? Знаешь, как много ты для меня значишь...

Но он был не в силах говорить о любви. То, что казалось романтическим в полночь, утром вдруг представилось нелепым. Он ответил Кэрл как можно теплее и договорился о встрече сегодня вечером. А затем провалился в сон.

С тех пор как Эзра Харви покинул здание бассейнов, чуть ли не каждые четверть часа он вспоминал о девушке, привидевшейся в коридоре. Ее лицо представало перед ним, когда он обедал с женой, когда занимался сексом с любовницей. Лицо такое ясное, такое открытое и так много обещающее.

Харви считал себя дамским угодником. В отличие от большинства своих приятелей-магнатов (чьи подруги не доставляли проблем: они получали хорошую оплату и не мешались под ногами, если не требовались их специфические услуги) Харви получал удовольствие от общения с представительницами прекрасного пола. Их голоса, их смех, запах их духов... Его неодолимо тянуло к ним, он чрезвычайно дорожил мгновениями, проведенными с этими восхитительными созданиями, и был готов тратить деньги на их милости. Поэтому карманы его пиджака оттягивали банкноты и дорогие безделушки, когда утром он вернулся на Леопольд-роуд.

С утра зарядила холодная морось, и пешеходы на улице, слишком озабоченные тем, чтобы сохранить головы сухими, не обращали внимания на мужчину под черным зонтом, стоявшего на ступенях, и другого человека, возившегося с навесным замком. Чендамен был экс-

пертом по таким замкам. Через пару секунд дужка со щелчком распахнулась. Харви закрыл зонтик и скользнул в вестибюль.

— Жди здесь,— велел он Чендамену.— А дверь закрой.

— Слушаюсь, сэр.

— Если понадобится — крикну. Фонарик взял?

Чендамен вытянул из кармана фонарь. Харви взял его, включил и быстро скрылся в коридоре. То ли на улице сегодня было значительно холоднее, чем вчера, то ли в помещении — жарче, но Харви расстегнул пиджак и ослабил туго затянутый узел галстука. Он обрадовался жаре: она напомнила ему блеск тела девушки-видения, расслабленно-томный взгляд ее черных глаз. Он шел все дальше по коридору, и отраженный свет лился с кафельных плиток. Чувство направления никогда не изменяло Харви и скоро вывело прямо к тому месту у большого бассейна, где вчера он встретил девушку. Там он остановился и замер, прислушиваясь.

Харви был осторожным человеком. Вся его профессиональная деятельность — в тюрьме ли, на воле — вынуждала жить в вечном ожидании нападения из-за спины. Постоянная бдительность сделала его чувствительным к малейшему признаку присутствия человека. Звуки, на которые другой не обратил бы внимания, выбивали отчетливую дробь по его барабанным перепонкам. Но здесь — ничего. Тишина в коридорах, тишина в вестибюле, тишина в раздевалках и турецких банях — во всех кафельных помещениях комплекса. Тем не менее Харви был уверен: он здесь не один. Когда пять чувств подводили его, шестое — звериное — чуяло присутствие чужого. Этот дар не раз спасал его шкуру, а сейчас, надеялся он, приведет в объятия красотки.

Доверившись инстинкту, Харви погасил фонарь и, ощупывая рукой стену, осторожно шагнул в коридор, откуда вчера появилась девушка. Ощущение близости

жертвы мучительно и сладко дразнило его. Он подозревал, что она не дальше чем за стеной — идет, держась в шаге от него, по какому-то скрытому проходу. Он думал о том, как приятна эта слежка. Только она и он — одни во влажной духоте коридора. Харви продвигался украдкой, биение пульса отдавалось в шее, в запястье и в паху. Крест прилип к взмокнувшей груди.

Наконец коридор разделился. Харви замер: слабое свечение впереди призрачно обрисовывало своды обоих тоннелей. И не понять, в какой из них идти. Доверясь инстинкту, он свернул влево. И почти сразу наткнулся на дверь. Она была открыта, и Харви шагнул через порог в большее помещение — как подсказало изменившееся эхо его шагов. И вновь замер. На этот раз напряженный слух был вознагражден звуком. У противоположной стены на горке осыпавшихся плиток — пара голых ступней. Грезится ему или он и впрямь видит девушку? Контур ее тела чуть бледнее окружающего мрака. Да, это она! Харви чуть не окликнул ее, но вовремя спохватился. Он решил возобновить безмолвное преследование и наслаждаться игрой, которую затеяла девушка, до тех пор пока ей это нравится. Он пересек комнату и прошел через вторую дверь, приведшую его к другому тоннелю. Влажный и приятный, воздух здесь был намного теплее. И тут Харви охватила тревога: он пренебрегает всеми неписаными правилами, добровольно залезая в петлю. Ведь это могло быть подстроено — девушка, преследование. За следующим углом грудь юной красавицы испарится, а его собственная нарвется на нож. И все же он знал, что это не так. Знал, что шаги впереди — это поступь женщины легкой и податливой; что духота, вызвавшая новые приливы пота, несет ему нежность и чувственность. Нож здесь бессилен — лезвие размягчится, и цель будет недостижима. Он в безопасности.

Шаги впереди стихли. Остановился и Харви. Непонятно, откуда сюда проникал свет. Он облизал губы, почувствовал вкус соли и двинулся вперед. Плитки под паль-

цами лоснились от влаги, кафель пола был скользким. Предвкушение росло с каждым шагом.

А свет становился все ярче. Он не был дневным — свету солнца нет доступа в столь уединенное убежище. Он больше походил на лунный свет, вкрадчивый, ускользающий. А может быть, подумал Харви, искусственный. Откуда бы свет ни рождался, с его помощью глаза Харви наконец отыскивали девушку. Однако она была не та, что привиделась ему позавчера. Обнаженная — да, юная — да, но во всем остальном — не та. Он встретился с ней глазами, прежде чем она скользнула в коридор и свернула за угол. Замешательство в ее пойманном взгляде придало охоте остроту: выходит, не одна, а две девушки находились в этом тайном месте! Интересно зачем?

Харви обернулся, чтобы проверить, свободен ли обратный путь, если ему вдруг придется отступать. Но его память, одурманенная ароматным воздухом, отказалась нарисовать ясную картину маршрута, что привел его сюда. Укол тревоги внезапно сбил радостное возбуждение, но Харви отказался поддаться ему, устремился вперед за девушкой до конца коридора и тоже свернул налево за угол. Короткий проход, и вновь поворот налево — куда только что скрылась девушка. Смутно сознавая, что закругления дороги сужаются, он шел вперед, задыхаясь от плотного воздуха и настойчивости погони.

Внезапно, когда он повернул в последний раз, жара стала удушающе близкой и проход вывел его в тесную, едва освещенную комнатку. Харви расстегнул ворот рубашки. Жилы на тыльных сторонах ладоней напоминали натянутые струны. Он отчетливо слышал, как надсадно трудятся его сердце и легкие. Однако, с облегчением понял он, здесь преследование заканчивалось. Объект охоты стоял спиной к нему у противоположной стены, и при виде ее изящных ягодиц и гладкой спины клаустрофобия Харви испарилась.

— Девушка... — выдохнул он. — Ну и погоняла же ты меня...

Казалось, она не слышала его или, скорее всего, вздумала капризничать.

По скользким плиткам он направился к ней.

— Я с тобой говорю.

Когда Харви приблизился к девушке на шесть футов, она повернулась: не та, которую он преследовал по коридору, и тем более не та, которую он видел два дня назад. Это существо было абсолютно иным. Взгляд Харви остановился на незнакомом лице лишь на пару секунд, прежде чем скользнуть вниз — на ребенка в ее руках. Младенец — вероятно, новорожденный — без особой жадности сосал грудь. Подобных существ Харви в жизни видеть не приходилось. Его замутило. Молоденькая девушка, кормящая грудью ребенка, — зрелище само по себе удивительное, но отродье у нее на руках, животное или человек, выглядело настолько мерзко, что Харви с трудом сдержал рвоту. Сама преисподняя породила бы что-либо более привлекательное.

— Бог ты мой, что за...

Подняв на Харви глаза и прочитав смятение на его лице, девушка вдруг зашлась смехом. Харви замотал головой. Ребенок оторвал от груди хоботок, а потом вновь прильнул к ней, словно устроился удобнее. Это движение как хлыстом подстегнуло отвращение Харви, обратив его в ярость. Не обращая внимания на протесты девушки, он выхватил маленькое чудовище из ее рук, чуть подержал, успев почувствовать корчи блестящего маленького тела, и с силой швырнул в стену. Ребенок вскрикнул, ударившись о плитки, и жалобный протест оборвался в то же мгновение, услышанный лишь матерью. Она бросилась через комнату к тому месту, где лежал ребенок: его бескостное тело удар разорвал пополам. Одна из конечностей (их было по меньшей мере полдюжины) попыталась дотянуться до залитого слезами лица матери. Девушка подняла останки на руки, и потоки сверкающей жидкости побежали по ее животу к паху.

Откуда-то из-за стены комнаты донесся голос. Харви понял: это отклик на предсмертный крик ребенка и все возрастающие стенания матери — но отклик куда более скорбный, чем первое и второе. Воображением Харви обладал скудным. За пределами его мечтаний о благополучии и женщинах лежала пустая земля. Однако сейчас, при звуке этого голоса, пустошь осветилась мягким светом и выдала ужасающие образы; Харви сам не верил, что способен такое вообразить. Не просто образы монстров, в лучшем случае являющие собой соединение известных аномалий. То, что сотворил его разум, было скорее опущением, чем образом. Оно относилось к спинному мозгу, не к рассудку. Его уверенность в себе дрогнула, мужество и сила духа отреклись от Харви. Он задрожал, поскольку прежде пугался лишь во сне. А печальный крик все не смолкал, и Харви развернулся и побежал. В сумрачном коридоре бьющий в спину свет швырял его тень под ноги.

Ощущение правильного направления покинуло его. На первом пересечении коридоров он повернул не туда, а затем и на втором. Через несколько ярдов Харви осознал ошибку и бросился обратно, но лишь еще больше запутался. Коридоры походили один на другой — те же плитки, тот же полусвет, каждый новый поворот выводил либо к помещению, которое он видел впервые, либо к полным тупикам. Паника нарастала по спирали. Вой прекратился. Харви остался один со своим хриплым дыханием и обрывками проклятий. Это Колохоун устроил ему такую пытку, и Харви поклялся: он заставит парня признаться, даже если ему придется своими руками переломать все кости Джерри. На бегу он цеплялся за мысли о предстоящей расправе — сейчас они были единственным утешением. Наслаждаясь картиной воображаемой агонии Колохоуна, Харви не понял, что повторяет уже пройденный путь и бежит по кругу прямо к свету. Лишь в последний момент до него дошло, что он

находится перед знакомым помещением. Ребенок лежал на полу, мертвый и отвергнутый. Матери не было.

Харви остановился и обдумал ситуацию. Если он пойдет назад тем же путем, он снова запутается. А если пойти вперед, через комнату, к свету — тогда, возможно, удастся разрубить гордиев узел и вернуться к выходу. Второе остроумное решение пришлось ему по душе. Харви осторожно пересек комнату, подошел к двери противоположной стены и выглянул. Еще один короткий коридор, а за ним — дверь, распахнутая в большое помещение. Бассейн! Конечно, бассейн!

Отбросив осторожность, Харви вышел из комнаты и направился по коридору.

С каждым шагом жара нарастала, от нее гудела голова. В конце коридора он прибавил шаг и наконец вышел на арену.

В отличие от малого большой бассейн не осушили. Более того, он был полон почти до краев — но не чистой водой, а каким-то пенистым бульоном, над которым поднимался пар даже в таком пекле. *Это* и было источником света. Вода в бассейне испускала свечение, и оно окрашивало все — плитки, трамплин, раздевалки (несомненно, и самого Харви) в красновато-желтые тона.

Харви начал внимательно осматриваться. Ни единого признака женщин. Путь к выходу по-прежнему не вызывал сомнений, тем более что на сдвоенных дверях не видно ни цепи, ни замка. Он направился туда. Нога скользнула на влажном кафеле, он быстро глянув вниз и увидел, что ступил в какую-то жидкость — в призрачном свете трудно было определить ее цвет, — обозначавшую то ли предел разлива, то ли его начало.

Харви оглянулся на воду бассейна, любопытство пересилило другие чувства. Клубился пар, водовороты играли пеной. И вдруг он заметил нечто темное, непонятной формы, скользящее под самой поверхностью. Он припомнил убитое существо, его бесформенное тело и свисающие петли конечностей. Еще один той же поро-

ды? Светящая жидкость лизала кромку бассейна у самых ног Харви, континенты пены разбивались на архипелаги и островки. Пловец не обращал на него никакого внимания.

Харви в раздражении отвернулся от воды — и увидел, что теперь он здесь не один. Появившиеся откуда-то три девушки направлялись к нему вдоль края бассейна. В одной он узнал ту, которую видел два дня назад. В отличие от сестер она была одета. Одна грудь обнажена. Приближаясь, девушка серьезно смотрела на него. В руке она несла веревку, по всей длине украшенную грязными ленточками, завязанными в причудливые банты.

После появления этих трех граций беспокойные воды бассейна закрутились в неистовом кипении, в то время как его обитатели всплывали, чтобы приветствовать девушек. Харви разглядел три или четыре беспокойно снующих формы, однако на поверхности они не появлялись. Харви растерялся: инстинкт побуждал его бежать (все-таки веревка — это веревка, хоть и украшенная лентами), а желание посмотреть, кто же плавает в бассейне, удерживало на месте. Он бросил взгляд на дверь — до нее оставалось десять ярдов. Быстрый рывок, и он в прохладном коридоре. Отсюда Чендамен сможет его слышать.

Девушки остановились в нескольких футах от Харви и внимательно смотрели на него. А Харви — на них. Все помыслы, приведшие его сюда, угасли. Ему уже не хотелось накрыть ладонями груди этих созданий, не хотелось зарыться меж их блестящих бедер. Эти женщины лишь казались женщинами. Их спокойствие было не покорностью, но наркотическим трансом; их нагота вызвана не похотливостью, а ужасающим и отталкивающим безразличием, оскорбительным для Харви. Даже их юность — нежная бархатистость кожи, блеск волос — даже она была испорченной. Когда девушка в плаще протянула руку и коснулась влажного от пота лица Харви, он тихо вскрикнул от отвращения, будто его лиз-

нула змея. Девушку абсолютно не тронула его реакция. Она шагнула еще ближе, глядя прямо ему в глаза, и пахло от нее не духами, как от его любовницы, а плотью. Униженный, оскорбленный, не имеющий сил отвернуться, он стоял, не отрывая взгляда от этой шлюхи. Поцеловав Харви в щеку, она обвила вокруг его шеи украшенную лентами веревку.

Весь день Джерри названивал в офис Харви каждые полчаса. Сначала ему сказали, что шефа нет на месте, он придет во второй половине дня. Однако во второй половине дня ответ изменился. Джерри сообщили, что Харви и не собирался приезжать в офис. Ему нездоровится, ответила секретарша, он отправился домой. Пожалуйста, перезвоните завтра. Джерри оставил сообщение о том, что достал план первого этажа бассейнов и будет рад встретиться, чтобы обсудить с мистером Харви их планы тогда, когда это будет удобно мистеру Харви.

Кэрол позвонила после обеда.

— Сходим куда-нибудь вечером? — предложила она. — В кино, например?

— А что ты хочешь посмотреть? — спросил он.

— Ой, не знаю... Давай вечером решим, ладно?

Они решили сходить на французский фильм, в котором, насколько смог уловить Джерри, начисто отсутствовал сюжет. Его заменяла череда диалогов: герои обсуждали свои травмы и желания, причем второе было прямым следствием первого. Фильм вызвал у него апатию.

— Тебе не понравилось...

— Так себе. Все эти страхи...

— И никакой стрельбы.

— И никакой стрельбы.

Она улыбнулась своим мыслям.

— А что смешного?

— Ничего...

— Не говори «ничего».

Кэрол пожала плечами.

— Да я просто улыбнулась, и все. Могу я улыбнуться?

— Господи! Нашему разговору без субтитров не обойтись.

Они прошлись немного по Оксфорд-стрит.

— Ты не голодна? — спросил Джерри, когда они подошли к началу Поланд-стрит. — Можем зайти в «Красный форт».

— Нет, спасибо. Терпеть не могу есть на ночь.

— Ради бога, не будем спорить из-за этого дурацкого фильма.

— А кто спорит?

— Ну чего ты заводишься...

— Здесь у нас с тобой много общего, — парировала Кэрол. На ее щеке проступили красные пятна.

— Утром ты говорила...

— Что говорила?

— О нас. О том, чтобы не потерять друг друга...

— То было утром. — Ее взгляд был жестким. И затем вдруг: — Джерри, да тебе плевать на всех, и на меня в том числе!

Развернувшись, Кэрол впиалась взглядом в его лицо, словно не позволяла ему отвечать. Когда ему не удалось ничего сказать, странное удовлетворение мелькнуло на ее лице.

— Спокойной ночи... — проронила Кэрол и пошла прочь.

Джерри смотрел вслед, считая ее шаги — пять, шесть, семь... Самая потаенная часть его души рвалась окликнуть подругу, но дюжина помех — гордыня, усталость, досада — не позволяли сделать это. Единственное, что в конечном итоге заставило его позвать Кэрол, — это мысль о пустой постели, о простынях, согретых лишь его телом и холодных, как могила, справа и слева от него.

— Кэрол.

Она не оглянулась, и шаг ее не сбился. Джерри побежал за ней, думая о том, что эта сценка, наверное, привлечет прохожих.

— Кэрл.

Джерри ухватил ее за руку. На этот раз она остановилась. Он обошел ее, чтобы заглянуть в лицо, и был потрясен и расстроен: Кэрл плакала. Ее слезы он ненавидел лишь немногим меньше, чем свои.

— Сдаюсь,— сказал он, выдавив улыбку.— Фильм — шедевр. Годится?

Кэрл не утешила эта выходка; припухшее от слез лицо было несчастным.

— Не надо,— проговорил он.— Прошу тебя, не надо... Я не...

«Не умею просить прощения»,— хотел сказать Джерри. Но он не умел этого настолько, что даже признание оказалось ему не под силу.

— Ничего...— мягко произнесла Кэрл.

Джерри видел, что она не сердилась. Она просто была несчастна.

— Пойдем ко мне.

— Не хочу.

— Я хочу, чтоб ты пошла,— сказал он. Получилось искренне.— Я не люблю выяснять отношения на улице.

Джерри поймал такси, и они поехали в Кентиш-таун; оба всю дорогу молчали. Поднявшись по ступеням к входной двери, Кэрл поморщилась:

— Что это за вонь?

Сильный кислый запах струился по ступеням крыльца.

— Здесь кто-то побывал,— сказал он, внезапно охваченный тревогой, и рванулся вверх по лестнице к двери квартиры.

Дверь оказалась открыта, замок варварски выдран, дверной косяк расколот. Джерри выругался.

— Что случилось? — спросила Кэрл, догоняя его.

— Взлом.

Джерри шагнул в квартиру и включил свет. Всюду царил хаос. Квартира была полностью разгромлена. Повсюду следы вандализма: разбитые картины, испорченные подушки, расколотая мебель. Он стоял в центре хаоса, и его трясло, а Кэрл бродила из комнаты в комнату и повсюду находила безжалостное разрушение.

— Это что-то личное, Джерри.

Он кивнул.

— Я вызову полицию,— предложила она.— Проверь, что украл.

Джерри подчинился. Лицо его побелело. Вторжение ошеломило его. Вяло и апатично бродил он по квартире, переворачивая разбитые вещи, задвигая на место вывернутые ящики: он представлял себе взломщиков в деле, как они, потешаясь, хозяйничают здесь. В углу спальни он нашел сваленные в кучу фотографии. На них помochились.

— Полиция выехала,— доложила Кэрл.— Просили ничего не трогать.

— Поздно,— пробормотал он.

— Что-то пропало?

— Ничего,— ответил он.

Все ценности: стерео и видео, кредитки, кое-какие безделушки — не тронуты. И только сейчас Джерри вспомнил о плане. Он вернулся в гостиную и с трудом пробился через завал к столику, зная наверняка: плана он не найдет.

— Это Харви,— проговорил он.

— Что — Харви?

— Харви приходил за планом первого этажа бассейнов. Или прислал кого-то.

— Зачем? — спросила Кэрл, окидывая взглядом разгром.— Ты же и так собирался отдать его.

Джерри замотал головой.

— Ты единственная, кто советовал мне держаться от Харви подальше...

— Я и представить не могла, что все обернется вот так.

Полиция приехала и уехала, вяло извинившись: они думают, что найти и арестовать злоумышленников маловероятно.

— В последнее время столько актов вандализма,— сказал офицер.— А соседи снизу?..

— Они в отъезде.

— Боюсь, это последняя надежда. Имущество застраховано?

— Да.

— Ну, тогда все не так уж плохо.

Джерри ничего не сказал им о своих подозрениях, хотя его так и подмывало сделать это. Что толку обвинять Харви? С одной стороны, у того наверняка заготовлено алиби, с другой — необоснованные обвинения еще больше разозлят его.

— Что будешь делать? — спросила Кэрол, когда полиция убралась восвояси.

— Не знаю. Я даже не уверен, что это он. То он лучится добротой и светом, и вдруг такое. Как я могу иметь с ним дело?

— А ты больше не имеешь с ним дела,— ответила Кэрол.— Останемся здесь или пойдём ко мне?

— Останемся.

Они кое-как попытались восстановить статус-кво: подправили, чтобы не валилась, сломанную мебель, подмести осколки стекла. Затем перевернули распоротый матрац, отыскивали две уцелевшие подушки и легли спать.

Кэрол хотела заняться любовью, но это утешение, как многое в жизни Джерри в последнее время, не получилось. Раздражение сделало его грубым, а грубость, в свою очередь, вызвала раздражение Кэрол. Она сделалась утрюмой, целовала его неохотно и скупно. Ее нежелание подталкивало его к еще большей грубости.

— Остановись,— сказала Кэрол, когда он собрался войти в нее.— Я не хочу.

Она не успела настоять на своем — Джерри не остановился и сделал ей больно.

— Я сказала, не надо, Джерри.

Он не реагировал.

— Хватит!

Кэрол зажмурилась и еще раз велела ему остановиться, на этот раз уже по-настоящему придя в ярость. Но он лишь с большей силой вгонял себя в нее — так, как она иногда прежде просила его, даже молила об этом, умирая от страсти. Но сейчас она лишь шипела, ругалась и угрожала, и каждое ее слово придавало Джерри решимости не верить ее сопротивлению, хотя физически он не чувствовал ничего, кроме напряжения в паху, сухого дискомфорта и желания быть грубым.

Кэрол начала отбиваться, царапать его спину ногтями и тянуть за волосы, словно хотела отодрать его лицо от своей шеи. Пока Джерри трудился, в голове его промелькнула мысль о том, что теперь она возненавидит его, и значит, они придут к полному согласию. Но, отдавшись страсти, к этой мысли он прислушаться не успел.

Яд пролился, и Джерри скатился с нее.

— Скотина... — выдавила Кэрол.

Спину саднило; поднявшись с кровати, он заметил кровь на простыне. Среди свалки в гостиной Джерри отыскал неразбитую бутылку виски. Из стаканов, однако, ни один не уцелел, а из-за нелепой брезгливости пить из горлышка не хотелось. Опустившись на корточки, Джерри привалился спиной к холодной стене. Он не чувствовал себя ни несчастным, ни удовлетворенным. Входная дверь открылась и треском захлопнулась. Он ждал и слушал, как стучат по ступеням каблучки Кэрол. Затем пришли слезы, хотя и от них он чувствовал себя полностью отделенным. Наконец Джерри успокоился, побрел на кухню, отыскал чашку и напился до бесчувствия.

Кабинет у Харви был внушительный, он был отделан как кабинет его знакомого адвоката по налоговым делам: вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, закупленными оптом, цвет ковра и обоев приглушенный, будто закопченный сигарным дымом. Когда Харви не спалось — как сейчас, — он мог отдохнуть здесь, посидеть за огромным столом в кресле из кожи черепахи и подумать о законности. Но только не сегодня ночью. Сегодня Харви был поглощен проблемами иного толка. Как ни пытался он отвлечься, мысли его возвращались к Леопольд-роуд.

Он мало запомнил из того, что произошло в бассейнах. И это очень его беспокоило: память всегда оставалась предметом его гордости. Способность запоминать увиденные лица и оказанные услуги в немалой степени помогла Харви обрести власть. Он гордился тем, что среди сотен его работников не было ни одного привратника или уборщицы, кого бы он не знал по имени.

Но о событиях на Леопольд-роуд, случившихся всего тридцать шесть часов назад, Харви вынес весьма смутные воспоминания — о женщинах, медленно окружающих его, о веревке, затягивающейся вокруг шеи, о том, как они вели его вдоль кромки бассейна в некое помещение, мерзость которого убила почти все его ощущения. Дальнейшее вползло в его память, словно те скользившие в грязной воде бассейна существа, смутно различимые и тягостно тревожные. Кажется, там произошло что-то унижительное и ужасное. Больше ничего припомнить не удавалось.

Однако Харви был не из тех, кто пасовал перед неопределенностью без борьбы. Если за этим кроется тайна, он сделает все, чтобы открыть ее. В качестве первого шага своего наступления он приказал Чендамену и Фрайеру перевернуть вверх дном квартиру Колохоуна. Если, как он подозревал, затея с бассейнами была продуманной вражеской операцией по завлечению его в ловушку, Колохоун являлся соучастником. Разумеется, в ка-

честве вывески, не более того. Уж конечно, он не руководитель и не вдохновитель. Харви счел, что разгром квартиры Колохоуна станет достойным предупреждением для хозяев Джерри о том, что он намерен вести борьбу. Погром принес и еще один плюс: Чендамен вернулся с планом первого этажа комплекса. Сейчас развернутый план лежал на столе Харви. Вновь и вновь он отслеживал свой путь к бассейну в надежде на то, что память очнется. Он был разочарован.

Почувствовав усталость, Харви поднялся и подошел к окну. Огромный сад за домом содержался в образцовом порядке. В этот час, правда, его безукоризненные границы лишь угадывались — свет звезд едва-едва освещал владения. Харви видел лишь собственное отражение на гладком оконном стекле.

Когда он сфокусировал зрение на отражении, его контуры словно всколыхнулись, и он почувствовал шевеление в животе, словно там что-то распустилось. Он приложил к животу руку — тот подергивался и вздрагивал, и на мгновение Харви перенесся в бассейны: нечто осклизлое, голое и комковатое приблизилось к его глазам. Он чуть не закричал, но смог сдержаться, отвернувшись от окна и переведя взгляд на интерьер комнаты: ковры, книги и мебель — трезвая и незыблемая реальность. Но видения отказывались покинуть его мысленный взор. Живот по-прежнему крутило.

Прошло несколько минут, прежде чем Харви смог заставить себя вновь взглянуть на свое отражение в стекле — контуры уже не колыхались. Он больше не позволит себе ни одной подобной ночи, бессонной и мучительной. С первым лучом зари пришла убежденность в том, что сегодня пора расколоть мистера Колохоуна.

Утром Джерри пытался дозвониться Кэрол на работу, но она все время была занята. В конце концов он оставил это и предпринял геркулесовы усилия, чтобы привести квартиру в порядок. Однако не преуспел ни в

сосредоточенности, ни в усердии. Убив целый час и ни на йоту не приблизившись к намеченному, он сдался. Разгром точно отражал его мнение о себе самом.

Незадолго до полудня ему позвонили.

— Мистер Колохоун? Мистер Джерард Колохоун?

— Он самый.

— Моя фамилия Фрайер. Я звоню от имени мистера Харви...

— Вот как?

Хотят позлорадствовать или пригрозить еще большим ущербом?

— Мистер Харви ждет от вас кое-каких предложений,— сказал Фрайер.

— Предложений?

— Мистер Харви очень заинтересовался проектом Леопольд-роуд, мистер Колохоун. Он собирается вложить в него существенные денежные средства.

Джерри промолчал. Эта явная ложь привела его в замешательство.

— Мистер Харви хотел бы с вами встретиться. И чем скорее, тем лучше.

— И где же?

— В бассейнах. Он хочет обговорить кое-какие архитектурные тонкости со своими коллегами.

— Понятно.

— Вы сможете подъехать во второй половине дня?

— Смогу. Конечно.

— В половине пятого, договорились?

Разговор на этом закончился, оставив Джерри озадаченным. В тоне Фрайера не было ни следа враждебности, ни намеков, даже скрытых, на возникшую конфронтацию. Может быть, как предположила полиция, события минувшей ночи — выходка неизвестных вандалов, а кража чертежей — их нелепый каприз? Джерри подавил растущее возбуждение. Еще не все пропало.

Надеясь на такой поворот событий, Джерри вновь набрал номер Кэрл. На сей раз он не стал слушать по-

вторяющихся извинений и потребовал позвать ее к телефону. Наконец она взяла трубку.

— Я не хочу с тобой разговаривать, Джерри. Иди к черту.

— Да ты только послушай...

Она с грохотом бросила трубку, прежде чем он произнес следующее слово. Джерри тут же перезвонил. Когда Кэрол ответила и услышала его голос, она, казалось, изумилась тому, что он страстно желал искупить свою вину.

— К чему ты стараешься? — возмутилась она. — Боже мой, какой в этом толк?

Он слышал слезы в ее голосе.

— Хочу, чтобы ты почувствовала, как мне больно. Дай мне исправить все. Прошу тебя, позволь мне.

Она не ответила на его мольбу.

— Не бросай трубку. Пожалуйста. Я знаю, мне нет прощения. Боже, я знаю...

Она молчала.

— Ну просто подумай об этой возможности, хорошо? Дай мне шанс исправить все. Хорошо?

Очень тихо Кэрол произнесла:

— Не вижу смысла.

— Можно мне позвонить завтра?

Он услышал ее вздох.

— Можно?

— Да. Да...

Трубку повесили.

Джерри отправился на Леопольд-роуд с запасом в три четверти часа, но на полпути полил дождь, с большими каплями которого не справлялись дворники ветрового стекла. Движение замедлилось, и полмили машина едва ползла; сквозь пелену ливня проступали лишь красные огни стоп-сигналов идущего впереди автомобиля. Тянулись минуты, и беспокойство Джерри росло. К тому времени, когда он выбрался из пробки в поис-

ках свободного пути, он уже опаздывал. На ступенях бассейнов никто его не ждал, но чуть дальше стоял серо-голубой «ровер» Харви. Шофера за рулем не видно. Джерри нашел место для парковки на противоположной стороне и перебежал улицу под дождем. От машины до бассейнов было ярдов пятьдесят, но пока он достиг цели, он промок до нитки и задыхался. Дверь оказалась открыта: не желая мокнуть, Харви поработал с замком. Джерри нырнул внутрь.

В вестибюле Харви он не нашел, но кое-кто все же там был: мужчина ростом с Джерри, но в два раза шире. На руках — кожаные перчатки, лицо без признака мысли как будто из того же материала.

— Колохоун?

— Да.

— Мистер Харви ждет вас внутри.

— Кто вы?

— Чендамен,— ответил мужчина.— Идите.

В дальнем конце коридора горел свет. Джерри толкнул остекленные двери вестибюля и пошел туда. За спиной он услышал хлопок закрывшейся входной двери и звучавшие эхом шаги Чендамена.

Харви разговаривал с третьим мужчиной — ростом пониже Чендамена, с мощным фонарем в руке. Заслышав приближение Джерри, оба посмотрели на него и резко прервали разговор. Харви не поздоровался и не протянул руки, а только сказал:

— Явился не запыхавшись.

— Ливень...— начал Джерри, но потом подумал, что вид его сам говорит обо всем.

— Вы себя не бережете,— произнес человек с фонарем. Джерри сразу же узнал любезный голос звонившего ему.

— Фрайер?

— Он самый.

— Рад познакомиться.

Они пожали друг другу руки, а в это время Харви смотрел на Джерри во все глаза, будто искал на его плечах вторую голову. Целую бесконечно долгую минуту он молчал, спокойно наблюдая, как растет беспокойство на лице Джерри.

— А я ведь не такой дурак,— проговорил он в конце концов.

Неожиданное заявление требовало реакции.

— Я даже мысли не допускаю, будто вы — главный в этом деле,— продолжил Харви.— И я готов отнестись к вам снисходительно.

— О чем вы?

— Снисходительно,— повторил Харви.— Потому как вы, похоже, не понимаете. Не так ли?

Джерри лишь нахмурился.

— Именно так,— подал голос Фрайер.

— Похоже, вы даже теперь не понимаете, как здорово влипли? — поинтересовался Харви.

Джерри вдруг стало не по себе от того, что Чендамен стоял у него за спиной, и от собственной абсолютной уязвимости.

— Но я не считаю, что неведение благословенно,— продолжил Харви.— То есть даже если вы чего-то не понимаете, это не освобождает вас от ответственности, не так ли?

— Никак не возьму в толк, о чем вы,— мягко запротестовал Джерри.

В свете фонаря лицо Харви было бледным и усталым.

— Об этом месте,— пояснил Харви.— Я говорю об этом месте. О женщинах, которых вы здесь поселили... для меня. Что это значит, Колохоун? Вот единственное, что я хочу знать. Что все это значит?

Джерри чуть пожал плечами. Слова Харви сбивали его с толку, но Харви уже предупредил его, что непонимание не является оправданием. Возможно, единственным разумным ответом станет вопрос.

— Вы видели здесь женщин? — спросил Джерри.

— Точнее, шлюх,— ответил Харви. Его дыхание отдавало сигарным пеплом недельной давности.— На кого работаешь, Колохоун?

— На себя. Сделка, которую я вам предложил...

— К черту твою сделку,— оборвал его Харви.— Меня не интересуют сделки.

— Понимаю,— сказал Джерри.— Тогда я не вижу смысла продолжать наш разговор.

Он отступил на полшага от Харви, но тот выбросил руку и ухватил его за мокрый рукав пиджака.

— Я тебя еще не отпускал,— произнес Харви.

— У меня дела...

— Подождут,— ответил Харви, не ослабляя хватки.

Джерри сознавал: если он рванется к дверям, его остановит Чендамен. Но если он не попытается улизнуть...

— Я не люблю таких умников, как ты,— проговорил Харви, отпуская его рукав.— Думаешь, ты пуп земли только потому, что умеешь ловко говорить и носишь шелковый галстук? Вот что я тебе скажу,— он ткнул пальцем в горло Джерри,— ты — куча дерьма. Мне просто любопытно, кто за тобой стоит. Понял?

— Но я ведь уже сказал вам...

— На кого работаешь?! — Каждое слово Харви сопровождал тычком пальца.— Сейчас тебе будет очень больно.

— Ради бога, да ни на кого я не работаю! И ничего не знаю ни о каких женщинах.

— Не глупи, хуже будет,— посоветовал Фрайер, притворяясь обеспокоенным.

— Я говорю правду.

— Чувствую, парню надо сделать больно,— заметил Фрайер. Чендамен радостно заржал.— Ты этого добиваешься?

— Назови имена — и все,— сказал Харви.— Или мы переломаем тебе ноги.

Недвусмысленная угроза нисколько не прояснила мышления Джерри. Он не видел никакого выхода из

этой ситуации, кроме как настаивать на своей невинности. Если назвать фиктивных хозяев, ложь вскроется мгновенно, и последствия неудавшегося обмана будут страшными.

— Проверьте мои рекомендации,— взмолился Джерри,— вам же не составит труда все обо мне раскопать. У меня нет компаньонов, я работаю на себя. И всегда работал так.

Взгляд Харви на мгновение оторвался от лица Джерри и остановился на его плече. Сердце Колохоуна сжалось — он понял значение этого знака слишком поздно, чтобы приготовился к удару по почкам от человека за спиной. Джерри дернулся вперед, но не успел налететь на Харви, потому что Чендамен ухватил его за воротник и швырнул к стене. Джерри скрючился, ослепнув от боли. Он едва расслышал, что Харви снова спросил, кто его хозяин, и помотал головой. Череп был словно набит железными шариками, гремевшими в пустоте между ушами.

— Господи... господи...— бормотал Джерри, будто на ощупь подбирая слово для защиты от следующих ударов, но прежде, чем успел это сделать, его рывком выпрямили. Луч света бил прямо в лицо. Джерри было нестерпимо стыдно своих слез, катившихся по щекам.

— Имена,— потребовал Харви.

Шарики по-прежнему гремели.

— Еще разок,— приказал Харви, и Чендамен шагнул к Колохоуну. Харви остановил его, заметив, что Джерри вот-вот отключится. Кожаное лицо отодвинулось.

— Встать, когда я разговариваю с тобой,— велел Харви.

Джерри попытался выполнить приказ, но тело его не слушалось. Готовое умереть тело била дрожь.

— Встать,— повторил Фрайер, шагнув между жертвой и мучителем, и рывком поднял Джерри. Сейчас, когда Фрайер подошел совсем близко, Джерри почувствовал тот самый кислый запах, на который обратила вни-

мание Кэрол, когда они поднимались по ступеням крыльца: одетый Фрайера.

— Встать! — не унимался Харви.

Джерри поднял к лицу трясущуюся руку, прикрываясь от слепящего света. Он не видел ни одного из трех лиц, но смутно сознавал, что Фрайер загоразживал его от Чендамена. Справа от Джерри Харви чиркнул спичкой и поднес огонь к кончику сигары. Вот он, нужный момент: Харви отвлекся, а на линии удара — Фрайер, заслонивший Чендамена.

Нырнув под луч фонаря, Джерри метнулся от стены, исхитрившись выбить фонарь из рук Фрайера. Звякнув о кафель пола, фонарь погас.

Споткнувшись во внезапной темноте, Джерри сделал еще один рывок к свободе. За спиной он услышал проклятия Харви и то, как столкнулись Чендамен с Фрайером, нагнувшиеся в поисках упавшего фонаря. Он заковылял вдоль стены к концу коридора. Разумеется, путь назад к входной двери, где стояли его мучители, был отрезан. Он мог надеяться лишь на блуждание по лабиринту коридоров, лежавшему впереди.

Он добрался до угла и повернул направо, смутно припоминая, что этот маршрут уводит в сторону от главного коридора к вспомогательным переходам. Джерри удалось вырваться раньше, чем его покалечили, но избивание давало о себе знать. Каждый шаг отдавался сильной болью в низу живота и спине. Поскользнувшись на влажных плитках, он чуть не закричал от боли.

За его спиной опять орал Харви. Фонарь подобрали с пола, луч заметался по лабиринту в поисках Джерри. Он прибавил шагу, радуясь слабому свету, но не его источнику. Сейчас они кинутся следом. Если, как говорила Кэрол, в плане здания лежит простая спираль и коридоры представляют собой бесконечную замкнутую кольцевую систему, не имеющую выхода, то он заблудится. Но Джерри был упорным. Ориентируясь на возрастающее тепло, он двинулся в ту сторону в надежде

наткнуться на пожарный выход, который выведет его из западни.

— Он пошел туда,— сказал Фрайер.— Больше некуда. Харви кивнул. Да, Колохоун наверняка идет именно таким путем. От света к лабиринту.

— Ну что, за ним? — спросил Чендамен. Он жаждал продолжить начатое избиение.— Далеко убежать он не мог.

— Нет,— ответил Харви. Ничто, даже обещание рыцарского звания, не заставит его снова войти в лабиринт.

Фрайер уже удалился в коридор на несколько ярдов, светя фонарем по бликующим плиткам стен.

— Тепло! — сказал он.

Харви отлично знал цену этому теплу. Оно не было естественным, во всяком случае, для Англии. Здесь умеренный климат, потому-то Харви и не уезжал отсюда никогда. Душный зной других континентов порождал нелепости, которых он не переносил.

— Что делать будем? — спросил Чендамен.— Ждать, пока сам выползет?

Харви обдумал это предложение. Вонь из коридора начала беспокоить его, в животе бурлило, по коже бегали мурашки. Инстинктивно он приложил руку к паху. Страх иссушил мужество.

— Нет,— неожиданно сказал он.

— Нет?

— Ждать не станем.

— Ну не будет же он там сидеть вечно.

— Я сказал *нет!* — Харви не ожидал, что жара так сильно подействует на него. Страшно раздраженный тем, что Колохоуну удалось улизнуть, он чувствовал: если остаться здесь дольше, можно потерять самообладание.

— Вы двое идите в его квартиру и ждите,— приказал он Чендамену.— Рано или поздно он туда заявится.

— Вот зараза,— пробурчал Фрайер, возвращаясь из коридора.— Обожаю догонялки.

Похоже, его не преследуют — вот уже несколько минут Джерри не слышал голосов позади. Сердце забило ровнее. Теперь, когда адреналин уже не гнал его вперед и не отвлекал от боли в мышцах, Джерри перешел на неторопливый шаг. Тело протестовало даже против такого темпа.

Каждое движение сопровождалось невыносимой мукой, и Джерри, скользнув спиной по стене, тяжело опустился на пол и вытянул ноги поперек коридора. Вымокшая под дождем одежда прилипла к телу и горлу, она охлаждала и душила его одновременно. Он потянул узел галстука, затем расстегнул жилет и рубашку. Воздух в лабиринте веял теплом на влажную кожу, его прикосновение было приятным.

Джерри закрыл глаза и попытался не думать о боли. Что он ощущал, кроме игры нервных окончаний? Есть же какие-то приемы отделения рассудка от тела и, таким образом, от страдания. Но лишь только веки его сомкнулись, он услышал поблизости приглушенные звуки. Шаги, тихие голоса. Они не принадлежали Харви и его спутникам — голоса были женские. Джерри поднял налитую свинцом голову и приоткрыл глаза. То ли за несколько мгновений медитации он привык к темноте, то ли в коридор проник свет. Скорее всего, последнее.

Джерри поднялся на ноги. Пиджак стал лишним бременем, и Джерри сбросил его там, где сидел. Затем двинулся по направлению к свету. За последние несколько минут стало значительно жарче, и возникли легкие галлюцинации. Стены, казалось, утратили вертикальность, а воздух сменил прозрачность на мерцающее сияние.

Он свернул за угол. Свет стал ярче. Еще поворот — и Джерри очутился в небольшом помещении, выложенном кафелем. От жара у него перехватило дыхание. Он хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и смотрел на дверь противоположной стены, а воздух уплотнялся с каждым ударом его сердца. Желтоватый свет сиял, но Джерри не находил сил, чтобы сделать хо-

тя бы шаг: жара доконала его. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, он протянул руку к стене в поисках опоры, но ладонь скользнула по влажным плиткам. Джерри повалился на бок, не удержавшись от крика.

Охая от боли, он подтянул ноги к животу и остался лежать там, где упал. Если Харви услышал его крик и послал своих помощников в погоню — будь что будет. Плевать.

Шорох движения донесся до него. Оторвав голову на дюйм от пола, Джерри чуть приоткрыл глаза. В дверном проеме появилась обнаженная девушка; а может, ее нарисовало головокружение. Кожа девушки блестела, точно намашенная, на груди и бедрах виднелись подтеки, похожие на запекшуюся кровь. Скорее всего, это не ее кровь: ран на блестящем теле не было.

Девушка начала смеяться над ним, и веселый, беззаботный смех заставил его почувствовать себя дураком. Мелодичность этого смеха, однако, очаровала Джерри, и он сделал над собой усилие, стараясь получше разглядеть девушку. Продолжая смеяться, она направилась к Джерри через комнату, и тогда он увидел, что за ней следуют другие. Значит, вот о ком говорил Харви. Ловушка, в устройстве которой обвиняли Джерри.

— Кто вы? — пробормотал он, как только женщины подошли ближе. Смех оборвался, когда девушка опустила глаза на его скрученное болью тело.

Джерри попробовал сесть прямо, но руки свело, и он вновь скользнул на плитки. Девушка не ответила на вопрос и не помогла ему подняться. Она просто смотрела вниз на Джерри, как пешеход смотрит на пьяного в канаве, и лицо ее оставалось непроницаемым. Джерри же, глядя вверх на девушку, чувствовал, что близок к потере сознания. Жара, боль и это внезапное явление красоты были почти непереносимы. Стоявшие поодаль спутницы расплывались в темноте, все помещение сворачивалось, будто картонная коробка фокусника, а глядевшее на Джерри совершенное существо полностью

завладело его вниманием. Теперь, по безмолвному настоянию девушки, разум Джерри словно ослеп, и он весь устремился к ее коже; ее тело стало пейзажем, каждая пора — как яма, каждый волосок — как столб. Джерри принадлежал ей всецело. Она утопила его в своих глазах, оцарапав ресницами, она прокатила его вниз вдоль округлости живота и по шелковистой ложбинке спины. Она укрыла его меж ягодич и пустила вверх в жаркое чрево, а затем выпустила наружу, лишь стоило ему подумать, что он вот-вот сгорит заживо. Неистовая скорость оживила его. Он сознавал, что где-то там, рядом, осталось его содрогающееся от ужаса тело; но его беспечное воображение, послушное желанию незнакомки, кружилось, как птица, пока его, измученного и ошеломленного, не швырнули назад в чашу черепа. Прежде чем Джерри смог прикоснуться к хрупкому инструменту причины и сути только что испытанного чуда, его веки затрепетали, опустились и он потерял сознание.

Телу не нужен рассудок. У него хватает своих дел: наполнять и опустошать легкие, качать кровь, получать пищу — и все эти процессы лежат вне полномочий мысли. Лишь когда что-то из процессов спотыкается или тормозит, рассудок получает информацию о сложном механизме тела. Обморок длился лишь несколько минут, но когда Джерри очнулся, он осознал (как порой бывало и прежде), что его тело — ловушка. Хрупкость тела — ловушка, его форма, размеры и даже пол — все сплошная ловушка. И выхода из нее нет. Словно в кандалах, он прикован к ней или *в ней*, в этой руине.

Эти мысли приходили и уходили. А в паузах между ними пролетали скоротечные грезы, в которые Джерри с беззаботной легкостью проваливался, и еще более редкие мгновения, когда он пытался рассмотреть мир вокруг себя.

Женщины подняли его. Голова Джерри свисала вниз, волосы касались пола. «Я — трофей», — успел подумать

он в момент просветления; затем вновь — темнота. Когда он выкарабкался из забытья, его несли вдоль края большого бассейна. Его ноздри переполняли противоречивые запахи — восхитительные и зловонные одновременно. Краем затуманенного глаза он видел воду — такую яркую, что она вспыхивала, когда лизала борта бассейна, — и кое-что еще: тени, скользящие в ее сиянии.

«Они собираются меня утопить, — подумал Джерри. А затем: — Я уже тону». Он вообразил, что вода наполняет рот, представил себе, как тени, которые он видел в воде, набиваются ему в глотку и проскальзывают в желудок. Тело его содрогнулось в конвульсиях, пытаясь отрыгнуть их обратно.

На лицо ему легла ладонь. Она была блаженно прохладной.

— Тс-с-с, — прошептал кто-то, и бред утас.

Джерри чувствовал себя так, будто его уговорили вернуться в сознание из иллюзорных страхов.

Ладонь с лица убрали. Джерри огляделся вокруг. Мрачноватое помещение для спасения; но его взгляд не проник далеко. На другой стороне комнаты, напомиравшей общественную душевую, несколько торчащих высоко из стены труб выплевывали упругие дуги водяных струй на плитки пола, откуда по желобам вода сбегала в шпигаты. Воздух заполняли мелкая водяная пыль и брызги. Джерри сел. За каскадной вуалью влаги различалось некое движение, и движущаяся фигура была слишком крупной, чтобы принадлежать человеку. Джерри всмотрелся сквозь пелену брызг — животное? Чувствовался резкий запах, напоминающий запах зверинца.

Стараясь двигаться с максимальной осторожностью, дабы не привлечь внимания зверя, Джерри попытался подняться. Однако ноги его не справлялись с задачей. Все, что ему удалось, — лишь немного проползти на четвереньках через комнату и вновь взглядеться: один зверь смотрел на другого сквозь водяную завесу.

Джерри понял, что его учуяли и раскинувшееся на полу темное существо смотрит на него. Под этим взором Колохоун покрылся мурашками, но не смог отвести глаз. Когда он прищурился, чтобы рассмотреть зверя получше, вспышки свечения возникли внутри тела существа и побежали трепещущими волнами желтоватого света снизу вверх и поперек огромной туши, будто демонстрирующей себя человеку.

Это была *она*. Джерри знал наверняка, что существо — женского рода, хотя никаких признаков пола не разглядел. Когда рябь люминесценции засверкала на теле животного, с каждой вспышкой оно стало являть себя в новой необыкновенной конфигурации. Джерри наблюдал, думая о чем-то тягучем, жарком и расплавленном — о стекле, например, или камне: ее плоть выливалась в искусные формы и возвращалась в горнило, чтобы истечь в новом обличье. Ни головы, ни конечностей у существа не обнаруживалось, но на туловище виднелись гроздьях ярких пузырьков (должно быть, глаза), а с поверхности тела то здесь, то там выбрасывались вверх радужные ленты. Они неторопливо и неярко вспыхивали и, казалось, воспаменяли воздух.

Внезапно существо издало серию негромких звуков, похожих на вздохи. Джерри подумал: если они адресованы ему, как нужно отвечать? Услышав за спиной шаги, он оглянулся в надежде получить указания от одной из женщин.

— Не бойся,— проговорила она.

— Я не боюсь,— ответил Джерри.

Он и в самом деле не боялся. Чудовище перед ним возбуждало и держало в напряжении, но не пугало.

— Кто она? — спросил он.

Женщина подошла совсем близко. Ее кожа, облитая мерцающим игривым светом, исходящим от существа, была золотистой. Вопреки обстоятельствам (или благодаря им) Джерри почувствовал прилив желания.

— Это мадонна. Непорочная Мать.

— Мать? — повторил Джерри, поворачивая голову, чтобы еще раз взглянуть на мадонну. Волны фосфоресценции стихли. Теперь свет пульсировал лишь в одной части тела, и в этом месте, в одном ритме с пульсом, плоть мадонны набухала и разделялась. За спиной Джерри снова услышал шаги, и к шуму воды добавились шепот, мелодичный смех и хлопанье в ладоши.

Мадонна рожала. Набухшая плоть раскрывалась, жидкий свет хлынул потоком, запах дыма и крови наполнил душевую. Девушка вскрикнула, словно сочувствовала Матери. Хлопки зазвучали громче, и внезапно плоть — в том месте, где она разделилась, — сократилась и выдавила на кафельный пол дитя: нечто среднее между кальмаром и ягненком без шкуры. Струи воды из труб тут же привели его в сознание, и ребенок откинул голову назад, чтобы оглядеться. Его единственный огромный глаз смотрел осмысленно. Несколько минут новорожденный корчился на полу, пока стоявшая рядом с Джерри девушка не вошла под завесу воды и не взяла его на руки. Беззубый рот младенца тут же отыскал ее грудь.

— Это не человек... — пробормотал Джерри. Он не был готов увидеть ребенка столь необычного и в то же время явно разумного. — И что, все... все ее дети такие?

Кормилица опустила глаза на живой комочек в своих руках.

— Ни один не похож на предыдущего, — ответила она. — Мы вскармливаем их. Некоторые умирают. А кто выживает, тот живет своей собственной жизнью.

— Бог ты мой, да где же они живут-то?

— В воде. В море. В снах и грезах.

Воркующим голосом она заговорила с ребенком. Рифленая конечность новорожденного — по ней, как по телу матери, бежал свет — покачивалась в воздухе от удовольствия.

— А отец?

— Ей не нужен муж, — последовал ответ. — Если ей захочется, она сможет иметь детей и от дождевых струй.

Джерри оглянулся на мадонну. Ее сияние почти полностью утасло. Громадное тело выбросило завиток шафранного света, который коснулся водяной завесы и отбросил пляшущие узоры на стену. Затем она замерла. Когда Джерри повернулся к кормилице с ребенком, их уже не было. Исчезли и остальные женщины. Кроме одной — той, что появилась первой. Она сидела у противоположной стены душевой, на ее лице играла улыбка, а ноги были широко расставлены. Он взглянул на ее лицо и вновь — на ее лицо.

— Чего ты боишься? — спросила она его.

— Да не боюсь я.

— Почему же не идешь ко мне?

Он поднялся, пересек комнату и подошел к девушке. За его спиной все так же плескалась и сбегала по плиткам вода, а из-за водяной вуали слышалось утробное бормотанье мадонны. Ее присутствие не пугало Джерри. Он и ему подобные не интересовали такое создание. Если она способна его видеть, то наверняка считает его странным и нелепым. Господи! Да он самому себе казался нелепым. Ему больше нечего терять — ни надежды, ни достоинства не осталось.

Завтра этот мир покажется сном: вода, дети, красавица, поднявшаяся с пола, чтобы обнять его. Завтра он решит, что на день умер и посетил душевую ангелов. А сейчас он приложит все усилия, чтобы использовать момент.

Они занялись любовью, Джерри и улыбающаяся девушка. Когда он пытался припомнить детали совокупления, он не мог понять, делал ли хоть что-нибудь вообще. Память выхватывала лишь зыбкие мгновения — не о поцелуях, не о самом сексе, а о тонкой струйке молока из груди красавицы и о том, как она бормотала: «Никогда... Никогда...» — пока их тела сплетались воедино. Потом все закончилось, а девушка была спокойна и безразлична. Больше ни слов, ни улыбок. Она просто оставила его одного во влажной душевой. Джерри застегнул

грязные брюки и ушел, предоставив мадонне ее плодородие.

Короткий коридор вел из душевой к большому бассейну. Он был — как Джерри смутно запомнил, когда они его несли к мадонне, — полон до краев. Многочисленные отпрыски мадонны резвились в искрящейся светом воде. Женщины исчезли, но дверь в коридор, ведущий наружу, оставили открытой. Не успел Джерри выйти за порог и сделать несколько шагов, как дверь захлопнулась у него за спиной.

Только теперь — увы, слишком поздно — Эзра Харви понял: возвращение в бассейны (даже ради акта устрашения, традиционно доставившего ему удовольствие) было ошибкой. Оно приоткрыло рану, которую, как надеялся Харви, почти удалось залечить. Также оно оживило воспоминания о его предыдущем визите сюда: о женщинах и о том, что они показали ему. Эти воспоминания он старался прояснить, прежде чем постигнуть их истинную суть. Женщины каким-то образом одурманили его. А затем, когда он ослабел и потерял самоконтроль, использовали его для своих забав. Они кормили его грудью, как младенца, они забавлялись им, как игрушкой. Всплывающие воспоминания буквально ошеломяли его; но были и другие, слишком глубокие, чтобы охарактеризовать их в полной мере. Они шокировали, ввергали в ужас: о какой-то потаенной комнате, о воде, падающей завесой, о темноте, вселявшей страх, и о люминесценции, вселявшей страх еще больший.

Пришло время, решил он, растоптать эти бредни и разом покончить со всеми сложностями. Харви был из тех, кто никогда не забывал одолжений — как сделанных, так и принятых. Незадолго до одиннадцати у него состоялось два телефонных разговора, как раз на предмет возвращения кое-каких долгов. Что бы ни поселилось на Леопольд-роуд, житья этим тварям в бассейнах

не будет. Удовлетворенный своими ночными маневрами, Эзра отправился наверх, в спальню.

Возвратившись после инцидента с Колохоуном, замерзший и встревоженный, Харви выпил больше половины бутылки шнапса. Только сейчас спирт начал действовать на него. Конечности налились свинцом, голова отяжелела еще больше. Даже не раздевшись, он прилег на двуспальную кровать на несколько минут, чтобы позволить чувствам проясниться. Когда он очнулся, была половина второго ночи.

Харви сел. Живот опять крутило, да и все тело ныло. В свои пятьдесят с лишним болел он редко: благополучие и успех сдерживали нездоровье. Но сейчас он чувствовал себя ужасно. Головная боль едва не ослепляла, и, запинаясь, ничего не видя перед собой, Харви на ощупь спустился в кухню. Там он налил себе стакан молока, сел за стол и поднес молоко к губам. Но не выпил. Его взгляд случайно упал на руку, державшую стакан. Сквозь пелену боли Харви впился в нее взглядом. Она не походила на *его* собственную руку — она была слишком изящной и гладкой. Дрожа, он опустил стакан на стол, но тот опрокинулся, и молоко, разлившись по тиковой столешнице, потекло на пол.

Звук капель молока о плитки пола будил странные мысли. Харви поднялся на ноги и нетвердой походкой побрел в кабинет. Ему сейчас нужен был кто-нибудь рядом — кто угодно. Он достал записную книжку и, вглядываясь в странички, попытался найти смысл в небрежных записях, но цифры расплывались перед глазами. В душе росла паника. Может, это безумие? Иллюзия его трансформировавшейся руки, неестественные ощущения, пронизывающие тело. Харви попытался расстегнуть рубашку, и рука, повинаясь команде, встретилась с еще одной иллюзией — более абсурдной, чем первая. Непослушными пальцами он потянул за ткань рубашки, твердя себе, что ни первая, ни вторая — невозможны.

Но очевидность была явная. Харви прикасался к телу, более ему не принадлежащему. Отдельные участки родного тела: плоть, кости, шрам от аппендицита внизу живота, родимое пятно под мышкой — еще оставались, однако изменилась суть организма (и продолжала меняться на глазах), обретя признаки, казавшиеся Харви отвратительными и постыдными. Он хватал и терзал эти формы, обезобразившие его туловище, будто от таких действий они могли рассосаться; но лишь расцарапал себя до крови.

В свое время на долю Эзры Харви выпало немало страданий, и почти все страдания он причинял себе сам. Ему пришлось посидеть в тюрьме, испытать физические травмы, пережить предательства красивых женщин. Но те страдания не шли ни в какое сравнение с нынешними муками. Он перестал быть собой! Его тело забрали, пока он спал, а ему оставили плоть какого-то оборотня. Ужас свершившегося вдребезги разбил его самолюбие и подверг рассудок жестокой встряске.

Не в силах удержаться от рыданий, он потянул за ремень брюк.

— Пожалуйста,— бормотал он.— Господи, прошу Тебя, позволь мне снова стать самим собой!

Слезы слепили Харви. Он смахнул их ладонью и опустил взгляд на свой пах. Увидев, какое уродство прогрессировало там, он взревел так, что задрожали оконные стекла.

Харви никогда не увиливал от прямого ответа; он считал, что долгие рассуждения — плохой помощник в делах. Он не знал, насколько глубоко трансформация вошла в устройство его организма; да ему, по большому счету, это было не очень-то важно. Он думал лишь об одном: сколько раз ему придется умирать от стыда, если это мерзкое состояние явит себя миру. Вернувшись на кухню, Харви взял из ящичка огромный мясницкий нож, поправил одежду и вышел из дома.

Слезы высохли. Сейчас они — излишняя роскошь, а Харви не был расточительным. Он вел машину по пустому городу к реке, затем — через мост Блэкфраерс. Там он припарковал машину и спустился к кромке воды. В ту ночь воды Темзы вздымались высоко и стремительно, гребни волн обметали стежки белой пены.

Лишь теперь, когда Харви зашел так далеко, почти не осмысляя свои намерения, страх смерти приостановил его. Он был состоятельным человеком, он обладал властью, так неужели нет иных путей выхода из ордалии*, чем тот, по которому он бросился очертя голову? Есть лекарства, что повернут вспять охватившее его клетки помешательство; есть хирурги, способные отхватить пораженные части тела и скроить заново его самого. Но как много времени потребуется на преодоление кризиса? Рано или поздно процесс начнется заново — Харви знал это. Ему ничто не поможет.

Порыв ветра сбил с волн пену. Она рассыпалась на брызги, ударила ему в лицо и сорвала печать с его беспмятства. Мгновенно он вспомнил все: душевую, водяные струи, бьющие в пол из труб в стене, жаркую духоту, женщин, смеющихся и аплодирующих. И наконец, то, что скрывалось за водяной завесой: существо пострашнее любой твари женского пола, какую его помрачившийся от горя рассудок мог воспроизвести. Он совокуплялся на глазах этой бегемотихи, и в ярости случки — в тот момент, когда он на секунду забыл самого себя, — шлюхи обернули его экстаз против него. Какой смысл теперь жалеть... Что сделано, то сделано. По крайней мере он подготовил все для уничтожения их логова. А сейчас он прибегнет к собственноручной хирургии и избавится от того, что они умудрились наколдовать, не дав им возможности полюбоваться плодом своего мерзкого труда.

* Суровое испытание, суд Божий.

Ветер был жутко холодным, зато кровь Харви была горяча. Она обильно текла, когда он резал себя. Темза с воодушевлением принимала возлияния, лизала его ноги и крутила вокруг них водовороты. Харви, однако, закончить работу не успел — потеря крови сломила его. Ну и что, подумал он, когда колени подкосились и он повалился в воду; никто ничего не узнает, кроме рыбок. Когда река сомкнулась над ним, на губах его замерла молитва о том, чтобы смерть не оказалась бабой.

Задолго до того, как Харви проснулся в ночи и обнаружил бунт своего тела, Джерри вышел из бассейнов, сел в машину и попытался доехать до дому. Однако эта простейшая задача оказалась ему не под силу. Зрение и способность ориентироваться изменили ему, и на перекрестке он чуть не попал в аварию. Тогда он припарковал машину и решил отправиться домой пешком. Воспоминания о том, что приключилось с ним в бассейнах, были смутными, хотя времени прошло совсем немного. Голова полнилась странными ассоциациями. Он шагал по улицам, но рассудок его пребывал в полусне. Появление Чендамена и Фрайера, притаившихся в спальне его квартиры, швырнуло Джерри назад, в реальность. Не дожидаясь их приветствий, он развернулся и бросился бежать. Сидя в засаде, бандиты опустошили его запасы спиртного и реагировали не так быстро — пустились вдогонку, когда он уже выбежал из дома.

Джерри направился к Кэрл, но ее дома не оказалось. Можно и подождать. Полчаса он посидел на ступенях крыльца ее дома, а когда пришел жилец с верхнего этажа, Джерри попросился внутрь — в относительное тепло лестницы. На ступеньках ее он продолжил дежурство. Там он задремал и во сне отправился обратно к перекрестку, где осталась брошенная машина. Мимо него проследовала большая толпа.

— Куда вы? — спросил Джерри.

— Смотреть на яхты, — ответили ему.

— Что за яхты? — не понял он.

Но люди, оживленно переговариваясь, удалялись. Небо было темным, однако улицы освещались голубоватым светом, не дающим теней. В тот момент, когда Джерри почти дошел до места, откуда были видны бассейны, он услышал громкий звук, похожий на всплеск. Поворачивая за угол, он вдруг увидел приливную волну, катящуюся по Леопольд-стрит.

— Как называется это море? — спросил он у чаек над головой. Острый привкус соли в воздухе дарил уверенность в том, что эти воды — никак не река, но море.

— А какая разница, что это за море? — отвечали чайки. — Разве все моря — не единое море?

Джерри стоял и смотрел, как лениво бегут невысокие волны, накрывшие бетонированную площадку: их наступление, на первый взгляд плавное, опрокидывало фонарные столбы и так стремительно подмывало фундаменты домов, что те беззвучно рушились и исчезали под покровом бесстрастного студеного прилива. Вскоре волны уже лизали ноги Джерри. Рыбки — маленькие серебряные стрелки — искрились в воде.

— Джерри?

На лестнице стояла Кэрл и смотрела на него.

— Что с тобой стряслось?

— Я чуть не утонул, — ответил он.

Джерри поведал ей о западне, устроенной Харви на Леопольд-роуд, о том, как его били, затем о головорезах в квартире. Кэрл слушала с прохладным сочувствием. Ни слова, однако, он не сказал ни о беге по спирали, ни о женщинах, ни об увиденном в душевой. Он не сумел бы обстоятельно рассказать об этом, даже если бы захотел: каждый час, прошедший после ухода из бассейнов, отнимал у Джерри уверенность в реальности увиденного там.

— Хочешь остаться у меня? — спросила Кэрл, когда рассказ закончился.

- Думал, ты уже никогда не предложишь.
- Пойди прими ванну. Ты уверен, что кости целы?
- Да я бы уже почувствовал...

Кости-то целы, зато других отметок на теле предостаточно: туловище покрывала пестрая мозаика вызревающих синяков и все болело — от головы до пяток. Отмокнув в течение получаса, Джерри выбрался из ванны и обследовал себя перед зеркалом: его тело словно распухло от ударов, кожа на груди натянулась и стала гладкой. Зрелище не из приятных.

— Завтра первым делом надо сходить в полицию,— сказала Кэрол, когда чуть позже они лежали рядом.— И сделать все, чтобы этого ублюдка Харви посадили.

— Хорошо бы...

Кэрол склонилась над Джерри. Его лицо побелело от усталости. Она легонько поцеловала его.

— Хочу любить тебя,— проговорила она. Джерри смотрел в сторону.— Зачем ты все так осложняешь?

— Разве?

Веки его падали. Кэрол хотела скользнуть рукой под банный халат, который Джерри не снял, и приласкать его. Не совсем понимая причин его стыдливости, она всегда находила ее очаровательной. На этот раз, однако, сдержанная отстраненность позы Джерри подсказала Кэрол: он не хочет, чтобы его трогали; и она отступилась.

— Я выключу свет,— сказала Кэрол, но Джерри уже спал.

Прилив не был милостивым к Эзре Харви. Подхватив тело, он играючи помотал его туда-сюда, словно приглашенный к обеду гость, наевшийся и потерявший аппетит, а затем протащил вниз по реке около мили и, устав от тяжести, бросил. Течение передало труп более спокойным водам у береговой линии, и там — на траверзе Баттерси — он зацепился за швартовый конец.

! Прилив ушел, а Харви остался. Уровень воды спадал, а безжизненное тело обнажалось дюйм за дюймом: отлив выставлял его на обозрение утренней заре. К восьми часам трупом любовалось не только утро.

Джерри разбудил шум воды из ванной комнаты, смежной со спальней. Шторы в комнате были еще задернуты, и лишь узенький лучик света падал на кровать. Желая от него спрятаться и зарыться головой в подушку, Джерри передвинулся, но разбуженный рассудок стал накручивать мысли. Впереди ждал трудный день, и необходимо решить, что именно рассказать полиции о недавних событиях. Возникнут вопросы, и некоторые из них могут оказаться весьма неприятными. Чем скорее Джерри продумает свою историю, тем более обоснованно и неопровержимо она прозвучит. Он перекатился обратно и откинул простыню.

Когда он опустил глаза на свое тело, первой мыслью было: он еще не проснулся до конца. Наверное, он все еще лежит, уткнувшись лицом в подушку, а пробуждение ему снится. Как снится и его тело — с налившимиися грудями и мягким округлым животом. Это чужое тело — ведь его собственное было противоположного пола.

Джерри попытался очнуться и сбросить с себя кошмар, но возвращаться из сна было некуда. Он уже вернулся. Измененная анатомия принадлежала ему; щель лона, бархатистость кожи, необычный вес — все было *его*. За несколько часов, прошедших после полуночи, его расчленили и вживили в новый образ.

Шум воды из-за двери ванной внезапно вернул ему образ мадонны. И образ женщины, соблазнившей его. Женщины, которая шептала, когда он, хмурясь, толчками входил в нее: «Никогда... Никогда...» Она сообщала Джерри — откуда ему было знать! — что для него это последнее совокупление в роли мужчины. Они сгово-

рились, женщина и мадонна, сотворить с ним такое чудо. И не стало ли главной неудачей его жизни то, что он не уберег свой пол, что сама мужественность в виде благополучия и влияния была ему обещана — и тут же вырвана из рук?

Джерри поднялся с кровати, покрутил перед собой руки, разглядывая их обретенное изящество, погладил ладонями груди. Он не испугался, но и радоваться было нечему. Джерри принял этот *fait accompli**, как принимает свое состояние ребенок — не сознавая, что хорошего или плохого оно несет ему.

Возможно, там, откуда это пришло, осталось еще немало чудес. Если так, он отправится в бассейны и откроет их для себя; дойдет по спирали до ее жаркого истока и поговорит о тайнах с мадонной. Есть чудеса на белом свете! Есть на белом свете силы, способные кардинально изменить плоть, не пролив и капли крови. Способные бросить вызов деспотии реальности и пробить брешь в ее каменной стене!

Вода в душе по-прежнему шумела. Подойдя к приоткрытой двери ванной, Джерри заглянул внутрь. Душ был включен, но Кэрол сидела на краешке ванны, прижав руки к лицу. Она услышала шаги Джерри. Ее била дрожь. Головы она не подняла.

— Я видела... — сказала она. Голос был горловым, низким, с едва сдерживаемым отвращением. — Я схожу с ума?

— Нет.

— Тогда что происходит?

— Не знаю, — просто ответил он. — Тебе это кажется ужасным?

— Отвратительно. Мерзко... Я даже смотреть на тебя не хочу. Слышишь? Я видеть тебя не могу!

Джерри не стал спорить. Она знать его не хочет и имеет на это право.

* Свершившийся факт (*фр.*).

Выскользнув из ванной в спальню, он натянул вечернюю несвежую и перепачканную одежду и отправился к бассейнам.

Джерри пришел незамеченным, а если кто-то по пути и замечал странность в облике прохожего — несоответствие одежды телу, на которое она надета, — то отворачивался, не желая задаваться таким вопросом в такой час.

Придя на Леопольд-роуд, Джерри увидел на ступенях несколько человек. Он не знал, что говорили они о предстоящем разрушении. Джерри помедлил у входа в магазин через дорогу от бассейнов, пока тройца не убралась восвояси, и затем направился к входной двери. Он боялся, что замок сменили, но старый висел на месте. Джерри без труда вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Он не захватил фонарь, но, углубившись в лабиринт, доверился инстинкту, и тот не подвел его. После нескольких минут разведки в темных коридорах Джерри споткнулся о брошенный им накануне пиджак и через пару поворотов попал в помещение, где смеющаяся девушка вчера нашла его. Слабый свет, напоминавший дневной, шел со стороны бассейна. Кроме последних признаков того свечения, что впервые привело его сюда, больше здесь не осталось ничего.

Он поспешил через комнату; надежды его таяли с каждым шагом. Бассейн по-прежнему был полон до краев, но свечение почти иссякло. Джерри вгляделся в мутноватую поверхность: ничто не двигалось в глубине. *Они ушли.* Матери, дети. И, без сомнения, первопричина. Мадонна.

Джерри прошел в душевую. Да, она исчезла. Более того — помещение было разгромлено, словно в приступе злобы. Плитки сбиты, трубы выдраны из стен. Повсюду брызги и потеки крови.

Повернувшись спиной к руинам, Джерри пошел назад к бассейну, гадая, не его ли вторжение так напугало обитателей и заставило покинуть импровизированный храм. Какой бы ни была причина, колдуньи исчезли, не позволив ему разгадать тайну, а он, творение их рук, должен теперь сам о себе позаботиться.

В отчаянии Джерри брел вдоль кромки бассейна. На спокойной поверхности воды вдруг пробудился круг ряби и начал шириться в такт ударам его сердца. Во все глаза смотрел он, как маленький водоворот, набирающий силу, распахивался на ширину бассейна. Уровень воды внезапно стал падать. Водоворот на глазах превращался в огромную воронку, пенящуюся по краям. Где-то на дне бассейна открыли кингстон, и вода уходила. Может, через нее ушла и мадонна? Джерри бросился к дальнему концу бассейна и вгляделся в плитки. Так и есть! Уползая из своего храма к спасительному бассейну, она оставила след чуть светящейся жидкости. И если именно туда ушла *она*, почему бы и остальным не последовать за ней?

Куда сливались эти воды, ему никогда не узнать. Может, в канализационные коллекторы, оттуда — в реку и, наконец, к морю. К смерти от утопления; к исчезновению чуда. Или по какому-то секретному каналу — в глубь земли, к святой святых, недоступной для любопытных глаз, где исступленный экстаз не в запрете.

Вода пришла в неистовство, когда давление набрало силу. Водоворот бешено кружился, пенился и плевался. Джерри вгляделся в его очертания. Ну конечно, спираль, изящная и неумолимая! Шум воды, уровень которой падал стремительно, превратился в оглушительный рев. Очень скоро он стихнет, дверь в иной мир захлопнется и исчезнет.

Выбора у Джерри не осталось: он прыгнул. Водоворот мгновенно подхватил его. У Джерри едва хватило времени глотнуть воздуха, прежде чем его утянуло под

воду и повлекло кругами, глубже и глубже. Он почувствовал, как его ударило о дно бассейна, а затем перевернуло и потянуло к эпицентру воронки. Джерри открыл глаза. И в то же мгновение вода увлекла его к краю пропасти и — за край. Взяв человека под свою опеку, поток подхватил его и понес, яростно швыряя из стороны в сторону.

Впереди забрезжил свет. Как далеко расстояние до него, Джерри угадать не мог, но разве это имело значение? Если он утонет прежде, чем достигнет источника света, и путешествие закончится смертью — что с того? Смерть теперь казалась не более бесспорной, чем призрачная мужественность, в которой он прожил все эти годы. Определения годятся лишь для того, чтобы их меняли либо выворачивали наизнанку. Мир прекрасен, не так ли, и, наверное, полон звезд. Джерри открыл рот и закричал в вихрь водоворота, а свет все ширился и ширился, как гимн, воспевающий парадокс.

Дети Вавилона

Почему Ванесса никогда не могла устоять перед дорогой без указателей, перед колеей, что вела бог знает куда? Этот энтузиазм в погоне за приключениями уже доставил ей немало неприятностей. Роковая ночь, когда она заблудилась в Альпах; случай в Марракеше, едва не закончившийся изнасилованием; приключение с учеником шпагоглотателя в дебрях Нижнего Манхэттена. Горький опыт должен был чему-то научить, однако все равно, когда приходилось выбирать между известным и неизвестным маршрутами, Ванесса без колебаний выбирала второй.

Вот, к примеру, эта дорога, извивавшаяся по направлению к побережью Кинтоса, — что она сулила? Скудную поездку через окрестные пустоши, поросшие кустарником, возможность столкнуться по пути с козой и вид со скал на голубое Эгейское море. Ванесса могла бы наслаждаться таким видом из окна своего номера в отеле на побережье Мерики, не вставая с постели. Но другие дороги, отходившие от перекрестка, были слишком четко обозначены: одна в Лутру, где стояла разрушенная венецианская крепость, другая к Дриопису. Ванесса не бывала в этих местах, хотя слышала, что они очаровательны. Тот факт, что деревни столь ясно обозначены, серьезно портил их привлекательность — по крайней мере, для Ванессы. Но дорога, направлявшаяся в нику-

да, вела в *неназванное*. Веский аргумент в ее пользу. Это подогрело интерес, и Ванесса отправилась в путь.

Ландшафт по обеим сторонам дороги — или колеи, в которую она вскоре превратилась, — был ничем не примечательным. Даже козы, и те отсутствовали, а редкая растительность выглядела несъедобной. Нет, остров не походил на райское место. В отличие от Санторина с его живописным вулканом или Миконоса — этого Содома Киклад — с его роскошными пляжами и еще более роскошными отелями, Кинтос не имел ничего, что соблазнило бы туристов. Именно потому Ванесса и оказалась здесь: хотелось забраться подальше от людей. Эта дорога, несомненно, ей поможет.

Крик, что донесся от холмов слева, не мог не привлечь ее внимания. В нем звучал страх, и он легко перекрыл ворчание двигателя взятой напрокат машины. Ванесса остановила допотопное средство передвижения и выключила мотор. Крик раздался снова, и на этот раз он сопровождался выстрелом. Потом пауза, и второй выстрел. Не раздумывая, она распахнула дверь и шагнула на дорогу. Воздух благоухал песчаными лилиями и диким тимьяном — ароматами, которые бензиновое зловоние внутри машины успешно перебивало. Вдохнув аромат поглубже, Ванесса услышала третий выстрел и увидела фигуру — слишком далеко отсюда, на таком расстоянии не узнаешь даже собственного мужа. Фигура взобралась на макушку одного из холмов и тут же снова скрылась в ущелье. Через несколько мгновений появились и преследователи. Выстрелили еще раз — как Ванесса с облегчением поняла, скорее в воздух, чем в человека. Они словно желали предупредить, а не убить. Рассмотреть преследователей оказалось так же трудно, как и преследуемого, и лишь одна зловещая деталь бросалась в глаза: они были в развевающихся черных одеяниях.

Стоя возле машины, Ванесса колебалась: сесть ли за руль и уехать прочь или подойти и разобраться, что означает эта игра в прятки. Выстрелы — звуки не особенно приятные, но как можно повернуться спиной к такой загадке? Люди в черном исчезли вслед за своей добычей, и Ванесса двинулась к месту, которое они только что покинули, изо всех сил стараясь не высовываться.

В подобной ничем не примечательной местности расстояния обманчивы, один песчаный холм походит на другой. Пока Ванесса целых десять минут искала дорогу в зарослях, она потеряла из виду ту точку, где исчезли преследуемый и преследователи, и заплутала среди травянистых холмов. Крики давно стихли, выстрелы тоже; слышались лишь голоса чаек и стрекочущие переключки цикад у ног.

— Проклятье, — выругалась Ванесса. — Зачем я это делаю?

Она выбрала самый большой холм и потащила вверх по его склону. Ноги ее скользили по песчаной почве, и Ванесса размышляла, можно ли с выбранной позиции разглядеть потерянную дорогу или хотя бы море. Если бы ей удалось отыскать скалы, она могла бы сориентироваться относительно места, где оставила машину, и двинуться в том направлении, чтобы рано или поздно добраться до дороги. Но холмик был слишком невысоким, и все, что открывалось с его вершины, лишь подчеркивало изоляцию Ванессы. Повсюду, куда ни глянь, те же неотличимые друг от друга холмы, сторбившиеся под полуденным солнцем. Чувствуя подступающее отчаяние, Ванесса лизнула палец и подставила его ветру. Она рассудила, что ветер должен дуть со стороны моря и нужно использовать эту незначительную информацию, чтобы вычертить в уме карту местности. Бриз был слишком слабым, но он оставался единственным ее советчиком и Ванесса отправилась в ту сторону, где, как она надеялась, находилась дорога.

После пяти минут ходьбы то вверх, то вниз по холмам, задыхаясь, она поднялась на один из склонов и обнаружила не свою машину, а скопище зданий, выбеленных известкой, над которыми возвышалась квадратная башня. Дома окружала высокая стена, словно гарнизон. Ничего этого не было видно с предыдущего холма. Ванесса поняла, что беглец и его преследователи появились отсюда, и здравый смысл подсказывал, что не стоит приближаться к поселению. Но если никто не укажет ей дорогу, она будет вечно бродить по здешней пустыни и никогда не вернется к своей машине. Кроме того, здания казались скромными и выглядели успокаивающе. Кое-где над блестящими стенами проглядывала растительность, что предполагало уединенный сад внутри — но крайней мере там можно обрести тень. Ванесса направилась к воротам.

Она добралась до ворот из кованой стали совершенно измученная. Только теперь, предвкушая отдых, Ванесса призналась себе, до какой степени она устала. Тяжелый путь через холмы так натрудил ее ноги, что бедра и щиколотки мелко подрагивали. О том, чтобы идти дальше, и думать не стоило.

Створка больших ворот была приоткрыта, и Ванесса шагнула туда. Внутренний двор был вымощен камнями и испещрен каплями голубинового помета — несколько подозреваемых виновников сидели на миртовом дереве и заворковали при ее появлении. Со двора крытые переходы уводили в лабиринт зданий. Риск не умерил своенравия Ванессы: она выбрала один переход, выглядевший наименее опасным, и двинулась по нему — прочь от солнца, через благоухающий коридор, уставленный простыми скамьями, в замкнутое пространство поменьше. Здесь солнце падало на стену, в нише которой стояла статуя Девы Марии. Ее знаменитый сын, воздев руки благословляющим жестом, расположился на материнских руках. При взгляде на эту статую кусочки тайны

выстроились в правильном порядке: уединенное место, тишина, простота дворов и переходов. Явно религиозное заведение.

Ванесса была безбожницей с ранней юности и редко переступала порог церкви на протяжении последних двадцати пяти лет. Теперь, в сорок один год, ее уже не переделать, и она вдвойне ощущала себя нарушителем границы, вторгшимся в чужие владения. Но ведь она не искала святилища, а только хотела узнать дорогу, не так ли? Она спросит и уйдет.

Когда Ванесса шагнула к освещенному солнцем камню, она ощутила странное чувство неловкости и решила, что за ней наблюдают. Так проявлялась ее врожденная восприимчивость, в ходе совместной жизни с Рональдом развившаяся до шестого чувства. Нелепая ревность мужа, три месяца назад прикончившая их брак, рождала шпионские стратегии такого класса, что позавидовали бы секретные службы Уайтхолла или Вашингтона. Сейчас Ванесса чувствовала: она не одна, за ней наблюдают несколько пар глаз. Она украдкой взглянула на узкие окна, выходящие во двор, и заметила движение в одном из них, однако никто не пытался окликнуть ее. Возможно, здесь предписано сохранять тишину, а то и соблюдать обет молчания. Что ж, тогда придется объясняться на языке жестов.

Позади она услышала топот бегущих ног — какие-то люди спешили к ней. С дальнего конца прохода донеслось клацанье закрывающихся железных дверей. Почему-то сердце ее оборвалось, а кровь побежала быстрее и бросилась в лицо. Ослабевшие ноги снова стали дрожать.

Она повернулась, чтобы рассмотреть тех, чьи шаги она слышала, и при этом заметила, как каменная голова Девы чуть-чуть сдвинулась. Ее голубые глаза следили за Ванессой через двор и теперь, без сомнений, были направлены ей в спину. Ванесса стояла тихо, как неживая. Лучше не бежать, думала она, когда у тебя за спи-

ной Богородица. Ничего не добьешься, если бросишься наутек, потому что три монашки в развевающихся одеяниях уже появились из тени крытой аркады. Иллюзию того, что это Христовы невесты, развеивали лишь бороды на их лицах и блестящие автоматические винтовки в руках. Ванесса могла бы посмеяться над такой несуразностью, но стволы нацелились прямо в ее сердце.

Никто ничего не объяснял. Здесь, в приюте вооруженных мужчин, наряженных монашками, доводы здравого смысла явно были столь же редки, как пернатые лягушки.

Ванессу препроводили со двора три святые сестры, обращавшиеся с ней так, будто она только что сравняла с землей Ватикан. Ее без промедления обыскали с головы до ног. Она приняла это посягательство безропотно. Ее ни на мгновение не спускали с прицела, и в подобных обстоятельствах повиновение казалось самым разумным. Обыск завершился, один из мужчин сделал ей знак одеться, и ее провели в небольшую комнату, где и заперли. Немного позже одна из монашек принесла бутылку вкусного греческого вина и, довершая перечень несообразностей, большую пиццу — лучшую из тех, что Ванесса пробовала после Чикаго. Алиса, затерянная в Стране чудес, не могла бы сказать, что бывает страннее.

— Возможно, это ошибка, — заключил после нескольких часов допроса человек с нафабранными усами.

Ванесса с облегчением обнаружила, что он не пытался сойти за аббатису, несмотря на наряды его гарнизо-на. В его кабинете (если комната являлась таковым) было совсем мало мебели, а единственное украшение — человеческий череп с потерянной нижней челюстью, стоявший на столе и глядевший на Ванессу пустыми глазницами. Сам хозяин кабинета был экипирован лучше: галстук-бабочка безупречно завязан, на брюках убийственно острая складка. В его правильном англий-

ском Ванесса расслышала скрытый акцент. Французский? Немецкий? И только когда человек угостил ее шоколадом со своего стола, она решила, что он швед. Он назвался мистером Клейном.

— Ошибка? — повторила она. — Вы чертовски правы, это ошибка!

— Мы нашли вашу машину. Также мы поинтересовались вашим отелем. Таким образом, рассказ ваш подтверждается.

— Я не лгунья, — ответила она.

Ванесса перешла границу любезности в разговоре с мистером Клейном, невзирая на подкуп в виде сластей. Она рассудила, что теперь, должно быть, поздняя ночь — точнее сказать трудно, потому что она не надела часов, а убогая комнатка находилась в середине здания и не имела окон. Время, как телескоп, сложилось вокруг мистера Клейн и второго костлявого обитателя комнаты, притягивавшего ее утомленное внимание.

— Ну, я рада, если вы удовлетворены, — сказала Ванесса. — Теперь вы позволите мне вернуться в отель? Я устала.

Клейн покачал головой.

— Нет. Боюсь, это невозможно.

Ванесса резко встала, и от ее стремительного движения кресло опрокинулось. Не прошло и секунды, даже звук падения еще не затих, как дверь отворилась и появилась одна из бородатых сестер, держа наготове пистолет.

— Все в порядке, Станислав, — промурлыкал мистер Клейн. — Миссис Джейп не перерезала мне горло.

Сестра Станислав убралась и закрыла за собой дверь.

— Зачем? — спросила Ванесса. Ее раздражение поухло с появлением стражи.

— Зачем — что? — переспросил мистер Клейн.

— Монашки.

Клейн тяжело вздохнул и положил руку на кофейник, который принесли час назад: он хотел проверить, совсем ли остыл кофе. Он налил себе полчашки, прежде чем ответить.

— По моему мнению, многое здесь излишне, миссис Джейп. Я даю вам свое личное обещание: я увижу вас свободной так скоро, насколько это в человеческих силах. Но пока прошу вашего снисхождения. Думайте обо всем, как об игре...— Лицо его чуть омрачилось.— Они не любят игру.

— Кто?

Клейн нахмурился.

— Неважно,— отозвался он.— Чем меньше вы знаете, тем меньше нам придется заставлять вас забыть.

Ванесса тупо посмотрела на череп.

— Во всем этом я не вижу ни малейшего смысла,— сказала она.

— И не нужно,— ответил мистер Клейн.— Придя сюда, вы совершили достойную сожаления ошибку, миссис Джейп. И, конечно, мы тоже совершили ошибку, выпустив вас сюда. Обычно наша охрана строже, чем вы убедились на опыте. Но вы застали нас врасплох... а затем мы узнали...

— Подождите,— прервала его Ванесса.— Я не знаю, что здесь происходит. И не хочу знать. Я хочу одного — чтобы мне позволили вернуться в отель и спокойно закончить отдых.

Судя по выражению лица следователя, ее призыв прозвучал не особенно убедительно.

— Неужели я прошу так много, что мне нужно умолять вас? — спросила она.— Я ничего не сделала, я ничего не видела. В чем проблема?

Клейн встал.

— В чем проблема? — повторил он негромко, как бы рассуждая сам с собой.— Ну и вопрос.— Вместо ответа он лишь позвал: — Станислав!

Дверь распахнулась, и появилась монашка.

— Проводи миссис Джейп в ее комнату.

— Я заявляю протест через наше посольство! — негодующе воскликнула Ванесса. — У меня есть права!

— Пожалуйста, — сказал мистер Клейн, глядя страдальчески. — Крики никому из нас не помогут.

Монашка ухватила ее за руку. Ванесса чувствовала близость пистолета.

— Пойдем? — вежливо спросили ее.

— А у меня есть выбор? — поинтересовалась она.

— Нет.

Успех хорошего фарса (так некогда объяснял ей сводный брат, бывший актер) в том, что играют его с убийственной серьезностью. Нельзя допустить никакого подмигивания галерке, обозначающего намерение пошутить, ничего, что может разрушить реальность сцены. По этим жестким стандартам сейчас она находится в окружении опытных лицедеев: несмотря на облачения монахинь и подглядывающую Мадонну, они играли так, будто нелепая ситуация не отличается от обычной. Как ни старалась Ванесса, она не различила ни тени блефа, не поймала ни единого смущенного взгляда. Ей самой явно не хватало таланта для такого рода комедии. Чем скорее они исправят свою ошибку и освободят ее от своего общества, тем лучше.

Спала она хорошо; половина бутылки виски, оставленной в ее комнатке некой заботливой рукой, помогла уснуть. Она редко выпивала так много за столь короткий промежуток времени, и когда перед самым рассветом ее разбудили слабым стуком в дверь, голова ее раскалывалась, а язык казался шершавым, как замшевая перчатка. В первый миг она не могла понять, где находится, но слабые удары повторились, и с другой стороны двери открылось маленькое окошечко. К нему прижалось лицо пожилого мужчины — бородатое, с безумными глазами, выражающее настойчивость.

— Миссис Джейп,— прошепел он.— Миссис Джейп! Мы можем поговорить?

Она подошла к двери и выглянула в окошко. Дыхание старика на две трети состояло из перегара от анисового ликера. Это удержало Ванессу от того, чтобы прижаться к окошку плотнее, хотя он поманил ее.

— Кто вы? — спросила Ванесса не из абстрактного любопытства, но потому, что опаленные солнцем жесткие черты кого-то ей напоминали.

Человек бросил на нее взволнованный взгляд.

— Ваш поклонник,— сказал он.

— Я вас знаю?

Он покачал головой.

— Вы слишком молоды,— ответил он.— Но я вас знаю. Я видел, как вы вошли. Я хотел предупредить вас, но у меня не было времени.

— Вы тоже пленник?

— В некотором роде. Скажите... Вы видели Флойда?

— Кого?

— Он убежал. Позавчера.

— А,— сообразила Ванесса, начиная составлять целое из разрозненных осколков.— Флойд — тот, за кем они гнались?

— Точно. Он выскользнул наружу, вы видели. Они побежали за ним, олухи, и оставили ворота открытыми. Охрана в эти дни *безобразная*! — Голос его звучал так, будто он искренне оскорблен сложившейся ситуацией.— Не то чтобы мне неприятно видеть вас здесь...

В его глазах светится какое-то отчаяние, подумала Ванесса. Какая-то печаль, которую он старается сдерживать.

— Мы слышали выстрелы,— сказал он.— Они его не поймали, правда?

— Я не видела,— ответила Ванесса.— Я пошла поглядеть, но ни следа не осталось.

— Ха! — просиял старик.— Тогда, возможно, он действительно убежал.

Ванессе пришло в голову, что разговор должен быть ловушкой, а старик обманут теми, кто ее захватил, чтобы таким способом выдавить из нее информацию. Но инстинкт подсказывал другое. Старик глядел на нее так любовно, и лицо его — похожее на лицо знаменитого клоуна — казалось не способным на поддельные чувства. К счастью или к несчастью, Ванесса поверила ему. У нее был небольшой выбор.

— Помогите мне выбраться,— попросила она.— Я должна выбраться.

Он как будто пал духом.

— Так скоро? — спросил он.— Вы только что были.

— Я не воровка. Мне не нравится в тюрьме.

Он кивнул.

— Конечно, вы правы,— ответил он, упрекая себя за эгоизм.— Виноват. Это оттого, что прекрасная женщина...— Он прервал себя, затем начал заново: — Я никогда не был особо ловок в словах...

— Вы уверены, что я не знаю вас? — спросила Ванесса.— Ваше лицо почему-то знакомо мне.

— Правда? — воскликнул он.— Это очень здорово. Все мы здесь думаем, что нас, видите ли, позабыли.

— Все?..

— Мы попали сюда так давно. Многие тогда только начинали исследования. Вот почему Флойд сбежал. Он хотел закончить дело, занявшее несколько месяцев, до того, как наступит конец. Я иногда чувствую то же самое.— Поток печали иссяк, и старик вернулся к ее вопросу: — Меня зовут Харви Гомм. Профессор Харви Гомм. Хотя к настоящему времени я не помню, профессором *чего* я был.

Гомм. Это странное имя звенело колокольчиком, но сейчас она не могла разобрать тональности этого перезвона.

— Вы не помните, да? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Она бы и рада была солгать, но это могло отпугнуть старика. Единственный здравый голос, услышанный ею здесь, — больше чем истина.

— Нет... Я не помню. Может, подскажите?

Но прежде, чем он успел открыть следующую часть тайны, раздались голоса.

— Сейчас нельзя говорить, миссис Джейп.

— Зовите меня Ванесса.

— Можно? — Лицо его расцвело от тепла ее благодеяния. — Ванесса.

— Вы *поможете* мне? — спросила она.

— Настолько, насколько смогу, — ответил он. — Но если вы увидите меня в компании...

— Мы никогда не встречались.

— Точно так. *Au revoir**.

Он закрыл окошко, и Ванесса услышала, как его шаги удаляются по коридору. Когда через несколько минут ее страж — дружелюбный головорез по имени Джиллемо — принес ей поднос с чаем, она встретила его широкой улыбкой.

Ее вчерашняя вспышка принесла плоды. Утром, после завтрака, мистер Клейн ненадолго посетил Ванессу и сказал, что ей позволено выходить в сад в сопровождении Джиллемо, так что она может наслаждаться солнцем. Ее снабдили новым комплектом одежды, немного великоватой, и она испытала приятное облегчение, освободившись от пропитанных потом тряпок, которые носила больше суток. Однако эта последняя уступка, сделанная для ее удобства, ничего хорошего не означала. Как ни приятно надеть чистое белье, выдача новой одежды доказывала одно: мистер Клейн не предвидит скорого освобождения.

Она пыталась подсчитать, сколько времени пройдет, прежде чем туповатый управляющий крохотного оте-

* До свидания (фр.).

ля, где она остановилась, поймет, что она пропала. Что он тогда предпримет? Или управляющий уже забил тревогу и обратился к властям? Может быть, они отыщут брошенную машину и проследят ее путь до этой странной крепости. Последнее предположение разбилось вдребезги тем же самым утром во время прогулки: машина Ванессы оказалась припаркованной в закрытом дворике с лавровым деревом возле ворот. Судя по многочисленным каплям голубинового помета, она стояла там всю ночь. Те, кто захватил Ванессу, не были дураками. Значит, придется ждать до тех пор, пока кто-нибудь в Англии не встревожится и не начнет ее разыскивать. Но за это время она может умереть от скуки.

Другие придумывали себе развлечения, удерживающие их у черты безумия. Когда она и Джиллемо прогуливались по саду, она слышала отчетливые голоса из соседнего двора. Один голос принадлежал Гомму. Голоса звучали возбужденно.

— Что там происходит?

— Они играют в игры,— ответил Джиллемо.

— Может, мы подойдем и посмотрим? — небрежно спросила она.

— Нет.

— Я люблю игры.

— Да? — переспросил Джиллемо.— Поиграем, а?

Она хотела другого ответа, но настойчивость могла возбудить подозрения.

— Почему бы и нет? — согласилась она. Заслужить его доверие было бы полезно.

— Покер? — предложил Джиллемо.

— Никогда не играла в него.

— Я вас научу,— сказал он.

Идея явно его прельщала. В соседнем дворе игроки разразились яростными криками. Это звучало так, будто там происходило что-то вроде скачек: громкие подбадривающие возгласы затихали, когда финишная черта пересечена. Джиллемо прервал ее размышления.

— Лягушки,— пояснил он.— Они устраивают лягушачьи скачки.

— Как интересно!

Джиллемо посмотрел на нее почти заботливо и сказал:

— Лучше не надо.

Несмотря на эти слова, она уже не могла отвлечься от раздававшегося за стеной шума. Он не стихал весь день, то усиливаясь, то спадая. Иногда раздавались взрывы смеха, частенько слышался спор. Они были как дети, Гомм и его друзья, если серьезно отдавались такому занятию, как лягушачьи скачки. Но как она могла осуждать их, лишенных иных развлечений? Когда поздним вечером лицо Гомма возникло у двери, Ванесса сразу же проговорила:

— Я слышала вас нынешним утром в одном из дворов. И днем тоже. Кажется, вы здорово веселились.

— О, игры! — ответил Гомм.— День выдался занятой. Так много пришлось отсортировать.

— Как вы думаете, мне разрешат присоединиться к вам? Я здесь так скучаю.

— Бедная Ванесса. Хотел бы я помочь вам, но это практически невозможно. Мы сейчас перегружены работой, особенно из-за побега Флойда.

«Перегружены работой,— подумала она,— гоняя лягушек».

Опасаясь обидеть старика, она не высказала сомнения вслух.

— Что здесь происходит? — спросила она.— Вы не преступники? Нет?

Гомм выглядел оскорбленным.

— Преступники?

— Простите...

— Нет. Понимаю, почему вы спросили. Должно быть, это поражает вас, вам кажется странным... что мы заперты здесь. Но нет, мы не преступники.

— Что же тогда? Что это за великая тайна?

Гомм глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— Если я скажу вам,— начал он,— вы поможете нам отсюда выбраться?

— Как?

— Ваша машина. Она у входа.

— Да, я видела...

— Если мы сможем до нее добраться, вы нас выведете?

— Сколько вас?

— Четверо. Я, Ирения, Моттерсхед и Гольдберг. Конечно, и Флойд может находиться где-то снаружи, но ему следует самому побеспокоиться о себе, не так ли?

— Это маленькая машина,— предупредила она.

— Мы маленькие люди,— отозвался Гомм.— С возрастом съеживаешься, знаете ли, словно высушенный фрукт. А мы *стары*. Считая вместе с Флойдом, в сумме нам триста девяносто восемь лет. Весь этот горький опыт...— сказал он.— И никто из нас не *мудр*.

Во дворе, рядом с комнатой Ванессы, внезапно раздался крики. Гомм скользнул от двери, потом опять появился на краткий миг, чтобы шепнуть:

— Они нашли его. Боже, они нашли его! — Затем он скрылся.

Ванесса подошла к окну и выглянула. Она видела лишь кусочек двора внизу, где царила бешеная суета: сестры сновали туда-сюда. В центре смятения она увидела маленькую фигурку — беглеца Флойда, без сомнения, — быющуюся в руках двоих охранников. Флойд выглядел плохо после дней и ночей, проведенных в лишениях: изможденное лицо в грязи, плешивая макушка шелушится от солнца. Ванесса услышала голос мистера Клейна, перекрывший шум, а затем и сам Клейн шагнул на сцену. Он подошел к Флойду и принялся его безжалостно ругать. Ванесса разбирала не больше одного слова из каждого десятка, но оскорбления быстро довели старика до слез. Она отвернулась от окна, желая Клейну подавиться очередным куском своего шоколада.

Итак, за время своего пребывания здесь Ванесса собрала странную коллекцию наблюдений: приятных — улыбка Гомма, пицца, шум игр на соседнем дворе; и неприятных — допрос и ругань, чему она только что стала свидетелем. И все-таки она не приблизилась к разгадке, каково же назначение этой тюрьмы, почему здесь только пять заключенных (или шесть, считая ее саму) и отчего все они такие старые, высохшие с годами, как сказал Гомм. Однако, услышав ругань Клейна, обращенную к Флойду, Ванесса укрепилась в своем решении: никакая тайна не удержит ее, и она поможет Гомму в его стремлении к свободе.

Профессор не вернулся тем вечером, и это ее разочаровало. Возможно, поимка беглеца Флойда привела к ужесточению режима, решила Ванесса. Но к ней это не относилось — казалось, про нее совершенно забыли. Джиллемо принес еду и питье, но не стал обучать ее игре в покер, как они договорились. Ее не вывели подышать свежим воздухом. Оставшись в душной комнате, без общества, ничем не занятая, она быстро ощутила вялость и сонливость.

Она продремала до середины дня, пока что-то не ударило снаружи в стену возле окна. Она поднялась и подошла взглянуть, что это за звук, когда в окно с силой бросили какой-то предмет. Он со звоном упал на пол. Ванесса попыталась разглядеть, кто его бросил, но человек исчез.

На полу лежал ключ, завернутый в бумажку.

«Ванесса,— говорилось в записке,— будьте наготове. Ваш in saecula saeculorum* Х. Г.».

Латынь не была ее сильной стороной. Ванесса надеялась, что заключительные слова являются выражением нежности, а не инструкцией к действию. Она при-

* Во веки веков (лат.).

мерила ключ к двери своей камеры, и он подошел. Но Гомм явно не имел в виду, что она использует ключ сейчас. Она должна ждать сигнала. «Будьте наготове», написал он. Легче сказать, чем сделать. Какое искушение, когда дверь открыта и проход к солнцу свободен! Хочется позабыть Гомма и остальных, отбросить все это. Но Х. Г., без сомнения, пошел на риск, добывая ключ. Она должна отплатить ему верностью.

Сон больше не шел к ней. Каждый раз, когда она слышала шаги в крытых аркадах или крик во дворе, она поднималась, готовая действовать. Но Гомм все не призывал ее. День перетек в вечер, Джиллемо появился с новой пищей и бутылкой кока-колы на ужин, и прежде, чем Ванесса успела это осознать, пала ночь и кончился очередной день.

«Может быть, они придут под покровом темноты?» — подумала она.

Но они не пришли. Поднялась луна и ухмылялась в небе, а знака от Х. Г. не было, и не было обещанного исхода. Она начала подозревать худшее: план раскрыт, и все они наказаны. Если так, не значит ли это, что мистер Клейн рано или поздно узнает и о причастности Ванессы? Пускай ее участие было минимальным, но какие действия предпримет шоколадный человек? Уже после полуночи она решила, что сидеть и ждать кары совсем не в ее стиле и благоразумнее поступить так, как поступил Флойд, — бежать.

Она покинула камеру и закрыла за собой дверь, затем заторопилась вдоль крытой аркады, стараясь слиться с тенями. Не было ни следа человеческого присутствия, но она помнила о зоркой Деве, что подглядывала за ней. Здесь ничему нельзя верить. Так, крадучись, при благоприятнейшем стечении обстоятельств, она наконец отыскала дорогу во двор, где Флойд предстал перед Клейном. Тут она замерла, пытаясь понять, какой выход ведет отсюда. Но по лику луны проплывали облака,

и в темноте Ванесса вовсе потеряла судорожное ощущение правильного направления. Доверившись удаче, которая до сего момента оберегала ее, она выбрала один из выходов и скользнула туда, следуя в потемках по крытому переходу. Он изгибался и поворачивал до тех пор, пока не привел ее в другой двор — больше, чем первый. Легкий ветерок трепал листву двух сплетенных лавровых деревьев посередине, ночные насекомые гудели на стенах. Все выглядело умиротворяюще, но дороги, сулящей надежду, не было. Ванесса уже собралась вернуться обратно тем же путем, каким пришла, когда луна освободилась от покровов и осветила двор от стены до стены.

Он был пуст. Лишь лавровые деревья, и тень от них падает на замысловатый узор, покрывающий камни, которыми вымощен двор. Ванесса прошла вдоль одного края узора, пытаясь понять значение линий. Затем ее осенило: она видит все вверх ногами. Ванесса двинулась к противоположной стороне двора, и тогда рисунок стал ясен. Это была карта мира, воспроизведенная подробно, вплоть до самого незначительного островка. Все большие города, и океаны, и континенты, пересеченные сотнями тонких линий, обозначающих широту и долготу, и много чего еще. Хотя большинство символов выглядели весьма своеобразно, легко было понять, что карта изобилует политическими деталями: спорные границы, территориальные воды, зоны отчуждения. Многое начерчено и переправлено мелом, как бы в итоге ежедневных размышлений. В некоторых регионах, где события развивались особенно остро, поверхность Земли почти полностью закрывали каракули.

Увлеченность картиной встала между Ванессой и ее собственной безопасностью. Она не услышала шагов у Северного полюса, пока человек не выступил из укромного места в пятно лунного света. Ванесса собралась бежать, но узнала Гомма.

— Не двигайтесь,— шепнул он с другого конца мира.

Она сделала так, как сказали. Х. Г. быстро оглядывался по сторонам, как загнанный кролик. Он убедился, что двор пуст, и подошел к тому месту, где стояла Ванесса.

— Что вы здесь делаете? — требовательно спросил он.

— Вы не пришли,— с укором ответила она.— Я думала, вы меня забыли.

— Дело осложняется. Они все время сторожат нас.

— Я не могу больше ждать, Харви. Это неподходящее место для отпуска.

— Конечно, вы правы,— с удрученным видом сказал он.— Это безнадежно. Безнадежно. Вы должны бежать отсюда, а о нас забыть. Они никогда нас не выпустят. Правда слишком ужасна.

— Какая правда?

Он покачал головой.

— Забудьте об этом. Забудьте, что мы когда-либо встречались.

Ванесса взяла его длинную и тонкую руку.

— Я не забуду,— возразила она.— Я должна знать, что здесь происходит.

Гомм пожал плечами:

— Возможно, вам надо узнать. Возможно, весь мир должен узнать.

Он потянул ее за собой, и они скрылись в относительной безопасности арочных проходов.

— Для чего эта карта? — был ее первый вопрос.

— Тут мы играем,— ответил он, уставившись на запутанные каракули. Затем вздохнул.— Конечно, не всегда это была игра. Но системы вырождаются, знаете ли. Неизбежное состояние и для дел, и для идей. Вы начинаете с прекрасных намерений, и через два десятилетия... *Два десятилетия*, — повторил он, словно это ужаснуло его,— мы играем с лягушками.

— Вы не должны так сильно переживать, Харви,— сказала Ванесса.— Вы прикидываетесь бестолковым или это старость?

Он почувствовал укол, но уловка сработала. По-прежнему глядя на карту мира, он произнес следующие слова так четко, словно отрепетировал признание.

— Это был день торжества здравого смысла, в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, когда земные владыки поняли, что они на грани разрушения мира. Мысль о Земле, населенной лишь тараканами, не радовала их. Если нужно предотвратить уничтожение, решили они, наши лучшие инстинкты должны взять верх. Могущественные собрались за закрытыми дверями на симпозиуме в Женеве. Никогда прежде не было такой встречи умов. Лидеры парламентов и политбюро, конгрессов и сенатов, хозяева Земли — на одном общем обсуждении. И они решили, что в дальнейшем судьбы мира будет контролировать особый комитет, состоящий из влиятельных и независимых ученых вроде меня самого. Из мужчин и женщин, свободных от политических пристрастий и прихотей, способных предложить некие главные принципы, которые удержат человеческую расу от массового самоубийства. Предполагалось, что в комитет войдут представители всех ветвей человеческой культуры, лучшие из лучших, интеллектуальная и духовная элита, чья коллективная мудрость принесла бы новый золотой век. Во всяком случае, такова была теория...

Ванесса слушала, не задавая ни одного из десятков вопросов, что роились у нее в голове после его короткой речи. Гомм продолжал:

— И это до сих пор работает. Да, работает. Нас было только тринадцать, чтобы сохранить некий консенсус. Русский, несколько европейцев... милая Йонийоко, конечно... новозеландец, пара американцев... да, мы бы-

ли очень сильной группой. Два лауреата Нобелевской премии, включая меня самого...

Теперь она вспомнила Гомма. По крайней мере вспомнила, где видела его лицо. Оба они были тогда много моложе. Она, будучи школьницей, учила его теории наизусть.

— Наши советы должны были поддерживать взаимопонимание между будущими представителями власти, а также создание гуманных экономических структур и развитие культурной индивидуальности наций. Это банальности, конечно, однако в свое время они звучали убедительно. Так получилось, что почти с самого начала все наши заботы были территориальными.

— Территориальными?

Гомм сделал широкий жест, указывая на карту перед собой.

— Мы помогали делить мир,— сказал он.— Регулировали маленькие войны так, чтобы они не переросли в большие, сдерживали произвол диктатур — и таким образом стали домашней прислугой мира, вычищая грязь всюду, где она слишком густела. Это была огромная ответственность, но мы с радостью взвалили ее на себя. Вначале нам это нравилось. Нам казалось, что мы, тринадцать человек, направляем жизнь человечества, и никто, кроме людей из самых высоких эшелонов власти, не знает о нашем существовании.

Ярко выраженный синдром Наполеона, подумала Ванесса. Гомм, без сомнений, безумен — но какое величественное безумие! И, в сущности, безобидное. Зачем его запереть? Он определенно не способен причинить вред.

— Мне кажется несправедливым,— сказала она,— то, что вы заперты здесь.

— Ну, это, конечно, для нашей безопасности,— ответил Гомм.— Вообразите хаос, который настанет, если какая-нибудь анархистская организация обнаружит

нас и прикончит. Мы движем мир. Это не значит, что все так и идет, я уже говорил — все системы разваливаются. Время проходит, а земные властители, знающие, что для решения самых острых вопросов у них есть мы, заняты удовольствиями, а не раздумьями. На протяжении пяти лет мы не столько советовали правителям, сколько замещали их, жонглирующих народами.

— Как забавно,— сказала Ванесса.

— До определенной степени,— отозвался Гомм.— Но слава меркнет очень быстро. И через десятилетие или что-то около того начинает сказываться нагрузка. Половина комитета уже мертва. Головатенко выбросился из окна. Бьюкенен — новозеландец — болел сифилисом и не знал об этом. Возраст прикончил дорогую Йо-нийоко. И Бернгеймера, и Сорбутта. Рано или поздно мы все умрем. Клейн обещает найти людей нам на замену, но на самом деле никого это не волнует. Им наплевать! Мы для них — механизмы, не больше.— Он сильно разволновался.— Пока мы поставляем им решения проблем, они счастливы. Ну...— Голос его упал до шепота.— Мы покончим с этим.

«Что это — миг осознания себя?» — размышляла Ванесса.

Был ли перед ней здравомыслящий человек, пытающийся выбросить из головы фантазии о господстве над миром? Если так, возможно, она в силах ему поспособствовать.

— Вы хотите выбраться отсюда? — спросила она.

Гомм кивнул.

— Я бы хотел повидать свой дом, прежде чем умру. Я отказался от многого ради комитета, Ванесса. Это почти довело меня до безумия...

«О,— подумала она,— он *знает*».

— Не слишком ли эгоистично сказать, что моя жизнь кажется мне слишком большой жертвой, чтобы отдавать ее за мир?

Она улыбнулась его притязаниям на могущество, однако ничего не возразила.

— Что ж, так и есть! Я не раскаиваюсь. Я хочу уйти отсюда! Я хочу...

— Говорите потише,— посоветовала Ванесса.

Гомм опомнился и кивнул.

— Я хочу получить немного свободы, пока я жив. Мы все хотим. И, верите ли, нам кажется, вы можете нам помочь.— Он посмотрел на нее.— Что-то не так?

— Не так?..

— Почему вы так на меня смотрите?

— Вы нездоровы, Харви. Не думаю, что вы опасны, но...

— Подождите минутку,— попросил Гомм.— Что, по вашему, я вам рассказал?

— Харви, это чудесная история...

— История? Что вы называете историей? — произнес он с обидой.— О... понимаю. Вы мне не верите, да? Так и есть! Я только что рассказал вам величайшую тайну мира, а вы мне не верите!

— Я не утверждаю, что вы лжете...

— Да? Вы думаете, я безумен! — взорвался Гомм. Крик его раскатывался эхом вокруг прямоугольного мира. Почти сразу же раздались голоса из нескольких построек и вскоре — грохот шагов.

— Вот, смотрите, что вы наделали,— воскликнул Гомм.

— Я наделала?

— Мы в беде.

— Послушайте, Харви, это не значит...

— Слишком поздно для сожалений. Вы останетесь там, где есть, а я собираюсь направиться к ним. И отвлекать их.

Перед тем как уйти, он поймал ее руку и поднес к губам.

— Если я сумасшедший,— сказал он,— таким меня сделали вы!

Затем он удалился. Короткие ноги старика пересекали двор с приличной скоростью, однако не успел он дойти до лавровых деревьев, как прибыла охрана. Ему приказали остановиться. Поскольку он этого не сделал, кто-то выстрелил. Пули избородили камень у ног Гомма.

— Все в порядке,— завопил Гомм, замирая и вытягивая в пространство руки.— *Mea culpa!**

Выстрелы стихли. Охрана расступилась, когда вперед вышел начальник.

— А, это вы, Сидней,— сказал Х. Г. капитану.

Тот заметно дернулся, когда к нему обратились при подчиненных подобным образом.

— Что вы делаете здесь ночью? — требовательно спросил Сидней.

— Смотрю на звезды,— ответил Гомм.

— Вы были не один,— проговорил капитан.

Сердце Ванессы оборвалось. Вернуться назад в ее комнату, не пересекая двор, нельзя. Теперь, когда объявлена тревога, Джиллемо наверняка уже пришел с проверкой.

— Точно,— отозвался Гомм.— Я был не один.

Не оскорбила ли она старика настолько, что теперь он собирается выдать ее?

— Я видел женщину, которую вы схватили.

— Где?

— Она перелезала через стену,— сказал Гомм.

— Иисус скорбящий! — вскрикнул капитан и повернулся крутом, чтобы отдать приказ о погоне.

— Я говорил ей,— сочинял Гомм,— что она свернет себе шею, перелезая через стену. Лучше подождать, пока откроют ворота...

Откроют ворота. Он не так уж безумен.

— Филиппенко! — приказал капитан.— Проводи Харви обратно в его спальню.

* Моя вина! (лат.)

Гомм запротестовал.

— Мне не нужна сказка на сон грядущий, спасибо.

— Иди с ним.

Охранник подошел к Х. Г. и повел его прочь. Капитан помедлил лишь затем, чтобы пробормотать едва слышно:

— Ну, кто умница, Сидней? — А затем последовал за ними.

Двор опять опустел. Лишь лунный свет и карта мира.

Ванесса подождала, пока не замер последний звук, и затем выскользнула из укрытия и отправилась тем же путем, что и удалившаяся охрана. Вскоре она оказалась в том самом месте, которое смутно помнила по прогулке с Джиллемо. Воодушевленная, она заторопилась по проходу, и тот вывел ее во двор, где стояла богородица с электрическими глазами. Ванесса прокралась вдоль стены, пригнулась, чтобы не попасть в поле зрения статуи, и в конце концов вынырнула перед воротами. Они действительно оказались открыты. Как и говорил старик во время их первой встречи, охрана была ненадежной. И Ванесса поблагодарила за это Бога.

Когда Ванесса побежала к воротам, то услышала скрип ботинок по гравию и, оглянувшись через плечо, увидела капитана, шагнувшего из-за дерева с винтовкой в руке.

— Хотите шоколада, миссис Джейп? — спросил мистер Клейн.

— Это сумасшедший дом, — сказала она после того, как ее проводили в комнату для допросов. — Сумасшедший дом, не больше и не меньше. У вас нет никакого права держать меня здесь.

Он не обратил внимания на ее жалобы.

— Вы говорили с Гоммом, — произнес Клейн, — и он говорил с вами.

— А если и так?

— Что он вам сказал?

— Я спрашиваю — ну и что, если так?

— А я спрашиваю, что он вам сказал? — взревел Клейн. Ванесса и не предполагала, что он на такое способен.— Я хочу знать, миссис Джейп.

Она вдруг обнаружила, что против собственной воли дрожит, напуганная его гневом.

— Он молот какую-то чушь,— ответила Ванесса.— Он безумен. Думаю, вы все безумны.

— Какую именно чушь он вам рассказал?

— Суший вздор.

— Мне бы хотелось знать, миссис Джейп,— сказал Клейн. Ярость его поубавилась.— Посмешите и меня.

— Сказал, что здесь работает нечто вроде комитета, решающего вопросы мировой политики. Что он один из членов этого комитета. Вот так. Бессмыслица.

— И...

— И я предложила ему выбросить это из головы.

Мистер Клейн выдавил улыбку.

— Конечно, совершеннейшая фантастика,— согласился он.

— Разумеется,— продолжала Ванесса.— Господи, не обращайтесь со мной так, будто я слабоумная, мистер Клейн. Я взрослая женщина...

— Мистер Гомм...

— Он сказал, что был профессором.

— Еще одна галлюцинация. Мистер Гомм — параноидальный шизофреник. Он может стать чрезвычайно опасным, если ему представится возможность. Вам сильно повезло.

— А другие?

— Другие?

— Он не один. Я их слышала. Они тоже шизофреники?

Клейн вздохнул.

— Они все безумны, хотя состояние их различно. В свое время, каким бы странным это сейчас ни казалось, они были убийцами.— Он остановился, давая Ванессе время впитать информацию.— Некоторые из них

убивали многократно. Вот для чего существует это уединенное поселение. Вот почему служащие вооружены...

Ванесса открыла рот, чтобы спросить, зачем охранники переодеты в монашек, но Клейн не предоставил ей такой возможности.

— Поверьте, мне так же неудобно задерживать вас, как и вам — оставаться здесь, — сказал он.

— Тогда отпустите меня.

— Когда мое расследование будет завершено, — ответил он. — А пока мы оценим ваше содействие. Если мистер Гомм либо кто-то другой из пациентов попытаются втянуть вас в то или иное предприятие, пожалуйста, сообщите мне немедленно. Вы сделаете это?

— Я полагаю...

— И пожалуйста, воздержитесь от попыток бежать. Следующая может оказаться роковой.

— Я бы хотела спросить...

— Завтра. Может быть, завтра, — произнес мистер Клейн и встал, посмотрев на часы. — Теперь — спать.

Заснуть Ванесса не смогла. Она пыталась рассудить, какой из путей к истине, лежащих перед ней, самый неубедительный. Дано несколько версий: версия Гомма, версия Клейна и версия ее собственного здравого смысла. Соблазнительно неправдоподобны были все. Подобно тропе, по которой Ванесса пришла сюда, они не объясняли, куда ведут. Она пострадала от собственного своеволия, толкнувшего ее на эту тропу. В результате она оказалась здесь, усталая, разбитая, лишенная свободы, с минимальной надеждой на побег. Но своеволие было ее натурой и, как сказал однажды Рональд, единственным безусловным фактом, ее характеризующим. Несмотря на то, к чему это привело, если сейчас она отринет свой инстинкт — она пропала. Ванесса лежала без сна, взвешивая в уме варианты. К утру она решилась.

Она весь день ждала и надеялась на приход Гомма, но не удивилась, когда тот не появился. Вполне вероятно, что события предыдущего вечера звергли его в такие неприятности, что он не мог освободиться. Однако Ванесса не была предоставлена самой себе. Джиллемо приходил и уходил — с едой, питьем, а в середине дня и с игральными картами. Она довольно быстро поняла, в чем суть покера с пятью картами, и они провели час или два за игрой, пока воздух не наполнили крики, доносящиеся со двора, где обитатели бедлама устраивали скачки лягушек.

— Как по-вашему, можно устроить для меня ванну или по крайней мере душ? — спросила она, когда Джиллемо принес вечером поднос с едой. — Мне уже неприятно собственное общество.

Он искренне улыбнулся и ответил:

— Для вас я постараюсь.

— Правда? — обрадовалась она. — Вы очень добры.

Он вернулся часом позже, чтобы оповестить: ей оказана особая милость, не угодно ли отправиться с ним в душевую?

— Вы потрете мне спину? — небрежно поинтересовалась она.

Глаза Джиллемо при таком замечании панически блеснули, а уши налились свекольно-красным.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказал он.

Она покорно пошла, пытаясь запечатлеть в памяти подробности маршрута на случай, если придется возвращаться позднее без стража.

Удобства комнаты, куда он привел Ванессу, были далеко не примитивными. Зайдя в облицованную зеркалами ванную, она пожалела о том, что на самом деле мытье сейчас не было для нее первоочередным делом. Что ж, чистоту придется оставить на другой день.

— Я буду снаружи, — сказал Джиллемо.

— Это утешает, — ответила Ванесса, посылая ему взгляд, который, по ее мнению, можно было истолко-

вать как обещающий, и закрыла дверь. Затем она включила воду настолько горячую, насколько было возможно. Пар начал клубиться по комнате, а она, стоя на четвереньках, принялась намыливать пол. Когда ванная достаточно затуманилась, а пол стал достаточно скользким, она позвала Джиллемо. Ванессе могло бы польститься то, с какой готовностью он откликнулся, но она была слишком занята: когда он вошел, пробираясь на ощупь, она шагнула ему за спину и сильно ударила кулаком. Джиллемо поскользнулся, потом попал под душ и завопил, горячая вода ошпарила его. Автоматическая винтовка загремела на кафельном полу, и к тому времени, как охранник выпрямился, оружие уже перешло в руки Ванессы. Она наставила ствол в грудь стражника. Ванесса не слишком хорошо стреляла, и руки у нее тряслись, но и слепой не промахнулся бы на таком расстоянии. Она понимала это, как понимал и Джиллемо. Он поднял руки вверх.

— Не стреляйте.

— Если шевельнешь хоть пальцем...

— Пожалуйста... не стреляйте.

— Теперь... Ты отведешь меня к мистеру Гомму и остальным. Быстро. И тихо.

— Зачем?

— Просто vedi,— приказала она, делая жест винтовкой, означающий, что он должен вывести ее из ванной комнаты.— Если попытаешься сделать что-нибудь, я выстрелю тебе в спину,— предупредила Ванесса.— Я знаю, это не слишком мужественно, но я не мужчина. Поэтому постарайся вести себя осторожно.

— Да.

Он сделал то, что ему приказали. Покорно провел ее по зданию и через несколько переходов, которые выходили — как она рассудила — к колокольне и строениям вокруг нее. Ванесса почему-то считала, что там сердце крепости. Она очень сильно ошиблась. Снаружи могли

быть черепичная крыша и беленные известью стены, но все оказалось лишь фасадом. Они шагнули через порог в бетонный лабиринт, больше напоминающий бункер, чем храм. Ванесса быстро сообразила: строение выдержит даже ядерную атаку. Впечатление усиливалось тем, что коридоры вели вниз. Если это психушка, то она построена для особенных психов.

— Что это за место? — спросила она Джиллемо.

— Мы называем его Будуар, — ответил он. — Здесь все происходит.

В настоящий момент здесь почти ничего не происходило, и большинство кабинетов, куда устремлялись коридоры, были погружены в темноту. В одной из комнат компьютер, предоставленный самому себе, подсчитывал свои шансы на независимое мышление, в другой — телекс сочинял сам себе любовные письма. Они спустились еще глубже, никто их не встретил и не окликнул, и так продолжалось до тех пор, пока, завернув за угол, они не встретили женщину, на четвереньках скоблящую линолеум. Встреча изумила их, и Джиллемо живо перехватил инициативу. Ударом он отбросил Ванессу к стене и побежал. Прежде чем она смогла поймать его на мушку, он исчез.

Ванесса проклинала себя. Пройдет несколько мгновений, зазвенит тревога, и прибежит охрана. Она пропала, если останется здесь. Все три выхода из холла выглядели одинаково безнадежно, и она направилась к ближайшему, оставив уборщицу глазеть ей вслед. Выбранный маршрут сулил очередное рискованное приключение. Ванесса прошла через три комнаты: в первой она увидела дюжину часов, показывавших разное время, в следующей — полсотни черных телефонов, а третья, самая большая, была уставлена телевизионными экранами. Экраны поднимались один над другим от пола до потолка. Все выключены, кроме одного. То, что Ванесса поначалу приняла за состязание по борьбе в грязи, оказалось

порнографическим фильмом — развалившись в кресле, с банкой пива на животе, его смотрела усатая монахиня. Пойманный с поличным, стражник встал, когда Ванесса вошла. Она наставила на него винтовку.

— Я пристрелю тебя,— сказала Ванесса.

— Дерьмо.

— Где Гомм и другие?

— Что?

— Где они? — прикрикнула Ванесса.— Живо!

— Через зал. Повернете налево, потом опять налево,— ответил он. Затем добавил: — Я не хочу умирать.

— Тогда сядь и заткнись,— велела она.

— Благодарю Господа,— произнес он.

— Почему бы и не поблагодарить,— согласилась Ванесса.

Когда она попятилась из комнаты, он упал на колени, а борцы в грязи скакали за его спиной.

Налево и опять налево. Направление плодотворное: Ванесса вышла к череде комнат. Она уже собиралась постучаться в дверь, когда зазвучал сигнал тревоги. Отбросив предосторожности, Ванесса толчком распахнула двери. Голоса внутри принялись жаловаться на то, что их разбудили, и спрашивать, почему звенит сирена. В третьей комнате Ванесса отыскала Гомма, и тот улыбнулся ей.

— Ванесса! — воскликнул он и выскочил в коридор, одетый в длинную нательную фуфайку. Больше на нем не было ничего.— Вы пришли, правда? Вы пришли!

Другие появлялись из комнат, затуманенные со сна. Ирения, Флойд, Моттерсхед, Гольдберг. Глядя на лица со старческим румянцем, Ванесса поверила, что им и вправду четыре сотни лет на всех.

— Просыпайтесь, старые черти,— проговорил Гомм. Он отыскал пару брюк и теперь напяливал их.

— Звенит тревога,— заметил один из них. Его ярко-белые волосы свисали почти до плеч.

- Скоро они будут здесь,— сказала Ирения.
- Не важно,— ответил Гомм.
- Флойд уже оделся.
- Я готов,— возвестил он.
- Но нас слишком много,— запротестовала Ванесса.— Мы так не выберемся живыми.
- Она права,— сказал кто-то, смотревший на Ванессу прищуренными глазами.— Бесполезно.
- Заткнись, Гольдберг,— оборвал его Гомм.— У нее есть ружье, верно?
- Одно,— произнес старик с белыми волосами. Должно быть, это и был Моттерсхед.— Одно ружье против всех них.
- Я возвращаюсь в постель,— объявил Гольдберг.
- Есть возможность бежать,— возразил Гомм.— Может быть, единственный случай, который нам представился.
- Он прав,— согласилась женщина.
- А как насчет игр? — напомнил Гольдберг.
- Забудем об играх,— ответил Флойд.— Пусть они томятся сами.
- Слишком поздно,— сказала Ванесса.— Они идут.— С обоих концов коридора доносились крики.— Мы в западне.
- Отлично,— отозвался Гомм.
- Вы безумны,— прямо заявила она ему.
- У вас еще есть возможность нас пристрелить,— проговорил он, улыбаясь.
- Флойд хмыкнул.
- Не хочу выбираться отсюда такой ценой,— сказал он.
- Угрожайте им этим! Угрожайте! — призвал Гомм.— Скажите, что если они попытаются что-нибудь сделать, вы всех нас пристрелите!
- Ирения улыбнулась. Она оставила свои челюсти в спальне.

— Ты не просто красавчик,— сказала она Гомму.

— Он прав,— подтвердил Флойд, просияв.— Они не осмелятся рисковать нами. Им придется нас выпустить.

— Вы с ума сошли,— забормотал Гольдберг.— Снаружи ничего хорошего для нас нет.

Он вернулся в свою комнату и хлопнул дверью. Как только он это сделал, коридор с обеих сторон блокировала многочисленная охрана. Гомм ухватил винтовку Ванессы и приподнял, чтобы направить себе в сердце.

— Будьте нежны,— прошептал он и послал ей поцелуй.

— Опустите оружие, миссис Джейп,— сказал знакомый голос: мистер Клейн возник из массы охранников.— Говорю вам, вы полностью окружены.

— Я убью их всех,— взволнованно произнесла Ванесса. А затем добавила более решительно: — Преду-преждаю вас. Я отчаялась. Я убью *всех*, прежде чем вы пристрелите меня.

— Вижу...— спокойно ответил мистер Клейн.— А почему вы полагаете, будто мне не все равно, убьете вы их или нет? Они сумасшедшие. Говорю вам — они психи, убийцы...

— Мы оба знаем, что это неправда,— сказала Ванесса. Беспокойство, которое отразилось на лице Клейна, вселило в нее уверенность.— Я хочу, чтобы ворота открыли, а ключ зажигания был в машине. Если вы замyslите что-нибудь глупое, мистер Клейн, я методично перестреляю заложников. Теперь отпустите ваших крепких мальчиков и делайте, как я говорю.

Мистер Клейн поколебался, затем просигналил общий отход.

Глаза Гомма заблестели.

— Прекрасно исполнено,— прошептал он.

— Почему бы вам не показать дорогу? — предложила Ванесса.

Гомм послушался, и маленький отряд стал лавировать среди нагромождения часов, телевизоров и мони-

торов. С каждым новым шагом Ванесса ждала, что ее настигнет пуля, но мистер Клейн явно был слишком обеспокоен сохранностью стариков, чтобы рисковать. Они добрались до открытого пространства без инцидентов.

Охрана маячила снаружи, хотя и пыталась остаться незамеченной. Ванесса направляла винтовку на четырех заложников, пока они шли через дворы к тому месту, где припарковали автомобиль. Ворота были открыты.

— Гомм,— шепнула Ванесса.— Распахните двери машины.

Гомм сделал, что требовалось. Он говорил, что годы иссушили их всех и, возможно, был прав, но пятеро заложников плотно набились в маленькую машину. Ванессе пришлось залезать последней. Когда она пригнулась, чтобы сесть за руль, прогремел выстрел, и она ощутила удар в плечо. Ванесса уронила винтовку.

— Ублюдки! — воскликнул Гомм.

— Оставьте ее,— пропищал кто-то за спиной, но Гомм уже вылез из машины, запихнул Ванессу назад, рядом с Флойдом, затем скользнул на водительское место и завел мотор.

— Ты умеешь управлять машиной? — требовательно спросила Иреня.

— Конечно, я чертовски хорошо умею это! — парировал он, и машина дернулась вперед, через ворота, причем в коробке передач резко заскрежетало.

Ванесса никогда раньше не попадала под пули и надеялась — если выживет — избегать этого впредь. Рана на плече сильно кровоточила. Флойд изо всех сил старался остановить кровь, но езда Гомма делала любую конструктивную помощь практически невозможной.

— Здесь будет другая дорога,— заговорила Ванесса.— Она отходит от той дороги.

— От какой дороги какая дорога? — вопил Гомм.

— Направо! Направо! — кричала она в ответ.

Гомм снял обе руки с руля и посмотрел на них.

— Которая правая?

— Ради бога...

Ирения, сидя рядом с ним, прижала руки Гомма к рулю. Машина выплясывала тарантеллу. Ванесса стонала на каждом ухабе.

— Вижу ее! — сказал Гомм. — Я вижу дорогу!

Он прибавил скорость, а ногу поставил на акселератор.

Одна из плохо закрытых задних дверей распахнулась, и Ванесса чуть не выпала наружу. Моттерсхед, потянувшись через Флойда, втащил ее обратно, но тут дверь столкнулась с валуном на том месте, где две дороги соединялись. Машина встала на дыбы, когда дверь сорвалась с петель.

— Что ж, нам необходимо побольше воздуха, — сказал Гомм, не отрываясь от управления.

Шум их мотора тревожил эгейскую ночь, но не только он. Позади светились фары и слышались звуки лихорадочной погони. Винтовка Джиллемо осталась в монастыре, им было нечем защитить себя, и Клейн знал об этом.

— Поднажми! — сказал Флойд, ухмыляясь от уха до уха. — Они следуют за нами.

— Я еду так быстро, как только могу, — отвечал Гомм.

— Выключи фары, — посоветовала Ирения. — Будем меньше похожи на мишень.

— Тогда я не увижу дороги, — возразил Гомм, перекивая рев мотора.

— Ну и что? Ты все равно едешь не по ней.

Моттерсхед засмеялся, и вместе с ним невольно засмеялась Ванесса. Возможно, потеря крови заставила ее потерять контроль над собой, но она не могла удержаться. Четыре Мафусаила и она в машине с тремя дверцами, пробирающейся во тьме, — только сумасшедший отнесся бы к такому серьезно. И это было последним и бес-

спорным доказательством того, что люди рядом с ней — не психи, как охарактеризовал их Клейн: ведь они тоже чувствовали комизм происходящего. Гомм даже принялся напевать за рулем отрывки из Верди.

В идущей кругом голове Ванессы вертелась одна мысль: если эти люди не безумны, как и она сама, что означает сказка, рассказанная Гоммом? Или он говорил правду? Может ли быть, что Армагеддон сдерживали несколько хихикающих старцев?

— Они догоняют нас! — вскричал Флойд. Он встал коленями на заднее сиденье и уставился в стекло.

— А мы не позволим, — ответил Моттерсхед. Смех его едва ли стал тише. — Мы все собираемся умереть.

— Вот! — закричала Ирения. — Вот другая дорога! Давай туда! Давай туда!

Гомм крутанул руль, и машина почти опрокинулась, сворачивая с главного пути, а потом поехала по новой колее. При выключенных фарах ничего нельзя было разобрать, кроме слабого мерцания дороги впереди, но Гомма это не смущало. Он прибавлял газу до тех пор, пока мотор не завизжал. Пыль вилась в воздухе, втягивалась в проломленную дверцу и вылетала обратно; коза появилась впереди у самых колес автомобиля за секунду до того, как расстаться с жизнью.

— Куда мы едем? — завопила Ванесса.

— Понятия не имею! — ответил Гомм. — А вы?

Куда бы они ни направлялись, они двигались со значительной скоростью. Эта дорога была более гладкая, чем предыдущая, и Гомм использовал ее преимущество. Он снова принялся напевать.

Моттерсхед высунулся из окна в дальнем углу машины. Он наблюдал за преследователями, волосы его струились на ветру.

— Они отстают! — взвыл он, торжествуя. — Они отстают!

Радостное возбуждение охватило всех путешественников, и они стали подпевать Х. Г. Пели они так гром-

ко, что Гомм не расслышал слов Моттерсхеда о том, что дорога впереди, кажется, исчезает. И правда — Х. Г. не знал, что направляет машину на обрыв скалы; не знал до тех пор, пока автомобиль не нырнул носом вниз, и море не поднялось, чтобы встретить их.

— Миссис Джейп! Миссис Джейп!

Ванесса неохотно пробудилась. Голова болела, болела рука. Недавно произошло нечто ужасное... У нее ушло некоторое время на то, чтобы припомнить, в чем суть. Затем воспоминания вернулись. Машина, падающая со скалы, холодное море, хлынувшее через провал на месте выломанной дверцы, безумные крики рядом, когда тонул автомобиль. Ванесса выбиралась на свободу в полубреду, едва ли сознавая, что Флойд плавает возле нее. Она позвала его по имени, но он не ответил. Она повторила его имя.

— Мертв,— сказал мистер Клейн.— Все они мертвы.

— О боже,— прошептала она. Она смотрела не на лицо Клейна, а на шоколадное пятно на его пиджаке.

— Забудьте о них теперь,— настаивал он.

— Забыть?

— Есть более важное дело, миссис Джейп. Вы должны подняться, и быстро.

Настойчивость, звучащая в голосе Клейна, поставила Ванессу на ноги.

— Сейчас утро? — спросила она. В комнате, где они находились, не было окон. Если судить по бетонным стенам, это был Будуар.

— Да, утро,— нетерпеливо ответил Клейн.— Теперь вы пойдете со мной? Я хочу вам кое-что показать.

Он распахнул дверь, и они вступили в мрачный коридор. Впереди них слышался шум, будто там шел большой спор: дюжина повышенных голосов, проклятия и мольбы.

— Что происходит?

— Они готовят апокалипсис,— ответил Клейн и провёл Ванессу в комнату, где совсем недавно она видела на экране «состязание борцов». Теперь гудели все мониторы, и каждый показывал различные интерьеры. Тут были казармы и президентские апартаменты, правительственный кабинет и зал конгресса. И везде люди кричали.

— Вы пролежали без сознания целых два дня,— сказал Клейн, словно это каким-то образом объясняло происходящее.

Голова ее уже не болела. Ванесса переводила взгляд с экрана на экран. От Вашингтона до Гамбурга, от Сиднея до Рио-де-Жанейро — везде, по всему земному шару властители ожидали новостей. Но оракулы были мертвы.

— Они — лишь исполнители,— произнес Клейн, показывая на кричащие экраны.— Скакать на трех ногах, даже при всех прочих благоприятных условиях, нельзя. Они впали в истерику. Сейчас они как нетерпеливые пальцы, занесенные над кнопками.

— А что, по-вашему, могу сделать я? — спросила Ванесса. Этот тур по Вавилону подавил ее.— Я не стратег.

— Гомм и остальные тоже не были стратегами. К тому моменту, когда я сюда прибыл, половина членов комитета умерли. А другие потеряли интерес к своим обязанностям...

— Но они все еще давали советы, по словам Х. Г.?

— О да.

— Они правили миром?

— В своем роде,— ответил Клейн.

— В своем роде? Что вы имеете в виду?

Клейн посмотрел на экраны. Из глаз его, казалось, вот-вот хлынут слезы.

— Гомм не объяснил? Они играли в игры, миссис Джейп. Когда им наскучивали разумные обоснования и звук собственного голоса, они прерывали дебаты и бросали монетку.

— Нет...

— И, разумеется, устраивали лягушачьи скачки. Это они предпочитали всему прочему.

— Но правительства! — запротестовала Ванесса.— Они ведь не просто принимали...

— Думаете, это их беспокоило? — спросил Клейн.— Когда они на публике, имеет ли значение, какое именно пустословие льется из их уст?

Голова Ванессы закружилась.

— Так все — случайность? — спросила она.

— Почему бы и нет? И здесь имеется достойная уважения традиция. Люди издревле следовали предсказаниям, сделанным по внутренностям овец.

— Это нелепо.

— Согласен. Но ответьте мне со всей честностью: ужаснее ли это, чем оставить власть в их руках? — Он указал на множество разгневанных лиц.

Демократы мучались, потому что утро застало их без единой идеи, чтобы продвигать ее или рукоплескать ей; деспоты пребывали в ужасе от того, что без инструкций не сумеют действовать достаточно жестоко, потеряют лицо и будут свергнуты. Один премьер задыхался, как в приступе бронхиальной астмы, его поддерживали два помощника; другой сжимал револьвер, целился в экран и требовал сатисфакции; третий теребил накладку на собственной лысине. Неужели таковы прекраснейшие плоды политического древа? Бормочущие, наглые, льстивые идиоты, теряющие разум оттого, что никто не указывает им место, куда прыгнуть. Среди них не нашлось ни одного мужчины, ни одной женщины, кому Ванесса доверила бы перевести себя через дорогу.

— Уж лучше лягушки, — прошептала она, какой бы горькой ни была эта мысль.

Свет во дворе после мертвенных ламп бункера казался ошеломляюще ярким, но Ванесса радовалась возможности уйти от отвратительного шума, царившего в

помещении. Скоро подберут другой комитет, сообщил ей Клейн, когда они выбрались на свежий воздух. Равновесие восстановится — это дело нескольких недель. Но до тех пор мир могут разнести на куски отчаянные создания, которых они только что видели. Им нужны решения. И быстро.

— Еще жив Гольдберг,— сказал Клейн.— И он будет продолжать игру. Но чтобы играть, нужны двое.

— А почему не вы?

— Потому что он ненавидит меня. Ненавидит всех нас. Он говорит, что станет играть только с вами.

Гольдберг сидел под лавровыми деревьями и раскладывал пасьянс. Это был долгий процесс. Из-за близорукости он подносил каждую карту на расстояние трех дюймов к носу, пытаясь разглядеть ее, а к тому моменту, когда ряд заканчивался, забывал карты, что были в начале.

— Она согласна,— проговорил Клейн. Гольдберг не отвел взгляда от карт.— Я сказал: она согласна.

— Я не слепой и не глухой,— ответил Гольдберг Клейну, все еще внимательно рассматривая карты. Затем он взглянул вверх и, увидев Ванессу, прищурился.— Я говорил им, что это плохо кончится...— По его мягкому тону Ванесса поняла: притворяясь фаталистом, он все-таки остро переживает потерю товарищей.— Я говорил с самого начала, что мы должны оставаться здесь. Бежать бесполезно.— Он пожал плечами и вновь обратился к картам.— К чему бежать? Мир изменился. Я знаю. Мы изменили его.

— Это было не так плохо,— сказала Ванесса.

— Мир?

— То, как они умерли.

— О!

— Мы веселились до последней минуты.

— Гомм был слишком сентиментальным,— проговорил Гольдберг.— Мы никогда особенно не любили друг друга.

Большая лягушка прыгнула на дорогу перед Ванессой. Глаза Гольдберга уловили движение.

— Кто это? — спросил он.

Создание со злобой рассматривало ногу Ванессы.

— Просто лягушка, — ответила Ванесса.

— Как выглядит?

— Толстая, — сообщила Ванесса. — С тремя красными точками на спине.

— Это Израиль, — сказал Гольдберг. — Не наступите на него.

— Будут ли к полудню какие-нибудь решения? — вмешался Клейн. — Особенно в связи с ситуацией в заливе, с мексиканским конфликтом и...

— Да-да-да, — отозвался Гольдберг. — А теперь уходите.

— Может получится еще один залив Свиной*...

— Вы не сказали ничего, чего бы я не знал. Идите! Ваше присутствие заставляет нации волноваться. — Он уставился на Ванессу. — Ну, вы собираетесь сесть или нет?

Она села.

— Я оставляю вас, — сказал Клейн и удалился.

Гольдберг начал издавать горлом звук — кек-кек-кек, — подражая голосу лягушки. В ответ раздалось кваканье из всех закоулков двора. Услышав это, Ванесса сдержала улыбку. Фарс, некогда говорила она себе, надо играть с серьезным лицом — так, будто веришь каждому произнесенному слову. Лишь трагедия требует смеха; возможно, они еще сумеют предотвратить ее — с помощью лягушек.

* Операция в заливе Свиной — военная операция, подготовленная руководством США с целью свержения режима Фиделя Кастро на Кубе в 1961 г. Завершилась полным разгромом нападавших.

Во плоти

Когда Кливленд Смит вернулся после беседы с дежурным офицером, его новый сокамерник был уже на месте. Он глядел, как плавают пылинки в солнечном луче, проникающем сквозь пуленепробиваемое оконное стекло. Это зрелище повторялось ежедневно (если не мешали облака) и длилось менее получаса. Солнце отыскивало путь между стеной и административным зданием, медленно пробираясь вдоль блока Б, а потом исчезало до следующего дня.

— Ты Тейт? — спросил Клив.

Заклученный перестал смотреть на солнце и обернулся. Мэйфлауэр сказал, что новенькому двадцать два года, но Тейт выглядел лет на пять моложе. В лице молодого человека было нечто, делавшее его похожим на потерявшегося (и притом безобразного) щенка, которого хозяева оставили поиграть на оживленной улице. Глаза слишком настороженные, рот чересчур безвольный, руки тонкие: прирожденная жертва. Клив почувствовал раздражение от мысли, что придется возиться с этим мальчишкой. Тейт станет лишней обузой. У Клива нет сил, чтобы тратить их на покровительство новичку, несмотря на болтовню Мэйфлауэра о необходимости протянуть руку помощи.

— Да, — ответил щенок. — Я Уильям.

— Тебя так и называют Уильямом?

— Нет, — сказал мальчик. — Все зовут меня Билли.

— Билли, — кивнул Клив и вошел в камеру.

Режим в Пентонвилле был в некотором роде прогрессивным: по утрам на два часа камеры оставались открытыми, нередко отпирались на пару часов и днем, что давало заключенным определенную свободу передвижения. Однако это имело и свои недостатки: например, разговоры с Мэйфлауэром.

— Мне велено дать тебе кое-какие советы.

— Да? — переспросил мальчик.

— Ты раньше не сидел?

— Нет.

— Даже в колонии для несовершеннолетних?

Глаза Тейта блеснули.

— Недолго.

— Значит, ты в курсе дела. Знаешь, что ты легкая добыча?

— Знаю.

— Мне тут поручили,— продолжал без энтузиазма Клив,— защитить тебя, чтоб не покалечили.

Тейт уставился на Клива, и голубизна его глаз казалась молочной, будто они отражали солнце.

— Не расстраивайся,— произнес мальчик.— Ты мне ничего не должен.

— Чертовски верно. Я тебе ничего не должен, но у меня вроде как есть гражданский долг,— угрюмо ответил Клив.— Это ты.

Клив отбыл два месяца заключения за торговлю марихуаной, и это был его третий визит в Пентонвилл. К тридцати годам он совершенно не постарел: тело крепкое, лицо худое и утонченное; в своем костюме для суда, ярдов с десяти, он мог бы сойти за адвоката. Но если чуть приблизиться, становился виден шрам на его шее, оставшийся после нападения безденежного наркомана, а в походке проявлялась настороженность, будто при каждом шаге вперед Клив сохраняет готовность к быстрому отступлению.

Вы еще молоды, сказал ему в последний раз судья, и у вас есть время, чтобы многого добиться в жизни. Вслух Клив возражать не стал, но думал он иначе. Работать тяжело, а преступать закон легко. Пока кто-нибудь не доказал обратное, он будет делать то, что умеет лучше всего. А если поймают — что ж, в тюрьме не так уж плохо, если ты правильно ко всему относишься. Еда приличная, общество избранное, и пока есть чем занять мозги, он вполне доволен. В настоящее время он читал о грехе. Тема вполне уместная *здесь*. Клив уже слышал множество объяснений того, как грех пришел в мир, и от офицеров, работающих с условно осужденными, и от юристов, и от священников. Теории социологические, теологические, идеологические. Кое-какие заслуживали пары минут внимания, большинство же были столь нелепы (грех от утробы, грех от государства), что он смеялся в лицо вдохновенным проповедникам. Все они переливают из пустого в порожнее.

Однако это хорошая жвачка, когда нужно чем-то занять дни. И ночи: он плохо спал в тюрьме. Нет, ему мешала спать не его собственная вина, а вина других. Он был всего лишь мелким торговцем наркотиками, он поставлял товар туда, где есть спрос, маленький зубчик в огромном механизме; ему не из-за чего чувствовать вину. Но рядом находились другие — казалось, что их множество, — чьи сны не были благостными и мирными. Они кричали, они жаловались, они проклинали судей земных и небесных. Этот шум пробудил бы и мертвеца.

— Так здесь всегда? — спросил Билли Клива через неделю или около того. Новый заключенный уже много раз слышал, как слезы мгновенно переходят в непристойную ругань.

— Да, большую часть времени, — ответил Клив. — Некоторым надо чуток повыть, чтобы мозги не скисли. Это помогает.

— Но не тебе, — заметил немзыкальный голос с нижней койки. — Ты только читаешь свои книжки и дер-

жишься в стороне от опасных дел. Я за тобой наблюдал. Это все тебя не волнует?

— Я могу жить и так,— ответил Клив.— У меня нет жены, которая каждую неделю приходит и напоминает о том, что я теряю.

— Ты сидел здесь раньше?

— Дважды.

Мальчик мгновение колебался, прежде чем проговорил:

— Ты, наверное, все тут знаешь, да?

— Ну, путеводителя я не напишу, однако в общей планировке разбираюсь!

Замечание мальчика показалось Кливу странным, и он спросил:

— А в чем дело?

— Мне интересно,— сказал Билли.

— У тебя есть вопросы?

Тейт не отвечал несколько секунд, а затем произнес:

— Я слышал, что обычно... обычно здесь *вешали* людей.

Клив ожидал чего угодно, только не этого. С другой стороны, несколько дней назад он решил, что Билли Тейт со странностями. Косые взоры его молочно-голубых глаз и то, как он разглядывал стену или окно,— так детектив осматривает место, где произошло убийство, отчаявшись найти разгадку.

Клив сказал:

— Думаю, когда-то здесь был сарай для виселицы.

Вновь молчание. Затем новый вопрос, заданный максимально небрежно:

— Он все еще стоит?

— Сарай? Не знаю. Людей, Билли, больше не вешают или ты не слышал?

Снизу ответа не последовало.

— В любом случае, тебе-то какое до этого дело?

— Просто любопытно.

И правда, любопытством он отличался. Такой странный со своим безучастным взглядом и повадками одиночки, что большинство мужчин его сторонились. Один Лоуэлл интересовался Билли, и намерения его были недвусмысленны.

— Ты не одолжишь мне свою леди до вечера? — спросил он Клива, когда они выстроились в очередь за завтраком. Тейт, стоявший поблизости, ничего не сказал. Клив тоже.

— Ты меня слышишь? Я задал вопрос.

— Слышал. Оставь его в покое.

— Надо делиться, — сказал Лоуэлл. — Я тоже могу оказать тебе какую-нибудь услугу. Мы можем кое-что придумать.

— Он этим не занимается.

— Ладно, а почему бы не спросить его самого? — проговорил Лоуэлл, улыбаясь сквозь бороду. — Что скажешь, детка?

Тейт оглянулся на Лоуэлла.

— Нет, благодарю вас.

— Нет, благодарю вас! — повторил Лоуэлл и подарил Кливу вторую улыбку, в которой не было ни капли юмора. — Ты хорошо его выдрессировал. Он садится на задние лапки и служит?

— Отвали, Лоуэлл, — ответил Клив. — Он этим не занимается, вот и все.

— Ты не можешь сторожить его каждую минуту, — заметил Лоуэлл. — Рано или поздно мальчишке придется самому встать на ноги. Если ему не удобнее на коленях.

Намек вызвал грубый хохот Нейлера, сокамерника Лоуэлла. С этими парнями Клив охотнее всего встретился бы в драке, но его искусство блефовать было отточено как бритва, и он использовал свое мастерство.

— Не беспокойся, — сказал он Лоуэллу, — борода твоя скроет сколько угодно шрамов.

Лоуэлл взглянул на Клива. Улыбка растаяла, он не мог теперь отличить правду от лжи и явно не испытывал желания подставить горло под бритву.

— Только не передумай,— произнес он. И ничего больше.

О стычке за завтраком не упоминали до того момента, когда погасили свет. Начал разговор Билли.

— Тебе не следовало этого делать,— сказал он.— Лоуэлл — мерзкий ублюдок. Я все слышал.

— Хочешь, чтобы тебя изнасиловали? Да?

— Нет,— быстро возразил он.— Боже, нет. Я должен уцелеть.

— После того как Лоуэлл наложит на тебя лапу, ты уже ни на что не сгодишься.

Билли соскользнул со своей койки и теперь стоял на середине камеры, едва различимый во тьме.

— Думаю, и ты в свою очередь тоже кое-чего хочешь,— сказал он.

Клив повернулся на подушке и взглянул на расплывчатый силуэт в яре от него.

— Так чего, по-твоему, мне хотелось бы, малыш Билли? — спросил он.

— Того же, чего хочет Лоуэлл.

— И ты думаешь, весь шум из-за этого? Я защищаю свои права?

— Ага.

— Как ты говорил: нет, благодарю вас.— Клив опять повернулся лицом к стене.

— Я имел в виду...

— Меня не волнует, что ты имел в виду. Я не хочу об этом слышать, понял? Держись подальше от Лоуэлла, и хватит компостировать мне мозги.

— Эй,— пробормотал Билли,— не надо так, прошу тебя. Пожалуйста. Ты единственный друг, который у меня есть.

— Ничей я не друг,— сказал Клив стене.— Просто я не люблю затруднений. Понятно?

— Никаких затруднений,— повторил мальчик уныло.

— Правильно. А теперь... Мне нужно хорошо выспаться.

Тейт больше ничего не произнес, вернулся на свою нижнюю койку и лег. Пружины под ним скрипнули. Клив молчал, обдумывая сказанное. Он не имел никакого желания прибирать мальчика к рукам, но, возможно, выразился слишком резко. Что ж, дело сделано.

Он услышал, как Билли внизу почти беззвучно что-то шепчет. Клив напрягся, пытаясь подслушать слова мальчика. Напряжение длилось несколько секунд, прежде чем он понял: малыш Билли бормочет молитву.

Ночью Клив видел сны. Проснувшись, он не мог вспомнить, о чем, хотя пытался собрать сновидение по крупицам. Тем утром едва ли не каждые десять минут что-то случалось; соль, опрокинутая на обеденный стол, крики со стороны спортивной площадки — казалось, вот-вот что-то натолкнет его на разгадку и сон всплывет в голове. Но озарение не приходило. Это делало Клива непривычно раздражительным и вспыльчивым. Когда Уэсли — мелкий мошенник, знакомый еще по предыдущим отсидкам, — подошел к нему в библиотеке и затеял разговор, будто они были закадычными приятелями, Клив приказал коротышке заткнуться. Но Уэсли настаивал.

— У тебя неприятности! У тебя неприятности!

— Да? Что такое?

— Этот твой мальчишка. Билли.

— Что с ним?

— Он задает вопросы. Он очень напористый. Людям это не нравится. Они говорят, тебе следует его приструнить.

— Я ему не сторож.

Уэсли состроил рожу.

— Говорю тебе как друг.

— Отстань.
— Не будь дураком, Кливленд. Ты наживаешь врагов.
— Неужели? — отозвался Клив. — Назови хоть одного.

— Лоуэлл, — ответил Уэсли мгновенно. — И еще Нейлер. Да кто угодно. Люди не любят таких, как Тейт.

— А какой он? — огрызнулся Клив.

Уэсли слабо хмыкнул, протестуя.

— Я только попытался тебе рассказать, — произнес он. — Мальчишка хитрый, как долбаная крыса. Будут неприятности.

— Отстань ты со своими пророчествами.

Закон уравниения требует, чтобы и худшие из пророков время от времени оказывались правы: казалось, настало время Уэсли. На следующий день Клив вернулся из мастерской, где развивал свой интеллект, приделывая колеса к пластиковым тележкам, и обнаружил поджидающего его на лестничной площадке Мэйфлауэра.

— Я просил тебя присмотреть за Уильямом Тейтом, Смит, — сказал офицер. — А тебе на это плевать?

— Что случилось?

— Нет, думаю, все-таки не плевать.

— Я спросил, что случилось, сэр?

— Ничего особенного. На этот раз. Его всего лишь отлупили. Кажется, Лоуэлл охотится за ним, да? — Мэйфлауэр уставился на Клива, но не получил ответа и продолжил: — Я ошибся в тебе, Смит. Я думал, обращение к крутому парню чего-то стоит. Я ошибся.

Билли лежал на своей койке: лицо разбито, глаза закрыты. Когда вошел Клив, он так и не открыл глаза.

— Ты в порядке?

— Да, — тихо ответил мальчик.

— Кости не переломаны?

— Выживу.

— Ты должен понять...

— Послушай.— Билли открыл глаза. Зрачки его почему-то потемнели, или причиной тому было освещение.— Я жив, понятно? Я не идиот, тебе это известно. Я знал, во что влезаю, когда попал сюда.

Он говорил так, будто и в самом деле мог выбирать.

— Я могу убить Лоуэлла,— продолжал он,— а потому не мучайся зря.

Он на какое-то время замолчал, а потом произнес:

— Ты был прав.

— Насчет чего?

— Насчет того, что не надо иметь друзей. Я сам по себе, ты сам по себе. Верно? Я медленно схватываю, но в это я врубился.— Он улыбнулся самому себе.

— Ты задавал вопросы,— сказал Клив.

— Разве? — тут же откликнулся Билли.— Кто тебе сообщил?

— Если у тебя есть вопросы, спрашивай меня. Люди не любят тех, кто сует нос не в свои дела. Они становятся подозрительными. А затем отворачиваются, когда Лоуэлл и ему подобные начинают угрожать.

При упоминании о Лоуэлле лицо Билли болезненно нахмурилось. Он тронул разбитую щеку.

— Он покойник,— прошептал мальчик чуть слышно.

— Это как дело повернется,— заметил Клив.

Взгляд, подобный тому, что бросил на него Тейт, мог бы разрезать сталь.

— Именно так,— заявил Билли без тени сомнения в голосе.— Лоуэлла не жить.

Клив не стал возражать: мальчик нуждался в подобной браваре, сколь бы смехотворна она ни была.

— Что тебе надо, зачем ты повсюду суешь свой нос?

— Ничего особенного,— ответил Билли.

Он больше не смотрел на Клива, а уставился на верхнюю койку. И спокойно произнес:

— Я лишь хотел узнать, где здесь были могилы, и все.

— Могилы?

— Где они хоронили повешенных. Кто-то говорил, что там, где похоронен Криппен, растет розовый куст. Ты когда-нибудь слышал об этом?

Клив покачал головой. Теперь он вспомнил, что мальчик уже спрашивал о сарае с виселицей, а вот теперь заговорил про могилы. Билли взглянул на него. Синяк с каждой минутой делался темнее и темнее.

— Ты знаешь, где они, Клив? — спросил он. И снова то же притворное безразличие.

— Я узнаю, если ты будешь так любезен и скажешь, зачем тебе это нужно.

Билли выглянул из-под прикрытия койки. Полуденное солнце очерчивало короткую дугу на отштукатуренных кирпичных стенах. Оно было сегодня неярким. Мальчик спустил ноги с койки и сел на краю матраса, глядя на свет так же, как в первый день.

— Мой дедушка, отец моей матери, был здесь повешен, — произнес он дрогнувшим голосом. — В девятьсот тридцать седьмом. Эдгар Тейт. Эдгар Сен-Клер Тейт.

— Ты, кажется, сказал, что он отец *твоей матери*?

— Я взял его имя. Я не хочу носить имя отца. Я никогда ему не принадлежал.

— Никто никому не принадлежит, — ответил Клив. — Ты принадлежишь сам себе.

— Но это неверно, — возразил Билли, слегка пожав плечами. Он все еще глядел на свет на стене. Уверенность мальчика была непоколебимой; вежливость не делала его утверждение менее веским. — Я принадлежу своему деду. И всегда принадлежал.

— Ты еще не родился, когда...

— Это не важно. Пришел — ушел, такая ерунда.

«Пришел — ушел». Клив удивился. Понимал ли под этими словами Тейт жизнь и смерть? У Клива не было возможности спросить. Билли опять заговорил тем же приглушенным, но настойчивым голосом:

— Конечно, он был виновен. Не так, как о том думают, но виновен. Он знал, кто он и на что способен.

Это вина, так ведь? Он убил четверых. По крайней мере, за это его повесили.

— Ты думаешь, он убил больше?

Билли еще раз слабо пожал плечами: разве в количестве дело?

— Но никто не пришел посмотреть, где его похоронили. Это неправильно, так ведь? Им было все равно, мне кажется. Родственники, возможно, радовалась его смерти. Они с самого начала думали, что он чокнутый. Но он не был таким. Я знаю, не был. У меня его руки и его глаза. Так сказала мама. Видишь ли, она мне все о нем рассказала перед смертью. Рассказала такие вещи, какие никому и никогда не говорила. И рассказала мне только потому, что мои глаза...— Он запнулся и приложил руку к губам, будто колеблющийся свет на стене уже загнипотизировал его, чтобы он не выдал слишком много.

— Что сказала тебе мать? — настаивал Клив.

Билли словно взвешивал различные ответы, прежде чем предложить один из них.

— Только то, что дед и я одинаковы в некоторых вещах,— сказал он.

— Чокнутые, что ли? — полушутя предположил Клив.

— Что-то вроде того,— ответил Билли, все еще глядя на стену; он вздохнул, затем решил продолжить признание.— Вот почему я пришел сюда. Так мой дедушка узнает, что он не забыт.

— Пришел сюда? — переспросил Клив.— О чем ты говоришь? Тебя поймали и посадили. У тебя не было выбора.

Свет на стене угас, туча заслонила солнце. Билли взглянул на Клива. Свет по-прежнему оставался тут, в его глазах.

— Я совершил преступление, чтобы попасть сюда,— пояснил мальчик.— Это осмысленный поступок.

Клив покачал головой. Заявление звучало абсурдно.

— Я и раньше пытался. Дважды. Это требует времени. Но теперь я здесь, не так ли?

— Не считай меня дураком, Билли,— предостерег Клив.

— Я и не считаю,— ответил тот. Теперь он стоял. Казалось, он почувствовал облегчение, рассказав эту историю. Он даже улыбался, когда говорил: — Ты был добр ко мне. Не думай, что я этого не понимаю. Я благодарен. Теперь...— Он взглянул в лицо Кливу и закончил: — Я хочу знать, где могилы. Найди их, и я больше не пикну, обещаю.

Клив почти ничего не знал ни о тюрьме, ни о ее истории. Но он знал тех, кто обо всем этом знал. Например, человек по прозвищу Епископ, столь хорошо известный заключенным, что его прозвище требовало прибавления определенного артикля. Этот человек частенько заходил в мастерскую в то же время, что и Клив. Епископ за свои сорок с лишним лет так часто садился в тюрьму, выходил из нее и возвращался снова — в основном за мелкие дела,— что с фатализмом одноногого человека, призванного пожизненно изучать монопедию, стал знатоком тюрем и карательной системы в целом. Малую часть своих знаний он почерпнул из книг, большинство же сведений по крупицам собрал у старых каторжников и тюремщиков, готовых болтать часами, и постепенно превратился в ходячую энциклопедию преступлений и наказаний. Он сделал это предметом торговли: продавал бережно накопленные знания в зависимости от спроса, то в виде географической справки для будущего беглеца, то как тюремную мифологию для заключенного-безбожника, ищущего местное божество. Клив отыскал его и выложил плату в виде табака и долговых расписок.

— Что я могу для тебя сделать? — поинтересовался Епископ. Он был тяжеловесный, но не болезненный. Тонкие, словно иголки, сигареты, которые он постоянно скру-

чивал и курил, казались еще меньше в его пальцах мясника, окрашенных никотином.

— Мне бы хотелось знать о здешних повешенных. Епископ улыбнулся.

— Такие славные истории,— сказал он и начал рассказывать.

В незамысловатых деталях Билли был в основном точен. В Пентонвилле вешали до самой середины столетия, но сарай давно разрушили. На его месте в блоке Б теперь отделение наказанных условно и содержащихся под надзором. Что касается криппеновских роз, это тоже недалеко от истины. В парке перед хибаркой, где, как сообщил Епископ, располагался склад садовых инструментов, был небольшой клочок травы, в самом центре которого цвел куст роз. Его посадили в память доктора Криппена, повешенного в девятьсот десятом. Епископ признал, что в этом случае не может определить точно, где правда, а где выдумка.

— Там есть могилы? — спросил Клив.

— Нет, нет,— ответил Епископ, одной затяжкой уменьшив свою крошечную сигарету наполовину.— Могилы находятся вдоль стены, слева за хибарой. Там длинный газон, ты его должен знать.

— Надгробий нет?

— Никаких надгробий. Никаких знаков. Только начальнику тюрьмы известно, кто где похоронен, а планы он, наверное, давно потерял.— Епископ нашарил в нагрудном кармане своей робы жестянку с табаком и принялся ловко, не глядя на руки, сворачивать новую сигарету.— Приходить сюда и оплакивать мертвецов не разрешается никому, как ты понимаешь. С глаз долой — из сердца вон, идея такая. Конечно, это не помогает. Люди забывают премьер-министров, а убийц помнят. Ты идешь по газону, и всего в шести футах под тобой лежат самые отъявленные из тех, что «украшали» когда-либо нашу зеленую милую землю. А ведь даже креста нет, чтобы отметить могилу. Преступно, а?

— Ты знаешь, кто там похоронен?

— Несколько очень испорченных джентльменов,— ответил Епископ, словно нежно журил их за содеянные проступки.

— Ты слышал о человеке по имени Эдгар Тейт?

Епископ поднял брови, его жирный лоб прорезали морщины.

— Святой Тейт? Да, конечно. Его непросто забыть.

— Что ты о нем знаешь?

— Он убил жену, потом детей. Орудовал ножом так же легко, как я дышу.

— Убил всех?

Епископ вставил новую сигарету в толстые губы.

— Может, и не всех,— сказал он, щуря глаза, словно хотел припомнить детали.— Может, кто-то из них и выжил. Скорее всего, дочь...— Он пренебрежительно пожал плечами.— Я не слишком хорошо запоминаю жертв. Да и кто их помнит? — Он уставился на Клива ласковыми глазами.— С чего ты так интересуешься Тейтом? Его повесили до войны.

— В тридцать седьмом. Уже порядком разложился, правда?

Епископ предостерегающе поднял указательный палец.

— Э, нет,— сказал он.— Видишь ли, земля, на которой построена эта тюрьма, имеет особые свойства. Тела, в ней похороненные, не гниют так, как повсюду.

Клив бросил на Епископа недоверчивый взгляд.

— Это правда,— заверил толстяк.— У меня есть точные данные. И поверь, когда бы ни выкапывали тело из земли, его всегда находили в почти безупречном виде.— Он воспользовался паузой, чтобы прикурить сигарету, сделал затяжку и теперь выпускал изо рта дым вместе со словами.— Когда придет конец света, добрые люди из Мэрилебоун и Кэмден-тауна поднимутся — гниль да кости. А грешники поскачут к Страшному суду свеженькие, как будто только что родились. Представляешь?

Этот парадокс восхищал его, широкое толстое лицо светилось от удовольствия.

— Ах,— задумчиво произнес он,— и кого же тогда назовут испорченным?

Клив так никогда и не узнал в точности, как Билли попал в садоводческий наряд, но он это сделал. Возможно, юноша обратился прямо к Мэйфлауэру, который убедил вышестоящее начальство, что Тейту можно доверить работу на свежем воздухе. Как бы то ни было, он что-то придумал, и в середине недели, когда Клив узнал о местоположении могил, Билли оказался снаружи. Холодным апрельским утром он стриг газон.

Информация о том, что произошло в тот день, просочилась по тайным каналам приблизительно ко времени отдыха. Клив услышал рассказ из трех независимых источников, ни один из которых не был на месте действия. Отчеты различались в деталях, но явно сходились по сути.

В общих чертах говорилось следующее: садоводческий наряд, четыре человека под присмотром тюремщика, двигался вокруг блоков. Они приводили в порядок газоны, выпалывали ненужную траву и готовили землю к весенним посадкам. Охрана была не на высоте: прошло две или три минуты, прежде чем тюремщик заметил, что один из подопечных тихо ускользнул. Подняли тревогу, однако долго искать не пришлось. Тейт не пытался убежать, а если и пытался, то припадок особого рода разрушил его планы. Его обнаружили — и тут версии значительно расходятся — на газоне у стены. Тейт распростерся на траве. Некоторые утверждали, что лицо его было черным, тело завязано узлом, а язык почти откушен; другие говорили, что он лежал вниз лицом, разговаривал с землей, всхлипывал и о чем-то молил. Последовал вывод, что мальчик лишился рассудка.

Сплетни поставили Клива в центр внимания, что ему очень не нравилось. Весь следующий день у него не было ни одной спокойной минуты, поскольку люди хоте-

ли знать, каково жить в одной камере с психом. Но Клив отвечал, что Тейт был идеальным соседом, спокойным, неприхотливым и безусловно вменяемым. Ту же историю он рассказал и Мэйфлауэру, когда на другой день его подробно допросили; позднее повторил ее тюремному врачу. Клив и не заикнулся об интересе Тейта к могилам и стал присматривать за Епископом, требуя, чтобы тот тоже молчал. Епископ согласился подчиниться при условии, что в свое время ему поведают обо всем во всех подробностях. Клив пообещал, и Епископ, как приличествовало его гипотетическому духовному сану, свое слово сдержал.

Билли отсутствовал в камере два дня. Тем временем Мэйфлауэр перестал дежурить в этом тюремном секторе. На его место из блока Д перевели некоего Девлина. Слава о нем шла впереди него: похоже, он не был склонен к состраданию. Впечатление подтвердилось, когда в день возвращения Билли Тейта Клива позвали в кабинет Девлина.

— Мне говорили, что вы с Тейтом близки, — заявил Девлин. Лицо его было тверже гранита.

— Не совсем, сэр.

— Я не собираюсь повторять ошибку Мэйфлауэра, Смит. Насколько я знаю, Тейт доставляет неприятности. Я буду следить за ним с зоркостью ястреба, а когда меня нет, ты будешь делать это вместо меня, понял? Достаточно ему скосить глаза в сторону, и я выкину его отсюда в специальное подразделение раньше, чем он успеет пернуть. Я понятно говорю?

— Отдал почести, да?

Билли очень похудел в больнице, и трудно было даже вообразить, сколько этот скелет весит. Рубашка висела мешком, ремень застегивался на самую последнюю дырку. Худоба сильнее обычного подчеркивала его физическую уязвимость. Удар боксера полулегкого веса свалил бы его с ног, подумал Клив. Но худоба придала его

лицу новую, почти отчаянную напряженность. Казалось, он состоит из одних глаз, да и те растеряли весь свой солнечный свет. Ушла и притворная пустота взгляда, сменившись сверхъестественной целеустремленностью.

— Я задал вопрос.

— Я тебя слышал,— ответил Билли. Солнца сегодня не было, но он все равно смотрел на стену.— Да, если тебе необходимо знать, я отдал почести.

— Мне велено присматривать за тобой. Девлин велел. Он хочет убрать тебя отсюда. Может, и совсем перевести.

— Перевести? — Билли посмотрел на Клива так испуганно и незащитно, что его взгляд трудно было вынести более пары секунд.— Подальше отсюда, ты это имеешь в виду?

— Думаю, так.

— Они не могут!

— Они могут. Они называют это «поездом призраков». Сейчас ты здесь, а через минуту...

— Нет,— сказал мальчик, внезапно сжав кулаки. Он начал дрожать, и на мгновение Клив испугался, что будет второй припадок. Но усилием воли Билли справился с дрожью и опять направил взгляд на сокамерника. Ссадины и синяки, полученные от Лоуэлла, стали желтовато-серыми, они еще долго не исчезнут; на щеках выступила бледно-рыжая щетина. Клив против желания ощутил прилив тревоги.

— Расскажи мне,— попросил Клив.

— Что рассказать? — отозвался Билли.

— Что случилось у могил.

— Я почувствовал головокружение. Упал. Очнулся уже в госпитале.

— Так ты сказал им, верно?

— Так и было.

— Не так, насколько слышал я. Почему бы тебе не объяснить, что в действительности произошло. Я хочу, чтобы ты доверял мне.

— Я доверяю,— сказал юноша.— Но, видишь ли, я должен сохранить все в секрете. Это — между мной и им.

— Тобой и Эдгаром? — переспросил Клив, и Билли кивнул.— Между тобой и человеком, убившим всю свою семью, кроме твоей матери?

Билли явно был напуган тем, что Клив в курсе дела.

— Да,— кивнул он после раздумья.— Да, он убил их всех. Он бы убил и маму, если бы она не убежала. Он хотел стереть свою семью с лица земли. Чтобы не осталось наследников, чтобы не нести плохую кровь.

— Твоя кровь плохая, да?

Билли позволил себе слабо улыбнуться.

— Нет,— ответил он.— Я так не думаю. Дед ошибался. Времена изменились, разве не так?

Он сумасшедший, подумал Клив. С быстротой молнии Билли уловил его настроение.

— Я не сумасшедший,— сказал он.— Скажи им. Скажи Девлину и любому, кто спросит. Скажи всем — я агнец.— Его глаза опять горели неистовством. «В нем ничего нет от агнца»,— подумал Клив, но воздержался от того, чтобы сказать это вслух.— Они не должны перевести меня отсюда, Клив. После того, как я подошел так близко. У меня здесь дело. Важное дело.

— С покойником?

— С покойником.

Если Кливу он объявил свою новую цель, то с другими заключенными его отношения строились иначе. Он не отвечал ни на вопросы, ни на оскорбления, которыми его осыпали. Его внешнее пустоглазое безразличие было безупречным. Клив поражался: мальчик мог бы сделать актерскую карьеру, не будь он профессиональным безумцем.

Но то, что он затаил, вскоре стало проявляться в лихорадочном блеске глаз, в судорожных движениях, в задумчивости и непоколебимом молчании. Для доктора, с которым Билли продолжал общаться, физическое ухуд-

шение было очевидным. Он заявил, что юноша страдает депрессией и бессонницей, и прописал успокаивающие таблетки. Лекарство Билли отдавал Кливу, утверждая, что сам в нем не нуждается. Клив принял его с благодарностью. Впервые за много месяцев он стал хорошо спать, его теперь не беспокоили слезы и крики заключенных. Его отношения с юным соседом, и без того очень сдержанные, теперь ограничивались простой вежливостью. Клив чувствовал, что Билли совершенно отгородился от внешнего мира.

Клив не впервые наблюдал такой уход. Его сводная сестра Розанна умерла от рака желудка три года назад. Это тянулось долго, и состояние ее ухудшалось до самых последних недель. Клив не был с ней близок, что создало перспективу, позволившую ему многое увидеть. В поведении женщины он различил то, чего недоставало его семье. Его испугала систематичность, с какой Розанна готовилась к смерти; она сужала свои привязанности, пока рядом не остались лишь самые важные фигуры — ее дети и священник. Остальные, включая мужа, прожившего с ней четырнадцать лет, были изгнаны.

Теперь он видел ту же холодность и эмоциональную бережливость в Билли. Подобно человеку, который готовится пересечь безводную пустыню и слишком дорожит своей энергией, чтобы тратить ее на лишние жесты, мальчик замкнулся в себе. Это выглядело жутко. Клив ощущал все большее неудобство, разделяя с Билли помещение восемь на двенадцать футов, словно они вместе жили на улице смерти. Единственным утешением оставались транквилизаторы, Билли без труда очаровал доктора, и тот продолжал снабжать его лекарствами. Таблетки гарантировали Кливу спокойный сон без сновидений — по крайней мере на несколько дней.

А потом ему приснился город.

Нет, сначала ему снилась пустыня. Пространство было засыпано сине-черным песком, обжигавшим ступ-

ни, а холодный ветер задувал в глаза и в нос, развеивал волосы. Клив знал, что бывал здесь и раньше. Во сне он узнавал вереницы бесплодных дюн без единого деревца или постройки, чтобы разрушить монотонность. Но в прежние визиты он приходил сюда с проводниками — в этом он был твердо уверен; теперь же он здесь один. Над головой стояли тяжелые сине-серые тучи, обещавшие, что солнце не выглянет. Ноги его кровоточили от песка, словно он часами бродил по пустыне, тело покрылось синей пылью. Когда усталость навалилась на него и почти одолела, он увидел руины и подошел к ним.

Это не походило на оазис. На пустынных улицах не было ничего, что могло бы подкрепить силы путника, — ни фруктовых деревьев, ни искрящихся фонтанов. Там находилось скопище домов или даже их частей: рядом громоздились то целые этажи, то отдельные комнаты, будто пародия на городской квартал. Безнадёжная мешанина стилей: прекрасные георгианские особняки стояли среди многоквартирных зданий с выгоревшими помещениями. Великолепный дом с террасами — безукоризненный вплоть до фарфорового пса на подоконнике — стоял спина к спине с гостиничным пентхаусом. И повсюду шрамы, показывающие, как грубо их выламывали из родной среды: стены растрескались, предлагая заглянуть мимоходом в личные апартаменты, лестницы вели в облака и в никуда, двери хлопали от ветра, приглашая в пустоту.

Клив знал, здесь есть жизнь. Не только ящерицы, крысы и бабочки (сплошь альбиносы), что порхали и прыгали, когда он шел по заброшенным улицам. Здесь была и человеческая жизнь. Он ощущал, что за каждым его движением наблюдают, хотя не видел ни следа людского присутствия — по крайней мере, в первый свой визит.

Во второй визит вместо утомительной прогулки по заброшенной местности его допустили прямо в некрополь. Ноги легко следовали тем же путем, каким шел

он и в первый раз. Ветер той ночью дул сильнее, он подхватывал кружевные занавески в одном окне, звякал китайским колокольчиком в другом. Ветер принес голоса, ужасные и диковинные звуки, что раздавались из какого-то удаленного места за городом. Слушая жужжание и взвизги, напоминающие крики безумных детей, Клив благодарил судьбу за эти улицы и комнаты — за то, что они ему знакомы, хотя и лишены уюта. Но, несмотря на ужасные голоса, у него не возникало желания шагнуть внутрь зданий: он не хотел обнаружить причину возникновения сего архитектурного безумия, то, что вырывало с корнем части зданий и соединило их здесь.

И все-таки после того, как он один раз посетил это место, Клив возвращался туда ночь за ночью, всегда с окровавленными ногами, встречая лишь бабочек, крыс да черный песок на каждом пороге — песок, заползающий в комнаты и коридоры. Раз от раза ничего не менялось. Мимоходом он мог разглядеть между занавесками или сквозь жалюзи застывшие моменты жизни: стол, накрытый на три персоны (капун не разрезан, соус дымится); душ, включенный в ванной комнате, где все время качается лампа; болонка в апартаментах, похожих на кабинет адвоката; парик, снятый и брошенный на пол, на прекрасный ковер, чьи узоры наполовину пожраны песком.

Только однажды он встретил в городе человеческое существо, и это был Билли. Произошло удивительное. Как-то ночью, когда ему грезились улицы, он наполовину очнулся от сна. Билли не спал, а сидел посередине камеры и смотрел на свет в окне. Там был не лунный свет, но мальчик купался в нем так, словно это свет луны. Лицо он поднял к окну — рот открыт, веки сомкнуты. Клив едва успел понять, что Билли пребывает в трансе, как транквилизаторы опять подействовали и сон сковал его. Однако он захватил с собой в сон кусок реальности, втянув юношу в свое сновидение. Когда он опять оказался в городе, там его встретил Билли Тейт:

стоял на улице, лицом обратившись к темным тучам, рот открыт, глаза зажмурены.

Это длилось мгновение. Потом мальчик удалился, поднимая фонтаны черного песка. Клив звал его, но Билли бежал сломя голову. С необъяснимой уверенностью, как бывает во сне, Клив знал, куда он направляется: на край города, где дома редуют и начинается пустыня. Ничего не побуждало его пускаться в погоню, и все-таки он не хотел потерять связь с единственным человеком, встреченным на этих жалких улицах. Он снова позвал Билли по имени, более громко.

На этот раз Клив почувствовал его руку на своей руке и испуганно подскочил — он очнулся в камере.

— Все в порядке, — сказал Билли. — Это сны.

Клив пытался выбросить город из головы, однако в течение нескольких опасных секунд сон просачивался в бодрствующий мир. Глядя на мальчика, он видел, что волосы Билли подняты ветром, который не принадлежал, не мог принадлежать тюремным помещениям.

— Ты видишь сон, — повторил Билли. — Проснись.

Вздрагивая, Клив сел на койке. Город удалялся — почти ушел — но перед тем, как потерять его из виду, он без сомнений убедился: Билли знал, когда будил Клива, что они были там вместе несколько недолгих мгновений.

— Ты знаешь, да? — выдохнул он в мертвенно-бледное лицо рядом с собой.

Мальчик казался сбитым с толку.

— О чем ты говоришь?

Клив покачал головой. Эта мысль становилась все более невероятной по мере того, как он удалялся от сна. Однако, глядя на костлявую руку Билли, все еще сжимавшую его собственную, он был почти готов увидеть частицы обсидианового песка у юноши под ногтями. Но разглядел лишь обычную грязь.

Сомнения, однако, держались в голове долго. Когда рассудок почти поборол их, Клив осознал, что теперь внимательнее наблюдает за мальчиком, ожидая како-

го-то поворота в разговоре или случайного взгляда, способного раскрыть природу игры Билли. Такие попытки были безнадежным делом. Все понятные черты исчезли после той ночи, и мальчик стал, подобно Розанне, закрытой книгой, не дающей ключа к своему шифру. Что касается сновидения, о нем даже не упоминалось. Единственным косвенным намеком на пережитое стала настойчивость, с какой Билли убеждал Клива принимать седативное.

— Ты нуждаешься в отдыхе,— сказал он, вернувшись из лазарета с новым запасом лекарств.— Возьми их.

— Тебе тоже надо спать,— ответил Клив, любопытствуя, сильно ли мальчик будет настаивать.— Я в этом дерьме больше не нуждаюсь.

— Нет, нуждаешься,— напирал Билли, протягивая пилюли.— Ты знаешь, как мешает шум.

— Говорят, к нему привыкают,— ответил Клив.— Обойдусь без таблеток.

— Нет,— не соглашался Билли. Теперь Клив почувствовал всю силу его настойчивости. Это подтвердило подозрения: мальчик хотел, чтобы он был одурманен, причем одурманен всегда.

— Я сплю сном младенца,— говорил Билли.— Пожалуйста, возьми таблетки. Иначе они пропадут.

Клив пожал плечами.

— Ну если ты уверен,— пробормотал он удовлетворенно, как будто смягчившись. Его страхи подтвердились.

— Уверен.

— Тогда спасибо.

И он взял пузырек.

Билли просиял. С этой улыбки и начались по-настоящему плохие времена.

Той ночью Клив ответил на уловки мальчика собственной игрой. Он притворился, что принимает транквилизаторы, как обычно, но и не думал их глотать. Как

только он лег на свою койку лицом к стене, он открыл рот, снотворное выпало и закатилось под подушку. Затем он сделал вид, что заснул.

Тюремные дни и начинались, и заканчивались рано: к 8.45 или к 9.00 большая часть камер всех четырех блоков погружалась в темноту, заключенных закрывали до рассвета, предоставляя их собственным помыслам. Сегодняшняя ночь выдалась довольно тихой. Плаксу из соседней камеры перевели в блок Д, но в разных местах на этаже раздавался шум. Даже без таблеток Клив чувствовал, что сон искушает его. С нижней койки не доносилось ни звука, за исключением редких вздохов. Невозможно было догадаться, спит Билли или нет. Клив хранил молчание, изредка украдкой бросая взгляд на светящийся циферблат часов. Минуты словно отлили из свинца, и, пока тянулись первые часы, он боялся, что притворный сон вот-вот станет реальным. Клив как раз думал об этом, когда дрема одолела его.

Проснулся он много позже. Казалось, положение его во время сна не изменилось. Перед ним была стена с облупившейся краской, она походила на неразборчивую карту какой-то безымянной местности. С нижней койки не слышалось ни звука. Сделав движение подобно тому, как двигаются во сне, он подтянул руки, чтобы можно было увидеть бледно-зеленый циферблат часов. Час пятьдесят одна. Еще несколько часов до рассвета. Он четверть часа пролежал, не меняя позы, прислушиваясь к звукам в камере и пытаясь понять, где Билли. Ему не хотелось поворачиваться и искать его глазами: он боялся, что мальчик стоит посреди камеры, как стоял в ночь посещения города.

Мир, погруженный в темноту, вовсе не был тих. Клив слышал глухие шаги, когда кто-то ходил туда-сюда в камере этажом выше, слышал, как вода бежит по трубам, как воет сирена на Каледониан-роуд. Он не слышал Билли. Ни единого вздоха.

Минуло еще четверть часа, и Клив почувствовал, что какое-то оцепенение наваливается на него. Если он останется на месте, он снова уснет и проснется лишь утром. Чтобы что-то узнать, он должен повернуться и посмотреть. Благоразумнее, решил он, действовать не украдкой, а повернуться как можно естественнее. Он это и сделал, бормоча, словно во сне, чтобы усилить иллюзию. Итак, он повернулся, прикрыв лицо рукой, чтобы подглядывание не заметили, и осторожно открыл глаза.

В камере было темнее, чем той ночью, когда он застал Билли с застывшим лицом, обращенным к окну. Сейчас мальчика Клив не видел. Он открыл глаза шире и осмотрел камеру как можно внимательнее, через щелочку между пальцами. Что-то было неладно, но он не вполне понимал что. Он лежал несколько минут, пока глаза приспособлялись к темноте. Но зрение не обострялось, сцена оставалась нечеткой, словно картина, так покрытая грязью и лаком, что ее перспектива ускользает от взора исследователя. Все же он знал наверняка, что тени по углам и у противоположной стены не пусты. Он хотел избавиться от предчувствия, заставлявшего сердце глухо колотиться, оторвать голову от подушки, словно набитой камнями, и позвать Билли, попросить, чтобы тот не прятался. Но здравый смысл советовал иное. Клив тихо лежал, покрываясь потом, и смотрел.

Теперь он начал понимать, что ошибался. Обстановка камеры изменилась. Тени лежали там, где их быть не могло: они раскинулись по стене, куда должен падать немощный свет из окна. Каким-то образом между окном и стеной свет был задушен и уничтожен. Клив прикрыл глаза, чтобы дать своему одурманенному разуму шанс подыскать рациональное объяснение и опровергнуть это заключение.

Когда он открыл глаза вновь, сердце его дрогнуло. Тень не потеряла ни капли могущества, она немного подросла.

Никогда прежде он не ощущал такого страха, не чувствовал холода в кишках, подобного тому, что обнаружил сейчас. Все, что он мог сделать,— держать дыхание ровным и оставить руки там, где они лежали. Инстинкт призывал его укрыться и спрятать поглубже лицо, как делают дети. Две мысли удержали Клива от такого поступка. Первая: малейшее движение способно привлечь нежелательное внимание. Вторая: Билли где-то в камере и, возможно, напуган этой ожившей тьмой, как и сам Клив.

А затем с нижней койки заговорил мальчик. Его голос был тихим; видимо, он не хотел разбудить спящего соседа. И этот голос звучал необыкновенно интимно. Клив не допускал и мысли, что Билли разговаривает во сне,— время самообмана давно прошло. Мальчик обращался к темноте, и этот неприятный факт сомнений не вызывал.

— Больно,— произнес юноша со слабым укором в голосе.— Ты мне не говорил, как это больно...

Было ли это фантазией Клива или же теневое видение расцвело в ответ, подобно чернилам каракатицы в воде? Он почувствовал ужас.

Мальчик заговорил снова. Голос его был столь тих, что Клив едва улавливал слова.

— Должно быть, скоро,— сказал он со спокойной настойчивостью.— Я не боюсь. Не боюсь.

Тень опять сдвинулась. На этот раз Клив поглядел в ее середину и осознал, какую химерическую форму она приняла. Горло его трепетало, в гортани теснился крик, готовый вот-вот вырваться наружу.

— Все, чему ты можешь научить меня...— говорил Билли.— Быстро...

Слова приходили и уходили, но Клив едва слышал их. Внимание его было приковано к занавеси теней, к фигуре, что двигалась в складках. Это не иллюзия. Там находился человек или его грубое подобие: материя те-

ла слишком тонкая, очертания все время размываются и опять стягиваются в некое подобие человека с величайшим усилием. Черты посетителя он различал плохо, но и того хватало, чтобы почувствовать: уродства выставлены напоказ, как достоинства. Лицо напоминало тарелку сгнивших фруктов: мясистое, шелушащееся, то раздутое от скопления мух, то внезапно опадающее до ядовитой сердцевины. Как мог мальчик беседовать с подобной тварью? И все же, несмотря на гниение, горькое благородство проступало в осанке, в муке глаз, в беззубом «О» его рта.

Билли внезапно встал. Резкое движение после долгих тихих слов так подействовало на Клива, что крик почти вырвался из его горла. Он с трудом подавил его, зажмурил глаза и стал глядеть сквозь решетку ресниц, что же произойдет дальше.

Билли снова заговорил, но теперь голос его звучал слишком тихо, чтобы подслушивать. Мальчик шагнул к тени, причем тело его закрыло большую часть фигуры на противоположной стене. Камера была шириной в два-три шага, но благодаря какому-то смещению физических законов казалось, что мальчик отошел на пять, шесть, семь шагов от койки. Тень и ее служитель занимались своим делом, совершенно поглотившим их внимание.

Фигура Билли уменьшилась сильнее, чем это возможно в пределах камеры, словно он шагнул через стену в какую-то другую область. И только теперь, глядя широко раскрытыми глазами, Клив узнал то место. Тьма, откуда выступал гость Билли, состояла из клубящейся тени и пыли, а за ним, едва различимый в колдовском сумраке, но узнаваемый для любого, кто там был, лежал город сновидений Клива.

Билли приблизился к своему хозяину. Создание возвышалось над ним, изодранное в лоскуты, длинное и тонкое, но жаждущее власти. Клив не знал, как и поче-

му мальчик шел туда, и отчаянно боялся за Билли, но соображения собственной безопасности приковали его к койке. В тот момент он осознал, что никогда не любил никого — ни мужчину, ни женщину — так сильно, чтобы последовать за ними в тень ужасной тени. Эта мысль родила жуткое чувство одиночества. Клив знал: никто не сделает и шага, чтобы оттащить его от края пропасти, даже если увидит, как он идет к своему проклятию. И он, и мальчик — потерянные души.

Теперь повелитель Билли поднимал свою разбухшую голову, и вечный ветер с тех голубых улиц вдувал в его лошадиную гриву яростную жизнь. Вместе с ветром прилетали те самые голоса, которые Клив слышал прежде, — всхлипы сумасшедших детей, нечто среднее между слезами и воем. Будто подбодренные ими, существо потянулось к Билли и схватило его; мальчик подернулся дымкой. Билли не вырывался из объятий, а скорее отвечал на них. Клив, не в силах наблюдать эту ужасную близость, зажмурил глаза. Когда — секунды или минуты спустя? — он открыл их, объятия разомкнулись.

Существо развеивал ветер. Оно дробилось на части, куски шелушащегося тела летали по улицам, словно мусор, гонимый воздушными потоками. И это словно стало сигналом: рассыпалась вся сцена, улицы и дома поглотила пыль, они удалялись. И еще до того, как последние лоскутья тени пропали из поля зрения, город исчез. Клив обрадовался его исчезновению.

Реальность, сколь бы мрачной она ни была, предпочтительнее такой опустошенности. Крашенная стена, кирпич за кирпичом, проявлялась вновь, Билли, освобожденный из объятий хозяина, снова втиснулся в прочную геометрию камеры. Он стоял и глядел на свет в окне.

Клив той ночью опять не спал. Лежа на своем несмещаемом матрасе и глядя вверх, на сталактиты краски, застывшей на потолке, он гадал, обретет ли когда-нибудь вновь утраченную в сновидениях безопасность.

Солнечный свет отличался истинным артистизмом. Он искрился и блистал, подобно продавцу мишуры, страстно желающему ослепить и сбить с толку. Но под сверкающей поверхностью пряталось иное состояние: то, которое солнечный свет, вечный угодник толпы, думал утаить. Оно было отвратительным, ужасающим и безнадежным. Ослепленные зрители даже мельком никогда такого не видели. Но Клив теперь знал, каково отсутствие солнца; он прочувствовал его в сновидениях и, оплакивая потерю своего неведения, понимал, что больше не сможет вернуться вспять — в зал, где стоят зеркала света.

Он изо всех сил старался скрыть от Билли произошедшую перемену. Мальчик не должен догадаться о том, что Клив подслушивал. Однако таиться было почти невозможно. На следующий день Клив пытался делать вид, будто ничего не произошло, но спрятать беспокойство не смог. Тревогу невозможно контролировать, она сочилась из пор, как пот. Мальчик все знал; без сомнения, он *знал*. И немедленно высказал свое подозрение. Когда после дневной работы в мастерской они вернулись в камеру, Билли живо взял быка за рога.

— С тобой сегодня что-то не так?

Клив принялся перестилать постель, боясь взглянуть на Билли.

— Ничего особенного, — откликнулся он. — Чувствую себя неважно, вот и все.

— Плохо спал ночью? — спросил мальчик.

Клив чувствовал, как взгляд Билли обжигает его спину.

— Нет, — ответил он, выдержав паузу, чтобы ответ прозвучал не слишком быстро. — Я принял твои таблетки, как обычно.

— Хорошо.

Диалог прервался, и Клив закончил приводить в порядок постель молча. Но растянуть это занятие надол-

го ему не удалось. Когда он отвернулся от койки, Билли сидел за небольшим столом, держа в руках одну из книг Клива. Мальчик небрежно пролистывал том, какие-либо признаки подозрительности исчезли. Однако Клив знал, что внешнему виду лучше не доверять.

— Зачем ты это читаешь? — спросил Билли.

— Чтобы убить время,— ответил Клив, залезая на верхнюю койку и вытягиваясь там, что, естественно, мгновенно уничтожило результаты его труда.

— Нет. Я не спрашиваю, зачем ты читаешь книги. Я спрашиваю, зачем ты читаешь именно *эти* книги? Всякие глупости о грехе?

Клив едва расслышал вопрос. Здесь, на койке, он слишком ясно вспомнил впечатления нынешней ночи. Он вспомнил также, что тьма и сейчас наползает опять на край мира. При этой мысли ему показалось, будто содержимое желудка подступило к горлу.

— Ты меня слышишь? — окликнул его мальчик.

Клив пробормотал, что слышит.

— Ну так зачем эти книги? О проклятии и прочем?

— Кроме меня, их в библиотеке никто не берет,— ответил Клив с трудом, потому что боялся проговориться, ибо другие, невысказанные слова были куда важнее.

— Значит, ты не веришь в то, что там написано?

— Нет,— сказал он.— Нет, я не верю ни единому слову.

Мальчик некоторое время молчал. Клив не смотрел на него, но слышал, как Билли переворачивает страницы. Затем прозвучал другой вопрос, заданный более спокойно.

— Ты когда-нибудь боялся?

Тема беседы от чтения перешла к чему-то более насущному. Зачем Билли спрашивает про страх, если сам не боится?

— А чего мне пугаться? — спросил Клив.

Краем глаза он заметил, что мальчик пожал плечами, перед тем как ответить.

— Того, что происходит,— сказал он безразличным голосом.— Того, с чем ты не можешь совладать.

— Да,— произнес Клив, не ведая, куда заведет этот обмен репликами.— Да, конечно. Иногда я боюсь.

— И что ты тогда делаешь? — задал вопрос Билли.

— Ведь тут ничего не поделать, так? — отозвался Клив. Голос его звучал приглушенно, как и голос самого Билли.— Я перестал молиться в то утро, когда умер мой отец.

Он услышал мягкий хлопок — Билли закрыл книгу. Клив чуть повернул голову, чтобы видеть мальчика. Билли не смог скрыть своего волнения. Он *боялся*. Клив понял: мальчик не хочет, чтобы снова настала ночь, даже больше его самого. Осознание общего страха ободрило Клива. Возможно, мальчик не полностью подчинен тению; возможно, удастся упротить его показать выход из этого засасывающего кошмара.

Он сел прямо. Голова его почти доставала до потолка камеры. Билли прервал свои размышления и взглянул вверх; лицо его представляло собой мертвенно-бледный овал подрагивающих мышц. Пришло время все сказать. Именно сейчас, пока свет на этажах не выключили и камеры не заполнили тени. Потом не будет времени для объяснений — мальчик затеряется в городе, недосигаемый для уговоров.

— Мне снятся сны! — произнес Клив. Билли ничего не ответил, просто смотрел пустыми глазами.— Мне снится город.

Мальчик не реагировал. Он явно не собирался по собственной воле что-либо разьяснять, его следовало подтолкнуть.

— Ты знаешь, о чем я говорю?

Билли покачал головой.

— Нет,— ответил он легко.— Мне никогда не снятся сны.

— Они всем снятся.

— Значит, я их не помню.

— А я помню,— сказал Клив. Он решил продолжить разговор, не позволив Билли вывернуться.— И во сне я вижу тебя. Там, в городе.

Теперь мальчик слегка вздрогнул. Клив заметил это и убедился, что не зря тратит слова.

— Что это за место. Билли? — спросил он.

— Откуда мне знать? — отозвался Билли. Он, кажется, был готов рассмеяться, а затем передумал.— Я не знаю, понял? Это твои сны.

Прежде чем Клив смог ответить, он услышал голос надзирателя. Тот двигался вдоль камер, напоминая, что надо укладываться. Очень скоро свет погасят, и Клив будет заперт в этой узкой камере на десять часов. Вместе с Билли и призраками.

— Прошлой ночью...— начал он, опасаясь без подготовки заговорить о том, что увидел и услышал. Но еще больше его страшила перспектива провести целую ночь в том городе, в одиночестве, в темноте.— Прошлой ночью я видел...— Он запнулся. Почему не приходят слова? — Видел...

— Что видел? — требовал ответа мальчик. Лицо его ничего не выражало, прежний трепет мрачного предчувствия исчез. Возможно, он тоже услышал слова надзирателя и осознал, что ничего тут не поделаешь, что нет способа предотвратить наступление ночи.

— Что ты видел? — настаивал Билли.

Клив вздохнул.

— Я видел мою мать,— ответил он.

Мальчик выдал свое облегчение легкой улыбкой, пробежавшей по его губам.

— Да... Я видел мать. Отчетливо, как в жизни.

— И это расстроило тебя? — спросил Билли.

— Иногда сны огорчают.

Надзиратель дошел до камеры Б.3.20.

— Выключить свет через две минуты,— приказал он на ходу.

— Тебе необходимо принять еще несколько таблеток,— посоветовал Билли, кладя книгу на стол и подходя к койке.— Тогда ты будешь как я. Никаких снов.

Клив проиграл. Его, опытного хитреца, обманул мальчишка. Он лежал, глядя в потолок, и отсчитывал секунды до того момента, когда погасят свет, а внизу Билли раздевался и укладывался в постель.

Еще оставалось время, чтобы вскочить и позвать надзирателя, чтобы начать биться головой в дверь камеры, пока за ним не придут. Но как ему объяснить свой поступок — сказать, что он видит плохие сны? Они ответят: а кто их не видит? Или заявить, что он боится темноты? А кто не боится? Ему бы рассмеялись в лицо и приказали отправляться обратно в койку, и он бы остался полностью разоблаченным, вместе с мальчиком и его хозяином, ожидающим у стены. Такая тактика опасна.

И в молитве нет прока. Клив сказал Билли правду: он покончил с Богом, когда его молитвы, выпрашивающие отцу жизнь, остались без ответа. Из этого божественного безразличия родился атеизм, и вера не может опять загореться, как бы ни был глубок ужас.

Мысли об отце неизбежно напомнила о детстве. Ничто не могло полностью завладеть его вниманием и отвлечь от страхов, кроме воспоминаний о детстве. Когда свет наконец потушили, испуганный разум попытался укрыться в этих воспоминаниях. Удары сердца замедлились, пальцы перестали дрожать. Клив и не заметил, как сон овладел им.

Теперь отвлечься было невозможно. Как только он заснул, приятные воспоминания растаяли, а он на сбитых, окровавленных ногах вернулся в ужасный город.

Или, скорее, в его окрестности, поскольку нынешней ночью он не последовал знакомым маршрутом мимо дома в георгианском стиле и скопления многоквартирных строений, а вместо этого направился к предместьям, где ветер был сильнее обычного и голоса, прилетающие вместе с его порывами, яснее. С каждым шагом Клив ожидал встретить Билли и его темного спутника, но никого не видел. Лишь бабочки сопровождали его в пути, светящиеся, словно циферблаты часов. Они садились на плечи и волосы, как конфетти, потом вспархивали снова.

Он без происшествий достиг края города и остановился, изучая взглядом пустыню. Облака, как всегда плотные, двигались над головой с величием огромных колесниц. Голоса этой ночью как будто звучали ближе и не так душераздирающе, как прежде. Смягчились ли сами голоса или он просто привык к ним, Клив не знал.

А затем, когда он смотрел на дюны и небо, загипнотизированный пустотой, он услышал шорох, оглянулся через плечо и увидел улыбающегося человека. Человек был одет в выходной костюм. Он приближался к Кливу со стороны города. Он сжимал нож, чье лезвие было окровавлено; рука и рубашка спереди промокли от крови. Даже во сне, одурманенный лекарствами, Клив устрасился зрелища и отступил назад, слова предостережения слетели с его губ. Однако улыбающийся мужчина будто не заметил его, прошел мимо и углубился в пустыню, отбросив нож после пересечения некой невидимой границы.

Лишь теперь Клив заметил, что другие путники поступали так же, и земля городских окраин усеяна смертельными сувенирами: ножи, веревки, даже человеческая рука, отрубленная у запястья. Большинство вещей было почти погребено в песке.

Ветер вновь принес голоса: слова бессмысленных песен, оборвавшийся смех. Изгнанный мужчина отошел

на сотню ярдов от города и теперь стоял на вершине дюны, явно чего-то ожидая. Голоса становились все громче. Клив внезапно ощутил беспокойство. Каждый раз, когда он бывал в городе и слышал эту какофонию, в воображении рождались образы, заставлявшие кровь холодеть. Стоит ли дожидаться появления демонов? Любопытство оказалось сильнее благоразумия. Грядя, из-за которой они должны прийти, приковывала взор, а сердце глухо билось. Отвести глаза было невозможно. Человек в выходном костюме начал снимать пиджак, потом отбросил его и стал ослаблять галстук.

Кливу показалось, что он разглядел нечто в дюнах. Шум возвысился до приветственного вопля на грани экстаза. Клив остановился, не позволяя собственным нервам разгуляться. Он решил рассмотреть надвигающийся ужас во всей его многоликости.

Внезапно, перекрывая грохот музыки, кто-то закричал. Голос мужской, но высокий и пронзительный, как стригированный страхом. Голос донесся не из города-сновидения, а из той, другой выдумки, название которой он не мог припомнить. Усилием воли Клив вновь обратил внимание на дюны, вознамерившись увидеть картину, что вот-вот должна была появиться перед ним. Крик превратился в вопль, рвущий глотку, и замер. Но теперь вместо него звенел сигнал тревоги — более настойчивый, чем обычно. Клив ощутил, что сон от него ускользает.

— Нет... — бормотал он, — дайте мне увидеть...

Дюны двигались. Но это было возвращение — из города в камеру. Протесты не помогли. Пустыня поблекла, город растаял. Клив открыл глаза. Свет в камере был все еще выключен, звенел сигнал тревоги. В камерах этажом выше и ниже слышались крики. Голоса офицеров в смятении вопросов и требований звучали громче обычного.

Мгновение он лежал на койке, даже теперь надеясь вернуться в сновидение. Однако сигнал тревоги звучал слишком пронзительно, а истерия в камерах не стихала. Клив признал поражение и сел на постели, окончательно разбуженный.

— Что происходит? — спросил он Билли.

Мальчика не оказалось на его месте у стены. Несмотря на тревогу, он, видимо, спал.

— Билли!

Клив свесился через край койки и уставился вниз. Там было пусто. Простыни и одеяла отброшены.

Клив прыгнул с койки. Вся камера просматривалась за две секунды, спрятаться негде. Мальчика не было видно. Испарился он, что ли, пока Клив спал? О подобных исчезновениях Клив слышал — тот самый «поезд призраков». Об этом предупреждал Девлин: трудных заключенных внезапно переводят в другое место. Клив не сталкивался с тем, чтобы подобное происходило ночью, но все когда-то случается в первый раз.

Он подошел к двери, чтобы попытаться разобраться что-нибудь в гвалте, царящем снаружи, но отказался от толкований. Вероятнее всего, там драка: наверное, какие-то узники впали в бешенство от того, что им придется остаться вместе в камере. Клив попытался догадаться, откуда раздался первый крик — справа, слева, сверху, снизу; но сон спутал все направления.

Пока Клив стоял возле двери в надежде, что мимо пройдет надзиратель, он ощутил изменение в воздухе. Оно было слабым, и поначалу Клив его не заметил. Только когда он поднял руку, чтобы протереть глаза со сна, он ощутил, что его руки покрылись гусиной кожей.

Теперь сзади он услышал шум дыхания или какое-то грубое подобие вдохов и выдохов.

Он беззвучно шевельнул губами, пытаясь выговорить:

— Билли...

Мурашки переползли на спину, его трясло. Камера *не пуста* — совсем рядом с Кливом кто-то был.

Клив собрал все свое мужество и заставил себя повернуться. Камеру окутывала более плотная тьма, чем после пробуждения. Воздух казался колеблющимся покровом. Но Билли в камере не было. Не было никого.

А затем шум повторился и привлек его внимание к нижней койке. Пространство в том месте налилось дегтярно-черным, сгустилась тень — подобная той, на стене, — слишком глубокая и изменчивая, чтобы иметь естественное происхождение. Там рождалось квакающее дыхание, похожее на последние вздохи астматика. Клив понял: мрак в камере возникал здесь — в узком пространстве кровати Билли тень просачивалась на пол и клубилась туманом до верха койки.

Запас страха у Клива оказался неистощимым. Несколько прошедших дней он испытывал страх в сновидениях и в грезах; он покрывался потом, он мерз, он жил на грани разумного и выжил. Теперь, когда все тело его покрылось гусиной кожей, разум не ударился в панику. Клив чувствовал себя спокойнее, чем обычно, недавние события усиливали его бесстрастность. Он не свернется калачиком, не зажмурит глаза и не станет молить о приходе утра, потому что, если он сделает так, он признает себя мертвецом и никогда не поймет природы этой тайны.

Он глубоко вздохнул и подошел к койке. Койка затряслась. Обитатель нижнего яруса неистово метался.

— Билли, — позвал Клив.

Тень двинулась. Она сгустилась у ног Клива; она внезапно бросилась ему в лицо, источая запах дождя на камнях, холодный и безутешный.

Клив стоял в шаге от своей койки и все-таки ничего не мог поделать, тень была для него неодолимой преградой. Но зрение могло обманывать его. Он потянул-

ся к постели. Под его напором пелена разошлась, как дым, и стала видна фигура, бьющаяся на матрасе.

Конечно, там был Билли; но не совсем. Пропавший Билли, может быть, или тот Билли, который появился. Клив не хотел оставаться рядом с таким созданием. На нижней койке лежало темное отвратительное существо, уплотнявшееся по мере того, как Клив наблюдал за ним, созидающее себя из теней. В накаленных добела глазах и в частоколе игольчато-острых зубов было нечто от бешеной лисицы и одновременно — от перевернутого на спину насекомого, наполовину свернувшегося, с панцирем вместо плоти. Это походило на ночной кошмар. Создание непрерывно менялось. Какими бы ни были его очертания, Клив видел, как они истаивают. Зубы росли, удлинялись и одновременно теряли материальность: вещество вытягивалось в хрупкие острия, а затем рассеивалось дымкой. Конечности, что молотили по воздуху, тоже подросли. В глубине хаоса виднелся призрак Билли Тейта с открытым ртом: мальчик мучительно лепетал что-то, отчаянно стараясь остаться узнаваемым. Клив хотел проникнуть в этот водоворот и вытащить оттуда мальчика, но он чувствовал, что процесс имеет собственную инерцию и движущую силу; вмешательство могло оказаться губительным. Ему оставалось лишь стоять и наблюдать, как тонкие белые конечности Билли и уплотняющийся живот корчатся, пытаясь избавиться от чудовищной анатомии. Светящиеся глаза исчезли последними: вылились из глазных впадин мириадами нитей и улетели вместе с черным дымом.

Теперь Клив увидел лицо Билли. Отголоски прежнего состояния все еще проглядывали в нем. Затем они исчезли, тени ушли, и на койке остался лишь Билли — голый и обессиленный тяжкими страданиями.

Он взглянул на Клива с невинным выражением лица.

Клив вспомнил, как мальчик жаловался твари из города.

«Больно...— Так, кажется, говорил он.— Ты не рассказывал мне, как это больно...»

Достойная внимания правда. Тело мальчика казалось пустым, сделанным из пота и костей; более неприятное зрелище едва ли можно вообразить. Но оно человеческое; по крайней мере человеческое.

Билли открыл рот. Губы его были красными и блестящими, будто измазанные губной помадой.

— Теперь...— выговорил он между болезненными вдо-
хами.— Что нам теперь делать?

Казалось, разговор для него был чрезмерным напряжением. В глубине горла раздался звук, словно он подавился, и мальчик прижал руку ко рту. Клив шагнул в сторону, когда Билли встал и проковылял к ведру в углу камеры, использовавшемуся для ночных нужд. Но добраться до ведра он не успел, тошнота одолела его на полпути, рвота выплеснулась между пальцев и хлынула на пол. Клив отвернулся, когда Билли вырвало, и мысленно приготовился терпеть зловоние до утра, когда произведут уборку. Однако запах, заполнявший камеру, не был запахом блевотины, а более сладким и густым.

Клив с удивлением повернулся к фигуре, скрюченной в углу. На полу возле ног мальчика виднелись брызги темной жидкости, такие же ручейки стекали по его голым ногам. Даже в темной камере можно было различить, что это кровь.

Даже в самых благоустроенных тюрьмах вспышки насилия прорываются, и всегда неожиданно. Взаимоотношения заключенных, которые проводят вместе шестнадцать часов из ежедневных двадцати четырех, непредсказуемы. И надзиратели, и заключенные знали, что вражды между Лоуэллом и Нейлером не было. До тех пор пока не раздался тот крик, из их камеры не доносилось ни звука — ни спора, ни выкриков. Что побудило Нейлера неожиданно напасть на соседа и резать

его, а потом нанести тяжкие раны себе самому, обсу-
дили и в столовой, и во дворе на прогулке. Однако вопрос
«зачем» уступил первое место вопросу «как». Ходили
слухи, что найденное тело Лоуэлла представляло неописуемое зрелище, и даже люди, привыкшие к жестокости, испытали потрясение. Лоуэлла не особенно любили, он был наглым и лживым. Но кем бы он ни был, он не заслужил столь страшной смерти. Человека просто распотрошили: глаза выколоты, гениталии оторваны. Нейлер, единственный возможный виновник, успел вспороть себе живот. Теперь он лежал в отделении реанимации, и прогнозы врачей не обнадеживали.

Пока слухи о насилии расплзались по блоку, Клив провел весь день незамеченным. У него тоже было что рассказать, но кто бы ему поверил? Он и сам верил с трудом. Время от времени, когда видения вновь одолевали его, он спрашивал себя, не сошел ли он с ума. Но ведь здравый рассудок — понятие относительное. С уверенностью Клив мог утверждать одно: он видел трансформацию Билли Тейта. Он уцепился за эту уверенность с упорством, рожденным отчаянием. Если он перестанет верить собственным глазам, у него не останется защиты и темноту не сдержать.

После умывания и завтрака заключенных заперли по камерам. Работу в мастерских, развлечения и любую деятельность, требующую перемещения по этажам, запретили, пока камеру Лоуэлла фотографировали, обыскивали, а потом отмывали. После завтрака Билли все утро проспал — состояние, по глубине походившее на кому. Когда он проснулся к ланчу, он повеселел и стал дружелюбнее, чем на протяжении последних недель. В его легкой болтовне не содержалось ни намек на то, что он знает, что случилось предыдущей ночью. В полдень Клив сказал ему правду в лицо.

— Ты убил Лоуэлла, — заявил он.

Больше не имело смысла изображать неведение. Может быть, сейчас мальчик не осознает, что совершил, но вскоре память к нему вернется. И сколько пройдет времени, прежде чем он вспомнит, что Клив видел его превращение? Лучше признаться сразу.

— Я видел тебя,— сказал Клив.— Я видел, как ты изменялся...

Казалось, Билли не слишком встревожили такие откровения.

— Да,— ответил он.— Я убил Лоуэлла. Ты осуждаешь меня?

Вопрос, вызывающий за собой сотни других, задан небрежно, словно из легкого интереса.

— Что с тобой случилось? — спросил Клив.— Я видел тебя здесь.— Устрашенный воспоминаниями, он указал на нижнюю койку.— Ты не был человеком.

— Я не ожидал, что ты увидишь,— ответил мальчик.— Я давал тебе таблетки, так ведь? Ты не должен был подсматривать.

— И предыдущей ночью,— продолжал Клив,— я тоже не спал.

Мальчик заморгал, как испуганная птица, слегка вздернув голову.

— Ты поступил глупо,— произнес он.— Очень глупо.

— Так или иначе, я не посторонний,— сказал Клив.— Я вижу сны.

— О да.— Нахмуренные брови портили фарфоровое лицо Билли.— Да. Тебе ведь снился город, правда?

— Что это за место, Билли?

— Я читал где-то: «У мертвых свои магистрали». Ты когда-нибудь слышал об этом? Ну... у них есть и города.

— У мертвых? Ты имеешь в виду что-то вроде города призраков?

— Я не хотел тебя ввязывать. Ты был со мной добрее, чем большинство людей. Но я предупреждал тебя, что пришел в Пентонвилл заниматься делом.

— С Тейтом.

— Точно.

Клив хотел рассмеяться. Эти слова — *город мертвых* — были нагромождением бессмыслицы. И все же его озлобленный разум не находил более вероятного объяснения.

— Мой дед убил своих детей,— сказал Билли,— потому что не желал передавать свою наследственность следующему поколению. Он поздно выучился, понимаешь? До того как он завел семью, дед не знал, что он не такой, как большинство других. Он особенный. Но он не желал этого дара и не желал, чтобы его дети жили с этой силой в крови. Он бы убил себя и закончил дело, но моя мама убежала. Прежде чем он смог отыскать ее и убить, его арестовали.

— И повесили. И похоронили.

— Да, повесили и похоронили. Но он не исчез. Никто не исчезает, Клив. Никогда.

— Ты пришел сюда, чтобы отыскать его.

— Не просто отыскать, а заставить его помочь мне. Я с десяти лет знаю, на что способен. Пусть не вполне осознанные, но у меня были подозрения. И я боялся. Конечно, я боялся. Это ужасная тайна.

— Эти превращения... они происходили с тобой всегда?

— Нет. Я просто знал, на что способен. Я пришел сюда, чтобы заставить моего деда научить меня, заставить его показать мне, как делать. Даже теперь...— Он посмотрел на свои пустые руки.— Когда он учит меня... Боль почти непереносимая...

— Так зачем ты это делаешь?

Мальчик скептически посмотрел на Клива.

— Чтобы не быть собой. Чтобы стать дымом и тенью. Стать чем-то ужасным.— Он казался искренне озадаченным.— Ты бы не хотел этого?

Клив покачал головой.

— То, чем ты стал прошлой ночью, отвратительно. Билли кивнул.

— Так думал мой дед. На суде он называл себя отвратительным. Вряд ли они поняли, что он имеет в виду. Он говорил о проклятии. Он встал и сказал: «Я — экскремент Сатаны.— Билли улыбнулся этой мысли.— Ради Христа, повесьте и сожгите меня». С тех пор он изменил мнение. Век ветшает, земля нуждается в новых племенах.

Он внимательно посмотрел на Клива.

— Не бойся,— сказал Билли,— я тебя не трону, если ты не будешь болтать. Ты не будешь, правда?

— А что я могу рассказать, чтобы мне поверили? — мягко ответил Клив.— Нет, я не буду.

— Хорошо. Немного позже я уйду. И ты уйдешь. И сможешь все забыть.

— Сомневаюсь.

— Даже сны закончатся, когда меня здесь не будет. Ты видишь их только потому, что у тебя есть задатки экстрасенса. Поверь. Тебе нечего бояться.

— Город...

— Что город?

— Где его жители? Я никогда никого не видел. Нет, не совсем так. Одного я видел. Человека с ножом... уходящего в пустыню...

— Не могу тебе помочь. Я сам прихожу туда как гость. По рассказам деда я знаю только, что город населен душами мертвых. Что бы ты там ни увидел, забудь. Ты не принадлежишь тому месту. Ты еще не умер.

Всегда ли благоразумно верить словам, которые говорят мертвые? Очистились ли они от лжи, когда умерли? Начали ли новое существование как святые? Клив не верил в такие наивные вещи. Более вероятно, что они берут с собой все свои способности, хорошие и плохие, и используют их *там*, насколько могут. В раю должны

быть сапожники, не так ли? Глупо думать, что они забудут, как тачать сапоги.

Поэтому вполне возможно, что Эдгар Тейт лгал о городе. Было еще что-то, чего Билли не знал. А как насчет голосов на ветру? Или тот человек, бросивший нож среди прочего хлама, прежде чем уйти в одиночку бог знает куда — что это за ритуал?

Теперь, когда страх исчерпался и не осталось ни пяды твердой реальности, чтобы на нее опереться, Клив не видел причины, почему бы не отправиться в город по собственной воле. Вряд ли на его пыльных улицах встретится нечто более страшное, чем то, что Клив видел на койке в своей камере. Или то, что произошло с Лоуэллом и Нейлером. Теперь город представлялся почти убежищем. Безмятежность царила на его пустых улицах и площадях. В городе Клив чувствовал себя так, будто все дела завершены, со всеми страданиями и гневом покончено. Эти здания, эти комнаты — с протекающей ванной и чашкой, наполненной до краев, — уже пережили самое страшное и успокоились, переживая тысячелетия. Когда ночь принесла очередной сон и город предстал перед Кливом, он вошел туда не как испуганный путник, сбившийся с дороги во враждебном пространстве, а как гость, желающий расслабиться в знакомом месте — знакомом достаточно, чтобы не потеряться в нем, но все же не настолько, чтобы заскучать.

Словно отвечая на эту легкость, город сам открылся ему. Бродя по улицам — ноги его, как всегда, были сбиты и окровавлены, — Клив видел, что двери широко распахнуты, занавески на окнах отодвинуты. Он отнесся к приглашению без высокомерия, решил воспользоваться им, чтобы внимательнее изучить особняки и многоэтажки. При ближайшем рассмотрении они оказались далеки от образов домашнего уюта, за какие Клив принял их поначалу. В каждом обнаруживался знак недавнего совершенного насилия: перевернутое кресло, след на

полу, где каблук скользил в луже крови. Были приметы и более очевидные. Например, молоток, оставленный на столе вместе с газетами; на его раздвоенном конце, которым вытаскивают гвозди, запеклась кровь. В комнате с разобранным полом черные пластиковые свертки, подозрительно скользкие, лежали возле вынутых досок. В каком-то доме висело зеркало, разбитое вдребезги, в другом вставная челюсть валялась возле камина, где вспыхивало и потрескивало пламя.

Все это были декорации убийств. Возможно, жертвы перенеслись в иные города, полные зарезанных детей и убитых друзей, а здесь остались живописные сцены преступлений, навсегда застывшие, бездыханные. Клив, как истинный вуайерист, шел по улицам и наблюдал сцену за сценой, в мыслях восстанавливая те мгновения, что предшествовали вынужденному покою каждой комнаты. Вот здесь погиб ребенок — кровать его перевернута; здесь кого-то убили в собственной постели — подушка пропитана кровью, топор лежит на ковре. Может быть, это разновидность проклятия — убийцы обязаны какую-то часть вечности (или целую вечность) провести там, где они убивали?

Никого из преступников Клив не видел, хотя логика подсказывала, что они должны находиться поблизости. Значило ли это, что они обладали способностью оставаться невидимыми, дабы оберечь себя от любопытствующих глаз, от прогуливающихся сновидцев вроде Клива? Или время, проведенное в этом *нигде*, трансформировало их и они больше не были плотью и кровью, а стали частью своей комнаты — креслом, китайской куклой?

Затем Клив вспомнил мужчину на окраине: он появился, одетый в выходной костюм, с окровавленными руками, и удалился в пустыню. Тот мужчина не был невидимкой.

— Где вы? — окликнул Клив, подойдя к порогу кухни с открытой духовкой, с посудой в раковине, где из крана бежала вода. — Покажитесь.

Глаза уловили движение, и он посмотрел через дверь. Там был человек. Он был там все время, понял Клив, но стоял так тихо и был такой неотъемлемой частью комнаты, что оставался незамеченным, пока не посмотрел в сторону гостя. И Клив почувствовал прилив беспокойства. Он подумал, что в каждой комнате, которую он разглядывал, непременно находился либо один преступник, либо несколько убийц, замаскированных неподвижностью. Человек понял, что его увидели, и шагнул из укрытия. Средних лет. На щеке порез после утреннего бритья.

— Кто ты? — спросил человек. — Я тебя видел прежде. Ты проходил мимо.

Голос тихий и печальный, не похож на злодея, подумал Клив.

— Просто гость, — ответил он мужчине.

— Здесь не бывает гостей, — возразил тот, — только будущие жители.

Клив нахмурился, стараясь понять, о чем говорит мужчина. Но разум, погруженный в сон, медлил, и прежде, чем он сумел разрешить эту загадку, возникли другие.

— Я тебя знаю? — спросил человек. — Я чувствую, что забываю больше и больше. А это не дело, верно? Если я все забуду, я никогда не уйду, так ведь?

— Уйдешь? — переспросил Клив.

— Совершу обмен, — произнес человек, приглаживая волосы.

— И куда ты пойдешь?

— Обратно. Вновь совершать это.

Теперь он пересек комнату и подошел к Кливу. Вытянул руки ладонями вверх — их покрывали пузыри.

— Ты можешь мне помочь, — сказал он. — Я заключу сделку с лучшими из них.

— Я не понимаю.

Человек явно решил, что Клив прикидывается. Верхняя губа с подкрашенными черными усами оттопырилась.

— Понимаешь,— отозвался он.— Прекрасно понимаешь. Просто ты хочешь продать себя, как и все делают. Просишь самую высокую цену, не так ли? Кто ты — наемный убийца?

Клив покачал головой.

— Я просто сплю,— ответил он.

Приступ веселья у мужчины закончился.

— Будь другом,— попросил он.— Я не обладаю властью, как некоторые. Знаешь, кое-кто приходит сюда и уходит обратно через несколько часов. Они профессионалы. Они договариваются. А я? Что до моего дела, это было преступление на почве страсти. Я пришел неподготовленным. И я останусь здесь, пока не сумею заключить сделку. Пожалуйста, будь другом.

— Я не могу тебе помочь,— сказал Клив, не вполне понимая, о чем его просят.

Убийца кивнул.

— Конечно,— произнес он.— Я и не ожидал...

Он отвернулся от Клива и двинулся к очагу. Пламя там вспыхнуло сильнее, и возник мираж конфорки. Мужчина небрежно положил одну из вспухших ладоней на дверку духовки и закрыл ее, но почти сразу же она со скрипом отворилась вновь.

— Знал бы ты, как возбуждает аппетит запах жареной плоти! — сказал мужчина, опять повернувшись к дверке и пытаясь ее закрыть.— Кто может обвинять меня?

Клив оставил этого человека наедине с его бессвязной болтовней. Если здесь и присутствовал смысл, он вряд ли заслуживал того, чтобы в него вдаваться. Разговор об обменах и бегстве из города ускользал от понимания Клива.

Он побрел дальше, больше не вглядываясь в дома. Он увидел все, что хотел видеть. Утро близко, скоро звонок затрезвонит на этаже. Наверное, он сейчас проснется, думал Клив, и на сегодня покончит с путешествием.

Едва он подумал так, он увидел девочку. Лет шести-семи, не больше, она стояла на ближайшем перекрестке. Явно не убийца... Он направился к ней. Либо от смущения, либо по какой-то менее достойной причине девочка повернула направо и побежала прочь. Клив последовал за ней. Когда он достиг перекрестка, она оказалась уже далеко на следующей улице, и он опять пустился в погоню. Когда преследуешь кого-то во сне, законы физики неодинаковы для участников погони. Девочка, казалось, двигалась легко, а Клив боролся с густым, словно патока, воздухом. Однако он не останавливался, а спешил вслед за девочкой. Скоро он удалился на значительное расстояние от знакомых мест, в тесноту дворов и аллей, представляющих, как он полагал, многочисленные сцены резни. В отличие от центральных улиц, это гетто включало в себя более полные фрагменты пейзажа: травянистая обочина, скорее красная, чем зеленая; фрагмент виселицы с петлей; груда земли. А теперь вот просто стена.

Девочка завела Клива в тупик, а сама исчезла, оставив созерцать гладкую кирпичную стену, сильно выщербленную, с узкой прорезью окна. Очевидно, это и было то, на что его привели посмотреть. Он уставился сквозь пуленепробиваемое стекло, с внешней стороны запачканное потеками птичьих испражнений, и обнаружил, что разглядывает одну из камер Пентонвилла. Желудок его сжался. Что за игра — вывести из камеры в город сновидений лишь для того, чтобы привести обратно в тюрьму? Но несколько секунд изучения успокоили: это не его камера. Это камера Лоуэлла и Нейлера. Картинки приклеены скотчем к серому кирпичу, кровь разбрыз-

гана на полу и на стенах, на постели и на двери. Это еще одна сцена убийства.

— Господи всемогущий,— пробормотал Клив.— Билли...

Он отвернулся от стены. На песке у его ног спаривались ящерицы, ветер, отыскавший дорогу в эту тихую заводь, принес бабочек. Клив смотрел на их танец, и тут прозвенел звонок в блоке Б. Наступило утро.

Это была ловушка. Механику ее Клив не постигал, но в назначении не сомневался. Билли скоро отправится в город. Камера, где он совершил убийство, уже поджидает его, и из всех гнусных мест в том скопище склепов эта пропитанная кровью каморка, несомненно, была самым гнусным.

Мальчик не может знать, что приготовлено для него. Дед лгал ему о городе мертвых, он рассказывал не все и не подумал поведать Билли о тех случаях, когда приходится оставаться там. А почему? Клив мысленно вернулся к уклончивому разговору, который он вел с человеком в кухне. Что за слова об обменах, о заключении сделок, о возвращении назад? Эдгар Тейт раскаялся в своих грехах, ведь так? По прошествии лет он решил, что он не экскремент дьявола и что вернуться в мир во все не так уж плохо. Билли стал средством для возвращения.

— Ты не нравишься моему деду,— сказал мальчик, когда после второго завтрака их вновь заперли в камере.

На второй день расследования все дела, развлечения и работа были отменены, пока камеру за камерой допрашивали относительно смерти Лоуэлла и Нейлера.

— Не нравлюсь? — переспросил Клив.— А почему?

— Ты слишком любопытен, когда ты в городе.

Клив расположился на верхней койке, Билли сидел на стуле у противоположной стены. Глаза мальчика покраснели, его била слабая, но постоянная дрожь.

— Ты скоро умрешь,— проговорил Клив. Как дать понять это ясно, без обиняков? — Я видел... в городе...

Билли покачал головой.

— Иногда ты рассуждаешь как сумасшедший. Мой дед говорит, что я не должен доверять тебе.

— Он боится меня. Именно поэтому так говорит.

Билли иронически рассмеялся. Это был очень неприятный смех, заимствованный, как рассудил Клив, у дедушки Тейта.

— Он не боится никого,— резко возразил Билли.

— Боится того, что я увижу. И расскажу тебе.

— Нет,— ответил мальчик с абсолютной убежденностью.

— Он приказал тебе убить Лоуэлла, ведь так?

Голова Билли дернулась.

— Зачем ты это говоришь?

— Ты никогда не хотел убивать его. Может быть, хотел немного напугать обоих, но не убить. Это идея твоего любящего дедушки.

— Никто не указывал мне, что делать,— сказал Билли. Взгляд его стал ледяным.— Никто.

— Ладно,— уступил Клив.— Может, он направил тебя, а? Сказал, что это дело семейной чести или вроде того?

Замечание определенно достигло цели — дрожь усилилась.

— Ну и что? Даже если он так сделал?

— Я видел, куда ты скоро отправишься, Билли. Место уже поджидает тебя.

Мальчик уставился на Клива, но не прерывал его.

— Убийцы населяют этот город, Билли. Вот почему там твой дед. А если он найдет себе замену, он получит свободу.

Билли встал. На лице его отражалось бешенство, все следы иронии исчезли.

— Что значит «получит свободу»?

— Вернется в мир. Сюда.
— Ты лжешь.
— Спроси его.
— Он меня не обманывает. Его кровь — моя кровь.
— Думаешь, его это волнует? После пятидесяти лет, проведенных в ожидании подходящего случая, чтобы уйти. Ты думаешь, ему не наплевать, как он это сделает?

— Я расскажу ему о том, как ты лжешь! — воскликнул Билли.

Раздражение его не полностью относилось к Кливу, слышалось и затаенное сомнение, которое Билли пытался подавить.

— Ты покойник, — сказал мальчик. — Стоит ему обнаружить, что ты пытаешься настроить меня против него, и ты узнаешь его. Да, ты его узнаешь. И будешь молить о том, чтобы не знать.

Казалось, выхода нет. Чтобы убедить начальство перевести его в другую камеру до наступления ночи (слабая надежда), ему придется отказаться от всего, что он говорил о мальчике прежде, и сказать им, что Билли опасный безумец или что-то вроде того, то есть явную ложь. Но даже если его переведут, такой маневр еще не гарантирует безопасности. Мальчик сказал, что был дымом и тенью. Ни дверь, ни решетки не сдержат его, что доказывает судьба Лоуэлла и Нейлера. К тому же Билли не один. Надо принимать в расчет Эдгара Сен-Клера Тейта и силы, которыми он обладает. И все же оставаться нынешней ночью рядом с мальчиком равносильно самоубийству. Клив отдает себя в лапы чудовищ.

Когда заключенные вышли из камер, чтобы поужинать, Клив поискал Девлина и попросил уделить ему время для короткого разговора, что и было сделано. После ужина Клив предстал перед надзирателем.

— Вы просили меня присматривать за Билли Тейтом, сэр.

— А что такое?

Клив мучительно обдумывал, что сказать Девлину, чтобы добиться немедленного перевода. На ум ничего не приходило. Он запнулся, надеясь на вдохновение, но слова, как назло, не подыскивались.

— Я... я... хотел подать прошение о переводе в другую камеру.

— Причина?

— Мальчишка неуравновешен,— ответил Клив.— Боюсь, он принесет мне проблемы. Впадет в очередной припадок...

— Ты уложишь его на лопатки одной рукой. Он отощал, одни кости остались.

Если бы Клив разговаривал с Мэйфлауэром, он, возможно, обратился бы к тому напрямую. Но с Девлином подобная тактика была изначально обречена.

— Не знаю, почему ты жалуешься. Он же практически идеальный,— сказал Девлин, иронически передразнивая тон любящего отца.— Спокойный, вежливый. Не представляет опасности ни для тебя, ни для других.

— Вы не знаете его...

— Что ты пытаешься мне внушить?

— Посадите меня в карцер, сэр. Куда угодно, мне все равно. Только уберите меня от него. Пожалуйста.

Девлин не отвечал, но озадаченно смотрел на Клива. Наконец, он произнес:

— Ты боишься его.

— Да.

— В чем же дело? Ты сидел в одной камере с крутыми парнями, и ни волоска с твоей головы не упало.

— Он не такой,— отвечал Клив. Он мог повторять только одно: — Он сумасшедший. Говорю вам, он сумасшедший.

— Весь мир безумен, Смит, кроме тебя и меня. Разве ты не слышал? — рассмеялся Девлин.— Возвращайся в камеру и кончай нить. Ты не согласился на «поезд призраков». А теперь?

Когда Клив вернулся в камеру, Билли писал письмо. Он сидел на койке, углубившись в свое занятие, и выглядел чрезвычайно уязвимым. Девлин говорил правду: мальчик иссох до костей. Глядя на тростник его позвоночника, выпирающий сквозь футболку, трудно было поверить, что эта болезненная фигурка смогла пережить муки перевоплощения. А теперь — кто знает? Может быть, мучительные трансформации со временем разорвут его на части. Но не слишком скоро.

— Билли...

Мальчик не отводил глаз от письма.

— То, что я говорил о городе...

Билли перестал писать.

— Может быть, я все это вообразил. Просто при-
снилось...

Билли опять принялся за письмо.

— Я говорил это, потому что я тебя боялся. Вот и все. Я хочу, чтобы мы остались друзьями.

Билли поднял глаза.

— Это не в моих силах, — ответил он очень просто. — Теперь это ушло к деду. Он может проявить милосердие, а может и отказаться.

— Зачем ты сказал ему?

— Он знает, что во мне. Он и я... мы как одно целое. Вот откуда я знаю, что он не обманывает меня.

Скоро наступит ночь, свет в тюрьме выключат, придут тени.

— Значит, мне остается только ждать? — спросил Клив.

Билли кивнул.

— Я позову его, тогда посмотрим.

Позовет, промелькнуло в голове Клива. Нуждается ли старик в призыве от мест своего упокоения? Значит, именно это и происходило, когда Билли стоял в середине камеры с закрытыми глазами, с лицом, обращенным к окну? Если так, можно ли помешать мальчику вызвать мертвеца?

Пока сумрак сгустился, Клив лежал на своей койке, обдумывая возможности. Что лучше: подождать и посмотреть, какой приговор вынесет Тейт, или попытаться перехватить контроль над ситуацией и предотвратить прибытие старика? Если выбрать второе, возврата назад не будет, не останется места оправданиям и мольбам, агрессия породит агрессию. Если не удастся помешать приходу Тейта, это конец.

Свет погасили. В камерах на всех пяти этажах блока Б люди утыкались лицом в подушки. Одни лежали без сна и планировали свою дальнейшую карьеру, когда незначительный перерыв в их профессиональной жизни закончится; другие ласкали невидимых любовниц. Клив прислушивался к звукам в камере, к шумному движению воды по трубам, к неглубокому дыханию на нижней койке. Иногда казалось, что он уже живет вторую жизнь на этой засаленной подушке, оставленный в темноте, без выхода.

Дыхание внизу вскоре стало неразличимым, не доносилось ни единого шороха. Может, Билли ждал, пока Клив уснет, чтобы что-то предпринять. Если так, мальчик ждет попусту. Клив не сомкнет глаз и не даст зарезать себя во сне. Он не свинья, чтобы позволить безжалостно вздеть себя на нож.

Двигаясь с максимальной осторожностью, чтобы не возбудить подозрений, Клив расстегнул ремень и вытащил его из штанов. Он мог бы смастерить нечто более подходящее, разорвав наволочку и простыню, но боялся привлечь внимание Билли. Теперь он ждал с ремнем в руке, притворяясь, будто спит.

Сегодня ночью он был рад тому, что шум в блоке тревожит и не дает задремать, потому что прошло целых два часа, прежде чем Билли поднялся с койки. За эти два часа веки Клива несколько раз опускались и отказывались открываться, несмотря на весь страх перед тем, что может случиться, если он заснет. По этажам

нынешней ночью плала печаль. Смерть Лоуэлла и Нейлера сделала нервными даже самых огрубевших заключенных. Крики и переговоры неспящих наполняли ночные часы. Несмотря на усталость, сон не одолел Клива.

Когда Билли наконец встал с нижней койки, было далеко за полночь, и узники почти утомнились. Клив слышал дыхание мальчика: оно стало неровным, прерывистым. Он смотрел из-под прищуренных век, как Билли пересекает камеру, направляясь к знакомому месту против окна. Несомненно, он собирался позвать старика.

Когда Билли закрыл глаза, Клив сел, отбросил одеяло и соскользнул с койки. Мальчик ответил не сразу. Прежде чем он вполне понял, что произошло, Клив пересек камеру и прижал его спиной к стене, зажав рот Билли ладонью.

— Нет, не выйдет,— прошипел он.— Я не собираюсь последовать за Лоуэллом.

Билли боролся, но Клив был намного сильнее его физически.

— Он не появится сегодня ночью,— сказал Клив, уставившись в широко раскрытые глаза мальчика,— потому что ты не станешь звать его.

Билли стал сопротивляться еще яростнее, он крепко укусил противника за ладонь. Клив инстинктивно убрал руку, и мальчик в два прыжка оказался у окна. В горле его зазвучало странное пение, на лице выступили неожиданные и необъяснимые слезы. Клив оттащил его прочь.

— Прекрати шуметь! — рывкнул он.

Но мальчик продолжал свое.

Клив ударил его наотмашь, но крепко, по лицу.

— Заткнись! — приказал он.

Но мальчик отказался прервать пение, и мелодия обрела другой ритм. Клив бил юношу снова и снова, но не мог заставить замолчать. В камере слышался шорох — менялась атмосфера, темнота сгущалась. Тени двигались.

Паника овладела Кливом. Без предупреждения он сжал кулак и крепко саданул мальчика в живот. Когда Билли согнулся пополам, апперкот достал его челюсть. Голова отклонилась назад, затылок столкнулся с кирпичом. Ноги Билли подогнулись, и он рухнул. Вес пера, подумал Клив, и это было так. Два хороших удара кулаком, и мальчишка отключился.

Клив оглядел камеру. Движение теней прекратилось, хотя они и дрожали, словно борзые, ожидающие команды. С колотящимся сердцем он отнес Билли на его койку и уложил. Ни признака возвращения сознания. Мальчик безвольно лежал на матрасе, пока Клив разрывал простыню, делал кляп и всовывал его в рот Билли, чтобы не позволить вымолвить ни звука. Затем он стал привязывать Билли к койке. Он использовал свой собственный ремень и ремень мальчика, дополнив их самодельными веревками из разорванных простыней. Работа заняла несколько минут.

Когда Клив связывал ноги Билли, тот зашевелился. Глаза его, полные изумления, открылись. Затем, осознав свое положение, он начал мотать головой из стороны в сторону — единственное движение, возможное в его положении. Так он выражал протест.

— Нет, Билли,— прошептал Клив и набросил одеяло поверх связанного тела, чтобы скрыть происходящее от надзирателя, который мог заглянуть в глазок до утра.— Сегодня ночью ты не позовешь его. Все, что я сказал тебе, правда. Он хочет уйти, и он использует тебя, чтобы сбежать.— Клив сжал руками лицо Билли, так что пальцы вдавились в щеки.— Он не друг тебе. Друг — я. И всегда был им.

Билли старался освободить голову от хватки Клива, но не мог.

— Не трать силы зря,— посоветовал Клив.— Ночь впереди долгая.

Он оставил мальчика на койке, пересек камеру, подошел к стенке, соскользнул по ней, уселся на корточ-

ки и стал наблюдать. Он будет бодрствовать до восхода солнца, а потом, когда появится хоть какой-то свет, примет следующий ход. Но сейчас он удовлетворен — ведь его тактика сработала.

Мальчик прекратил сопротивление, он ясно понял, что связан слишком умело и не сумеет освободиться. Затишье наступило в камере: Клив сидел на пяточке света, падавшего через окно, мальчик лежал во тьме на нижней койке, равномерно дыша носом. Клив взглянул на часы. 12.45. Когда наступит утро? Он не знал. Впереди не менее пяти часов. Он откинул голову и уставился на свет.

Свет завораживал его. Минуты текли медленно и равномерно, а свет не менялся. Иногда вдоль этажа проходил надзиратель, и Билли, заслышав звук шагов, вновь начинал двигаться. Но в камеру никто не заглядывал. Двое узников остались наедине со своими мыслями: Клив размышлял, наступит ли время, когда он сможет освободиться от тени за спиной; Билли обдумывал что-то свое — мысли, которые приходят к связанным монстрам. А время шло, минуты глухой ночи проходили сквозь разум, подобно веренице послушных школьников, наступающих друг другу на пятки. Когда миновала шестидесятая минута, итог назывался часом и рассвет становился чуть ближе, не так ли? И на столько же ближе становилась смерть, и на столько же — конец света, тот роскошный Последний трубный глас, о котором трепетно говорил Епископ: когда он прозвучит, из-под газона поднимутся мертвецы, свежие, как вчерашний хлеб, и пойдут встречать своего творца. Сидя у стены, прислушиваясь к дыханию Билли, наблюдая за светом на стекле и за стеклом, Клив точно знал: даже если он избежал ловушки, то лишь временно; эта долгая ночь, ее минуты, ее часы были предвкушением другого долгого бодрствования. Клив почти отчаялся; он почувствовал, что душа его погружается в пропасть, откуда нет воз-

врата. Это и есть реальный мир, убивался он. Без радости, без света, без предвидения; только ожидание в неведении, когда нет надежды даже на страх, ибо страх долетает издалека вместе со снами, чтобы исчезнуть с ними. Пропасть глубока и туманна. Клив глядел из бездны на свет в окне, и мысли его соединились в один порочный круг. Он забыл о койке и о мальчишке, лежащем на ней. Он не чувствовал, что его ноги онемели. Он мог бы забыть и о дыхании, если бы не запах мочи, раздражавший его ноздри.

Клив поглядел на Билли. Мальчик опорожнил мочевой пузырь, но это действие было знаком чего-то еще. Тело Билли под одеялом двигалось так, словно ему не мешали путы. Несколько мгновений ушло на то, чтобы Клив стряхнул с себя летаргию, еще несколько — чтобы понять происходящее. Билли изменялся.

Клив попытался встать, но его ноги затекли после слишком долгого сидения на корточках. Он чуть не упал поперек камеры и удержался, лишь вытянув руку и схватившись за стул. Глаза его приковались к мраку на нижней койке. Сложность и размах движений нарастали. Одеяло упало на пол. Тело Билли было неузнаваемо: ужасная процедура, уже известная Кливу, теперь шла в обратном порядке. Вещество собиралось в клубящиеся облака возле тела и сгущалось в отвратительные формы. Конечности и органы не поддавались описанию, зубы в форме игл заняли свое место, громадная голова все еще разбухала. Клив умолял Билли остановиться, однако с каждым вдохом человеческого — того, к чему можно взывать, — оставалось все меньше. Сила, какой недоставало мальчику, была дарована чудовищу: оно уже разорвало почти все путы, а теперь на глазах Клива освободилось от последних и скатилось с койки.

Клив попятился в сторону двери, глазами ощупывая трансформированную фигуру Билли. Он вспомнил ужас, какой его мать испытывала перед ухвертками, и раз-

личил черты названного насекомого в образовавшемся организме. Тварь выгибала блестящую спину, выставляя шевелящиеся внутренности и разлинованный живот. Никакой аналогии для описания этого существа не подобрать. Голова его изобиловала языками, которые чисто вылизывали глаза, отчасти выполняя функцию век, и бегали туда-сюда по зубам, непрерывно увлажняя их. Из сочащихся дыр вдоль боков исходило канализационное зловоние. Тем не менее даже теперь в нем был запечатлен некий остаток человеческого — намек, лишь увеличивающий омерзительность целого. Глядя на крючки и шипы чудовища, Клив припомнил нарастающий вопль Лоуэлла. Он ощутил пульсацию собственного горла, готового испустить такой же крик, если зверь повернется к нему.

Но у Билли были другие намерения. Он двинулся — конечности в боевом порядке — к окну, взобрался туда и прижал голову к стеклу, как пиявка. Мелодия, воспроизводимая им, не походила на прежнюю песню, но Клив не сомневался, что это тот же призыв. Он повернулся к двери и стал колотить в нее. Он надеялся, что Билли слишком поглощен своим делом и не повернется до того, как явится помощь.

— Быстрее! Бога ради! Быстрее! — Клив завопил громко, насколько мог, и тут же взглянул через плечо, чтобы увидеть, не идет ли к нему Билли. Нет, тот не приближался — он все еще висел, прилипнув к окну, хотя песня его почти стихла. Цель была достигнута. Тьма властвовала в камере.

В панике Клив повернулся к двери и возобновил старания. Теперь кто-то бежал по этажу, он слышал крики и проклятия из других камер.

— Ради бога, помогите! — кричал он.

Он ощущал озноб. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что происходит сзади. Тень росла, стена растворялась, чтобы город и его обитатель могли прой-

ти насквозь. Тейт уже тут. Клив ощущал присутствие — явилось нечто огромное и темное. Тейт-детоубийца, Тейт-трансформер, Тейт — тварь из тьмы. Клив стучал в дверь, пока руки его не начали кровоточить. Казалось, раздающиеся шаги отделены от него целыми континентами. Куда они направляются? Куда?

Холод за спиной превратился в порыв ветра. Клив увидел свою тень, отброшенную на дверь мерцающим голубым светом, почуял песок и кровь.

А затем раздался голос. Не мальчика, а его деда, Эдгара Сен-Клера Тейта. Этот человек провозгласил себя экскрементом дьявола; когда Клив услышал его омерзительный голос, он поверил и в ад, и в его владыку. Поверил, почти попав в кишки Сатаны, став свидетелем его чудес.

— Ты слишком любопытен, — сказал Эдгар. — Пора тебе отправляться в постель.

Клив не хотел оборачиваться. Последнее, что промелькнуло в его голове: он *должен* обернуться и посмотреть на говорящего. Но он больше не был повелителем собственной воли. Пальцы Тейта забрались в его голову и шарили там. Клив повернулся и посмотрел.

Висельник был в камере. Он не походил на тварь, которую видел Клив, на лицо из бесформенной массы лиц. Он был здесь, во плоти, одетый по моде другой эпохи, но не без изящества. Его лицо оказалось хорошо вылепленным, лоб широкий, глаза пристальные. Он все еще носил обручальное кольцо на пальце той руки, что гладила склоненную голову Билли, как гладят дрессированного пса.

— Время умирать, мистер Смит, — произнес он.

За дверью Клив услышал крик Девалина. У него не осталось дыхания, чтобы ответить. Но он слышал скрежет ключа в замке, или то была иллюзия, созданная разумом, чтобы рассеять панику.

Крохотная камера наполнилась ветром. Ветер перевернул стул и стол, поднял в воздух простыни, похожие на призраков из детских страхов. Он подхватил Тейта, а вместе с ним и мальчика, засасывая их обратно в удаляющийся город.

— Теперь пошли,— требовал Тейт, и лицо его разлагалось.— Нам нужен ты, телом и душой. Пойдем с нами, мистер Смит. Мы не хотим, чтобы от нас отказывались.

— Нет! — закричал Клив, обращаясь к своему мучителю. Засасывающий воздух вытягивал его пальцы, его глазные яблоки.— Я не...

Сзади загремела дверь.

— Я не пойду, слышишь!

Дверь внезапно распахнулась и бросила его вперед, в круговорот тумана и пыли, что уносила прочь Тейта и его внука. Клив двинулся с ними, но чья-то рука схватила его за рубашку и оттащила от черты, когда сознание уже отказало ему.

Где-то вдали Девлин засмеялся, как гиена. Он сошел с ума, решил Клив, и меркнувший разум вызвал образ мозгов Девлина, исходящих через рот, подобно стае летучих собак.

Он проснулся во сне; и в городе. Проснулся и вспомнил последние секунды сознания, истерику Девлина, руку, удержавшую его, когда две фигуры перед ним уже засосало. Он последовал за ними, словно не мог допустить, чтобы его оцепеневший разум не вернулся знакомым путем в метрополию убийц. Но Тейт пока еще не выиграл. Присутствие здесь Кливу лишь снилось. Физическая его сущность пребывала в Пентонвилле; это давало себя знать на каждом шагу.

Он прислушался к порывам ветра. Они были, как всегда, красноречивы: голоса приходили и уходили с каждым дуновением, но никогда, даже если ветер замирал

до шепота, не исчезали совсем. Когда он прислушался, он различил крик. В немом городе звук становился потрясением, он спугнул крыс из нор и птиц с какой-то укромной площадки.

Заинтересованный, Клив следовал за звуком, чье эхо почти оставляло след в воздухе. Когда он спешил по пустым улицам, он слышал все больше громких голосов. Мужчины и женщины появлялись из дверей и окон своих камер. В их лицах не было никаких общих черт, чтобы подтвердить выкладки физиономистов. У убийства столько же лиц, сколько преступлений. Единственной общей чертой была сломанная душа, отчаявшаяся после десятилетий, проведенных на месте преступления. Клив рассматривал их на ходу, и ответные взгляды смущали его, не позволяя понять, куда он идет. Потом Клив обнаружил, что опять находится в гетто — сюда его заманил ребенок в одном из прошлых сновидений.

Теперь он завернул за угол и в конце тупика, знакомого по предыдущему визиту — стена, окно, комната в крови, — увидел Билли, скорчившегося у ног Тейта на песке. Мальчик был наполовину собой, наполовину тварью, в которую превратился на глазах Клива. Лучшая часть содрогалась, пытаясь освободиться от второй половины, но безуспешно. На мгновение тело мальчика распрямилось, белое и хрупкое, но только для того, чтобы в следующий миг смениться другим в непрерывном потоке трансформации. Это рука, напроць оторванная, прежде чем выросли пальцы? Или лицо проявляется на сосуде со множеством языков, что служит твари головой? Картина не поддавалась анализу. Едва Клив различал нечто узнаваемое, как оно исчезало.

Эдгар Тейт прервал свое занятие и оскалил зубы на Клива. Ему могла позавидовать акула.

— Он усомнился во мне, мистер Смит, — произнесло чудовище. — Он пришел искать свою камеру.

У бесформенной массы на песке вдруг открылся рот, чтобы издать резкий крик, полный боли и ужаса.

— Теперь он хочет быть подальше от меня,— продолжал Тейт.— Ты посеял сомнение. Он должен выстрадать последствия.— Тейт направил дрожащий палец на Клива, и конечность монстра изменилась, плоть стала мятой кожей.— Ты пришел туда, куда тебя не звали, так гляди на мучения, которые ты принес.

Тейт пнул тварь у ног. Она перевернулась на спину, изрыгая блевотину.

— Я ему нужен,— сказал Тейт.— И у тебя хватает духа на это смотреть? Без меня он пропал.

Клив не ответил висельнику, а вместо того обратился к зверю на песке.

— Билли,— позвал он, вызывая мальчика из череды непрерывных изменений.

— Пропал,— повторил Тейт.

— Билли,— снова окликнул Клив.— Послушай меня..

— Он уже не вернется,— проговорил Тейт.— Тебе это только снится. Но он *здесь*, во плоти.

— Билли,— настаивал Клив.— Ты слышишь меня? Это я, Клив.

Услышав свое имя, мальчик на миг приостановил круговые движения. Клив снова и снова звал его.

Один из первых навыков, какой приобретает человеческое дитя,— откликаться на собственное имя. Если что-то и могло подействовать на Билли, это его имя.

— Билли... Билли...

Тело опять перевернулось.

Тейт, похоже, чувствовал себя неудобно. Его самоуверенность улетучилась. Тело темнело, голова стала походить на луковицу. Клив старался отвести глаза, не глядеть на искажения анатомии Эдгара Тента, а сосредоточить все силы на том, чтобы вызвать обратно Билли. Повторение имени приносило плоды — тварь подчинялась. Каждую минуту появлялось все больше черт мальчика. Выглядел он жалко, кожа да кости на черном песке. Но лицо его почти восстановилось, и глаза глядели на Клива.

— Билли?..

Он кивнул. Волосы его прилипли ко лбу, конечности свело.

— Ты знаешь, где ты? Кто ты?

Сначала сознание будто покинуло мальчика. Затем, постепенно понимание затеплилось в глазах, и одновременно с пониманием пришел ужас перед человеком, стоящим над ним.

Клив глянул на Тейта. За последние несколько секунд, пока Клив не смотрел на убийцу, голова и верхняя часть туловища старика почти утратили человеческие черты, обнаружив разложение более глубокое, чем у его внука. Билли посмотрел через плечо, как избиваемая хлыстом собака.

— Ты принадлежишь мне! — произнес Тейт, хотя органы его теперь едва ли были приспособлены для речи.

Билли увидел тянущееся к нему чудовище и попытался приподняться, чтобы избежать объятия. Но он был слишком медлителен. Клив увидел, как заостренный крюк тейтовской конечности охватывает горло Билли и подтягивает мальчика к себе. Кровь брызнула из разрезанного в длину дыхательного горла, а вместе с ней — свист вырывающегося воздуха.

Клив завопил.

— Со мной, — проговорил Тейт. Слова превращались в тарабарщину.

Внезапно тупик наполнился светом. Мальчик, Тейт и город поблекли. Клив пытался удержать их, но они ускользали, а на их месте проявлялась иная реальность: свет, лицо, голос, вызывающий его из одного абсурда в другой.

Рука доктора, холодная и влажная.

— Что же такое тебе снится? — спросил этот идиот.

Билли исчез.

Из всех тайн, с которыми столкнулись той ночью в камере Б.3.20 начальник тюрьмы, Девлин и другие над-

лириатели, наиболее обескураживало исчезновение Уильяма Тейта. Камера не была взломана. О видении, заставившем Девлина смеяться безумным смехом, ничего не говорили — легче поверить в коллективную галлюцинацию, чем в объективную реальность случившегося. Когда Клив пытался пересказать события той ночи и предыдущих ночей, его монолог, прерываемый слезами и паузами, встречали притворным пониманием, но глаза слезились. Он пересказывал свою историю несколько раз, не обращая внимания на их снисходительность, а они внимали каждому слову, пытаясь отыскать среди его безумных бредней ключ к разгадке фокуса Билли Тейта — фокуса, достойного Гудини. Не обнаружив ничего, что продвинуло бы расследование, они начали раздражаться. Сочувствие сменилось угрозами. Они настаивали. Голоса, задававшие один и тот же вопрос, раз от разу становились громче.

— Куда исчез Билли Тейт?

Клив отвечал то, что знал:

— Он в городе. Понимаете, он убийца.

— А его тело? — спросил начальник тюрьмы. — Где, по-твоему, его тело?

Клив не знал, он так и сказал об этом. Через некоторое время, то есть всего четыре дня спустя, он стоял у окна и наблюдал за работой садоводческого наряда. Тут он вспомнил о газоне. Он отыскал Мэйфлауэра, опять сменившего Девлина в блоке Б, и сообщил офицеру о том, что пришло ему в голову.

— Он в могиле, — заявил Клив. — Он со своим дедом. Дым и тень.

Гроб выкопали под покровом ночи, соорудив сложную загородку из жердей и брезента, чтобы скрыть происходящее от любопытных глаз. Лампы, яркие как день, но не такие теплые, освещали работу тех, кто вызвался участвовать в эксгумации. Предположение Клива озадачило всех, но иной, даже самой нелепой разгадки этой

тайны не было. Потому они собрались у неприметной могилы и стали ворошить землю, которая выглядела так, будто ее не тревожили на протяжении полувека. Там были начальник тюрьмы, группа чиновников министерства внутренних дел, патологоанатом и Девлин. Один из докторов полагал, что навязчивые галлюцинации будет проще излечить, если больной увидит содержимое гроба и уверится в ошибочности своих теорий; поэтому он убедил начальника тюрьмы, что Кливу также следует находиться среди зрителей.

В гробу Эдгара Сен-Клера Тейта обнаружилось мало нового для Клива. Тело вернувшегося сюда убийцы (возможно, как дым?) — не вполне зверь и не вполне человек. Оно сохранилось, как и обещал Епископ, словно казнь только что свершилась. Гроб с ним делил Билли Тейт: голый, будто дитя, он лежал в объятиях дедушки. Тронутая тленом конечность Эдгара все еще вонзалась в шею Билли, и стенки гроба потемнели от запекшейся крови. Но лицо мальчика не было испорчено.

— Как куколка,— заметил один из докторов.

Клив хотел возразить, что у кукол не бывает следов слез на щеках и такого отчаяния в глазах, но не смог подобрать слов.

Клива освободили из Пентонвилла три недели спустя, после специального постановления коллегии, по истечении лишь двух третей положенного срока. Через полгода он возвратился к единственной знакомой ему профессии. Но надежда, что он избавится от снов, оказалась недолговечной. Город все еще был внутри него, пусть не столь ясный и легко достижимый теперь, когда исчез Билли, чей разум открывал доступ туда. Однако присутствие действенного и могущественного ужаса по-прежнему томило Клива.

Иногда видения почти уходили. Понимание этой зависимости заняло несколько месяцев: сон возвращали

люди. Если Клив проводил время с человеком, у которого было намерение убивать, город возвращался обратно. Такие люди встречались нередко. Когда чувствительность к смерти, разлитой в воздухе, обострялась, Клив едва мог передвигаться по улицам. Потенциальные убийцы были повсюду. Люди надевали нарядную одежду и с радостными лицами шагали по тротуарам, на ходу воображая смерть своих работодателей и их семей, звезд мыльных опер и неумелых портных. Весь мир затаил убийство в душе, и Клив больше не в силах был этого вынести.

Только героин давал некое освобождение от груза переживаний. Клив никогда не делал внутривенных инъекций, но наркотик скоро стал для него небом и землей. Однако это было дорогим удовольствием, а человек, чьи профессиональные контакты постоянно сужаются, едва ли способен платить. Парень по имени Гримм, приятель-наркоман (он столь отчаянно бежал от реальности, что мог поймать кайф и от скисшего молока), предложил Кливу выполнить некую работу, которая принесет вознаграждение и удовлетворит его аппетиты. Вроде бы стоящая идея, Клив согласился. Плата за работу казалась слишком высокой, чтобы человек, так нуждающийся в деньгах, от нее отказался. Работой, конечно, было убийство.

«Здесь нет гостей, только будущие жители», — так сказали однажды Кливу. Он уже не помнил, кто сказал, но он верил в пророчества. Если не совершить убийства сейчас, это лишь вопрос времени и он убьет позже.

Все детали убийства оказались ужасающе знакомы, однако Клив не предвидел подобного стечения обстоятельств. Он бежал с места преступления босиком, перебирая голыми ногами по тротуарам и гудрону шоссе. Когда полиция загнала Клива в угол и пристрелила, ступни его были окровавлены и готовы ступить на улицы города, точно как в сновидениях.

Комната, где он убил, ожидала его. Он прожил там несколько месяцев, прячась от любого, кто появлялся на улице. (Клив судил о времени по отрастающей бороде, поскольку сон приходил к нему редко, а день — никогда.) Потом он грудью встретил холодный ветер и вышел на окраину города, где дома исчезали и начиналась пустыня. Клив шел, не глядя на дюны, прислушиваясь к голосам. Звуки не смолкали, поднимаясь и опадая, словно вой шакалов или детей.

Он оставался здесь долго, а ветер сговаривался с пустыней, чтобы похоронить его. Но плоды ожидания не разочаровали Клива. В один из дней (или лет) он увидел мужчину: тот пришел на край города, бросил ружье в песок, а затем побрел в пустыню, и вскоре те, что подают голоса, вышли ему навстречу. Они бежали вприпрыжку, безумные, дикие, танцующие на своих костылях. Они окружили мужчину, смеясь, и он пошел с ними. Расстояние и ветер застилали дымкой картину, но Клив не сомневался, что видел, как один из них подобрал человека, поднял на плечи, словно мальчика, а потом передал в руки другого. Так продолжалось до тех пор, пока на пределе всех чувств Клив не услышал вопль мужчины, снова выпущенного в жизнь. Клив побрел прочь, удовлетворенный: он наконец узнал, как грех (и он сам) явился в мир.

КНИГА КРОВИ VI

Дэйвү

Жизнь Смерти

Сидя в приемной клиники, Элейн жадно читала свежую газету. Зверь, которого считали пантерой, два месяца терроризировавший окрестности Эппинг-Фореста, застрелен и оказался дикой собакой. Археологи в Судане нашли фрагменты костей, и результаты их исследования, по мнению ученых, могут полностью изменить представления о происхождении человека. Девушка, что однажды танцевала с младшим отпрыском королевской фамилии, найдена убитой недалеко от Клэпхема. Пропал яхтсмен-одиночка, совершавший кругосветное плавание... Элейн с одинаковым увлечением изучала сводки и о мировых, и о житейских событиях — пусть хоть что-то отвлечет ее от предстоящего осмотра; но сегодняшние новости были похожи на вчерашние, изменились только заголовки.

Доктор Сеннет сообщил ей, что заживление идет нормально изнутри и снаружи и что она вполне может вернуться к своим обязанностям, как только почувствует достаточную психологическую уверенность. Ей следует еще раз записаться на прием в первую неделю нового года, сказал доктор, а затем пройти окончательный осмотр.

Мысль о том, чтобы сесть в автобус и вернуться домой, казалась Элейн невыносимой после стольких часов томительного ожидания. Она решила пройти пару остановок пешком: прогулка будет для нее полезна.

Однако эти планы оказались слишком смелыми. Уже через несколько минут Элейн почувствовала тошноту, и в нижней части живота появилась тупая боль. Тогда она свернула с дороги в поисках места, где можно отдохнуть и попить чаю. Не мешало бы поесть, хотя она никогда не отличалась хорошим аппетитом, а после операции и подавно. Элейн побрела дальше. Отыскала небольшой ресторанчик, где не шумели посетители, хотя было уже без пяти час — время ланча. Невысокая женщина с волосами вызывающего неестественно-рыжего цвета подала ей чай и омлет с грибами. Элейн попыталась поесть, но не смогла. Официантка забеспокоилась.

— Вам не нравится еда? — спросила она немного раздраженно.

— О нет, — уверила ее Элейн, — мне очень нравится. Тем не менее официантка выглядела обиженной.

— Будьте любезны, принесите еще чаю, — сказала Элейн.

Она отодвинула тарелку, чтобы официантка ее забрала. Вид пищи, застывшей на простой белой тарелке, казался отталкивающим. Она ненавидела свою неуместную чувствительность: это абсурдно, если тарелка с недоеденными яйцами вызывает отвращение. Но Элейн ничего не могла с собой поделать, все напоминало ей о ее потере. И гибель — когда после мягкого ноября внезапно наступили морозы — луковиц растений на подоконнике; и воспоминания о дикой собаке, застреленной в Эппинг-Форесте, про которую она читала утром.

Официантка принесла горячего чаю, но так и не забрала тарелку. Элейн окликнула женщину, та нехотя подчинилась.

Кроме Элейн, посетителей в заведении не осталось, и официантка деловито собирала со столов обеденные меню, заменяя их вечерними. Элейн сидела и задумчиво смотрела в окно. Пелена зеленовато-серого дыма в считанные минуты заволокла улицу, затмив солнечный свет.

— Опять жгут,— проворчала официантка.— Этот проклятый запах проникает повсюду.

— Что жгут?

— Там был какой-то общественный центр. Его сносят и строят новый. Бездонная бочка для денег налогоплательщиков.

Дым и вправду уже проникал в ресторан. Элейн он не показался неприятным: это было сладкое, благоухающее напоминание об осени, ее любимом времени года. Заинтересовавшись, она допила чай, расплатилась и решила побродить и посмотреть, откуда этот дым. Ей не пришлось далеко идти. В конце улицы она обнаружила небольшой сквер — там и располагалось здание. Впрочем, ее ждал один сюрприз: то, что официантка назвала общественным центром, на самом деле оказалось церковью. Точнее, когда-то ею являлось. Свинец и шифер уже содрали с кровли, открыв небу торчащие брусья, окна без стекол зияли пустотой, с лужайки около здания исчез дерн, и два дерева, росшие там, срублены. Их погребальный костер и рождал тот мучительно-сладкий запах.

Вряд ли этот дом когда-то было прекрасным, но даже его руины позволяли догадаться, что он обладал некой притягательной силой. Обветренные камни не сочетались с кирпичом и бетоном окружающих строений, но участь осажденного (рабочие уже взялись за дело, и бульдозер стоял наготове, жадный до разрушения) придавала ему некое очарование.

Рабочие заметили Элейн, но никто не попытался ее удержать, когда она прошла через сквер к главному церковному входу и заглянула внутрь. Лишенный декоративной кладки, кафедры, скамей, купели и прочего, храм стал просто помещением с каменными стенами, не имеющим никакой особой атмосферы и не вызывающим эмоций. Впрочем, кто-то все же нашел здесь для себя нечто интересное: в дальнем углу церкви спиной к Элейн

стоял человек и пристально разглядывал землю. Заслышав шаги, он виновато обернулся.

— О,— сказал он,— я только зашел на минутку.

— Ничего страшного,— ответила Элейн.— Похоже, мы оба вторглись в чужие владения.

Мужчина кивнул. Он был одет скромно, даже невзрачно, и на этом фоне выделялся зеленый галстук-бабочка. Черты его лица, вопреки стилю одежды и седым волосам, оказались на удивление невозмутимыми, словно ни улыбка, ни морщины, придающие ему хмурый вид, никогда не нарушали их совершенного спокойствия.

— Довольно грустная картина, не так ли? — сказал он.

— Вы бывали раньше в этой церкви?

— Приходилось,— ответил он.— Но она никогда не была популярна.

— Как она называется?

— Церковь Всех Святых. Скорее всего, была построена в конце семнадцатого века. Вы интересуетесь церквями?

— Не очень. Просто я увидела дым и...

— Сцены разрушения всех привлекают,— заметил он.

— Да,— отозвалась она,— наверное, вы правы.

— Все равно что наблюдать за похоронной процессией. Только не своей, да?

Элейн что-то пробормотала в ответ, но мысли ее были уже далеко. Опять клиника. Опять боль и выздоровление. Опять ее жизнь, спасенная ценой другой, несостоявшейся жизни. «Только не своей».

— Меня зовут Кэвенаг,— он шагнул к ней и протянул руку.

— Рада познакомиться,— ответила она.— Я Элейн Райдер.

— Элейн,— сказал он,— замечательно.

— Вы, очевидно, пришли взглянуть в последний раз на это место, прежде чем оно навсегда исчезнет?

— Да, вы правы. Я разглядывал надписи на каменных плитах, на полу. Некоторые из них весьма красно-

речивы.— Он смел ногой строительный мусор с одной из плиток.— Жаль, если все пропадет. Уверен, они просто раздробят эти камни, когда начнут вскрывать пол...

Она взглянула под ноги на плитки, разбросанные тут и там. На многих значились лишь имена и даты, но имелись и надписи. Слева от того места, где стоял Кэвенаг, Элейн увидела плитку с полустертым рельефным изображением перекрещенных, наподобие барабанных палочек, берцовых костей и краткой фразой: «Искупи время».

— Должно быть, в свое время внизу устроили склеп,— сказал Кэвенаг.

— Да, понимаю. А это люди, которые там погребены.

— Ну да, я тоже не вижу другого объяснения этих надписей. Я хотел попросить рабочих...— Он помолчал, раздумывая.— Боюсь показаться вам не вполне нормальным...

— О чем вы?

— В общем, я хотел попросить рабочих не разрушать эти занятные камни.

— По-моему, это совершенно нормально,— ответила Элейн.— Они очень красивы.

Он заметно воодушевился ее ответом.

— Пожалуй, прямо сейчас пойду и поговорю с ними. Я ненадолго, вы меня извините?

Оставив ее в центральном нефе, как брошенную невесту, он вышел потолковать с одним из рабочих. Элейн медленно пошла к тому месту, где раньше был алтарь, читая по пути имена. Кому теперь дело до людей, что лежат здесь? Они умерли двести лет назад, их ждала не любовь потомков, но забвение. И тут неосознанные надежды на жизнь после смерти, которые она хранила все тридцать четыре года, улетучились. Ее больше не отягощали призрачные видения загробной жизни. Однажды — может быть, сегодня — она умрет, как умерли все эти люди, и это не станет событием. Зачем к чему-то стремиться, на что-то надеяться, о чем-то мечтать. Элейн

думала об этом, стоя в круге мутного солнечного света, и была почти счастлива.

Переговорив с бригадиром, вернулся Кэвенаг.

— Так и есть, внизу склеп,— сказал он.— Но его еще не вскрывали.

— О-о...

Они все еще там, под ногами, подумала она. Прах и кости.

— По-видимому, рабочие пока не могут проникнуть внутрь. Все входы тщательно закрыты. Поэтому сейчас копают вокруг фундамента. Ищут вход.

— Склепы всегда столь тщательно закрывают?

— Но не так, как этот.

— Может быть, там вообще нет входа? — предположила она.

Кэвенаг воспринял это замечание очень серьезно.

— Может быть,— сказал он.

— Они оставят вам что-нибудь из камней?

Он покачал головой.

— Они говорят, это не их дело. Они — исполнители. Очевидно, есть специальная бригада, чтобы проникнуть внутрь и перенести останки к новому месту захоронения. С соблюдением всех церемоний.

— Больше, чем им теперь нужно,— проговорила Элейн, глядя на камни под ногами.

— Да, пожалуй,— отозвался Кэвенаг.— Все это кажется несоответствующим реальности. Или мы, выходит, совсем перестали бояться Бога.

— Возможно.

— Как бы то ни было, мне предложили прийти через пару дней и поговорить с перевозчиками.

Элейн рассмеялась при мысли о переезде мертвецов: она представила, как они упаковывают свои пожитки. Кэвенаг был доволен своей шуткой, пусть и произвольной. На волне успеха он предложил:

— Может быть, выпьете со мной?

— Боюсь, что не смогу составить вам компанию, — откликнулась она. — Я очень устала.

— Мы могли бы встретиться позже, — сказал он.

Она отвела взгляд от его загоревшегося желанием лица. Что ж, он довольно мил, хоть и простоват. Элейн понравились его зеленый галстук — как насмешка на фоне общей непритязательности — и его серьезность. Но она не могла представить себя рядом с ним; во всяком случае, сегодня. Она извинилась и объяснила, что еще не оправилась после болезни.

— Тогда, может быть, завтра? — поинтересовался он вежливо.

Отсутствие нажима в его предложении казалось убедительным, и Элейн ответила:

— Да, с удовольствием. Спасибо.

Перед тем как расстаться, они обменялись телефонами. Он, казалось, уже предвкушал предстоящее свидание, и это было приятно: несмотря на все свои беды, Элейн почувствовала, что остается женщиной.

Вернувшись домой, она обнаружила посылку от Митча и голодную кошку у порога. Накормив страждущее животное, она приготовила кофе и вскрыла посылку. Там, упакованный в бумагу, лежал шарф — как раз по ее вкусу. Невероятная интуиция и на этот раз не подвела Митча. В записке значилось: «Это твой цвет. Я люблю тебя. Митч». Она хотела тут же схватить телефон и позвонить ему, но вдруг возможность услышать его голос показалась Элейн опасной. Митч обязательно спросит, как она себя чувствует, а она ответит, что все в порядке. Он будет настаивать: ну а все-таки? Тогда она скажет: я пуста, они вытащили из меня половину внутренних, черт побери, и у меня никогда уже не будет ребенка ни от тебя, ни от кого другого, понял? От одной мысли о таком разговоре ее начали душить слезы; в порыве необъяснимого гнева она затолкала шарф в шелестящую бумагу и сунула в самый глубокий ящик комода. Проклятье — теперь он старается и делает подарки, а рань-

ше, когда Элейн так нуждалась в нем, он твердил лишь о своем отцовстве и о том, что ее опухоли отказывают ему в этом.

Вечер был ясным, холодная кожа неба растянулась от края до края. Не хотелось опускать шторы в передней, потому что сгущающаяся синева была слишком прекрасна. Элейн сидела у окна и смотрела на сумерки. Лишь когда угас последний луч, она задернула темное полотно.

У нее не было аппетита, но она заставила себя немного поесть и с тарелкой села к телевизору. Еда все не кончалась, она убрала поднос и дремала, глядя на экран лишь урывками. Она уже прочла обо всем утром: заголовки новостей не изменились.

Впрочем, одно сообщение привлекло ее внимание: интервью с яхтсменом-одиночкой Майклом Мэйбери, которого подобрали после недельного дрейфа в Тихом океане. Сюжет передавали из Австралии, и качество передачи было плохим, бородатое и сожженное солнцем лицо Мэйбери то и дело исчезало с экрана. Изображение пропадало, и рассказ о неудавшемся плавании воспринимался на слух, в том числе и о событии, которое, похоже, глубоко потрясло путешественника. Он попал в штиль, и, поскольку судно не имело мотора, ему пришлось ждать ветра. Но ветра все не было. Прошла целая неделя, а он не сдвинулся ни на километр. Океан оставался безразличным к его судьбе, ничто — ни птица, ни проходящее судно — не нарушало безмолвия. С каждым часом он все сильнее чувствовал клаустрофобию, и на восьмой день его охватила паника. Обвязав себя тросом, он отплыл от яхты, чтобы вырваться из тесного пространства палубы. Но, отплыв от яхты и наслаждаясь теплым спокойствием воды, он не захотел возвращаться. А что, если развязать узел, подумал он, и уплыть совсем?

— Почему у вас возникла эта странная мысль? — спросил репортер.

Мэйбери нахмурился. Он достиг кульминации в своем рассказе, но явно не желал продолжать. Репортер повторил вопрос.

Наконец, запинаясь, Мэйбери заговорил.

— Я оглянулся на яхту,— сказал он,— и увидел, что кто-то стоит на палубе.

Репортер не поверил своим ушам и переспросил:

— Кто-то стоит на палубе?

— Да, это так,— сказал Мэйбери.— Там кто-то был. Я видел фигуру совершенно отчетливо: она передвигалась по палубе.

— Вы... Вы разглядели, кем был этот безбилетный пассажир? — последовал вопрос.

Мэйбери помрачнел, понимая, что его словам не доверяют.

— Так кто же там был? — не унимался репортер.

— Не знаю,— ответил Мэйбери.— Наверное, Смерть.

— Но вы в конце концов вернулись на яхту.

— Конечно.

— И никаких следов?

Мэйбери посмотрел на репортера, и выражение презрения мелькнуло на его лице.

— Но ведь я выжил, не так ли?

Репортер пробормотал, что не вполне понимает его.

— Я не тонул,— сказал Мэйбери.— Я мог бы умереть, если бы захотел. Отвязал бы трос и пошел на дно.

— Но вы этого не сделали. А на следующий день...

— На следующий день поднялся ветер.

— Это необыкновенная история,— заявил репортер, довольный, что самая «цепляющая» часть интервью благополучно осталась позади.— Вы, должно быть, уже предвкушаете встречу со своей семьей, как раз под Рождество...

Элейн не слышала заключительного обмена остротами. Мысленно она была привязана тонким тросом к своей комнате, ее пальцы перебирали узел. Если Смерть способна найти лодку в пустыне Тихого океана, поче-

му она не может найти ее? Сидеть рядом с ней, когда она спит. Подстергать ее, когда она предается горю. Элейн встала и выключила телевизор. Квартира мгновенно погрузилась в безмолвие. Срывающимся голосом она крикнула в тишину, но никто не ответил. Вслушиваясь, она ощутила соленый вкус во рту — океан, без сомнений.

Выйдя из клиники, она получила сразу несколько приглашений отдохнуть и оправиться после болезни. Отец предлагал ей поехать в Абердин, сестра Рэйчел звала на несколько недель в Букингемшир, и, наконец, раздался жалостливый звонок от Митча — он приглашал провести отпуск вместе. Элейн отказала им всем под предлогом, что ей нужно как можно скорее восстановить привычный ритм жизни: вернуться к работе, к коллегам и друзьям. На самом деле причины были глубже. Она боялась сострадания, боялась, что слишком привяжется к родным людям и станет во всем полагаться на них. Природная склонность к независимости, в свое время приведшая Элейн в этот неприветливый город, вылилась в осмысленный вызов всепобеждающему инстинкту самосохранения. Она знала, что если откликнется на ласковые призывы, то непременно пустит корни в отеческую землю и ничего не увидит вокруг еще целый год. И кто знает, какие события пройдут мимо нее!

Итак, Элейн достаточно окрепла и вернулась к работе, рассчитывая, что это поможет ей восстановить нормальную жизнь. Но какие-то прежние навыки она утратила. Каждые несколько дней она слышала какую-нибудь реплику или ловила на себе взгляд, заставлявшие ее понять, что к ней относятся с настороженной предупредительностью. Ей хотелось плюнуть в лицо этим подозрениям и заявить, что она и ее matka — вовсе не одно и то же и удаление последней не столь уж трагично.

Но сегодня по дороге в офис она не была уверена, что подозрения ошибочны. Элейн казалось, что она не

смыкала глаз уже неделю, хотя в действительности спала долго и глубоко каждую ночь. Из-за огромной усталости ее веки слипались, и все в тот день виделось ей отдаленно, словно она отплывала все дальше и дальше от своего рабочего стола, от своих чувств, от своих мыслей. Дважды она обнаруживала, что ведет беседу сама с собой, и удивлялась — кто же с ней говорит? Нет, это не могла быть Элейн: она слушала слишком внимательно.

А потом, после обеда, все обернулось как нельзя хуже. Ее вызвали в офис управляющего и предложили сесть.

— Ну, как дела, Элейн? — спросил мистер Чаймз.

— Все в порядке, — ответила она.

— Тут небольшое дело...

— Что за дело?

Чаймз выглядел смущенным.

— Ваше поведение, — наконец сказал он. — Ради бога, Элейн, не подумайте, что я вмешиваюсь в чужие дела. Просто вам, видимо, нужно еще время, чтобы окончательно восстановить силы.

— Я в полном порядке.

— Но ваши рыдания...

— Что?

— Вы сегодня целый день плачете. Это беспокоит нас.

— Я плачу? — удивилась она. — Я не плачу.

Управляющий был озадачен.

— Но вы плачете весь день. Вы и сейчас плачете.

Элейн судорожно поднесла руку к щеке. Да, так и есть: она действительно плакала. Ее щеки были мокрыми. Она встала, потрясенная собственным поведением.

— Я... Я не знала, — проговорила она.

Ее слова звучали нелепо, но это была правдой. Она действительно не знала. Только сейчас, поставленная перед фактом, она ощутила соленый вкус в горле, и вместе с ним пришло воспоминание, что все началось прошлым вечером перед телевизором.

— Почему бы вам не отдохнуть денек?

— Да, конечно.

— Отдохните неделю, если хотите,— сказал Чаймз.— Вы полноправный член нашего коллектива, Элейн, нет никаких сомнений. Мы не хотим, чтобы вы как-то повредили себе.

Последняя фраза больно ударила ее. Неужели они думают, будто она склонна к самоубийству? Не потому ли они так заботливы? Бог свидетель, это всего лишь слезы, и она настолько безразлична к ним, что даже их не замечала.

— Я пойду домой,— сказала она.— Спасибо за... за ваше участие.

Управляющий посмотрел на нее сочувственно.

— Должно быть, вам пришлось многое пережить,— сказал он.— Мы все понимаем, хорошо понимаем. Если у вас возникнет потребность поговорить об этом, то в любое время...

Ей хотелось поговорить, но она поблагодарила его еще раз и вышла.

Перед зеркалом в уборной она поняла наконец, что и в самом деле ужасно выглядит. Кожа горела, глаза опухли. Она кое-как привела себя в порядок, надела пальто и пошла домой. Но, добравшись до подземки, она осознала: возвращение в пустую квартиру — не самый правильный шаг. Она снова будет терзаться своими мыслями, снова будет спать (она очень много спала эти дни, и совершенно без сновидений), но так и не обретет душевного равновесия. Колокол с часовни Святого Иннокентия, разливая звон чистому и ясному дню, напомнил ей о дыме, сквере и мистере Кэвенаге. Она решила, что это как раз подходящее место, чтобы прогуляться и развеяться. Наслаждаться солнцем и думать. Не исключено, что она встретит там своего ухажера.

Она довольно быстро нашла дорогу к церкви Всех Святых, но там ее ожидало разочарование. Рабочая площадка была окружена кордоном, стояли несколько полицейских постов, между ними — красное флуоресци-

рующее ограждение. Площадку охраняли не менее четырех полицейских, они направляли прохожих в обход сквера. Рабочие со своими кувалдами были изгнаны из-под сени Всех Святых, и теперь за ограждением находилось множество людей в форме и штатских: одни что-то глубокомысленно обсуждали, другие стояли среди мусора и разглядывали несчастную церковь. Южный неф и большая площадь вокруг него были скрыты от глаз любопытных брезентом и черным пластиковым покрытием. Время от времени кто-нибудь высовывался из-за этой завесы и переговаривался со стоящими на площадке. Все они, как заметила Элейн, были в перчатках; на некоторых надеты и маски. Это выглядело так, словно они делают необычную хирургическую операцию под защитным экраном. Может, у Всех Святых тоже опухоль в кишках?

Элейн подошла к одному из полицейских.

— Что там происходит?

— Фундамент неустойчив,— ответил тот.— Здание может рухнуть в любую минуту.

— Почему они в масках?

— Просто мера предосторожности, чтоб защититься от пыли.

Элейн не стала спорить, хотя ответ показался ей неубедительным.

— Если вам нужно на Темпл-стрит, обойдите вокруг,— сказал полицейский.

Больше всего ей хотелось остановиться и посмотреть, что будет дальше. Однако она побаивалась соседства с четверкой в полицейской форме, поэтому решила не искушать судьбу и отправилась домой. Не успела она выйти на главную улицу, как заметила неподалеку на перекрестке знакомую фигуру. Ошибиться невозможно — Кэвенаг. Она окликнула его, хотя он уже почти скрылся из виду. Элейн с удовольствием увидела, что он вернулся и приветливо ей кивнул.

— Чудесно,— проговорил он, пожимая ей руку.— Признаться, не ожидал увидеть вас так скоро.

— Я пришла взглянуть на останки церкви,— ответила она.

Его лицо зарумянилось от мороза, и глаза блеснули.

— Я так рад,— воскликнул он.— Не откажетесь от чашки чаю? Здесь неподалеку.

— С удовольствием.

По дороге она спросила, что ему известно о происходящем с церковью Всех Святых.

— Это из-за склепа,— сказал он, подтверждая ее подозрения.

— Они его вскрыли?

— Точно известно, что они нашли вход. Я был там утром.

— По поводу ваших камней?

— Именно так. Но к тому времени они уже успели все накрыть брезентом.

— Некоторые из них в масках.

— Думаю, внизу воздух не слишком-то свежий. Очень много времени прошло.

Ей вспомнилась брезентовая завеса — между ней и тайной:

— Интересно, что бы там могло быть?

— Страна чудес,— отозвался Кэвенаг.

Ответа она не поняла, но не стала переспрашивать, во всяком случае сразу. Но позже, когда они разговаривали уже целый час, она почувствовала себя свободнее и вернулась к его словам.

— Вы что-то говорили о склепе...

— Что?

— Что там страна чудес.

— Я так сказал? — Он немного смеялся.— Что вы должны были подумать обо мне?

— Вы просто меня заинтриговали. Я хотела бы понять, что вы имели в виду.

— Мне нравится бывать там, где мертвые,— сказал он.— Всегда нравилось. Кладбища бывают очень красивые, вам не кажется? Мавзолеи, надгробия, потрясающее мастерство, с которым они сделаны. Мертвые иногда вознаграждают нас за внимание к ним.— Он посмотрел на Элейн, чтобы убедиться, что ее не покорило от этих слов. Встретив лишь спокойную заинтересованность, он продолжал: — Временами могилы очень красивы. В них есть нечто волшебное. Досадно, что все пропадает зря среди гробовщиков и распорядителей похорон.— Он лукаво прищурился.— Уверен, в том склепе есть на что посмотреть. Странные знаки. Удивительные знаки.

— Я лишь один раз в жизни видела покойника. Свою бабушку. Я тогда была очень маленькой.

— Наверно, это стало очень важным впечатлением для вас.

— Нет, не думаю. По правде говоря, я плохо помню. Вспоминаю только, что все плакали.

— Да-а.— Он глубокомысленно покачал головой.— Это так эгоистично,— сказал он,— вам не кажется? Отравлять последнее прощание соплями и всхлипами.

Он вновь посмотрел на ее реакцию и вновь с удовлетворением убедился, что она слушает спокойно.

— Мы ведь плачем по себе, не так ли? Не по покойнику. Покойнику уже ничего не нужно.

Элейн тихо ответила:

— Да.— И потом громче: — Бог свидетель, это так. Всегда по себе...

— Вы видите, сколь многому мертвые могут научить, не ударив костью о кость?

Она рассмеялась, он присоединился к ее смеху. Она ошиблась при первой встрече, полагая, что он никогда не улыбается; это было не так. Но едва смех затих, черты его лица вновь обрели то мрачное спокойствие, какое она отметила при знакомстве.

Еще полчаса она слушала лаконичные реплики Кэвенага, а потом он заторопился по делам. Элейн поблагодарила его за компанию и сказала:

— Я не смеялась уже несколько недель. Я вам очень благодарна.

— Вам нужно смеяться,— отозвался он.— Это вам к лицу.— И добавил: — У вас прекрасные зубы.

После его ухода она думала об этом странном замечании, а также о дюжине других, что он наговорил в тот день. Без сомнения, он оказался одним из самых неординарных людей, каких она когда-либо встречала, но в ее жизнь он вошел только сейчас — со своим безудержным желанием говорить о склепах, мертвецах и красоте ее зубов. Он совершенно отвлек внимание Элейн от ее нынешних странностей, показав их незначительность в сравнении с его собственными. Домой она шла в приподнятом настроении. Если бы она не знала себя слишком хорошо, то могла бы подумать, что немного влюбилась в него.

По дороге домой и потом, вечером, она все думала о его шутке насчет мертвецов, ударяющих костью о кость. Эти мысли неизбежно привели ее к тайнам, скрывающимся в склепе. Однажды возникнув, ее любопытство не могло утихнуть; у Элейн зрело убеждение, что она непременно должна проскользнуть сквозь ограждения и увидеть место захоронения собственными глазами. Раньше она не давала волю подобным желаниям. (Сколько раз она уходила с места событий, укоряя себя за излишнюю любознательность!) Но Кэвенаг узаконил ее страсть своим ужасающим энтузиазмом относительно кладбищенских тайн. И вот теперь, когда табу снято, она хотела вернуться к церкви Всех Святых и заглянуть Смерти в лицо. Встретив Кэвенага в следующий раз, у нее будет о чем ему рассказать. Едва родившись, идея дала буйные всходы: поздним вечером Элейн оделась и устремилась к скверу.

Было уже почти двенадцать, когда она наконец добралась до церкви Всех Святых, где еще продолжались работы. Прожекторы, смонтированные на опорах и на стене самой церкви, освещали место действия. Трое техников («перевозчики», как их называл Кэвенг) с измученными лицами и тяжелым морозным дыханием стояли перед брезентовым покрытием. Спрятавшись, Элейн наблюдала за ходом событий. Ее пробирал холод, рубцы от операции ныли, но было уже ясно, что вечерняя работа возле склепа близится к концу. Перебросившись парой фраз с полицейскими, техники удалились. Покидая площадку, они оставили гореть только один прожектор: церковь, брезент и смерзшаяся грязь погрузились в причудливую игру теней.

Двое полицейских, поставленных охранять место, не очень ревностно отнеслись к своим обязанностям. Какому идиоту взбредет в голову грабить могилы в такое время, не без оснований решили они, и в такой холод? Несколько минут они отбивали чечетку на улице, а потом ретировались в относительный комфорт рабочего домика. Когда стражи скрылись, Элейн выбралась из своего укрытия и с максимальной осторожностью двинулась к заграждению, отделяющему одну зону от другой. В домике играло радио, его звуки («Музыка для влюбленных от заката до рассвета», — проворковал далекий голос) заглушали скрип шагов по схваченной морозом земле.

Проникнув за кордон на запретную территорию, она пошла более решительно. Быстро пересекла твердую землю и притаилась возле церкви. Прожектор бил ярким светом, в его лучах дыхание казалось плотным, как дым, что она видела вчера. Музыка для влюбленных мурлыкала где-то сзади. Никто не вышел из домика, чтобы воспрепятствовать вторжению. Не было никаких сирен. Элейн спокойно добралась до края брезентового покрытия и заглянула под него.

Судя по тщательности, с какой работали землекопы, они получили инструкцию копать ровно на восемь фу-

тов по периметру церкви, чтобы отыскать фундамент. Так они нашли вход в усыпальницу, в свое время тщательно спрятанный. Не только наваленная возле стены земля скрывала его — сама дверь в склеп была удалена, и каменщики замуровали проем. Очевидно, все делалось на скорую руку, работа была грубой. Они просто завалили проход первыми попавшимися под руку камнями и замазали плоды своих усилий известковым раствором. Хотя раскопки сильно испортили известковое покрытие, на нем все же просматривался нацарапанный кем-то шестифутовый крест.

Однако все старания спрятать склеп и предохранить его от безбожников крестом не помогли. Печать с тайны сорвана: известь соскоблена, камни выворочены. В середине дверного проема зияла брешь — достаточно большая, чтобы проникнуть внутрь. Без колебаний Элейн спустилась по земляному склону и протиснулась в дыру.

Она ожидала, что внутри будет темно, и прихватила с собой зажигалку, которую три года назад подарил ей Митч. Элейн принялась изучать обстановку, выхватываемую из тьмы неровным колеблющимся светом. Собственно, это был еще не склеп, а своего рода вестибюль: в яреде впереди виднелась другая стена и другая дверь. Эту дверь не замуровали камнями, но на ней чья-то рука тоже нацарапала крест. Элейн подошла к двери. Вместо замка — видимо, снятого землекопами — была намотана веревка. Сделали это второпях, усталыми пальцами. Развязать веревку не составило большого труда для Элейн, хотя это пришлось делать обеими руками и, как результат, оказаться в темноте.

Уже распутав узел, она услышала голоса. Полицейские, черт бы их побрал, покинули домик и, несмотря на ужасную погоду, начали обход. Она оставила веревку и вжалась в стену вестибюля. Полицейские приближались: они обсуждали своих детей и повышение цен на рождественские развлечения. Теперь голоса раздавались в нескольких ярдах от входа в склеп (или Элейн

так казалось), под брезентовым навесом. Впрочем, они не собирались спускаться вниз и закончили осмотр на обрыве перед спуском. Голоса стихли.

Довольная тем, что осталась незамеченной, Элейн вновь чиркнула зажигалкой и вернулась к двери. Она была большой и невероятно тяжелой, первая попытка сдвинуть ее с места потерпела неудачу. Элейн налегла еще раз, и дверь, скрипя по гравию, сдвинулась. Наконец она открылась настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь. Пламя зажигалки колыхнулось, будто что-то дохнуло на него изнутри; на мгновение цвет его стал не желтым, а электрически голубым. Впрочем, Элейн не стала из-за этого задерживаться и поскорее протиснулась в обещанную страну чудес.

Теперь пламя горело ярче и приобрело синевато-багровый цвет. На мгновение его блеск ослепил Элейн. Она зажмурилась, а затем осмотрелась.

Итак, это и есть Смерть. Здесь не было ни искусства, ни блеска, о которых говорил Кэвенег, ни окутанных саваном безмолвия изваяний на холодных мраморных плитах, ни пышных гробниц, ни афоризмов о бренности человеческой природы; не было имен и дат. Многие покойники даже не имели гробов.

Повсюду виднелись кучи мертвецов: целые семьи втиснуты в ниши, рассчитанные на одного, остальные десятками валялись там, где их торопливо бросили равнодушные руки. Общая картина — хотя и абсолютно неподвижная — была пронизана паникой. Она проступала на лицах лежавших на полу мертвецов: рты широко раскрыты в беззвучном крике, углубления высохших глазниц зияют ужасом. Похоже, захоронения в дальнем углу превратились сначала в свалку грубо сколоченных гробов с одним крестом на крышке, а затем — в нагромождение трупов; ритуалы и сам обряд погребения — все было забыто в нарастающей истерии.

Несомненно, случилось какое-то несчастье. Внезапный наплыв мертвецов — мужчины, женщины, дети

(прямо под ногами Элейн лежал труп ребенка, не прожившего и одного дня) умирали в таких количествах, что не оставалось времени даже закрыть им глаза, перед тем как они найдут последнее пристанище в этом подземелье. Возможно, гробовщики тоже умерли и покоятся здесь среди своих клиентов, а также изготовители саванов и священники. Все произошло за один апокалиптический месяц (или неделю), уцелевшие родственники были слишком потрясены или напуганы, чтобы соблюдать церемонии, и стремились лишь поскорее убрать покойников с глаз долой, чтобы никогда больше не видеть их мертвой плоти.

Этой плоти здесь хватало с избытком. Склеп, замурованный и недоступный для разрушительного воздуха, сохранил своих обитателей в неприкосновенности. Теперь же, когда замкнутость тайной обители сокрушена, разложение и распад снова принялись пожирать ткани. Повсюду Элейн наблюдала их работу: язвы и нагноения, вздутия и волдыри. Она увеличила пламя зажигалки, чтобы лучше видеть, хотя зловоние стало настолько сильным, что она почувствовала головокружение. Куда бы она ни светила — повсюду та же скорбная картина. Двое детей лежали рядом, будто спали в объятиях друг друга; женщина в последнюю минуту успела накрасить свое безобразное лицо, словно готовилась к брачному ложу, а не к смертному.

Элейн застыла в изумлении, хотя ее любопытство посягало на уединение мертвецов. Здесь было на что посмотреть. Элейн не сможет остаться прежней, увидев эти сцены. Одно из тел, наполовину закрытое другим, особенно привлекло ее внимание: женщина с длинными каштановыми волосами, так густо спадавшими с головы, что Элейн невольно позавидовала. Она подошла ближе, чтобы получше разглядеть, затем, поборов отвращение, крепко взялась за труп, лежащий на женщине, и оттащила его. Труп был сальным на ощупь, он ис-

пачкал пальцы Элейн, но это ее не смутило. Мертвая женщина широко раскинула ноги, причем постоянный груз второго мертвеца придавил ее, и тело застыло в неестественной позе. Кровь из раны, от которой она умерла, попала ей на бедра и приклеила юбку к животу и паху. Элейн хотела знать, скончалась ли женщина от преждевременных родов или ее свела в могилу какая-то болезнь. Элейн пристально вглядывалась, наклонялась все ниже, пытаясь уловить прощальный взгляд на полуогнившем лице женщины. Лежишь в таком месте, думала она, а твоя кровь все еще тебя позорит. Когда она увидит Кэвенага в следующий раз, то обязательно скажет ему, насколько он ошибается в своих сентиментальных сказках о тишине и спокойствии того света.

Она насмотрелась достаточно, более чем достаточно. Вытирая руки о пальто, она направилась к двери, закрыла ее и замотала веревку так, как было раньше. Затем взобралась по склону и вышла на чистый воздух. Полицейских не было видно, и она проскользнула обратно незамеченной.

Ее уже ничто не могло тронуть, коль скоро она сумела подавить естественное отвращение и приступ жалости при виде детей и женщины с каштановыми волосами; даже эти чувства — жалость и отвращение — подвластны ей. Глядя на бегущую за машиной собаку, она испытывала больше эмоций, чем в церкви Всех Святых, несмотря на ужасы склепа. Ложась в тот день спать, Элейн не чувствовала ни трепета, ни тошноты, но ощущала себя сильной. Что вообще теперь может ее испугать, если она так спокойно вынесла видение смерти? Она спала крепко и проснулась освеженной.

Утром она вышла на работу и, извинившись за свое вчерашнее поведение, уверила Чаймза, что чувствует себя как никогда хорошо. Чтобы окончательно реабилитироваться, она старалась быть как можно более общи-

тельной, раздавая улыбки направо и налево. Сначала это вызывало некоторое сопротивление; Элейн догадывалась, что сослуживцы боятся принимать первый проблеск солнца за настоящее лето. Но ее поведение не изменилось ни в этот день, ни на завтра, и они начали понемногу оттаивать. К четвергу все забыли о слезах, пролитых Элейн на неделе, и говорили о том, как хорошо она выглядит. И это было правдой — зеркало подтверждало. Ее глаза сияли, кожа блестела. Вся она была олицетворением жизненной силы.

В четверг после обеда, когда она сидела за рабочим столом и разбирала бумаги, прибежала одна из секретарш и принялась, заикаясь, что-то рассказывать. Сослуживцы пришли ей на помощь и сквозь всхлипывания разобрали, что речь идет о Бернис — женщине, с которой Элейн порой обменивалась улыбками на лестнице, не более того. Похоже, с ней что-то случилось: секретарша говорила про кровь на полу. Элейн встала и присоединилась к тем, кто отправился посмотреть, в чем дело. Управляющий уже стоял возле женской уборной, тщетно пытаясь унять любопытство сотрудниц. Кто-то из них — кажется, еще один свидетель — излагал свою версию случившегося:

— Она стояла вон там, и вдруг ее затрясло. Думаю, у нее начался какой-то припадок. Кровь пошла из носа, потом изо рта и залила все вокруг.

— Нечего вам здесь делать, — настаивал Чаймз. — Пожалуйста, расходитесь.

Но никто его не слушал. Принесли одеяла, чтобы накрыть женщину; как только дверь в туалет открылась, все подались вперед. Элейн бросила взгляд на фигуру, бьющуюся в конвульсиях на полу. Ей не хотелось видеть ничего больше. Покинув толпу в коридоре, Элейн вернулась к своему столу. У нее была куча работы — так много упущено за эти горькие дни. В голове пронеслась подходящая фраза: «Искупи время». Элейн занесла ее в

записную книжку как напоминание. Откуда такие слова? Она не могла вспомнить, но это было неважно. Иногда в забывчивости есть мудрость.

Вечером ей позвонил Кэвенаг и пригласил на ужин. Ей очень хотелось рассказать ему о своих приключениях, но все же она отказалась, так как в тот день намечалась небольшая вечеринка — друзья решили отпраздновать ее выздоровление. Элейн спросила, не присоединится ли он к ним? Он поблагодарил за приглашение, но заявил, что большое количество людей всегда пугает его. Она ответила, что это ерунда: ее друзья обрадуются знакомству, а ей будет приятно его представить. На что Кэвенаг ответил, что появится лишь в том случае, если его эго на это согласится, а если не придет, то просит на него не обижаться. Элейн заверила, что он может не бояться. В конце разговора она хитро намекнула, что при встрече расскажет ему кое-что интересное.

Следующий день принес плохие новости. Бернис умерла в пятницу рано утром, так и не придя в сознание. Причину смерти до сих пор не установили. В офисе говорили, что она всегда была болезненной — первой среди секретарш простужалась и последней выздоравливала. Был и другой слух, правда, менее популярный — насчет ее личной жизни. Она была довольно привлекательна и весьма неразборчива в выборе партнеров. Не в венерическом ли заболевании, разросшемся до общего заражения, кроется причина ее смерти?

Эта новость, занявшая сплетников, плохо повлияла на общий психологический климат. Две девушки в то утро сказались больными, а за обедом аппетит не пропал, похоже, только у Элейн. Но уж она ела за троих. Она была голодна как волк; казалось, в этом есть нечто патологическое. Но желание есть доставляло удовольствие после стольких месяцев апатии. Когда Элейн оглянулась на унылые лица сослуживцев, она почувствовала

острую неприязнь к ним: к их дурацкой болтовне, к их примитивным суждениям, к тому, как они обсуждают внезапную смерть Бернис, словно никогда в жизни не задумывались о подобных вещах и изумились, что такое может случиться.

Элейн знала обо всем получше. В последнее время она часто была на грани смерти: в течение месяцев, приведших к гистерэктомии*, когда опухоли словно чувствовали, что на них покушаются, и вдруг увеличились вдвое; на операционном столе, когда хирурги дважды отчаивались ее спасти; и вот недавно, в склепе, лицом к лицу с гниющими трупами. Смерть была повсюду. То, что она так неожиданно ворвалась в их милую компанию, показалось Элейн исключительно забавным. Она ела с вождением, и пусть себе шепчутся о чем угодно.

На вечеринку они собрались в доме Рубена — Элейн, Гермiona, Сэм и Нелвин, Джош и Соня. Это было прекрасно — увидеть старых друзей за одним столом, отбросив ранги и амбиции. Все быстро захмелели; языки, уже развязывавшиеся от общения с близкими людьми, развязались окончательно. Нелвин произнес трогательный тост в честь Элейн; Джош и Соня обменялись язвительными замечаниями по поводу протестантизма; Рубен изобразил в лицах приятелей-адвокатов. Было чудесно, как в старые добрые времена, теперь еще и украшенные воспоминаниями. Кэвенег не появлялся, и Элейн радовалась этому. Вопреки собственным словам, она понимала, что он потерялся бы в их тесном кругу.

Уже за полночь, когда общая беседа в гостиной разделилась, Гермiona упомянула о яхтсмене. Хотя она была в другом конце комнаты, Элейн услышала знакомое имя вполне отчетливо. Прервав разговор с Нелвином, она направилась, переступая через ноги, к Гермione и Сэму.

* Гистерэктомия — хирургическое удаление матки.

— Я слышу, вы говорите о Мэйбери,— сказала она.
— Да,— ответила Гермiona,— мы с Сэмом как раз отметили, как это странно.

— Я видела его в новостях,— добавила Элейн.

— Печальная история,— отозвался Сэм.— То, что случилось.

— Почему печальная?

— Он говорил о Смерти, что была с ним на лодке...

— А потом умер,— закончила Гермiona.

— Умер? — переспросила Элейн.— Откуда ты знаешь?

— Писали во всех газетах.

— Мне было не до газет,— сказала Элейн.— Что же произошло?

— Его убили,— уточнил Сэм.— Его везли в аэропорт, чтобы отправить домой, и там все случилось. Убили просто так.— Он щелкнул пальцами.— За здорово живешь.

— Как печально,— вздохнула Гермiona.

Она посмотрела на Элейн, и ее лицо вытянулось в недоумении. Вид Гермiony озадачил Элейн, и тут она поняла — с тем же потрясением, которое она испытала в офисе Чаймза, обнаружив свои слезы,— что улыбается.

Итак, яхтсмен умер.

Когда наутро вечеринка закончилась, когда после прощальных объятий и поцелуев Элейн снова оказалась дома, ее не покидали мысли о последнем интервью Мэйбери. Она вспоминала обожженное солнцем лицо и взгляд, обесцвеченный океанской пустыней, где тот человек чуть не остался навсегда. Она думала о странном замешательстве, с каким он рассказывал о своем безбилетном пассажире. И, конечно, о его последних словах, когда его попросили объясниться:

— Наверное, Смерть,— сказал он.

Он не ошибся.

В субботу она встала поздно, не чувствуя похмелья. Ее ожидало письмо от Митча. Она не стала его вскрывать, оставив на камине. Первый снег кружился в воздухе, слишком мокрый, чтобы оставить след на мостовой. Судя по недовольным лицам прохожих, было достаточно морозно. Но Элейн чувствовала, что ей мороз нипочем. Хотя квартира не отапливалась, она расхаживала по ней в одном халате и босиком, как будто у нее в животе грелась печка.

После кофе она пошла умываться. Паук уже успел свить паутину на плафоне. Элейн сняла ее и спустила в унитаз, потом снова вернулась к раковине. Раньше, раздеваясь, она избегала смотреть на себя в зеркало, но сегодня ее сомнения словно исчезли. Она сняла халат и критически себя осмотрела.

Она была приятно удивлена. Грудь была полной и смуглой, кожа красиво блестела, волосы на лобке вились гуще, чем обычно. Шрам от операции все еще побаливал, но его безжизненная бледность тешила женское честолюбие Элейн — как будто теперь изо дня в день знак ее пола будет расти от заднего прохода до пупка (а может, и дальше), раскрывая ее, делая ее ужасающей.

Это было невероятно, но именно сейчас, когда хирурги выпотрошили ее, она чувствовала себя как никогда крепкой и сильной. Не менее получаса она стояла перед зеркалом, наслаждаясь своим видом, а ее мысли витали где-то далеко. Наконец она вернулась к умывальнику, потом пошла в комнату, по-прежнему совершенно голая. Она не хотела скрывать свою наготу, скорее наоборот. Она с трудом удержалась, чтобы не выйти так на улицу: пусть знают, с кем имеют дело.

Занятая подобными мыслями, она подошла к окну. Снег усилился. Сквозь метель она заметила какое-то движение между соседними домами. Там кто-то был, он смотрел на нее, но Элейн не могла понять, кто. Она следила за наблюдающим в надежде, что он все-таки обнаружит себя, но он не появился.

Так она простояла несколько минут, пока не догадалась, что ее нагота отпугнула его. Разочаровавшись, Элейн вернулась в спальню и оделась. Теперь ей снова захотелось есть; она ощутила знакомое чувство неистового голода. В холодильнике было почти пусто. Надо выйти и купить продуктов.

В супермаркете толпился народ, как обычно в субботу, но толкотня не испортила настроения Элейн. Сегодня ей даже нравилось смотреть на это: на тележки и корзины, набитые продуктами; на детей, чьи глаза жадно загорались при виде сладостей и наполнялись слезами, если они не получали желаемое; на домохозяек, внимательно изучающих достоинства бараньей вырезки, и их мужей, не менее внимательно наблюдающих за молоденькими продавщицами.

Она купила продуктов на два дня вдвое больше, чем обычно покупала на неделю; от вида деликатесов и мясных прилавок ее аппетит приобрел разрушительную силу. К тому времени, когда она добралась до дому, ее немного трясло от предвкушения еды. Положив сумки на лестницу и нашаривая ключи, она вдруг услышала, как позади нее хлопнула дверца машины.

— Элейн?

Это была Гермiona. От вина, выпитого прошлым вечером, ее лицо покрылось пятнами, и выглядела она помятой.

— С тобой все в порядке? — спросила Элейн.

— Речь не обо мне. Как ты? — Гермiona была взволнована.

— У меня все отлично. А почему бы нет?

Гермiona смотрела испуганно.

— Соня в тяжелом состоянии, какое-то пищевое отравление. И Рубен тоже. Я пришла, чтобы убедиться, в порядке ли ты.

— Да, со мной все хорошо.

— Не понимаю, как это могло произойти.

— А Нелвин и Дик?

— Я не могла им дозвониться. Но Рубен очень плох. Его увезли в больницу на обследование.

— Может, зайдешь на чашку кофе?

— Нет, спасибо. Мне нужно вернуться к Соне. Просто я боялась, что ты совсем одна и с тобой тоже что-нибудь случится.

Элейн улыбнулась.

— Ты настоящий ангел,— проговорила она и поцеловала Гермiona в щеку.

Гермiona остолбенела. Она отступила, глядя на Элейн с недоумением.

— Мне... Мне нужно идти,— сказала она, и ее лицо окаменело.

— Я позвоню тебе позже и узнаю, как у них дела.

— Хорошо.

Гермiona повернулась и пошла через тротуар к своей машине. Она пыталась скрыть свой жест, но Элейн все же заметила: Гермiona поднесла руку к щеке и с силой потерла ее, словно пыталась избавиться от поцелуя.

Время мух уже прошло, но те, что пережили недавние заморозки, жужжали на кухне, в то время как Элейн доставала хлеб, ветчину и чесночную колбасу из своих запасов. Она чувствовала ужасный голод. Через пять минут она проглотила все мясо и выпрызла изрядную брешь в буханке, а голод был едва утолен. Приступая к десерту — фиго и сыр,— она вспомнила о несчастном омлете, недоеденном в тот день, когда она ходила на прием в клинику. Эта мысль потянула за собой другие: дым, сквер, Кэвенаг, последнее посещение церкви. При мысли о церкви ее охватило жгучее желание еще раз взглянуть на то место, пока оно не исчезло навсегда. Может быть, уже поздно. Тела, наверное, уже упакованы и перенесены, склеп освобожден и вычищен, его стены сломаны. Но она должна увидеть это своими глазами.

Столь обильная еда свалила бы Элейн с ног несколько дней назад; но теперь, направляясь к церкви Всех Святых, она чувствовала себя необычайно легко, будто в опьянении. И это не слезливо-сентиментальное опьянение, как с Митчем, а эйфория, от которой Элейн ощущала себя неуязвимой, словно нашла наконец в себе нечто яркое и несокрушимое, и ничто уже не в силах причинить ей вред.

Она ожидала увидеть церковь Всех Святых в руинах, но ошиблась. Здание еще стояло, стены были нетронуты, голые балки упирались в небо. Возможно, подумала она, его нельзя разрушить; может быть, Элейн и эта церковь — бессмертная двойня. Ее подозрения укрепились, когда она увидела, что церковь привлекла новую толпу — на сей раз служителей культа. Полицейскую охрану устроили с тех пор, как Элейн была здесь в последний раз. Брезентовая завеса перед входом в склеп теперь представляла собой обширный тент, поддерживаемый строительными лесами и полностью скрывающий все крыло здания. На алтарных служителях, стоявших совсем рядом с тентом, надеты маски и перчатки, на священниках, допущенных в святая святых, — глухие защитные костюмы.

Элейн из-за ограждения видела крестные знамения и земные поклоны среди паствы. Людей в защитных костюмах, когда они появлялись из-за тента, обмывали водой, и тонкий запах дезинфекции наполнял воздух ароматом вроде горького ладана.

Кто-то из зевак расспрашивал полицейского:

— Зачем эти костюмы?

— На случай заразы, — последовал ответ.

— После стольких лет?

— Неизвестно, что там может быть.

— Но ведь болезни не сохраняются так долго.

— Это чумная яма, — сказал полицейский. — Они просто принимают меры предосторожности.

Элейн слушала их разговор, и ее подмывало вмешаться. Она могла бы прояснить все в нескольких словах. В конце концов, она сама — живое доказательство того, что чума, унесшая столько людей в могилу, более не опасна. Элейн дышала могильным смрадом, прикасалась к заплесневелым трупам, и сейчас она здоровее, чем раньше. Но ведь ее не поблагодарят за откровения, не так ли? Эти люди слишком поглощены своими ритуалами и даже, может быть, возбуждены от прикосновения к ужасам; их оживление разжигается от того, что смерть еще здесь. Элейн не станет портить им удовольствие рассказами о своем исключительном здоровье.

Она повернулась спиной к священникам с их ритуалами и ладаном и пошла прочь от сквера. Когда она отвлеклась от своих мыслей, то заметила знакомую фигуру, наблюдавшую за ней на углу соседней улицы. Встретившись с ней взглядом, человек скрылся, но Элейн его узнала: без сомнений, это Кэвенаг. Она окликнула его и двинулась к нему, но он, опустив голову, быстро удалялся. Она снова его окликнула. Тогда Кэвенаг обернулся с фальшивой улыбкой и зашагал обратно, приветствуя ее.

— Вы слышали, что они там нашли? — спросила Элейн.

— О да, — ответил он.

Несмотря на некоторую близость, установившуюся между ними во время последней встречи, Элейн снова вспомнила первое впечатление: он казался человеком, не испытывающим никаких чувств.

— Теперь вам уже не получить тех камней, — сказала она.

— Похоже, вы правы, — отозвался он без всякого сожаления.

Ей хотелось рассказать ему, как она собственными глазами видела чумную яму. Она надеялась, что от такого известия его лицо просветлеет, но угол солнечной улицы не подходил для подобных разговоров. Кроме то-

го, Кэвенаг, похоже, обо всем уже знал. Он так странно смотрел на Элейн, и от теплоты их предыдущей встречи не осталось и следа.

— Зачем вы вернулись сюда? — спросил он.

— Просто чтобы взглянуть.

— Я польщен.

— Польщены?

— Тем, что моя тяга к гробницам заразительна.

Он все смотрел на Элейн, и она ощутила, насколько холодны его глаза и как неподвижно они блестят. Будто стеклянные, подумала она, а кожа — как чехол, плотно обтягивающий череп.

— Мне пора идти, — проговорила она.

— По делам или просто так?

— Ни то ни другое. Кое-кто из моих друзей болен.

— Вот как...

Казалось, ему не терпится уйти, и только опасение показаться невежливым удерживает его от того, чтобы убежать.

— Может быть, еще увидимся, — сказала она. — Когда-нибудь.

— Не сомневаюсь, — с готовностью ответил Кэвенаг и пошел прочь. — А вашим друзьям — мои наилучшие пожелания.

Даже если бы она захотела передать эти пожелания Рубену и Соне, она не смогла бы этого сделать. До Гермiony она не дозвонилась, до остальных тоже. Ей удалось лишь оставить запись на автоответчике Рубена.

Ощущение легкости, которое она чувствовала днем, ближе к вечеру сменилось дремотой. Она еще раз поела, но странное заторможенное состояние не проходило. Чувствовала она себя хорошо, ощущение неуязвимости, пришедшее к ней раньше, оставалось таким же сильным. Но иногда она обнаруживала, что стоит на пороге комнаты и не понимает, как туда попала; или гля-

дела на вечернюю улицу и не была уверена — то ли она наблюдает, то ли за ней. Впрочем, она была по-прежнему счастлива, как и мухи, все еще жужжавшие на кухне, несмотря на наступившие сумерки.

Около семи вечера она услышала звук подъезжающей машины, а затем звонок. Она подошла к двери квартиры, но не вышла открывать в подъезд. Это, должно быть, опять Гермiona, а ей не хотелось снова заводить грустные разговоры. Не нужна ей ничья компания, разве что мушиная.

В дверь звонили все настойчивее, но чем больше звонили, тем тверже становилось ее решение не открывать. Элейн присела возле двери и начала вслушиваться в голоса на лестнице. Там была не Гермiona — какие-то незнакомцы. Теперь они последовательно обзванивали все квартиры на верхних этажах, пока мистер Прюдо не спустился из своей квартиры и не открыл им дверь, что-то бормоча на ходу. Из разговора она уловила только, что дело очень срочное, но ее возбужденный мозг не хотел вдаваться в детали. Они настояли, чтобы Прюдо впустил их в подъезд, подошли к квартире Элейн, тихонько постучали и позвали ее по имени. Она не отвечала. Они еще постучали, сетуя на свою неудачу. Интересно, подумала она, слышат ли они ее улыбку в темноте? Наконец — еще немного поговорив с Прюдо — они оставили Элейн в покое.

Она не знала, как долго просидела на корточках под дверью. Когда она поднялась, ее ноги затекли и проснулось чувство голода. Набросившись на еду, Элейн уничтожила почти все утренние запасы. Мухи, кажется, успели за это время принести потомство, они кружили над столом и ползали по одежде. Она их не трогала. Им ведь тоже нужно жить.

В конце концов она решила немного прогуляться. Но как только она вышла из квартиры, бдительный Прюдо тут же появился на верхних ступеньках и окликнул ее.

— Мисс Райдер, подождите. У меня для вас записка.

Она уже собиралась захлопнуть перед ним дверь, но подумала, что он все равно не отстанет, пока не вручит ей послание. Он торопливо зашаркал вниз — такая Касандра в домашних тапочках.

— Приезжала полиция,— объявил он, еще не дойдя до нижней ступеньки.— Они искали вас.

— М-м... Они сказали, чего хотят? — спросила она.

— Хотят с вами поговорить. Срочно. Двое ваших друзей...

— Что с ними?

— Они умерли,— сказал он.— Сегодня. От какой-то болезни.

Он держал в руке листок из записной книжки. Передавая, на мгновение задержал его в руке:

— Они оставили вот этот номер. Вам следует связаться с ними как можно скорее.— И заковылял вверх по лестнице.

Элейн взглянула на листок с нацарапанными цифрами. Пока она пробежала глазами все семь, Прюдо уже скрылся.

Она вернулась в квартиру. Почему-то не Рубен и Соня занимали ее мысли, а Мэйбери. Он видел Смерть и, казалось, избежал ее, но та семенила за ним, как верный пес, ожидающий момента, чтобы встать на задние лапы и лизнуть хозяина в щеку. Элейн села возле телефона, разглядывая цифры на листке, потом пальцы, державшие листок, и руки, которым принадлежали пальцы. Может быть, прикосновение ее слабых пальцев несет смерть? Может, из-за этого и приходили сыщики, а друзья обязаны ей смертью? Если так, скольких же людей она коснулась за те дни, что прошли после посещения смертоносного склепа? На улице, в автобусе, в магазине, на работе, во время отдыха. Она вспомнила Бернис, распростертую на полу в туалете, и Гермionу, когда та соскребала ее поцелуй, как будто знала, что он при-

несет несчастье. И тут она поняла ясно, до мозга костей, что ее преследователи правы и все эти дни она вынашивала дитя Смерти. Отсюда и голод, и нынешняя ослабленная удовлетворенность.

Она отложила листок и, сидя в полутьме, попыталась установить, где в ней таится источник смерти. На кончиках пальцев? В животе? В глазах? Нет. Ее первое предположение было неверным. Это не ребенок, она не вынашивала его в себе. Он был везде. Она и он — синонимы. Раз так, нельзя вырезать злокачественный участок, как вырезали опухоли вместе с пораженными тканями. Не то чтобы Элейн хотела скрыться; но ведь ее будут искать, и она вновь попадет в заточение стерильных комнат, лишенная собственного мнения и достоинства, в угоду их бездушным исследованиям. Эта мысль возмутила ее. Лучше умереть, корчась в агонии, как та женщина с каштановыми волосами в склепе, чем снова попасть им в руки. Элейн порвала листок на мелкие кусочки и швырнула на пол.

Теперь уже поздно что-либо менять. Рабочие вскрыли дверь, за которой их поджидала Смерть, жаждущая вырваться на свободу. Смерть сделала ее своим агентом, и — в своей мудрости — наделила неуязвимостью; дала ей силу и ввела в неизъяснимый экстаз; избавила от страха. Элейн же, в свою очередь, распространяла волю Смерти, сама того не замечая до сегодняшнего дня. Десятки, а может быть, сотни людей, зараженных ею за последние несколько дней, вернутся к своим семьям и друзьям, к работе и отдыху и понесут волю Смерти дальше. Они передадут ее своим детям, укладывая их в кроватку, своим любимым в минуты близости. Священники получают ее от прихожан на исповеди, хозяева магазинов — вместе с пятифунтовой банкнотой.

Думая обо всем этом — как мор вспыхивает всепожирающим огнем, — Элейн снова услышала звонок в дверь. Они вернулись за ней. И, как в прошлый раз, на-

чали звонить в другие квартиры. Элейн слышала, как спускался по лестнице Прюдо. Теперь он знал, что она дома. И он им скажет. Они начнут стучать, и если она не ответит...

Пока Прюдо открывал парадную дверь, Элейн отомкнула черный ход. Выскользнув во двор, она услышала голоса, а затем стук в дверь и требования открыть. Она сняла засов с калитки и выбежала на темную аллею. Когда начали ломать дверь, она была уже далеко.

Больше всего ей хотелось пойти к церкви Всех Святых, но она понимала, что это навлечет на нее беду. Ее будут поджидать на этом пути, как преступника, которого всегда тянет к месту преступления. И все же ей как никогда хотелось взглянуть в лицо Смерти. Хотелось поговорить с ней. Обсудить ее стратегию. Их стратегию. Хотелось спросить, почему выбор пал именно на Элейн.

Стоя на дорожке аллеи, она смотрела, что происходит в доме. Там было не менее четырех человек, снующих туда и сюда. Чем они занимались? Рылись в ее белье и любовных письмах, разглядывали в лупу волосы на простыне, выискивали следы отражения в зеркале? Но если они даже перевернут квартиру вверх дном, обнюхивая каждую царапинку, они не найдут того, что ищут. Пусть стараются. Их подружка сбежала. Остались лишь следы ее слез да мухи вокруг лампочки, поющие ей дифирамбы.

Ночь была звездной, но по мере того, как Элейн подходила к центру города, рождественские гирлянды на деревьях и домах затмевали свет неба. Хотя большинство магазинов были уже давно закрыты, толпы зевак слонялись по тротуарам, разглядывая витрины. Впрочем, Элейн скоро наскучили все эти куклы и побрякушки и она свернула с центральной улицы на окраину. Здесь было темнее, что как раз соответствовало ее настроению.

нию. Смех и музыка вырывались из открытых дверей баров; в игорном заведении наверху раздавались возбужденные голоса, потом обмен ударами; любовники попирали общественную мораль прямо в подъезде; в другом подъезде какой-то бродяга мочился со вкусом, как жеребец.

Только сейчас, в относительной тишине этого болота, Элейн поняла, что слышит сзади шаги. Кто-то шел за ней, держась на безопасном расстоянии, но не отставал. Погоня? Ее окружали, чтобы схватить и заключить в тесные объятия правосудия? Если так, бегство лишь отсрочит неизбежное. Лучше встретить их здесь и показать им свою смертоносную силу. Она спряталась, дождалась, пока шаги приблизились, и вышла из укрытия.

Это оказались не стражи порядка, а Кэвенаг. Первоначальное замешательство сразу же сменилось недоумением — зачем он ее преследовал? Элейн внимательно посмотрела на него; бледный свет падал на лицо Кэвенага. Кожа на голове так плотно обтягивала череп, что, казалось, сквозь нее можно увидеть кости.

«Почему, — пронеслось у Элейн в голове, — я не узнала его раньше? Не поняла при самой первой встрече, когда он говорил о Смерти и ее чарах, что он говорит как ее творец?»

— Я шел за тобой, — сказал он.

— От самого дома?

Он кивнул.

— Что они говорили тебе? — спросил он. — Полицейские. Что они тебе сказали?

— Ничего такого, о чем бы я сама не догадывалась.

— Ты знала?

— Может, и так. Должно быть, где-то в глубине души. Помнишь наш первый разговор?

Он что-то утвердительно промывчал.

— Все, что ты говорил о Смерти. Так самовлюбленно.

Внезапно он ослабился, обнажив еще больше костей.

— Да,— сказал он.— Так что же ты думаешь обо мне?

— Я уже тогда что-то поняла. Не знала только, откуда это. Не знала, что принесет будущее.

— И что же оно принесло? — спросил он вкрадчиво.

Она пожала плечами.

— Все это время меня ждала Смерть. Верно?

— О, конечно.

Кэвенаг был доволен взаимопониманием. Он подошел и дотронулся до ее щеки.

— Ты бесподобна,— сказал он.

— Не очень.

— Но ты так хладнокровна, так спокойно все переносишь.

— А чего бояться? — отозвалась она.

Он погладил ее по щеке. Ей казалось, что чехол его кожи вот-вст расползется, а мрамор глаз вывалится и разобьется вдребезги. Но для видимости он сохранял свой облик.

— Я хочу тебя,— сказал он.

— Да,— ответила она.

Конечно, это звучало в каждом его слове с самого начала, но она не сразу поняла. Всякая история любви в конечном счете есть история смерти, не о том ли твердят поэты? Почему такая правда хуже любой другой?

Им нельзя идти к нему домой, там может быть полиция, говорил он; ведь полицейские должны знать об их романе. К ней тоже, конечно, нельзя. Поэтому они сняли номер в небольшом отеле поблизости. Еще в тусклом лифте он стал гладить ее по волосам, а когда она отстранилась, положил ей руку на грудь.

Комната оказалась убогой, но огни с рождественской елки на улице немного украшали ее. Кэвенаг не сводил с Элейн глаз ни на секунду, как будто боялся, что из-за инцидента в лифте она может удрать и забиться в щель. Ему не стоило беспокоиться: она не придавала этому значения. Его поцелуи были настойчивы, но не грубы; он

раздевал ее несколько неумело (трогательный недостаток, подумала она), но нежно, ласково и торжественно.

Элейн удивилась тому, что он не знал о ее шраме: ей пришло в голову, что их близость началась еще на операционном столе, когда она дважды чуть не попала в руки Смерти и дважды хирурги отпугнули ее. Но, может быть, он не сентиментален и забыл об их первой встрече. Как бы то ни было, когда Элейн разделась, он выглядел разочарованным, и в какой-то момент ей показалось, что он готов от нее отказаться. Но это длилось недолго, и вскоре Кэвенаг уже гладил ее по животу и вдоль шрама.

— Он прекрасен,— сказал он.

Элейн была счастлива.

— Я чуть не умерла под анестезией.

— Это ерунда.— Он гладил ее тело и мям грудь. Это, казалось, возбуждало его, поскольку следующий вопрос он задал более вкрадчивым голосом: — Что они сказали тебе?

Теперь он гладил мягкую ямку между ключицами. За исключением стерильных рук хирурга, Элейн никто не трогал вот уже несколько месяцев, и от легких прикосновений по ее телу пробегала дрожь. Она так забылась в наслаждении, что не смогла ответить. Он снова спросил, лаская ее между ног:

— Что они сказали тебе?

Задыхаясь от нетерпения, она ответила:

— Они оставили мне телефон. Чтобы помочь в случае чего...

— Но ведь тебе не нужна помощь?

— Нет,— выдохнула она.— Зачем?

Элейн лишь смутно различала его улыбку, ей хотелось совсем закрыть глаза. Его внешность не возбуждала, многое в его облике (например, абсурдный галстук-бабочка) казалось смешным. Закрыв глаза, она могла забыть о таких мелочах, снять с него чехол и увидеть истинный облик. И тогда ее сознание уносилось далеко.

Кэвенаг вдруг отстранился, и Элейн открыла глаза. Он торопливо застегивал брюки. На улице слышались раздраженные голоса. Он резко повернул голову в сторону окна, его тело напряглось. Неожданное беспокойство удивило ее.

— Все в порядке,— проговорила она.

Он подался вперед и положил руку ей на горло.

— Ни слова,— приказал он.

Она взглянула на его лицо, покрывающееся испариной. Разговоры на улице продолжались еще несколько минут: там расставались два полуночных игрока. Теперь он успокоился.

— Мне показалось, я слышал...

— Что?

— Что они называли меня по имени.

— Ну кто это может быть? — Она пыталась его успокоить.— Никто не знает, что мы здесь.

Он отвел взгляд от окна. После внезапного страха вся его целеустремленность исчезла, лицо обрюзгло, и выглядел он довольно глупо.

— Они близко,— сказал он.— Но им никогда не найти меня.

— Близко?

— Они шли за тобой.— Он снова положил руки ей на грудь.— Они *очень* близко.

Элейн слышала, как в висках бьется пульс.

— Но я быстр,— бормотал он,— и невидим.

Его рука вновь скользнула к ее шраму и ниже.

— И всегда аккуратен,— добавил он.

Она прерывисто дышала.

— Уверен, они восхищаются мной. Как ты думаешь, они должны мной восхищаться? Тем, что я так точен?

Ей вспомнился хаос, царивший в склепе, непристойность и беспорядок.

— Не всегда...— промолвила она.

Он перестал ее гладить.

— Ах да,— сказал он.— Я никогда не проливаю кровь. Это мое правило. Никогда не проливаю кровь.

Она улыбнулась его похвальбе. Сейчас она расскажет ему — хотя он и так все знает — о своем посещении склепа и о том, что он там устроил.

— Иногда даже ты не в силах остановить кровь,— сказала она.— Но это тебе не в упрек.

Он вдруг задрожал.

— Что они сказали тебе? Какую ложь?

— Ничего,— ответила она, немного смущенная его реакцией.— Что они могут знать?

— Я профессионал.— Он снова дотронулся до ее лица.

Элейн вновь почувствовала его желание. Кэвенаг навалился на нее всем телом.

— Я не хочу, чтобы они лгали обо мне,— заявил он.— Не хочу.— Он поднял голову с ее груди и посмотрел ей в глаза: — Все, что я должен сделать,— это остановить барабанщика.

— Барабанщика?

— Я должен раз и навсегда остановить его.

Рождественские гирлянды с улицы окрашивали его лицо то красным, то зеленым, то желтым — неразбавленные цвета, как в детской коробке с красками.

— Я не хочу, чтобы обо мне лгали,— повторил он,— будто я проливаю кровь.

— Они ничего не говорили,— уверила она.

Он совсем отодвинул подушку и теперь раздвигал ноги Элейн. Его руки дрожали от возбуждения.

— Хочешь, покажу тебе, как чисто я работаю? Как легко я останавливаю барабанщика?

Не дав ей ответить, он крепко схватил ее за шею. Элейн не успела даже вскрикнуть. Большими пальцами он быстро нащупал дыхательное горло и с силой надавил. Она слышала, как барабанщик бьет все чаще и чаще у нее в ушах.

— Это быстро и чисто,— говорил он. Его лицо окрашивалось все в те же цвета: красный, зеленый, желтый; красный, зеленый, желтый.

Это ошибка, думала она, ужасное недоразумение, которое она никак не может постичь. Она пыталась найти хоть какое-то объяснение.

— Я не понимаю,— хотела она сказать, но сдавленное горло издало лишь бульканье.

— Извиняться поздно,— ответил он, тряся головой.— Ты ведь сама ко мне пришла, помнишь? Ты хотела остановить барабанщика. Ведь ты за этим приходила?

Его хватка стала еще сильнее. Элейн казалось, что ее лицо разбухло и кровь вот-вот брызнет у нее из глаз.

— Разве ты не поняла, что они приходили предостеречь тебя? — выкрикивал Кэвенаг.— Они хотели разлучить нас, сказав, что я проливаю кровь.

— Нет,— пыталась она произнести, но он лишь сильнее сжимал ее горло.

Барабанщик оглушительно бил ей в уши. Кэвенаг еще что-то говорил, но Элейн уже ничего не слышала. Да это и не имело значения. Только теперь она поняла: Кэвенаг не был ни Смертью, ни ее костлявым привратником. В безумии Элейн отдалась в руки обычного убийцы, Каина с большой дороги. Ей захотелось плюнуть ему в глаза, но сознание уже покидало ее: комната, цветные сполохи, его лицо тонули в грохоте барабана. А потом все кончилось.

Она посмотрела сверху на кровать. Ее тело лежало поперек, безжизненная рука все еще хваталась за простыню. Язык вывалился, на синих губах пена. Но (как он и обещал) крови не было.

Она парила, не всколыхнув даже паутинку под потолком, и наблюдала, как Кэвенаг завершает злодеяние. Он склонился над ее телом, перекатывал его по смятой простыне и что-то нашептывал на ухо. Затем он расстегнулся и обнажил ту свою косточку, возбуждение ко-

торой было неподдельным до умиления. Дальнейшее было комичным в своем бесстыдстве. Комичным было ее тело со шрамами и теми местами, где оставил отметины возраст. Как посторонний наблюдатель, она взирала на безуспешные попытки Кэвенага к соитию. Его бледные ягодичы носили отпечатки нижнего белья; двигая ими, он напоминал механическую игрушку.

Он целовал ее, глотал заразу вместе с ее слюной. Его руки соскребали чумные клетки с ее тела, как песок. Этого он, конечно, не знал, доверчиво обнимаясь со смертельной язвой, вбирая ее в себя с каждым толчком.

Наконец он кончил. Не было ни метаний, ни стонов. Он просто остановил свой механизм и встал с нее, обтерся о край простыни и застегнулся.

Провожатые уже звали ее. Ей предстоял путь и возрождение в конце. Но она не хотела идти, по крайней мере сейчас. Ее душа заняла удобную позицию и смотрела на Кэвенага, на его лицо. Взглядом (или по крайней мере той способностью видеть, какая была ей дана) она проникала вглубь, где за хитросплетением мускулов проглядывали кости. О, эти кости. Он, конечно, не был Смертью; и все же он был ею. Ведь у него есть лицо? И однажды, по благословению разложения, он покажет его. Как жаль, что сейчас наслоение плоти прячет его.

Пора в путь, настаивали голоса. Элейн знала, что они не будут долго ждать. Среди голосов она слышала чей-то знакомый.

— Еще немного,— умоляла она,— пожалуйста, еще немного.

Кэвенаг закончил свое грязное дело. Он поправил одежду перед зеркалом и вышел. Она последовала за ним, заинтригованная поразительно банальным выражением его лица. Скользнув в ночной коридор и вниз по лестнице, он дождался, пока портье отвлечется, и вышел на улицу. Небо было светлым — то ли уже утро, то

ли рождественская иллюминация. Элейн наблюдала за Кэвенагом из угла комнаты дольше, чем думала, — теперь часы для нее летели как мгновения. И лишь в самый последний момент она получила награду за свою настойчивость, пробежав взглядом по его лицу. Голод! Он был голоден. Он не умрет от чумы, как не умерла она. Чума впиталась в него: кожа заблестела и в животе родилось новое ощущение голода.

Он вошел в нее маленьким убийцей, а вышел Большой Смертью. Элейн рассмеялась при виде того, каким неожиданным образом оправдались ее догадки. На мгновение его шаги замедлились, как будто он мог слышать ее. Но нет — он слушал барабанщика, который все сильнее бил у него в ушах, при каждом его шаге требуя новой смертоносной силы.

Они заплатили кровью

Лок поднял глаза на деревья. Ветер шумел в их тяжелых ветвях, как река в половодье. Имитация, одно из множества подражаний. Когда он впервые попал в джунгли, то был поражен бесконечным разнообразием зверей и растений в извечном круговороте жизни. Но это буйство природы было обманчиво, джунгли лишь прикидывались райским садом. Там, где праздный путешественник восторгался сияющим великолепием, Лок замечал тайный стговор в действии, когда каждая вещь видится не такой, какова она есть. Деревья и река, цветок и птица, крылышко мотылька и глаз обезьяны, спина ящерицы и солнечный свет на камне — повсюду идет головокружительная смена воплощений, как в зеркальной комнате, где ощущения неверны и самый рассудок гибнет. Что ж, посмотри на нас, думал он, стоя возле могилы Черрика. Посмотри, как мы играем в эту игру. Мы живы, но играем мертвых лучше, чем сами мертвые.

Тело превратилось в сгусток запекшейся крови, когда они засунули его в мешок и понесли хоронить на заброшенный участок за домом Тетельмана. Там уже было с полдюжины могил. Все европейцы, судя по именам, грубо выжженным на деревянных крестах: умерли от укусов змей, от жары и непомерных амбиций.

Тетельман попытался произнести молитву на испанском, но его голос утонул в шуме деревьев и криках птиц, спешивших вернуться в гнезда до наступления темноты.

Не окончив молитву, они вернулись в прохладу дома. Там сидел Стампф и, тупо вперив взгляд в темное пятно на полу,пил бренди.

Снаружи двое нанятых Тетельманом индейцев засыпали рыхлой тропической землей мешок с Черриком, торопясь закончить работу и убраться до темноты. Лок выглянул из окна. Могильщики работали молча; засыпав неглубокую яму, они начали утрамбовывать землю своими жесткими, как подошва, ступнями. Их притаптывания вдруг приобрели определенный ритм; Лок решил, что они набрались плохого виски. Он знал немногих индейцев, которые не напивались как скоты. А эти, шатаясь, устроили танцы на могиле Черрика.

— Лок?

Он проснулся. В темноте светился кончик сигареты. Когда курильщик затянулся, вспыхнувший огонек осветил из ночной тьмы изможденные черты Стампфа.

— Ты не спишь, Лок?

— Что тебе нужно?

— Я не могу уснуть,— произнесла маска.— Я все думал. Послезавтра из Сантарема прилетит транспортный самолет. Мы можем оказаться там через несколько часов, вдали от всего этого.

— Конечно.

— Я имею в виду, можем вернуться навсегда,— уточнил Стампф.

— Навсегда?

Стампф прикурил новую сигарету от старой.

— Я не верю в проклятия, не думай.

— При чем здесь проклятия?

— Но ты же видел тело Черрика, что с ним случилось...

— Это просто болезнь,— сказал Лок.— Как это она называется, когда кровь неправильно свертывается?

— Гемофилия,— ответил Стампф.— Он не страдал гемофилией, и мы оба это знаем. Я видел не раз, как он

получал порезы и царапины, и они заживали не хуже, чем у нас с тобой.

Лок прихлопнул москита на своей груди и растер его пальцами.

— Отлично. Тогда от чего он умер?

— Ты лучше меня видел его раны. Мне кажется, его кожа просто расплзалась от малейшего прикосновения.

Лок кивнул.

— Да, похоже на то.

— Может, он чем-нибудь заразился от индейцев?

Лок задумался.

— Я не касался ни одного из них.

— И я тоже. А он коснулся, помнишь?

Он помнил. Такое нелегко забыть, как ни старайся.

— Боже,— простонал он,— что за идиотизм.

— Я отправляюсь в Сантарем. Не хочу, чтобы они пришли за мной.

— Они не придут.

— Откуда ты знаешь? Мы вяпались по уши. Мы могли бы подкупить их или согнать с земли как-нибудь по-другому.

— Сомневаюсь. Ты же слышал, что сказал Тетельман: земля предков.

— Можешь забрать мою часть этой земли,— сказал Стампф.— Мне она не нужна.

— Что это значит? Ты собираешься смыться?

— Я чувствую себя преступником. У нас руки в крови, Лок.

— Делай что хочешь.

— Я и делаю. Я не такой, как ты. Я никогда не имел склонности к таким вещам. Купишь мою треть?

— Смотря сколько ты за нее попросишь.

— Сколько дашь. Она твоя.

После этой исповеди Стампф докуривал сигарету в кровати. Скоро начнет светать: еще один рассвет в джунглях, благодатное мгновение перед тем, как мир вновь

покроется испариной. Как он ненавидел это место! В конце концов, он не коснулся ни одного из индейцев, даже близко не подошел. Какую бы инфекцию они ни передали Черрику, Стампф заразиться не мог. Менее чем через сорок восемь часов он отправится в Сантарем, а потом еще куда-нибудь — в любой город, куда племя не сможет добраться. Ведь он уже понес свое наказание, разве не так? Заплатил за жадность и самонадеянность резью в животе и тем ужасом, от которого ему уже не избавиться до конца жизни. «Пусть это будет достаточной карой!» — взмолился он и, пока обезьяны не возвестили криками новый день, погрузился в сон. Сон убийцы.

Жук с переливчатой спинкой, не сумев выбраться сквозь москитную сетку, жужжал в комнате; наконец, утомившись, он спустился и сел Стампфу на лоб. Он ползал и пил влагу из пор; вслед за его движениями кожа Стампфа трескалась и расползалась на множество маленьких язв.

В деревушку индейцев они добрались к полудню. Поначалу им показалось, что деревня покинута; только солнце, как глаз василиска, глядело на них с неба. Лок и Черрик направились к поселку, а страдавший дизентерией Стампф остался в джипе, подальше от зноя. Черрик первым заметил ребенка. Мальчик лет пяти со вздутым животом — лицо его было раскрашено яркими полосами красной растительной краски уруку — вышел из укрытия и начал разглядывать пришельцев: любопытство оказалось сильнее страха. Черрик и Лок застыли в ожидании. Один за другим из-под хижины и деревьев появились индейцы и вместе с мальчиком уставились на незнакомцев. Что выражали их широкие лица с приплюснутым носом, Лок не мог понять. Этих людей (всех индейцев он считал за одно гнусное племя) невозможно постичь; ясно только, что они хитрые бестии.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. Солнце палило нестерпимо. — Эта наша земля.

Мальчик с интересом смотрел на него снизу вверх. В его миндалевидных глазах не было страха.

— Они тебя не понимают,— заметил Черрик.

— Тащи сюда Краута. Пусть он им объяснит.

— Он не может двинуться с места.

— Тащи его сюда! — сказал Лок.— Мне наплевать, если он наделает в штаны.

Черрик вернулся на дорогу. Лок стоял, переводя взгляд с хижины на хижину, с дерева на дерево, и пытался сообразить, сколько там индейцев. Он насчитал не более трех десятков, из них две трети — женщины и дети. Эти племена — потомки многотысячных народов, что когда-то бродили по бассейну Амазонки,— теперь почти исчезли. Леса, где они жили многими поколениями, вырубались и выжигались; восьмизначные скоростные магистральи пересекали места их охоты. Все, что было для них свято — нетронутая дикая природа и они сами как ее часть,— вытеснялось и подвергалось насилию. Они стали изгнанниками на собственной земле. И все же они терпеливо выносили новых хозяев и их ружья. Только смерть заставит их поверить в поражение, подумал Лок.

Черрик обнаружил Стампа лежащим, как мешок, на переднем сиденье джипа; его измученное лицо выглядело сейчас особенно несчастным.

— Лок тебя требует.— Он тряс немца, пытаясь вывести его из прострации.— Они все еще в деревне. Ты должен поговорить с ними.

— Я не могу двинуться,— застонал Стамп,— я умираю...

— Лок велел доставить тебя живым или мертвым,— сказал Черрик. Со Стампом его объединял страх перед Локсом и, пожалуй, еще одна вещь: жадность.

— Я ужасно себя чувствую,— продолжал ныть Стамп.

— Если ты не пойдешь со мной, он придет сам,— заметил Черрик.

Это был сильный аргумент. Стампф принял мученический вид, потом закивал своей большой головой.

— Хорошо,— согласился он.— Помоги мне.

У Черрика было мало желания притрагиваться к нему: от болезни тело Стампфа выделяло миазмы. Казалось, его кишки выдавливаются через кожу, которая блесла, как грубое мясо. Все же он подал руку. Без помощи Стампф не преодолел бы сотню ярдов до поселения.

Лок уже выкрикивал нетерпеливые ругательства.

— Да шевелись же,— говорил Черрик, стаскивая Стампфа с сиденья.— Надо пройти всего несколько шагов.

Добравшись до поселения, они застали ту же картину. Лок оглянулся на Стампфа.

— Тут покушаются на нашу собственность,— сказал он.

— Вижу,— безжизненно отозвался Стампф.

— Скажи им, чтобы проваливали с нашей земли. Скажи им, что это наша территория: мы ее купили. И не хотим никаких поселенцев.

Стампф кивнул, стараясь избегать бешеных глаз Лока. Иногда он ненавидел его почти так же, как самого себя.

— Начинай.— Лок дал знак Черрику, чтобы тот отошел от Стампфа.

Черрик подчинился. Не поднимая головы, немец качнулся вперед. Несколько секунд он обдумывал речь, затем поднял голову и вяло изрек три слова на плохом португальском. Его речь не вызвала никакой реакции — те же пустые взоры, что и после выступления Лока. Стампф попробовал еще раз, мобилизуя весь свой скудный словарь, чтобы пробудить наконец искру понимания у этих дикарей.

Мальчик, которого так забавляли ужимки Лока, смотрел теперь на третьего демона; улыбка исчезла с его лица. Этот третий совсем не казался смешным по сравнению с первым. Он был болен и измучен, от него пахло

смертью. Мальчик отвернулся, чтобы не вдыхать смрад гниющего тела.

Стампф воспаленными глазами оглядел своих слушателей. Если они поняли, но прикидываются, то это потрясающая игра. Стампф испробовал все, что мог, и бессильно повернулся к Локу.

— Они меня не понимают.

— Повтори им еще раз.

— Мне кажется, они не понимают по-португальски.

— Скажи *как-нибудь*.

Черрик щелкнул затвором.

— Нечего их уговаривать.— Он тяжело дышал.— Закон законом, но они на нашей земле. Все права на нашей стороне...

— Нет,— возразил Лок.— Мы не будем стрелять. Не будем, если есть возможность мирно убедить их уйти.

— Они не понимают здравых рассуждений,— возразил Черрик.— Посмотри на них. Это звери, они живут в дерьме.

Стампф попытался возобновить переговоры, помогая своему дрожащему голосу жалостливой мимикой.

— Скажи им, что мы пришли сюда работать,— подсказывал Лок.

— Я делаю все, что могу,— вспыхнул Стампф.

— Что у нас есть бумаги.

— Не думаю, что это произведет на них впечатление,— ответил Стампф с осторожным сарказмом.

— Просто скажи, чтобы убিরались. Пусть селятся где-нибудь в другом месте.

Наблюдая, как Стампф пытается выразить его тезисы словами и жестами, Лок невольно подумал о другой, альтернативной возможности. Или эти индейцы — тксуканхамеи, или акхуали, или еще какое-то чертово племя — согласятся с их требованиями и уберутся, или придется прогонять их силой. Черрик правильно сказал: закон на стороне индейцев. У них бумаги от властей; у них карта разграничения территорий; они имеют право на все —

от подписи до пули. Лок, конечно, не сторонник кровопролития. В мире слишком много либералов с горячими сердцами и кротких как голуби сентименталистов, чтобы применять геноцид для решения проблем. Но ружья стреляли и будут стрелять, пока последний немый индеец не наденет штаны и не перестанет есть обезьян.

Конечно, несмотря на старания либералов, ружье не потеряло притягательной силы. Выстрел действует быстро и надежно. Одно его короткое слово убеждает наповал, и ты не рискуешь, что лет через десять какой-нибудь вонючий индеец вернется, размахивая найденной на помойке брошюрой Маркса, и затребует обратно свою исконную землю — с ее нефтью, минералами и всем прочим. Лучше, если они уйдут навсегда.

От страстного желания навек успокоить этих краснокожих Лок чувствовал, как чешется его палец на спусковом крючке — *буквально* чешется. Стампф уже закончил свое выступление на «бис»: результат нулевой. Он застонал и повернулся к Локу.

— Меня сейчас вырвет,— сказал он. Его лицо стало белым как мел, а зубы казались желтовато-тусклыми.

— Будь как дома,— съязвил Лок.

— Пожалуйста, мне нужно лечь. Я не хочу, чтобы они на меня смотрели.

Лок отрицательно покачал головой:

— Ты не уйдешь, пока они стоят и слушают тебя. Если мы не добьемся от них толку, увидишь кое-что, от чего тебя действительно вырвет.

Он поигрывал ружейным прикладом, проводя обломанным ногтем по зарубкам на дереве. Их было с десяток, и в каждой — чья-то смерть. Джунгли легко скрывают преступления; кажется, они исподволь соучаствуют.

Стампф отвернулся и посмотрел на безмолвное собрание. Индейцев довольно много, думал он. Он носил при себе пистолет, но стрелком был неважным. А вдруг

они набросятся на Лока, Черрика и на него самого? Он такого не вынесет. Но он не видел угрозы в лицах индейцев. Когда-то они считались очень воинственным племенем. А теперь? Как наказанные дети, утрюмые и хмурые. Некоторые из молодых женщин были по-своему привлекательны: темная гладкая кожа и красивые черные глаза. Если бы Стампф не чувствовал себя таким больным, ему, наверное, захотелось бы попробовать на ощупь эту красную блестящую наготу. Их притворство еще больше возбуждало его. В своем молчании они казались непостижимыми, как мулы или птицы. Кажется, кто-то в Укситубе говорил ему, что индейцы не дают своим детям имен, и потому каждый из них — ветка на дереве племени, безымянный и неотличимый от остальных. Теперь он видел это в их черных пронзительных глазах; видел, что перед ним не три десятка людей, а единый живой организм, сотканный из ненависти. От такой мысли его бросило в дрожь.

Вдруг, впервые с момента их появления, один из индейцев шагнул вперед. Старик — лет на тридцать старше любого из племени. Как и все остальные, он был почти голым. Обвислую плоть на его груди и конечностях покрывала заскорузлая кожа; шагал он твердо и уверенно, хотя белесые глаза свидетельствовали о слепоте. Старик встал напротив пришельцев и раскрыл рот — беззубый рот с гнилыми деснами. То, что изверглось из его тощего горла, напоминало не человеческую речь, а шум: попури на тему джунглей. Невозможно точнее определить то, что прозвучало; это была весьма устрашающая череда подражаний. Старик рычал, как ягуар, кричал попугаем, из его горла вырывались всплески тропического ливня на листьях орхидеи и вой обезьян.

Стампф почувствовал, что его горло сжалось. Джунгли заразили его болезнью, иссушили тело и бросили, как выжатую тряпку. А теперь старик с гноящимися глазами изрыгал на него отвратительные звуки. От жары кровь пульсировала в голове Стампфа, и он был уверен, что

старик отсчитывает ритм своего звукоизвержения под эти глухие удары в висках и запястьях.

— О чем он говорит? — поинтересовался Лок.

— О чем эти звуки? — переспросил Стампф, раздраженный идиотским вопросом. — Просто шум.

— Старый хрен проклиняет нас, — произнес Черрик.

Стампф оглянулся на него. Глаза Черрика выкатились из орбит.

— Это проклятие, — сказал он Стампфу.

Лок засмеялся: Черрик был слишком впечатлительным. Он подтолкнул Стампфа вперед к старику, который немного убавил громкость своих распевов; теперь он журчал почти весело. Стампф подумал, что старик воспевает сумерки, тот неуловимый миг между неистовым днем и душным зноем ночи. Да, точно: в песне индейца слышались шорохи и воркования дремлющего царства; это было так убедительно, что Стампфу захотелось тут же лечь на землю и уснуть.

Лок оборвал пение.

— О чем ты говоришь? — бросил он в изрытое морщинами лицо старика. — Отвечай!

Но ночные шорохи продолжали шуметь, как далекая река.

— Здесь наша деревня, — послышался вдруг еще один голос, как бы переводящий речь старика.

Лок резко обернулся на звук. Заговорил юноша, кожа которого казалась позолоченной.

— *Наша деревня. Наша земля.*

— Ты говоришь по-английски, — сказал Лок.

— Немного, — ответил юноша.

— Почему ты не отвечал, когда я спрашивал? — От невозмутимости индейца Лок начал звереть.

— Мне не положено говорить. Он старший.

— Ты хочешь сказать, он вождь?

— Вождь умер. Вся его семья умерла. Он мудрейший из нас...

— Тогда скажи ему, что...

— Ничего не нужно говорить,— перебил его юноша.— Он понимает тебя.

— Он тоже говорит по-английски?

— Нет. Но он понимает тебя. Ты... ты проницаемый.

Локу показалось, что мальчишка иронизирует, но он не был уверен. Он посмотрел на Стампфа, и тот пожал плечами. Лок снова обратился к юноше:

— Объясни ему как-нибудь. Объясни всем. Это наша земля. Мы ее купили.

— Племя всегда жило на этой земле,— последовал ответ.

— А теперь не будет,— сказал Черрик.

— У нас бумаги...— Стампф все еще надеялся, что конфронтация закончится мирно.— Бумаги от правительства...

— Мы жили здесь раньше правительства.

Старик наконец перестал озвучивать джунгли. Возможно, подумал Стампф, он закончил один день и теперь начнет другой. Но старик собрался уходить, совершенно не обращая внимания на чужаков.

— Позови его обратно,— приказал Лок, наводя ружье на юного индейца. Его намерения были недвусмысленны.— Пусть скажет остальным, что вам надо убираться.

Несмотря на угрозы, юноша, казалось, нисколько не смутился и совершенно не собирался давать распоряжения старшему. Он просто смотрел, как тот возвращается в хижину. Остальные тоже потянулись к своим жилищам. Очевидно, уход старика стал общим сигналом к окончанию спектакля.

— Нет! — закричал Черрик.— Вы не слушаете! — Краска бросилась ему в лицо; голос сорвался на визг. Потрясая ружьем, он бросился вперед: — Вы, вонючие собаки!

Не обращая внимания на его вопли, индейцы быстро расходились. Старик добрался до своей хижины, на-

клонился и исчез внутри. Некоторые еще стояли и смотрели, и на их лицах читалось нечто вроде сострадания к сумасшедшим европейцам. Но это лишь распалило Черрика.

— Слушайте, что я говорю! — визжал Черрик. Пот разлетался брызгами, когда он вертел головой, перебрасывая безумный взгляд с одной удаляющейся фигуры на другую. — Слушайте, вы, ублюдки!

— Не волнуйся. — Стампф попытался успокоить его. Это подействовало на Черрика как детонатор. Без предупреждения он вскинул ружье, прицелился и выстрелил в дверной проем, где скрылся старик. Птицы с шумом взлетели с соседних деревьев, собаки удирали со всех ног. Из двери хижины донесся слабый крик, но вовсе не старика. Заслышав его, Стампф повалился на колени, держась за живот: его тошнило. Лежа лицом в землю, он не мог видеть миниатюрную фигурку, что появилась в дверях хижины и, шатаясь, вышла на свет. Даже когда он поднял голову и разглядел, как ребенок с разрисованным красной краской лицом судорожно хватается за живот, он не поверил глазам. Но это было так. Кровь сочилась между тонких детских пальчиков, и детское личико исказилось в агонии. Мальчик упал на утоптанную землю у порога, по его телу пробежала предсмертная судорога, и он умер.

Где-то между хижинами негромко всхлипывала женщина. На мгновение мир балансировал на острие — между тишиной и воплем, между спокойствием и нарастающей яростью.

— Ты, вонючий ублюдок, — процедил Лок сквозь зубы. — Быстро в машину. Стампф, подъем. Мы не будем тебя ждать. Вставай сейчас или оставайся навсегда.

Стампф все еще смотрел на тело мальчика. Подавив стон, он поднялся на ноги:

— Помогите.

Лок протянул ему руку.

— Прикрой нас, — бросил он Черрику.

Черрик кивнул, бледный как смерть. Некоторые индейцы вышли посмотреть на отступление белых; несмотря на разыгравшуюся трагедию, их лица оставались непроницаемы, как и раньше. Только рыдающая женщина — видимо, мать погибшего мальчика — раскачивалась среди неподвижных фигур, оплакивая свое горе.

Ружье дрожало в руке Черрика. Он уже просчитал: если дело дойдет до открытого столкновения, у них мало шансов уцелеть. Но даже сейчас, видя отступление врага, индейцы не предпринимали ничего. Они молчаливо обвиняли. Черрик решился бросить взгляд через плечо. Локу и Стампфу оставалось пройти не более двадцати ярдов до джила, а дикари еще не сделали ни шагу.

Когда Черрик снова обернулся к деревне, ему показалось, что все племя, как один человек, испустило тяжелый громкий вздох. От этого звука Черрик почувствовал, что сама смерть рыбьей костью впиалась ему в горло: слишком глубоко, чтобы вытащить, и слишком крепко, чтобы проглотить. Она застряла там, в его теле, вне логики и воли. Но он забыл про нее, заметив движение в дверях хижины. Он был готов повторить свою ошибку и крепче сжал ружье. Из дверей вышел старик; переступил через труп мальчика, лежащий у порога. Черрик снова обернулся: добрались они наконец до джила? Но Стампф еле ковылял, и Лок снова поднимал его на ноги. При виде приближающегося старика Черрик попятился на шаг, потом еще один. А старик шел уверенно. Он быстро пересек деревню и приблизился вплотную к Черрику, так что его морщинистый живот, без каких-либо следов ранения, уперся в ствол ружья.

Обе руки старика были в крови, и свежая кровь стекала по его локтям, когда он выставил ладони перед Черриком. Разве он прикасался к мальчику, подумал Черрик, когда выходил из хижины? Если да, то это было совершенно неуловимое прикосновение и Черрик не заметил его. Так или иначе, смысла происходящего оче-

виден: его обвиняют в убийстве. Однако Черрик был не из пугливых; он пристально взглянул старику в глаза, отвешая вызовом на вызов.

Но старый черт ничего не делал, только стоял с растопыренными ладонями и со слезами в глазах. Черрик вновь почувствовал ярость. Он ткнул пальцем в грудь старика.

— Тебе меня не запутать,— сказал он,— понял? Не на того напал.

Когда он это говорил, в лице старика произошло еле уловимое изменение. Это, конечно, лишь игра света или тень птицы, но все же под глубиной морщин вдруг проглянуло лицо мальчика, умершего у дверей хижин; даже показалось, что на тонких губах старика промелькнула улыбка. В следующее мгновение видение исчезло так же внезапно, как и появилось.

Черрик убрал палец от груди старика, вглядываясь в его лицо в ожидании новых фокусов; затем вновь отступил. Он сделал три шага назад, когда слева вдруг что-то зашевелилось. Резко повернувшись, он вскинул ружье и выстрелил. Пуля впилась в шею пегой свинье, что мирно паслась среди своих сородичей возле хижин. Свинья перевернулась в воздухе и рухнула в пыль.

Черрик вновь направил ружье на старика. Но тот не двигался, только открыл рот, и из его горла вырвался предсмертный визг свиньи. Пронзительный крик, жалобный и смешной, заставил Черрика вновь вспомнить о джипе. Лок уже завел двигатель.

— Давай, быстро! — подгонял он.

Черрик не заставил себя уговаривать и прыгнул на переднее сиденье. Внутри было жарко, тело Стампфа волновало болезненными выделениями, но это безопаснее, чем оставаться в деревне.

— Там свинья,— сказал Черрик.— Я подстрелил свинью.

— Знаю,— ответил Лок.

— Этот старый ублюдок. — Он не договорил. Он смотрел на два своих пальца, которыми касался старика. — Я дотронулся до него, — пробормотал он в недоумении.

На пальцах была кровь, хотя на теле старика ее не было.

Лок не отозвался на слова Черрика, развернул джип и направил машину прочь от деревни. Дорога, казалось, еще больше заросла с тех пор, как они проехали по ней час назад. Видимых признаков преследования не было.

Небольшая фактория к югу от Аверио почти не имела благ цивилизации, зато здесь были белые лица и чистая вода. За Стампфом, чье состояние на обратном пути ухудшилось, ухаживал Дэнси — англичанин с манерами графа в изгнании и лицом, похожим на отбивную. Однажды, будучи трезвым, он провозгласил себя врачом, и, хотя свидетельств в пользу этого не нашлось, никто не оспаривал его права возиться со Стампфом. Немец метался в бреду, как буйнопомешанный, но Дэнси не отступал: его маленькие руки с тяжелыми золотыми кольцами справлялись с горячечными выпадами пациента.

Пока Стампф бился под противомоскитной сеткой, Лок и Черрик уселись в полутьме лампы, выпили и поведали о своей встрече с племенем. Тетельману, владельцу складов в фактории, было что рассказать в ответ на их историю. Он хорошо знал индейцев.

— Я здесь уже не первый год, — проговорил он, подкармливая орехами паршивую обезьянку на своих коленях. — Я знаю, как у этих людей устроены мозги. Может показаться, что они глупы и даже трусливы. Поверьте мне, это не так.

Черрик что-то промывчал. Вертящаяся как ртуть обезьянка уставилась на него бессмысленными глазами.

— Они даже не попытались двинуться на нас, — сказал он, — хотя их было в десять раз больше. И это не трусость?

Тетельман откинулся в своем скрипящем кресле, сбросив зверушку с колен. Его лицо было стертым и изможденным, и только губы, которые он периодически окунал в стакан, имели какой-то цвет. Локу он показался похожим на старую блудницу.

— Тридцать лет назад,— говорил Тетельман,— вся эта территория была их родной землей. Никто их не трогал. Они ходили куда хотели, делали что хотели. А для нас, белых, джунгли были слишком грязными и полными болезней, мы не претендовали на них. И конечно, мы были по-своему правы. Они действительно загрязнены и заражены болезнями, но в то же время они скрывают то, в чем мы сейчас так нуждаемся: ископаемые, нефть.

— Мы заплатили за эту землю.— Пальцы Черрика нервно скользили по сколотому краю стакана.— Все теперь наше.

— Заплатили? — Тетельман презрительно усмехнулся. Обезьянка застрекотала у него в ногах, как будто слова Черрика позабавили ее не меньше, чем хозяина.— Нет, вы заплатили за кота в мешке, и теперь вам придется с ним повозиться. Вы заплатили за право вышвырнуть отсюда индейцев, если вам это удастся. Вот куда пошли ваши доллары, мистер Лок. Правительство ждет не дождется, пока вы — или такие, как вы,— избавите его от всех этих племен на континенте. Нет нужды изображать оскорбленную невинность. Я здесь слишком давно...

Черрик плюнул на голый пол. Слова Тетельмана раздражали его.

— А зачем же *ты* сюда приехал, если ты такой хренов умник?

— По той же причине, что и вы,— ответил Тетельман миролюбиво, глядя в даль, в смутные очертания деревьев, что росли на краю участка за складом. Их раскачивали ночные птицы или ветер.

— И что это за причина? — Черрик с трудом сдерживал враждебность.

— Жадность,— мягко ответил Тетельман, продолжая рассматривать деревья. Что-то быстро прошуршало по низкой деревянной крыше. Обезьянка в ногах Тетельмана прислушалась, наклонив голову.— Я, как и вы, думал, что меня здесь ждет удача. Я дал себе два года. От силы три. Это были лучшие годы за прошедшие двадцать лет.— Он нахмурился; его память вызывала картины прошлого, и все они отдавали горечью.— Рано или поздно джунгли пережуют вас и выплюнут.

— Не меня,— заявил Лок.

Тетельман посмотрел на него влажными глазами.

— Сожалею,— произнес он очень вежливо.— Дух разрушения носится в воздухе, мистер Лок. Я чую его запах.

Он снова отвернулся к окну.

Теперь к тому, что уже шуршало на крыше, присоединилось что-то еще.

— Но ведь они не придут сюда? — спросил Черрик.— Они не станут нас преследовать?

В вопросе, заданном почти шепотом, слышалась мольба об отрицательном ответе. Как Черрик ни старался, он не мог отогнать видения предыдущего дня. Ему являлся не труп мальчика — это он еще мог постараться забыть. Но как забыть старика с его искаженным в солнечном свете лицом и ладонями, поднятыми, как будто он предъявлял какое-то клеймо?

— Не беспокойся,— ответил Тетельман с ноткой снисходительности.— Иногда некоторые индейцы навещают сюда, чтобы продать попугая или пару горшков, но я никогда не видел, чтобы они приходили в сколько-нибудь значительном числе. Они этого не любят. Ведь для них здесь цивилизация, а она их пугает. Кроме того, они не стали бы обижать моих гостей. Я им нужен.

— Нужен? — удивился Лок. Кому нужна эта руина вместо человека?

— Они употребляют наши лекарства. Дэнси их снабжает. И одеяла время от времени. Я же говорил, они не так глупы.

Рядом послышалось завывание Стампфа, и следом — увещевания Дэнси. Он старался унять панику больного, но ему это не удавалось.

— Ваш друг совсем плох,— сказал Тетельман.

— Он мне не друг,— ответил Лок.

— Она гниет,— пробормотал Тетельман больше для себя.

— Кто?

— Душа.— Слово было чудовищно неуместным на мокрых от виски губах Тетельмана.— Она — как фрукт, видите ли. Гниет.

Крики Стампфа притягивали внимание к себе. Это не были вопли живого существа: словно вопила сама гниль.

Скорее чтобы отвлечь внимание от производимого немцем шума, чем из интереса, Черрик спросил:

— Что они дают тебе в обмен на лекарства и одеяла? Женщин?

Этот поворот мысли явно позабавил Тетельмана: он рассмеялся, сверкнув золотыми коронками.

— У меня нет надобности в женщинах,— проговорил он.— Я слишком много лет страдал сифилисом.— Он щелкнул пальцами, и обезьянка вновь вскарабкалась ему на колени.— Ведь душа — не единственное, что гниет.

— Ну хорошо. Так что же ты получаешь от них взамен? — спросил Лок.

— Поделки,— сказал Тетельман.— Чашки, кувшины, циновки. Их у меня скупают американцы и продают потом в Манхэттене. Сейчас все хотят приобрести что-нибудь от вымирающего племени. *Memento mori**.

— Вымирающего? — переспросил Лок. Слово прозвучало для него соблазнительно, как слово «жизнь».

— Да, конечно,— сказал Тетельман.— Они все равно исчезнут. Если вы их не уничтожите, они это сделают сами.

* Помни о смерти (лат.).

— Самоубийство? — спросил Лок.

— Своего рода. Они просто падают духом. Я видел это поддюжины раз. Племя теряет свою землю и вместе с ней утрачивает вкус к жизни. Они перестают заботиться о себе. Женщины становятся бесплодны, юноши начинают пить, старики моят себя голодом. Через год-другой племени как не бывало.

Лок опрокинул стакан, приветствуя про себя фатальную мудрость этих людей. Они знают, когда надо умирать. Мысль об их стремлении к смерти освободила его от последних угрызений совести. Чем теперь стало ружье в его руке, как не инструментом эволюции?

На четвертый день их пребывания в фактории лихорадка Стампа пошла на убыль, к немалому удивлению Дэнси.

— Худшее позади, — объявил он. — Дайте ему отдохнуть еще пару дней — и можете снова браться за вашу работу.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался Тетельман.

Лок стоял на веранде и смотрел на дождь. Водяные струи лились из облаков, которые нависли так низко, что касались верхушек деревьев. Потом ливень внезапно прекратился, и джунгли вновь задымились, расправили ветви и буйно пошли в рост.

— Не знаю, что мы будем делать, — ответил Лок. — Наверное, возьмем подмогу и вернемся обратно.

— Ну что ж, тоже дело, — отозвался Тетельман.

Черрик сидел возле двери, откуда шла хоть какая-то прохлада. Он взял стакан, который редко выпускал из рук в последние дни, и снова наполнил его.

— Никаких ружей, — сказал он.

Он не притрагивался к ружью с тех пор, как они прибыли на факторию; он вообще ни к чему не притрагивался, за исключением бутылки и кровати. Ему казалось, что с него сползает кожа.

— Ружья не нужны,— пробормотал Тетельман. Его слова повисли в воздухе как невыполненное обещание.

— Избавиться от них без ружей? — удивился Лок.— Если ты предлагаешь ждать, пока они вымрут сами по себе, то я не такой терпеливый.

— Нет,— сказал Тетельман.— Все можно сделать быстрее.

— Но как?

Тетельман лениво посмотрел на него.

— Индейцы — источник моего существования,— произнес он,— или, во всяком случае, его часть. Ты просишь меня помочь вам и стать банкротом.

Он не только выглядит как старая шлюха, подумал Лок, он и мыслит так же.

— Ну и что же ты хочешь получить за свой мудрый совет?

— Часть того, что вы найдете на этой земле,— ответил Тетельман.

Лок кивнул головой.

— Что нам терять, Черрик? Возьмем его в долю?

Черрик пожал плечами.

— Ладно,— решил Лок.— Говори.

— Им нужны медикаменты,— начал Тетельман,— потому что они очень восприимчивы к нашим болезням. Хорошая болезнь может выкосить их практически за одну ночь.

Не глядя на Тетельмана, Лок обдумывал услышанное.

— Одним махом,— продолжал Тетельман.— Они практически беззащитны перед некоторыми бактериями. Их организм не имеет против них защиты. Триппер. Оспа. Даже корь.

— Но как? — спросил Лок.

Снова воцарилась тишина. У нижних ступенек веранды, где кончалась цивилизация, джунгли распирало в предвкушении солнца. Во влажном мареве растения цвели, гнивали и вновь расцветали.

— Я спрашиваю — как? — повторил Лок.

— Одеjala,— ответил Тетельман.— Одеjala с покойников.

Уже после выздоровления Стампфа, ночью, незадолго до рассвета, Черрик внезапно очнулся от дурных сновидений. Снаружи стояла непроглядная тьма: ни луна, ни звезды не могли победить черноту ночи. Но внутренние часы, которые жизнь наемника отрегулировала до удивительной точности, подсказывали ему, что рассвет близок, и Черрику не хотелось засыпать снова, чтобы опять увидеть во сне старика. Не поднятые ладони индейца и не блеск крови так потрясли Черрика, а слова, что исходили из беззубого рта. От них все тело покрылось холодным потом.

Что это за слова? Теперь он не мог их припомнить, как ни пытался. Он хотел наяву восстановить те ощущения, чтобы посмеяться над ними и забыть. Но слова не приходили. Он лежал в убогой хижине, тьма была слишком плотной, чтобы двинуться, как вдруг перед ним возникли две окровавленные руки, подвешенные в темноте. Не лицо, не небо, не племя. Только руки.

— Чего только не привидится,— сказал Черрик сам себе, но он знал, что это не так.

И вдруг — голос. Он получил то, чего хотел: слова, что слышались ему во сне. Но смысл их был неясен. Черрик чувствовал себя младенцем, воспринимающим голоса родителей, но не способным вникнуть в суть разговора. Ведь он невежествен, ведь так? Теперь он впервые со времен детства чувствовал горечь незнания. Голос заставил его испугаться неопределенности, которую он так деспотически игнорировал, и шепота, который он заглушал всей своей бурной жизнью. Он пытался понять, и кое-что ему удалось. Старик говорил о мире и об изгнании из него; о том, что предмет вожделения для многих оборачивается гибелью. Черрик мучился желанием остановить поток его слов и получить объяснение. Но голос

уже отдалялся, сливаясь со стрекотом попугаев на деревьях, с хрипами и воплями, вдруг взорвавшими тишину вокруг. Сквозь ячейки противомоскитной сетки Черрик видел, как между ветвями ярко вспыхнуло тропическое небо.

Он сел в кровати. Руки и голос исчезли, и с ними ушло и возбуждение, вызванное словами старика. Во сне он скомкал простыню, а теперь сидел и с отвращением оглядывал свое тело. Его спина, ягодицы и бедра болели. Слишком много пота на этих жестких постелях, думал он. Не в первый раз за последние дни он вспомнил маленький домик в Бристоле, где когда-то жил.

Птичий гомон путал его мысли. Он подвинулся к краю кровати и откинул сетку. При этом грубая проволока поцарапала ему ладонь, он разжал руку и выругался про себя. Сегодня он снова ощутил ту болезненную раздражительность, что не оставляла его со времени прибытия в факторию. Ступая по деревянному полу, он чувствовал каждый сучок под тяжестью своего тела. Ему хотелось обратиться отсюда, и поскорее.

Теплая струйка, бегущая по запястью, привлекла его внимание: тонкий ручеек крови стекал по руке. На подушке большого пальца зиял порез, наверное от противомоскитной сетки. Из него и текла кровь, но не слишком сильно. Он пососал ранку, вновь ощутив непонятную раздражительность, приглушаемую лишь алкоголем, причем в больших количествах. Сплюнув кровь, он начал одеваться.

Рубашка обожгла ему спину, как удар плети. Задубевшая от пота, она нестерпимо натирала плечи и шею. Казалось, его нервные окончания чувствуют каждую нить, словно это не рубашка, а власяница.

В соседней комнате проснулся Лок. Кое-как одевшись, Черрик пошел к нему. Лок сидел за столом у окна и, сосредоточенно склонившись над картой, составленной Тетельманом, пил крепкий кофе со сгущенным молоком — его варил для всей компании Дэнси. Им не-

чего было сказать друг другу. После инцидента в деревне все намеки на дружбу исчезли. Теперь Лок проявлял нескрываемую ненависть к бывшему компаньону. Их связывал только контракт, который они подписали вместе со Стампфом. Покончив с завтраком, Лок принялся за виски, что было первым признаком его дурного настроения. Черрик глотнул пойла Дэнси и пошел подышать утренним воздухом.

Все было странно. Что-то в картине нового дня сильно беспокоило его. Черрик знал, как опасно поддаваться необоснованным страхам, и пытался с ними бороться, но они не отступали.

Может быть, усталость делает его болезненно чувствительным? Не из-за этого ли его так мучила провонявшая потом одежда? Он чувствовал, что края ботинок нестерпимо трут его лодыжку; что ткань брюк ритмически прикасается к ногам во время ходьбы и обдирает их; он ощущал даже завихрения воздуха — кожей лица и рук. Мир напирал на него — по крайней мере, так казалось, — будто хотел выдавить куда-то вовне.

Большая стрекоза, звеня радужными крыльями, врезалась в его руку. От боли он выронил кружку; она не разбилась, а покатила по веранде и исчезла в зарослях. Разозлившись, Черрик прихлопнул насекомое, оставив липкое кровавое пятно на своем татуированном предплечье в знак смерти стрекозы. Он стер кровь, но она снова проступила большим темным разводом.

Он понял, что кровь эта — не насекомого, а его собственная. Стрекоза как-то поранила его, хотя он не почувствовал. Он внимательно присмотрелся к повреждению на коже: рана была незначительной, но болезненной.

Из хижины до него донесся голос Лока: тот громко рассказывал Тетельману о бестолковости своих компаньонов.

— Стампф вообще не пригоден для дела, — говорил он. — А Черрик...

— А что я?

Черрик шагнул через порог, стирая вновь проступившую кровь с руки.

Лок даже не поднял головы.

— Ты параноик,— ответил он спокойно.— Параноик, и на тебя нельзя положиться.

Черрик не был расположен отвечать на грубость Лока.

— Ты злишься оттого, что я прибил того индейского выкормыша,— сказал он. Чем тщательнее он пытался стереть кровь с пораненной руки, тем болезненнее становилась ранка.— А у тебя кишка тонка.

Лок продолжал изучать карту. Черрик шагнул к столу.

— Да ты слушаешь меня? — закричал он и стукнул кулаком по столу. От удара его рука как будто треснула. Кровь брызнула во все стороны, заливая карту. Черрик взвыл и закружил по комнате с кровоточащей трещиной на тыльной стороне руки. Несмотря на болевой шок, он слышал знакомый тихий голос. Слов было не разобрать, но он знал, кто говорит их.

— Я не хочу этого слышать! — вскричал он, тряся головой, как собака с блохой в ухе. Он оперся о стену, но прикосновение к ней вызвало новую боль.— *Я не хочу этого слышать, будь ты проклят!*

— Что за вздор он несет? — В дверях появился Дэнси, разбуженный криками. Он держал в руках том полного собрания сочинений Шелли, без которого, по словам Тетельмана, не мог уснуть.

Лок задал тот же вопрос Черрику. Тот стоял с дико расширенными глазами и сжимал руку, пытаясь остановить кровотечение:

— О чем ты?

— Он говорил со мной,— сказал Черрик.— Тот старик.

— Какой старик? — не понял Тетельман.

— Он имеет в виду того, в деревне,— ответил Лок и вновь повернулся к Черрику.— Ты об этом?

— Он хочет, чтобы мы ушли. Изгнанники. Как они. Как они! — Черрика охватывала паника, и он уже не мог с ней справиться.

— У него тепловой удар,— диагностировал Дэнси. Но Лок знал, что это не так.

— Нужно перевязать твою руку...— Дэнси медленно подвигался к Черрику.

— Я слышал его! — мычал Черрик.

— Конечно. Только успокойся. Мы сейчас во всем разберемся.

— Нет,— ответил Черрик.— Нас изгоняет отсюда все, чего мы ни коснемся. Все, чего мы ни коснемся.

Казалось, он сейчас рухнет на землю, и Лок рванулся, чтобы подхватить его. Но как только он взялся за плечо Черрика, мясо под рубашкой стало расползаться и руки Лока окрасились в ярко-красный цвет; от неожиданности он их отдернул. Черрик упал на колени, и они тоже превратились в раны. Расширенными от страха глазами он смотрел, как темнеют кровавыми пятнами его рубашка и брюки.

— Боже, что со мной происходит? — Он плакал навзрыд.

Дэнси двинулся к нему:

— Сейчас я тебе помогу...

— Нет! Не трогай меня! — умолял Черрик, но Дэнси не мог удержаться от проявления заботы.

— Ничего страшного,— произнес он деловито, как заправский доктор.

Но он ошибался. Взяв Черрика за руку, чтобы помочь подняться с колен, он открыл новые раны. Дэнси чувствовал, как под его рукой струится кровь, как мясо соскальзывает с костей. Даже ему, выдавшему виды, стало не по себе. Как и Лок, он отступил от несчастного.

— Он гниет,— пробормотал Дэнси.

Тело Черрика уже растрескалось во многих местах. Он пытался подняться на ноги, но вновь обрушивался

на землю, и от любого прикосновения — к стене, стулу или полу — обнажались новые куски мяса. Он был безнадёжен. Остальным ничего не оставалось, как смотреть и, подобно зрителям казни, дожидаться конца агонии. Даже Стампф встал с постели и вышел взглянуть, что там за шум. Он остановился в дверях, прислонившись к косяку, и не верил своим глазам.

Еще минута, и Черрик ослабел от потери крови. Он упал навзничь и растянулся на полу. Дэнси подошел ближе и присел на корточки возле его головы.

— Он умер? — спросил Лок.

— Почти,— ответил Дэнси.

— Сгнил,— сказал Тетельман, как будто это слово объясняло драматизм происходящего. В руках он держал большое грубо вырезанное распятие. Наверное, индейская поделка, подумал Лок. Распятый имел хитроватый прищур и был непристойно обнажен. Несмотря на гвозди и тернии, он улыбался. Дэнси взял Черрика за плечо, отчего потекла еще одна струйка крови, перевернул тело на спину и склонился над подрагивающим лицом. Губы умирающего едва заметно двигались.

— Что ты говоришь? — спросил Дэнси. Он еще ближе придвинулся к лицу Черрика, пытаясь понять его речь. Но вместо слов изо рта шла кровавая пена.

Подошел Лок. Мухи уже кружили над умирающим Черриком. Отстранив Дэнси, Лок наклонил свою бритую голову и взглянул в стекленеющие глаза:

— Ты слышишь меня?

Тело что-то промычало.

— Ты узнаешь меня?

Снова — мычание.

— Ты хочешь отдать мне свою часть земли?

На этот раз мычание было слабее, почти вздох.

— Здесь свидетели,— продолжал Лок.— Просто скажи «да». Они услышат тебя. Просто скажи «да».

Умирающий силился что-то сказать, его рот открылся чуть шире.

— Дэнси! — Лок обернулся. — Ты слышишь, что он говорит?

Дэнси побаивался Лока и не хотел влезать в его дела, но кивнул.

— Ты свидетель, Дэнси.

— Если нужно, — ответил англичанин.

Черрик почувствовал, что рыба кость, которой он подавился в деревне, повернулась и добила его.

— Дэнси, он сказал «да»? — поинтересовался Тетельман.

Дэнси почти услышал, как рядом звонит погребальный колокол. Он не разобрал, что сказал умирающий, но какая, в конце концов, разница? Лок все равно приберет к рукам эту землю, так или иначе.

— Он сказал «да».

Лок встал и пошел пить кофе.

Дэнси попытался закрыть глаза умершему, но от малейшего прикосновения глазные впадины разверзлись и наполнились кровью.

Ближе к вечеру его похоронили. Хотя тело было спрятано от дневной жары в самом холодном углу склада среди всякого барахла, к тому времени, как его зашили в мешок и понесли хоронить, оно уже разлагалось. В ту же ночь Стампф пришел к Локу и предложил ему свою треть земли вдобавок к доле Черрика. Лок, всегда трезво смотревший на вещи, согласился.

План карательных мер окончательно разработали на другой день. Вечером того же дня, как Стампф и надеялся, прилетел грузовой самолет. Лок, уставший от презрительных взглядов Тетельмана, тоже решил слетать в Сантарем, чтобы с помощью алкоголя на несколько дней выбросить джунгли из головы, а потом вернуться с новыми силами. Он надеялся также пополнить необходимые запасы и, если удастся, нанять надежных водителя и охранника.

В самолете было шумно, тесно и неудобно, за все время перелета попутчики не перемолвились ни словом.

Стампф лишь глазел вниз на нетронутые дикие земли, над которыми они пролетали, хотя картина не менялась часами. Темно-зеленые полосы леса, прореженные сверканием воды, и порой языки дыма там, где выжигали лес, — вот, пожалуй, и все.

По прибытии в Сантарем они расстались, едва пожав друг другу руки. От этого каждый нерв в руке Стампфа болезненно сжегся и на мягкой коже между большим и указательным пальцем открылась трещина.

Да, Сантарем — не Рио, думал Лок, направляясь в бар на южной окраине города. Туда часто навевывались ветераны Вьетнама, любители тамошнего своеобразного цирка. Это было одним из немногих удовольствий Лока: ему никогда не надоедало смотреть, как одна из местных женщин с застывшим, как студень, лицом отдастся собаке или ослу — всего за несколько зеленых. Женщины в Сантареме были отвратительны, как и пиво, но Лока не волновала внешность. Главное, чтобы тело находилось в рабочем состоянии и чтобы не подцепить заразы. Разыскав бар, он подсел к какому-то американцу, с которым весь вечер обменивался скабрзностями. Уже за полночь Локу это надоело, он прихватил бутылку виски и вышел на улицу — выплеснуть свое раздражение в чью-нибудь физиономию.

Немного косоглазая женщина уже почти согласилась на небольшой грешок с Локом (она решительно отказывалась, пока очередной стакан вина не убедил ее, что не в целомудрии счастье), когда в дверь негромко постучали.

— Суки, — выругался Лок.

— Si*, — отозвалась женщина. — Зука. Зука.

Кажется, это было единственное слово из ее лексикона, которое напоминало английское. Не обращая на

* Да (порт.).

нее внимания, пьяный Лок сполз на край грязного матраса. В дверь снова постучали.

— Кто там?

— Сеньор Лок? — Голос из коридора принадлежал молодому человеку.

— Да! — Лок не мог отыскать брюк в складках простыни.— Да! Что тебе нужно?

— Mensagem,— сказал юноша.— Urgente. Urgente*.

— Ты мне? — Он наконец нашел свои брюки и теперь надевал их.

Женщина совершенно спокойно наблюдала за происходящим, лежа в кровати и поигрывая пустой бутылкой. Застегнувшись, Лок проделал три шага — от кровати к двери. На пороге стоял мальчик, черные глаза и особенный блеск кожи свидетельствовали о его индейском происхождении. Он был одет в тенниску с логотипом кока-колы.

— Mensagem, сеньор Лок,— повторил он.— Do hospital**.

Мальчик смотрел мимо Лок на женщину в кровати, осклабясь от уха до уха.

— Больница? — переспросил Лок.

— Sim. Hospital Sacrado Coração de Maria***.

Это может быть только Стампф, подумал Лок. Кому еще он понадобится в таком богом и чертом забытом месте? Никому. Он взглянул на похотливого мальчишку.

— Vem comigo,— сказал мальчик,— vem comigo. Urgente****.

— Нет,— решил Лок.— Я остаюсь. Не сейчас. Понимаешь меня? Потом, потом.

Мальчик пожал плечами.

— Tá morrendo*****.

* Послание. Срочное. Срочное (*порт.*).

** Послание.. Из больницы (*порт.*).

*** Да. Больница Святого сердца Марии (*порт.*).

**** Меня прислали. Срочно (*порт.*).

***** Он умирает (*порт.*).

— Умирает?

— Sim. Tá morrendo.

— Ладно, бог с ним. Понимаешь? Возвращайся и скажи ему, что я приду, когда освобожусь.

Мальчик опять пожал плечами.

— E meu dinheiro?* — спросил он, когда Лок уже закрывал дверь.

— Пошел к черту,— бросил Лок и захлопнул дверь.

Через два часа, после бездарного акта с безразличной особой, Лок открыл дверь и обнаружил, что мальчик в отместку нагадил на порог.

Больница Святого сердца Марии была плохо приспособлена для того, чтобы болеть. Лучше умирать в своей кровати в компании с собственным потом, чем попасть сюда, думал Лок, шагая по грязному коридору. Удушливый запах медикаментов не мог заглушить испарений страдающей человеческой плоти: ими были пропитаны стены, они жирной пленкой садились на лампы и пол. Что стряслось со Стампфом, как он угодил сюда? Драка в баре? Не сошелся с сутенером в цене за женщину? Немец достаточно глуп, чтобы влипнуть во что-нибудь подобное.

— Сеньор Стампф? — спросил он у женщины в белом, проходившей по коридору.— Мне нужен сеньор Стампф.

Женщина покачала головой и указала дальше по коридору на мужчину очень усталого вида — тот остановился на мгновение, чтобы зажечь сигару. Лок подошел. Мужчина стоял в клубах едкого дыма.

— Мне нужен сеньор Стампф,— сказал Лок.

Мужчина, усмехнувшись, посмотрел на него.

— Вы Лок?

— Да.

* А мои деньги (порт.).

— Ага,— он затянулся. Дым был настолько едким, что мог бы вызвать рецидив у самого тяжелого пациента.— Я доктор Эдсон Коста,— представился мужчина, протягивая холодную руку.— Ваш друг ждал вас всю ночь.

— Что с ним?

— У него болит глаз,— сказал Эдсон Коста, совершенно безразличный к состоянию Стампфа.— И небольшие ссадины на руках и на лице. Но он не подпускает к себе никого. Он лечит себя сам.

— Но почему? — удивился Лок.

Доктор выглядел озадаченным.

— Он платит за стерильную палату. Платит хорошо. Поэтому я его туда и поместил. Хотите его увидеть? Может, заберете его?

— Может быть,— ответил Лок без всякого энтузиазма.

— Его голова...— проговорил доктор.— У него галлюцинации.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он пошел широкими шагами, оставляя за собой шлейф дыма. Пройдя через главное здание и небольшой внутренний двор, они оказались возле палаты со стеклянным окошком в двери.

— Здесь,— доктор показал на дверь,— ваш друг. Скажите ему,— сказал он, как будто дал прощальный залп,— чтобы заплатил, или пусть завтра уезжает.

Лок заглянул в стеклянное окошко: грязновато-белая комната была пустой — только кровать и небольшой стол, освещенный тем же зловещим светом, что пробирався в каждый угол этого заведения. Стампф не лежал в кровати, а сидел на корточках в углу. Его левый глаз был скрыт большим тампоном с бинтами, кое-как обмотанными вокруг головы.

Лок уже довольно долго смотрел на Стампфа, прежде чем тот почувствовал, что за ним наблюдают. Стампф медленно поднял голову. Его здоровый глаз, как бы компенсируя потерю другого, расширился вдвое. В нем жил

страх, и этого страха хватило бы на оба глаза, на целую дюжину глаз.

Осторожно, словно кости его настолько хрупки, что он боится их переломить при малейшем движении, Стампф отделился от стены и подошел к двери. Он не открыл ее, а стал говорить с Локом через стеклянное окошко.

— Почему ты не пришел? — просил он.

— Я здесь.

— А раньше? — Лицо Стампфа покрывали кровоподтеки, будто его били. — Раньше.

— Я был занят, — ответил Лок. — Что с тобой стряслось?

— Это правда, Лок, — произнес немец. — Все правда.

— О чем ты?

— Тетельман мне рассказал. О тех словах Черрика. О том, что мы изгнанники. Это правда. Они хотят вышвырнуть нас.

— Мы сейчас не в джунглях, — отозвался Лок. — Здесь тебе нечего бояться.

— О, если бы так. — Глаз Стампфа расширился еще больше. — Если бы так. Я видел его.

— Кого?

— Старика. Из деревни. Он был здесь.

— Забавно.

— *Он был здесь*, черт тебя побери! — воскликнул Стампф. — Он стоял тут, на твоём месте, и смотрел на меня через стекло.

— Ты, видно, слишком много выпил.

— Это случилось с Черриком, и теперь это происходит со мной. Они уничтожают нашу жизнь...

Лок хмыкнул:

— У меня нет проблем.

— Они не дадут тебе ускользнуть, — продолжал Стампф. — Ни один из нас не ускользнет. Пока мы не заплатим сполна.

— Тебе придется освободить эту палату.— Локу надоела его болтовня.— Мне сказали, что к утру тебе придется убраться.

— Нет,— замотал головой Стампф.— Я не могу. Я не могу.

— Тебе нечего бояться.

— Пыль,— сказал немец.— Пыль в воздухе. Она меня поранит. Мне в глаз попала пылинка — всего лишь пылинка! — и с тех пор он кровоточит без остановки. Я даже не могу лечь, простыня колет меня гвоздями. Когда я хожу, кажется, что ступни вот-вот растрескаются. Ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Лок.

— Заплати за меня. Заплати, чтобы я мог остаться здесь и дожждаться специалиста из Сао-Луиса. А потом, Лок, возвращайся в деревню. Возвращайся и скажи им, что я не претендую на их землю. Что она уже не моя.

— Я вернусь туда,— проговорил Лок,— когда придет время.

— Ты должен сделать это *быстро*,— настаивал Стампф.— Скажи им, что я хочу жить.

Вдруг перевязанное бинтами лицо Стампфа исказилось и его взгляд устремился мимо Лока на что-то в глубине коридора. Его дрожащие от страха губы прошептали одно слово:

— Пожалуйста.

В недоумении Лок обернулся. Коридор был пуст, только жирные мотыльки кружили вокруг лампы.

— Там ничего нет,— сказал он, снова поворачиваясь к двери. На забранном проволочной сеткой окошке отчетливо виднелись отпечатки двух окровавленных ладоней.

— Он здесь.— Немец неподвижно глядел на окровавленное стекло.

Лок не спросил, кто именно. Он потрогал отпечатки рукой. Они, все еще влажные, были на *этой* стороне двери.

— Боже,— выдохнул он. Кто мог проскользнуть мимо него и оставить отпечатки, а затем так же незаметно исчезнуть, когда он обернулся лишь на миг? В такое трудно поверить. Лок вновь оглянулся на коридор. Там не было никого. Только лампа немного раскачивалась, будто задевая движением воздуха, и мотыльки шелестели крыльями.— Что происходит?

Стампф, потрясенный появлением отпечатков, легко коснулся пальцами стекла. Из его пальцев тотчас проступила кровь и поползла каплями по стеклу. Он не убрал пальцы, а смотрел на Лока полными отчаяния глазами.

— Видишь? — спросил он очень спокойно.

— Что ты выдумываешь? — Лок тоже понизил голос.— Это какой-то трюк.

— Нет.

— Ты не болен тем, чем болел Черрик. Ты не можешь этим болеть. Ты не притрагивался к ним. Мы с тобой заодно, черт побери.— Лок начал горячиться.— Черрик их тронул, а мы — нет.

Стампф смотрел на Лока почти с жалостью.

— Мы совершили ошибку,— ответил он мягко. Его пальцы, уже убранные со стекла, продолжали кровоточить; красные струйки текли по рукам.— Ты ничего не можешь сделать, Лок. У нас руки короткие.— Он поднял свои окровавленные пальцы, улыбаясь невольной игре слов: — Видишь?

Внезапное безнадежное спокойствие немца напугало Лока. Он взялся за дверную ручку и дернул ее. Дверь оказалась закрыта. Ключ был внутри — ведь Стампф за это заплатил.

— Убирайся,— проговорил Стампф.— Уходи прочь.

Улыбка исчезла с его лица. Лок навалился на дверь плечом.

— Я сказал, убирайся! — завизжал Стампф.

Он отпрянул от двери, когда Лок во второй раз ударил в нее. Затем, видя, что замок не выдерживает напо-

ра, Стампф принялся звать на помощь. Лок не обращал на него внимания, продолжая высаживать дверь. Раздался треск.

Где-то рядом Лок услышал женский голос, отзывающийся на призывы Стампфа. Ерунда, он доберется до немца раньше, чем подоспеет помощь, а потом с божьей помощью вышибет с его физиономии эту убудочную улыбку. Он колотил в дверь с нарастающей яростью. Еще и еще, и дверь поддалась. Стампф почувствовал, как в его стерильную палату вторглись извне первые клубы грязного воздуха. В его временное убежище проникло лишь легкое дуновение, но оно принесло с собой микроскопический мусор внешнего мира. Копоть, перхоть, вычесанная с тысяч голов, пух, песок, блестящие чешуйки с крыльев мотыльков — такие маленькие, что человеческий глаз едва различит их в луче солнечного света, безобидные почти для всех живых организмов. Но для Стампфа они были смертельны; за считанные секунды его тело превратилось в скопление мельчайших кровотокающих ранок.

Он завопил и бросился к двери, чтобы захлопнуть ее. Он чувствовал, что попал под град мельчайших лезвий, и каждое из них раздирало его тело. Пока он сдерживал вторжение Лока, кожа на его израненных руках разорвалась. Впрочем, Лока он все равно не мог остановить. Широко распахнув дверь, тот ввалился в комнату, каждым движением вызывая новые движения воздуха на гибель Стампфу. Он взял немца за запястье, и под его рукой кожа расплзлась, как разрезанная ножом.

Позади него женщина испустила крик ужаса. Лок решил, что Стампф уже раскаялся в своем смехе, и отпустил его. Стампф весь покрылся ранами, появлявшимися на глазах; он попятился, как слепой, и упал за кровать. Воздух-убийца продолжал резать его, уже умирающего: дрожа в агонии, он поднимал вихри и водовороты, терзавшие его кожу.

Бледный как смерть, Лок отошел от тела и попятился в коридор. Там уже толпились любопытные; они расступились перед ним, напуганные его ростом и диким выражением лица. Пройдя по воняющему болезнями лабиринту, Лок пересек двор и вошел в главное здание. Мельком он увидел Эдсона Косту, спешившего ему навстречу, но не стал задерживаться для объяснений.

В вестибюле — несмотря на поздний час, заполненном всевозможными страдальцами, — его взгляд упал на мальчика, сидевшего на коленях у матери. Очевидно, у ребенка было что-то с животом: на его рубашке, не по росту большой, расплылось кровавое пятно, на лице блестели слезы. Его мать не взглянула на Лока, пока тот пробирался сквозь толпу. Но мальчик поднял голову, как будто знал, что Лок должен проходить мимо, и лицо его озарилось улыбкой.

В лавке Тетельмана не оказалось никого из знакомых Лока, и он сумел узнать от прислуги — большая часть которой была пьяна в стельку — только то, что хозяин на днях отправился в джунгли. Лок отловил одного относительно трезвого местного жителя и угрозами вынудил сопровождать его в деревню в качестве переводчика. Лок еще не придумал, как будет мириться с племенем. Но он знал точно, что должен доказать свою невиновность. В конце концов, скажет он, ведь это *не он* сделал тот роковой выстрел. Конечно, случилось недоразумение, но он не нанес вреда никому из людей. Ну как можно, если по совести, обвинить его в преступлении? Если они хотят покарать Лока, он готов их выслушать. Но разве возмездие уже не наступило? Ведь он видел так много горя в эти дни. Он хочет искупить вину. Все, что потребует от него племя — в пределах разумного, — Лок примет. Только не смерть, как у тех двоих. Он даже отдаст землю.

Лок гнал машину жестоко, и его хмурый компаньон недовольно бурчал. Лок пропускал его ворчание ми-

мо ушей: нет времени. Джип болтало и подбрасывало, двигатель жалобно завывал при каждом толчке, и по мере их шумного продвижения джунгли по обе стороны дороги взрывались воплями и взвизгами всех мастей. Страшное, голодное место, подумал Лок и впервые возненавидел его всем сердцем. Невозможно постичь происходящее здесь; самое большее, на что можно надеяться, это временное убежище — укрыться и подышать, пока тебя не выживет следующее поколение.

За полчаса до наступления темноты, измотанные дорогой, они наконец добрались до деревушки. Она совершенно не изменилась за прошедшие несколько дней, но обитатели покинули ее. Дверные проемы зияли пустотой; общинный огонь, который поддерживался круглые сутки, превратился в угли. Ничей взгляд не встретил Лока — ни ребенка, ни свиньи. Дойдя до середины деревни, он остановился, пытаясь понять, что же случилось. Однако это ему не удавалось. Он так устал, что уже ничего не боялся и, собрав остатки истощенных сил, крикнул в безмолвие:

— Где вы?!!

Два отливающих красным попугая взлетели с криком с дерева в дальнем конце деревни; через несколько мгновений из зарослей бальзы и джакаранды появилась фигура. Но это был не индеец, а Дэнси собственной персоной. Он немного потоптался на месте, затем узнал Лока и вышел, широко улыбаясь, навстречу. За ним, шелестя листвой, вышли остальные. Среди них был Тетельман, а также несколько норвежцев во главе с неким Бьернстрёмом, которого Лок как-то встречал в фактории. Над красным, как вареный рак, лицом норвежца нависала копна выбеленных солнцем волос.

— Бог мой,— воскликнул Тетельман,— что вы здесь делаете?

— Я мог бы спросить вас о том же,— ответил Лок раздраженно.

Бьернстрём жестом опустил ружья своих компаньонов и шагнул вперед с умиротворяющей улыбкой.

— Мистер Лок,— произнес он, протягивая руку в кожаной перчатке,— рад с вами познакомиться.

Лок с отвращением посмотрел на запачканную перчатку, и Бьернстрём, скорчив виноватую физиономию, убрал руку.

— Прошу нас простить,— сказал он.— Мы работаем.

— Над чем же? — поинтересовался Лок, чувствуя, как желчь клокочет у него в горле.

— Индейцы,— отозвался Тетельман и сплюнул.

— Где племя? — спросил Лок.

Тетельман вновь подал голос:

— Бьернстрём заявляет свои права на эту территорию...

— Племя,— повторил Лок.— Где оно?

Норвежец поигрывал перчаткой.

— Вы выкупили у них землю или как? — спросил Лок.

— Не совсем,— ответил Бьернстрём. Его английский был так же безупречен, как и профиль.

— Проводи его,— предложил Дэнси с каким-то воодушевлением.— Пусть сам посмотрит.

Бьернстрём кивнул.

— Почему бы и нет? — сказал он.— Только не призрагивайтесь ни к чему, мистер Лок, и прикажите своему спутнику оставаться на месте.

Дэнси первым пошел в глубь зарослей. Бьернстрём сопровождал Лока, когда они через деревню двигались к проходу, вырубленному в густой растительности. Лок едва передвигал ноги; с каждым шагом они слушались все меньше. Идти было трудно — масса раздавленных листьев и орхидей смешалась с пропитанной влагой землей.

На небольшом расчищенном участке ярдах в ста от деревни он увидел вырытую яму. Она была не очень глу-

бокой и не очень большой. Смешанный запах извести и бензина перебивал все остальные. Тетельман, добравшийся до ямы первым, невольно отпрянул от ее края, Дэнси же был менее чувствительным: он зашел с дальнего конца и стал жестами предлагать Локу заглянуть в нее.

Тела уже начали разлагаться. Они лежали, сваленные в кучу, груди к ягодицам и ноги к головам, пурпурно-черной массой. Мухи во множестве кружили над ямой.

— Цивилизация,— прокомментировал Дэнси.

Лок стоял и смотрел. Бьернстрём обогнул яму и присоединился к Дэнси.

— Здесь все? — спросил Лок.

Норвежец кивнул:

— Одним махом.— Слова он произносил убийственно правильно.

— Одежда.— Тетельман назвал орудия убийства.

— Но так быстро...— пробормотал Лок.

— Это очень эффективное средство,— сказал Дэнси.— И почти невозможно что-либо доказать. Даже если кто и заинтересуется.

— Болезнь самая обычная,— заметил Бьернстрём.— Да? Как у деревьев.

Лок потряс головой; ему резало глаза.

— О вас хорошо отзываются,— сказал ему Бьернстрём.— Думаю, мы могли бы работать вместе.

Лок даже не пытался ответить. Другие норвежцы положили ружья и вернулись к работе — сваливали в яму оставшиеся тела из кучи, сложенной рядом. Среди трупов Лок разглядел ребенка, а также старика, которого как раз в этот момент тащили к яме. Когда его раскачивали над ямой, конечности болтались, будто лишённые суставов. Труп скатился немного боком и замер лицом вверх с поднятыми над головой руками — то ли повинуюсь, то ли изгоняя чужаков. Это был тот самый «старший», с кем имел дело Черрик. Его ладони все еще

оставались красными. На виске отчетливо виднелось входное отверстие от пули. Очевидно, болезни и несчастья не всегда эффективны.

Лок смотрел, как следующее тело сбросили в общую могилу, а за ним еще одно.

Бьернстрём, стоя на дальнем краю ямы, закуривал сигарету. Он поймал взгляд Лока.

— Вот так,— сказал он.

Из-за спины Лока подал голос Тетельман.

— Мы думали, ты уже не вернешься,— заметил он, видимо, пытаясь объяснить свой альянс с Бьернстрёмом.

— Стампф умер,— отозвался Лок.

— Ну что ж, нам больше достанется.

Тетельман подошел к нему и положил руку на плечо. Лок не ответил. Он смотрел вниз, на тела, уже засыпанные известью, и не обращал внимания на теплую струйку, стекавшую с того места, куда легла рука Тетельмана. Тот с отвращением отдернул руку: на рубашке Лока расплывалось кровавое пятно.

Сумерки над башнями

Фотографии МIRONЕНКО, которые БАЛЛАРДУ показали в Мюнхене, мало о чем говорили. Только на одной или двух можно было разобрать лицо агента КГБ, а все остальные, крупнозернистые и в пятнах, искажали его облик. БАЛЛАРД не очень расстроился. Из своего обширного и подчас горького опыта он знал, сколь обманчива внешность. Но помимо зрения есть и другие способности — остатки тех чувств, что атрофировались к нашему времени; он умел включать их в игру и разнюхивать самые мелкие признаки обмана. Эти способности при встрече с МИРОНЕНКО помогут узнать правду.

Правду? Во всем этом есть какая-то загадка, и не станет ли лучшей тактикой искренность? СЕРГЕЙ ЗАХАРОВИЧ МИРОНЕНКО одиннадцать лет возглавлял отдел «С» в управлении КГБ и имел доступ к самой засекреченной информации о тайной агентуре Советов на Западе. Однако в последние недели он отчего-то разочаровался в своих хозяевах и был готов перебежать, что стало известно британским спецслужбам. Чтобы окупить те непростые действия, что будут предприняты в его интересах, он обязался в течение трех месяцев действовать в качестве двойного агента внутри КГБ, после чего его примут в объятия демократии и спрячут там, куда не доберутся его мстительные владыки. БАЛЛАРДУ нужно встретиться с русским один на один и попытаться установить, насколько искренним является его отход от ком-

мунистической идеологии. Ответ следует искать не в словах Мироненко — это Баллард знал наверняка, — а в едва заметных оттенках его поведения, которые способен уловить лишь инстинкт.

В свое время подобная головоломка показалась бы Балларду увлекательной и все его мысли сосредоточились бы на разматывании витков запутанного клубка. Так поступает человек, убежденный, что его действия оказывают решающее влияние на ход мировых событий. Теперь Баллард стал мудрее. Секретные службы Запада и Востока годами корпели над своей рутинной. Составляли заговоры, кривили душой, порой (хотя и редко) проливали кровь. Случались и побеги, и обмены пленных, и маленькие тактические победы. Но в итоге все всегда оставалось в одном и том же положении.

Взять, к примеру, этот город. Впервые Баллард попал в Берлин в 1969 году. Ему исполнилось двадцать девять, годы тренировок укрепили его тело, он был здоров и не чужд удовольствий. Однако он не чувствовал себя комфортно. Баллард считал этот город неприятным и даже злоецим. Берлин увлек Оделла — его коллегу в первые два года работы, — что доказывало действенность городских чар; и однажды Баллард почувствовал себя потерянным для жизни. Разделенный пополам Берлин стал ему ближе, чем Лондон. Тяжесть, несбывшийся идеализм и — возможно, острее всего — ужасное одиночество этого места подходили Балларду. Он и город, живущие в пустыне умерших амбиций.

Он нашел Мироненко в картинной галерее. Баллард не ошибся — фотографии действительно ввали. Русский выглядел старше своих сорока шести и казался более болезненным, чем на украденных снимках. Ни Баллард, ни Мироненко не подали виду, что они знакомы. Они полчаса бродили между картин, причем Мироненко проявлял большой и, во всей видимости, подлинный интерес к живописи. Убедившись в том, что за ними нет слеж-

ки, Мироненко покинул здание и довел Балларда в укромное предместье Далем, в безопасный, по общему мнению, дом. Там они устроились в маленькой нетопленной кухне и начали разговор.

Мироненко не слишком уверенно говорил по-английски, хотя Балларду показалось, что эти затруднения — скорее тактические, чем грамматические. Он вполне допускал такое в ситуации с русским; ведь на редкость неприятно выказать себя менее компетентным, чем собеседник. Но, несмотря на трудности с языком, признание Мироненко было недвусмысленным.

— Я больше не коммунист,— заявил он без обиняков.— Вот здесь,— он ткнул себя в грудь,— я не член партии уже много лет.

Он достал из кармана носовой платок и стянул с руки перчатку; достал из складок платка пузырек с таблетками.

— Извините,— сказал он, вытряхивая таблетки.— У меня сильные боли. В голове, в руках.

Баллард подождал, пока русский проглотит свои пилюли, затем спросил:

— Что заставило вас усомниться?

Мироненко спрятал пузырек. Его широкое лицо ничего не выражало.

— Как человек теряет свою... свою веру? — произнес он.— Это то, что я видел слишком часто или слишком редко, может быть?

Он посмотрел в лицо Балларду, пытаясь определить, дошел ли до него смысл сбивчивой фразы. Не найдя подтверждений, попробовал еще раз.

— Я думаю, что человек, не чувствующий себя потерянным, потерял.

Мироненко изложил парадокс весьма элегантно. Подозрения Балларда относительно его настоящих познаний в английском языке подтвердились.

— Сейчас вы чувствуете себя потерянным? — спросил Баллард.

Мироненко не ответил. Он стащил вторую перчатку и стал разглядывать собственные руки. По-видимому, таблетки не облегчили его страданий. Он сжимал и разжимал кулаки, как больной артритом, проверяющий свое состояние. Наконец он поднял голову и сказал:

— Меня учили, что у партии есть ответы на все вопросы. Это избавляло меня от страха.

— А теперь?

— Теперь? — переспросил он. — Теперь меня посещают странные мысли. Они приходят из ниоткуда...

— Продолжайте, — проговорил Баллард.

Мироненко слабо улыбнулся.

— Вы должны видеть меня насквозь, ведь так? Даже мои мысли?

— Конечно.

Мироненко кивнул.

— С нами будет то же самое, — заявил он и, сделав паузу, продолжил: — Иногда мне кажется, что я должен раскрыться. Вы меня понимаете? Я должен треснуть, внутри меня все клоочет. И это пугает меня, Баллард. Мне кажется, они видят, как я их ненавижу. — Он посмотрел на собеседника. — Вам нужно торопиться, иначе они меня расколют. Я стараюсь не думать, что они со мной сделают.

Он опять умолк. Любая тень улыбки, даже печальной, исчезла.

— В комитете есть такие отделы, о которых даже я ничего не знаю. Специальные клиники, куда не может проникнуть никто. Они умеют раскрошить человеческую душу на куски.

Баллард, как прагматик, подумал о том, что русский несколько перехватил с высокими материями. Он сомневался, что попавшего в лапы КГБ будет занимать вопрос о душе. Лучше беспокоиться о теле с его нервными окончаниями.

Они говорили час или больше, беседа переходила от политики к личным воспоминаниям, от болтовни к признаниям. К концу встречи у Балларда не оставалось сомнений в том, что неприязнь Мироненко к коммунистам — не фальшивка. Русский, по его собственным словам, стал человеком без веры.

На следующий день Баллард встретился с Криппсом в ресторане отеля «Швайзерхофф» и сделал устный отчет по делу Мироненко.

— Он готов и ждет. Но он настаивает, чтобы мы поторопились с решением.

— Ну конечно, он на этом настаивает,— ответил Криппс.

Сегодня его стеклянный глаз доставлял ему неудобства; наверное, холодный воздух сделал его малоподвижным, думал Криппс. Иногда глаз двигался медленнее, чем настоящий, а иногда даже приходилось слегка подталкивать его пальцем, чтобы привести в движение.

— Решение нельзя принимать с ходу,— сказал Криппс.

— А в чем проблема? У меня нет никаких сомнений относительно его намерений или его отчаяния.

— Хорошо,— отозвался Криппс,— а есть что-нибудь на десерт?

— Вы сомневаетесь в моих выводах? Я правильно понял?

— Давай что-нибудь сладкое, чтобы я не думал о нем как о полном негодяе.

— Вы считаете, я в нем ошибся? — зашелся Баллард. Ответа не последовало, и он перегнулся через стол: — Так следует вас понимать?

— Я просто призываю к осторожности,— сказал Криппс.— Если мы все же решимся взять его к себе, русские очень обидятся. Мы должны быть уверены, что дело стоит той бури, которую оно вызовет. Слишком все неустойчиво.

— А когда оно бывает устойчиво? — спросил Баллард.— Назовите мне время, когда перед нами не маячил какой-нибудь кризис.

Он откинулся в кресле и попытался по лицу угадать мысли Криппса. Стекланный глаз блестел сильнее, чем настоящий.

— Я сыт по горло этими играми,— пробурчал Баллард.

Стекланный глаз повернулся.

— Из-за русского?

— Может быть.

— Поверь мне,— проговорил Криппс,— у меня есть веские основания быть осторожным с этим человеком.

— Назовите хоть одно.

— Это неподтвержденные сведения.

— Что же у вас есть на него? — наседал Баллард.

— Кое-какие слухи,— ответил Криппс.

— Почему меня не поставили в известность?

Криппс покачал головой.

— Теперь это чисто теоретический вопрос,— сказал он.— Ты сделал хороший отчет. Ты должен понять: если все происходит не так, как ты считаешь правильным, это вовсе не значит, что ты ошибаешься.

· — Понимаю.

— Нет, не понимаешь,— возразил Криппс.— Тебя это мучает, и я вовсе не порицаю тебя за это.

— Так что же происходит? Может, мне вообще лучше забыть, что я с ним встречался?

— Было бы неплохо,— сказал Криппс.— С глаз долой — из сердца вон.

Впрочем, Криппс вовсе не надеялся, что Баллард последует его совету. На следующей неделе Баллард сделал несколько осторожных запросов по Мироненко и в итоге понял, что его обычные осведомители получили наказ держать язык за зубами.

Так или иначе, новые сведения по делу русского Баллард нашел в утренних газетах — сообщение о теле, найденном в доме возле станции на Кайзердамм. Читая статью, он еще не знал, как увязать это происшествие с Мироненко, но его заинтересовали некоторые подробности. Он подозревал, что упомянутый дом время от времени использовался секретными службами. Далее в статье говорилось, что две неустановленные личности едва не были задержаны, когда выносили труп. Предполагали, что это запланированное убийство.

После полудня он направился к Криппсу, надеясь получить какое-то объяснение. Но секретарша сказала, что Криппса сейчас нет и не будет — он уехал в Мюнхен по срочному делу. Баллард оставил записку с просьбой об аудиенции.

Выйдя из офиса на холодную улицу, он заметил, что стал объектом пристального внимания урколицего мужчины с залысинами и смешным хохолком на лбу. Баллард знал, что это человек Криппса, но не мог выудить из памяти имя.

— Саклинг,— напомнил тот.

— Ну конечно,— ответил Баллард.— Привет.

— Нам стоит поговорить, если у вас есть пара минут,— сказал Саклинг.

Его голос был таким же тонким, как и лицо. Балларду совершенно не хотелось слушать его сплетни. Он уже открыл рот, чтобы отказаться, но Саклинг спросил:

— Я думаю, ты слышал, что случилось с Криппсом?

Баллард отрицательно покачал головой.

Саклинг, как удовлетворенный обладатель ценных сведений, повторил:

— Нам нужно поговорить.

Они пошли по Кантштрассе в сторону зоопарка. На улице было полно людей — обеденное время,— но Баллард почти не замечал их. То, что рассказывал ему Саклинг, требовало полного и абсолютного внимания.

Все было очень просто. Криппс, по-видимому, сам подготовил встречу с Мироненко, чтобы лично убедиться в его искренности. Дом в Шенеберге, выбранный для этого, уже использовался в подобных целях и считался одним из надежнейших явочных мест. Но прошлым вечером обнаружилось, что это не так. Очевидно, люди из КГБ следили за Мироненко до самого дома, а затем попытались сорвать встречу. Свидетелей того, что произошло дальше, не осталось: оба человека из сопровождения Криппса (один из них, Оделл, был старым сослуживцем Балларда) убиты, сам Криппс в коме.

— А что с Мироненко? — спросил Баллард.

— Наверное, они забрали его домой, на родину.— Саклинг пожал плечами.

Баллард уловил фальшивую ноту.

— Спасибо, что вводишь меня в курс событий,— сказал он,— но зачем?

— Ведь вы с Оделлом дружили, не так ли? Без Криппса у тебя остается совсем немного друзей.

— Правда?

— Не хочу тебя обидеть,— быстро заговорил Саклинг,— но у тебя репутация диссидента.

— Переходи к делу.

— Нет никакого дела. Я просто подумал, что тебе следует знать о том, что случилось. Я сам рискую головой.

— Отлично,— произнес Баллард и остановился.

Саклинг прошел еще несколько шагов и повернулся к нему; Баллард стоял, усмехаясь.

— Кто тебя подослал?

— Никто,— ответил Саклинг.

— Отличный способ распространять придворные сплетни. Я почти поддался. Ты очень убедителен.

На тощей щеке Саклинга был очень заметен нервный тик.

— В чем меня подозревают? Они считают, что я спелся с Мироненко? Не думаю, что они настолько глупы.

Саклинг горестно покачал головой, как врач при виде неизлечимого больного:

— Тебе нравится плодить врагов?

— Такова профессия. Я не потеряю сон из-за этого, не надейся.

— Грядут большие перемены,— заявил Саклинг.— Уверен, скоро ты получишь ответы на все вопросы.

— Засунь свои ответы себе в задницу,— ответил Баллард очень ласково.— Надеюсь, придет время и я смогу поставить правильные вопросы.

То, что к нему подослали Саклинга, оставило неприятный осадок. Они хотели проверить его, но зачем? Неужели они всерьез считают, что он вступил в сговор с Мироненко или хуже того — с КГБ? Баллард подавил негодование; оно замутняло мозги, а ему требовался ясный рассудок, чтобы правильно разобраться в происходящем. В одном Саклинг совершенно прав: у Балларда есть враги и без прикрытия Криппса он стал уязвимым. В таких обстоятельствах можно выбрать одну из двух тактик: вернуться в Лондон и там лечь на дно или остаться в Берлине и ждать следующего маневра противника. Баллард остановился на втором. Игра в прятки ему бы быстро наскучила.

Сворачивая с Норт на Лейбништрассе, он заметил в витрине магазина отражение человека в сером пальто. Баллард видел его лишь мельком, но лицо показалось знакомым. За ним послали хвост? Он резко обернулся и пристально посмотрел на человека. Тот, похоже, смутился и отвел глаза. Может быть, только показалось, а может быть, и нет. Впрочем, какая разница, подумал Баллард. Пусть следят сколько угодно — он ни в чем не виноват. Таковы условия этой безумной игры.

Странное ощущение счастья посетило Сергея Мироненко; оно возникло без видимой причины и переполнило сердце.

Ведь еще вчера его состояние казалось невыносимым. Боли в руках, в голове и позвоночнике непрерывно усиливались, а теперь к ним присоединилась чесотка — до того нестерпимая, что он вынужден был остричь ногти до мяса, чтобы не содрать себе кожу. Он чувствовал, что тело восстало против него. Именно это он пытался объяснить Балларду: он отторгнут от себя самого и боится, как бы его не разорвало на части. Но сегодня страх исчез.

Страх, но не боли. Они, пожалуй, стали еще сильнее. Связки и сухожилия казались растянутыми сверх положенного природой предела: суставы распухли от притока крови, и кожа на них была в синяках. Но исчезло предчувствие надвигающегося катаклизма: взамен пришло дремотное успокоение.

Когда он пытался восстановить в памяти цепь событий, приведших его к такой перемене, происходило нечто странное. Ему предложили встретиться с начальником Балларда — это он помнил. А вот пошел он туда или нет — не помнил. Ночь была слепым пятном.

Баллард, наверное, знает, что к чему, думал он. С самого начала англичанин понравился ему, вызвал доверие и ощущение, что они похожи, несмотря на все различия. Надо положиться на инстинкт, и он сам разыщет Балларда. Англичанин, конечно, удивится; сначала даже рассердится. Но эта маленькая вольность будет прощена, когда он поведаст Балларду о своем неожиданном счастье.

Баллард обедал поздно и до ночи пил, всегда в одном и том же баре «Кольцо», где собирались трансвеститы. Сюда его впервые привел Одед почти два десятка лет назад. Без сомнения, Одед выбрал это место, чтобы продемонстрировать неискушенному коллеге свою осведомленность по части берлинского декаданса, но Баллард, никогда не испытывавший никакого сексуального ин-

тереса к постоянным клиентам «Кольца», сразу почувствовал себя здесь как дома. Его нейтралитет уважали; никто к нему не приставал. Он просто пил и смотрел на дефилирующий перед ним парад трансвеститов.

Сегодня это место напомнило ему Оделла, чье имя теперь не стоит упоминать в разговоре из-за его причастности к делу Мироненко. Баллард уже видел, как это делается. История не прощает провалов, за исключением особо скандальных, в которых есть блеск. В честь людей, подобных Оделлу, — честолюбцев, попавших в западню по причине собственной ошибки, — не чеканят медали и не слагают песни. Для них — только забвение.

От этих раздумий он впал в меланхолию и много пил, чтобы не затосковать окончательно, но когда вышел на улицу — в два часа ночи, — его депрессия лишь слегка притупилась. Добрые берлинские бургеры уже давно спали, завтра начнется новый рабочий день. Только Курфюрстендамм подавала признаки жизни шумом дорожного движения. Туда он и направился, не думая ни о чем.

Позади него раздался смех: молодой человек — наряженный, как кинозвезда, — шагал неверной походкой в обнимку со своим не улыбчивым спутником. В трансвестите Баллард узнал одного из завсегдатаев бара, а клиент, судя по его простому костюму, был провинциалом: такие приезжали сюда, чтобы за спиной жены утолить охоту до мальчиков, переодетых девочками. Баллард ускорил шаг. Юноша заливался смехом, и этот звук действовал на нервы.

Баллард услышал, что рядом кто-то пробежал, и краем глаза уловил скользнувшую тень. Наверное, это «хвост». Алкоголь затуманил ему мозги, однако он все же почувствовал тревогу, не понимая, что ее вызывает. Он продолжал путь, и беспокойство не оставляло его.

Пройдя еще несколько ярдов, он заметил, что смех за его спиной стих. Он оглянулся через плечо, ожидая увидеть мальчика в объятиях его клиента. Но пара ис-

чезла: наверное, скользнули в одну из аллей — заключить свой контракт в темноте. Где-то совсем рядом собака завывала по-волчьи. Баллард обернулся и оглядел пустынную улицу в надежде понять, в чем дело. Как бы ни гудела его голова, как бы ни чесалась кожа на ладонях, тревога не была надуманной. Что-то происходило с этой улицей, несмотря на внешнюю безобидность: она скрывала ужас.

До ярких огней Курфюрстендамм оставалось не более трех минут ходьбы, но Баллард решил не оставлять тайну неразгаданной. Он повернулся и медленно пошел назад. Вой собаки прекратился; в тишине раздавался лишь звук его шагов.

Дойдя до поворота на аллею, он остановился и вгляделся в темноту. Ни в окнах, ни в подъездах света не было. Казалось, ничего живого нет в этой тьме. Миновав первую аллею, Баллард направился ко второй. Воздух наполнился острым зловонием, которое усилилось, когда он дошел до угла аллеи. От этого запаха гул в его голове усилился, угрожая перерасти в громовые удары.

В конце аллеи мерцал свет — слабый огонек из верхнего окна, и Баллард увидел тело того провинциала, распростертое на земле. Оно было так изуродовано, будто кто-то пытался вывернуть его наизнанку. Разбросанные внутренности и производили этот густой острый запах.

Балларду не раз приходилось видеть насильственную смерть, и он считал себя привычным к подобным зрелищам. Но что-то на этой аллее не давало ему успокоиться. Он почувствовал дрожь в коленках. А потом из тени послышался голос юноши.

— Ради бога... — Его голос утратил всякий намек на женственность: в нем звучал нечеловеческий ужас.

Баллард шагнул в глубь аллеи. Лишь продвинувшись на несколько ярдов, он увидел и юношу, и причину его стенаний. Мальчишка бессильно прислонился к стене, стоя посреди мусорной кучи. Блестки и тафта были со-

рваны с него; тело казалось бледным и бесполом. Он, кажется, не заметил Балларда; его глаза не отрывались от чего-то другого, скрытого в тени.

Дрожь в коленях усилилась, когда Баллард проследил за взглядом юноши; он почувствовал, что вот-вот застучит зубами. Тем не менее он двинулся дальше — не из-за юноши (он всегда считал героизм пустым делом), но потому, что во что бы то ни стало хотел увидеть, что за человек способен на такое исключительное злодеяние. Ему казалось, что главная задача сейчас — посмотреть в глаза этой невиданной дикости.

Юноша наконец заметил его и пролепетал что-то о помощи, но Баллард не услышал. Он чувствовал, что на него смотрят другие глаза, и их взгляд разил, как удар. Шум в голове усилился до болевых ощущений и напоминал теперь рокот вертолетных турбин. В считанные секунды боль достигла такой силы, что потемнело в глазах.

Баллард закрыл лицо руками и попятился к стене, смутно осознавая, что убийца покидает свое укрытие (мусорный бак был опрокинут) и собирается скрыться. Баллард почувствовал, как что-то слегка задело его, и открыл на мгновение глаза. На дорожке он заметил убегающего человека. Тот выглядел странно — спина выгнута крюком, голова непропорционально большая. Баллард крикнул, но злодей не остановился, только задержался, чтобы взглянуть на растерзанное тело, и выскочил на улицу.

Баллард оторвался от стены и выпрямился. Шум в голове немного утих; головокружение прошло.

Сзади послышались всхлипы юноши.

— Вы видели? — повторял он. — Вы видели?

— Кто это был? Ты его знаешь?

Юноша смотрел на Балларда расширенными от страха подведенными глазами, как напуганный олень.

— Кого?.. — переспросил он.

Баллард уже собирался повторить вопрос, но тут раздался визг тормозов и сразу за ним удар. Он оставил мальчишку, натягивающего свой истерзанный наряд, и вернулся на улицу. Где-то рядом слышались голоса, и он поспешил на звук. Большая машина стояла поперек тротуара, ее фары ярко горели. Водителю помогали выбраться наружу, в то время как его пассажиры — завсегдатаи вечеринок, судя по их одежде и разгоряченным алкоголем лицам, — стояли рядом и яростно спорили, как все случилось. Женщина говорила о каком-то звере на дороге, но другой пассажир не соглашался: тело, отброшенное столкновением в кювет, не было телом животного.

Баллард почти не разглядел убийцу на аллее, но инстинктивно чувствовал, что это он. Однако в нем не было того уродства, которое Баллард, как ему казалось, отметил: обычный человек в старом костюме лежал лицом в луже крови. Полиция уже прибыла, и офицер приказал Балларду отойти от тела, однако он все же взглянул украдкой в лицо покойника. На этом лице не было и следа того неистовства, какое он ожидал увидеть. Тем не менее кое-что он узнал.

В кювете лежал Оделл.

Полицейским он сказал, что ничего не видел, и поспешил покинуть место событий, пока не открылось происшествие в аллее.

По дороге домой у него на каждом шагу возникали новые вопросы, и среди них главный: почему они лгали, будто Оделл мертв? И какая напасть обуяла человека, что он стал способен на такое зверство? Баллард понимал, что не добьется ответа от своих бывших коллег. Единственным, у кого можно было бы попытаться что-то выведать, оставался Криппс. Он вспомнил их спор насчет Мироненко и слова Криппса о необходимости «мер предосторожности», когда имеешь дело с этим русским. Зна-

чит, Стекланный Глаз знал, что здесь нечисто, но даже он не мог предугадать масштаба несчастья. Убиты два высококлассных агента. Мироненко исчез; видимо, он уже мертв. Сам Баллард, если верить Саклингу, тоже недалеко от этого. И все началось с Сергея Захаровича Мироненко, неудачника из Берлина. Похоже, его трагедия заразительна.

Баллард решил, что завтра разыщет Саклинга и выжмет из него кое-какую информацию. А пока его мучат боли в голове и руках и он хочет спать. Усталость может отразиться на его аналитических способностях, а сейчас он нуждался в них как никогда. Несмотря на слабость, он не мог заснуть больше часа, и сон не принес ему отдыха. Балларду снился шепот, а над ним, нарастая и заглушая шепот, рокотал вертолет. Дважды он просыпался от ужасных ударов в голову; дважды снова опускал голову на подушку, пытаясь понять, что говорит ему шепот. Проснувшись в третий раз, Баллард почувствовал, что его голова сейчас расколется от грохота; он всерьез испугался за свое здоровье. Ослепнув от боли, он сполз с кровати.

— Пожалуйста...— стонал он, как будто кто-то мог ему помочь.

Из темноты раздался спокойный голос:

— Что тебе нужно?

Он ничего не стал спрашивать, только попросил:

— Сними боль.

— Ты можешь сделать это сам,— сказал голос.

Баллард прислонился к стене, со слезами на глазах обхватив руками раскалывающуюся на куски голову.

— Я не знаю как,— ответил он.

— Сны вызывают боль,— произнес голос,— поэтому ты должен их забыть. Понимаешь? Забудь, и боль пройдет.

Он понял, но не сообразил, как это сделать. Он не мог управлять собой во сне. Шепот приходил к нему, не наоборот. Но голос настаивал:

— Сон вызывает боль, Баллард. Ты должен похоронить его. Похоронить глубоко.

— Похоронить?

— Вообрази это, Баллард. Представь себе это подробно.

Баллард повиновался. Он представил похоронную команду, гроб и свой сон, лежащий в гробу. Он заставил их копать глубоко, как велел ему голос, чтобы никогда уже нельзя было достать погребенное из могилы. Но как только Баллард представил, что гроб опускают в землю, он услышал треск его стенок. Сон не хотел быть похороненным, и гроб начал разламываться.

— Быстрее! — приказал голос.

Шум моторов достиг убийственной силы. Из ноздрей пошла кровь, он чувствовал соль в горле.

— Заканчивай с этим! — визжал голос, перекрывая шум.— Засыпай его!

Баллард заглянул в могилу. Ящик ходил ходуном.

— Засыпай же, черт тебя побери!

Он попытался заставить похоронную команду подчиниться, взять лопаты и закопать заживо эту беспокойную тварь, но они не слушались. Вместе с Баллардом они смотрели, как бьется за жизнь содержимое ящика.

— Нет! — вопил голос в бешенстве.— Вы не должны смотреть!

Ящик метался по дну ямы. Крышка разлеталась в щепки. На мгновение Баллард увидел, как что-то ярко блеснуло между досок.

— Оно убьет тебя! — воскликнул голос, и словно в подтверждение этому мощность звукового давления превзошла все пределы, сметая и похоронную команду, и гроб, и все остальное в единой вспышке боли. Балларду показалось, что голос прав и он стоит на пороге смерти. Но не сон покушался на его жизнь, а тот страж, которого они выставили между ним и сном: эта сокрушающая череп какофония.

Только сейчас он осознал, что лежит на полу, подмятый звуковым шквалом. Ничего не видя, он нащупал стену и тяжело прислонился к ней. Рев моторов бил ему по ушам, лицо горело прихлынувшей кровью.

С трудом он поднялся на ноги и двинулся в ванную. За его спиной опять возник голос, уже спокойный, и вновь начал свою проповедь. Он звучал так близко, что Баллард невольно обернулся, ожидая увидеть говорящего, — и увидел. Сквозь пелену боли он заметил, что стоит в комнате без окон, с белыми стенами. Комната освещалась ярким мертвенным светом, а в центре комнаты явилось улыбающееся лицо.

— Это твои сны вызывают боль, — сказала лицо. Голос принадлежал все тому же Приказывающему. — Похорони их, Баллард, и боль пройдет.

Баллард плакал, как провинившееся дитя под строгим взглядом родителя.

— Верь нам, — сказал другой голос, тоже где-то близко. — Мы твои друзья.

Но он не верил их сладким словам. Ведь это они вызвали боль, от которой теперь собираются избавить его. Боль — палка, чтобы бить его, когда приходят сны.

— Мы хотим помочь тебе, — проговорил кто-то из них.

— Нет... — выдавил он. — Нет, будьте вы прокляты. Я... Я не верю.

Белая комната моментально исчезла, и он снова оказался в своей спальне — цепляющийся за стену, как альпинист за скалу. Пока они снова не пришли со своими словами, со своими истязаниями, он перебрался по стенке в ванную и вслепую нащупал душевой кран. На миг он содрогнулся, пустив воду на полный напор — она была ледяной. Он сунул голову под поток, в то время как лопасти вертолета в своем вращении пытались разнести ему череп на куски. Холодная вода ручьем стекала по его спине, но он не двигался, и постепенно вертоле-

ты начали отдаляться. Он все стоял, хотя тело свело от холода, пока не улетел последний вертолет. Потом он сел на край ванны, вытерся полотенцем и, кое-как придя в себя, направился обратно в спальню.

Он лежал на тех же смятых простынях, почти в той же позе, что и раньше, но все теперь изменилось. Он не понимал, что с ним произошло и каким образом. Он лежал с открытыми глазами, не давая успокоиться воспоминаниям ночи, пытаясь разобраться в них. Перед самым рассветом он вспомнил слова, что буркнул в лицо галлюцинации. Такие простые слова, и такие сильные.

«Я не верю»,— сказал он, и приказывающие голоса уstraшились.

В половине первого пополудни Баллард вошел в двери небольшой фирмы, экспортирующей книги,— она служила Саклингу для прикрытия. Он был бодр, несмотря на тяжелую ночь. Быстро очаровав секретаршу, он появился в кабинете Саклинга без объявления. Саклинг увидел неожиданного посетителя и вскочил из-за стола как ошпаренный.

— Доброе утро,— сказал Баллард.— По-моему, нам пора поговорить.

Саклинг скользнул взглядом на дверь, которую Баллард оставил полуоткрытой.

— Прошу прощения. Дует? — Баллард вежливо закрыл дверь.— Мне нужен Криппс.

Саклинг разгребал океаны книг и рукописей на своем столе.

— Ты с ума сошел — заявляться сюда?

— Скажи им, что я друг семьи,— предложил Баллард.

— Никогда бы не подумал, что ты способен на такую глупость.

— Просто сведи меня с Криппсом, и я исчезну.

Саклинг попытался переменить тему:

— Мне понадобилось два года, чтобы войти здесь в доверие.

Баллард рассмеялся.

— Я доложу об этом, черт возьми!

— Конечно,— ответил Баллард спокойно.— Но все же где Криппс?

Саклинг окончательно убедился, что имеет дело с сумасшедшим, и умерил свое негодование.

— Хорошо,— сказал он.— Я пришлю кого-нибудь, и тебя к нему отведут.

— Не очень хорошо,— отозвался Баллард.

В два широких шага он достиг Саклинга и схватил его за лацкан пиджака. За десять лет Баллард не провел в обществе Саклинга и трех часов, но у него каждый раз чесались руки сделать то, что он делал сейчас. Освободившись ударом от захвата, он толкнул Саклинга на стену, уставленную книжными шкафами. Задетые ногой Саклинга, полки извергли поток печатной продукции.

— Ну, попробуй еще разок, старина,— сказал Баллард.

— Убери свои поганые руки! — Ярость Саклинга удвоилась.

— Еще раз,— повторил Баллард.— Криппс.

— Я устрою тебе большие неприятности. Тебя выгонят!

Баллард наклонился к его багровому лицу и улыбнулся.

— Меня все равно выгонят. Погибли люди, понимаешь? Лондон требует очистительной жертвы, и, наверное, это буду я.

Саклинг помрачнел.

Баллард с силой притянул к себе Саклинга.

— Поэтому мне нечего терять, верно?

Храбрость Саклинга пошла на убыль.

— Криппс мертв,— произнес он.

Баллард не отпускал его.

— То же самое ты говорил про Оделла...— заметил он, и глаза Саклинга расширились.— А я видел его прошлой ночью. За городом.

— Ты видел?

— О да.

Упоминание об Оделле воскресило в памяти сцену на аллее, запах мертвого тела, всхлипы мальчика. Есть ведь и другие религии, думал Баллард, отличные от той, что он когда-то разделил с этой тварью, подмятой им. Религии, чьи молитвы суть плоть и кровь, чьи догматы — сны. Где же ему окреститься в эту новую веру, как не здесь, в крови врага?

Очень далеко в голове Баллард слышал шум вертолетов, но не дал им подняться в воздух. Сегодня он был сильным: сильные руки, сильная голова, сильное тело. Когда он приблизил ногти к глазам Саклинга, легко брызнула кровь. Внезапно ему показалось, что из-под кожи он видит лицо — лицо, оголенное до сути.

— Сэр?

Баллард посмотрел через плечо. В дверях стояла секретарша.

— О, простите,— пролепетала она, ретируясь в смущении.

Судя по ее вспыхнувшим щекам, она решила, что нарушила любовное свидание.

— Постойте! — окликнул ее Саклинг.— Мистер Баллард... уже уходит.

Баллард оставил свою жертву. У него еще будет возможность лишить Саклинга жизни.

— Еще увидимся,— сказал он.

Саклинг вынул из кармана носовой платок и вытирал лицо:

— Обязательно.

Теперь им займутся, в этом можно не сомневаться. Он проявил норы, и они постараются заставить его замолчать как можно скорее. Это не беспокоило его. Чем бы они ни прочищали ему мозги, они переоценивают свои методы; они думают, что он глубоко хоронит сны, но сны все равно выберутся на поверхность. Это еще не началось, но он знал — вот-вот начнется. Не раз и не два по дороге домой он чувствовал спиной чей-то взгляд. Может быть, за ним все еще следили, но инстинкты говорили другое. То, что он ощущал рядом с собой — почти дыхание — было, возможно, другой частью его самого. Ему казалось, что он под защитой некоего доброго ангела.

Он бы не удивился, застав дома незваных гостей, но там никого не было. То ли Саклинг еще не поднял тревогу, то ли верхние эшелоны пока не выбрали тактику. Он положил в карман кое-что из того, что хотел бы скрыть от оценивающих взглядов, и снова вышел на улицу. Никто не пытался его задержать.

Хорошо быть живым, думал Баллард, несмотря на холод, делавший пустынные улицы еще более мрачными. Он решил — без всякой причины — отправиться в зоопарк, где не был ни разу за все двадцать лет жизни в этом городе. Он шел не торопясь и думал, что никогда еще не был так свободен, как сейчас; что он сбросил власть над собой, как старое пальто. Не удивительно, что они его опасаются; на то есть веские причины.

На Кантштрассе было полно народу, но он легко прокладывал путь сквозь толпу: люди словно чувствовали его необыкновенную целеустремленность и давали ему зеленую улицу. Однако уже у самого зоопарка кто-то толкнул его. Он обернулся, чтобы высказаться в адрес этого парня, но увидел лишь затылок, владелец которого уже погружался в людской поток на Харденбергштрассе. Заподозрив вора, Баллард проверил карманы и в одном из них нашел клочок бумаги. Он знал, что лучше сразу

прочитать записку, но все же еще раз оглянувшись, пытается узнать курьера. Однако тот уже скрылся из виду.

Баллард отложил посещение зоопарка и направился в Тиргартен, и там, под сенью деревьев большого парка, выбрал место и прочитал послание. Послание было от Мироненко. Русский просил о встрече по вопросу неотложной важности, в одном из домов в Мариенфельде. Баллард запомнил все в точности, а потом порвал записку в клочья.

Конечно, это могла быть ловушка, устроенная либо его собственной службой, либо вражеской. Или тест на преданность. Или попытка заманить его в такую ситуацию, в которой его можно было устранить. Впрочем, у него не было другого выхода, кроме как надеяться на то, что темной лошадкой окажется все же Мироненко. Какие бы опасности ни таило предстоящее randevu, для Балларда это не ново. В конце концов, учитывая его скепсис относительно эффективности зрения, не каждый ли раз он встречается с очередной темной лошадкой?

Ближе к вечеру атмосферная влага сгустилась в туман, и когда Баллард вышел из автобуса на Хильдбургхаузерштрассе, туман уже овладел городом, присоединившись к пронизывающему холоду.

Баллард быстро шел по пустынным улицам. Он совершенно не знал этого района, но близость Берлинской стены наводила на мрачные догадки о том, что ничего хорошего здесь нет. Многие дома пустовали; в тех же, где кто-то жил, окна были наглухо задраены от холода ночи и прожекторов, бьющих со смотровых вышек. Лишь с помощью карты он нашел улицу, указанную в записке Мироненко.

Ни одно окно в доме не светилося. Баллард колотил в дверь, но не слышал шагов в прихожей. Он предусмотрел несколько возможных ситуаций, но не такую, чтобы ему не открыли дверь. Он постучал еще раз и еще.

Только тогда внутри дома послышалось какое-то движение и дверь наконец отворилась. Прихожая серо-коричневого цвета освещалась тусклой лампочкой без абажура. Фигура, возникшая на фоне этого унылого интерьера, не походила на Мироненко.

— Ну,— произнес человек,— что вам нужно?

Его немецкий был с сильным русским акцентом.

— Я разыскиваю своего друга,— ответил Баллард.

Человек, заслонивший своим телом весь дверной проем, отрицательно замотал головой.

— Здесь никого нет,— сказал он.— Только я.

— Но мне сказали...

— Вы, должно быть, ошиблись домом.

Не успел он договорить, как из полутьмы коридора донесся шум. Слышно было, как ломается мебель и кто-то закричал.

Русский посмотрел через плечо и собирался уже захлопнуть дверь, но Баллард подставил ногу. Пользуясь замешательством русского, он навалился плечом на дверь и ворвался в дом. Баллард уже был в коридоре — уже в середине коридора,— когда человек двинулся за ним. Шум погрома усилился, потом раздались чьи-то вопли. Баллард побежал на звук — мимо одинокой лампочки, в дальнее темное крыло здания. Там он чуть не заблудился, но внезапно перед ним распахнулась дверь.

Пол в комнате за дверью оказался ярко-красным и блестящим, как свежеевыкрашенный. Тут же появился и красильщик. Его торс был распорот от шеи до пояса. Он пытался сдержать кровотечение руками, но кровь была струей, вымывая кишки. Он встретился взглядом с Баллардом. Глаза жертвы уже ждали смерти, но тело еще не получило сигнала лечь и умереть: оно металось, стараясь убежать от экзекуции.

От этого зрелища Баллард застыл на месте, и русский догнал его, схватил за руку и вытолкнул в коридор, что-то выкрикивая в лицо. Баллард не понимал бурного по-

тока незнакомых фраз, но руки, сомкнувшиеся на его горле, не требовали перевода. Русский был в полтора раза тяжелее и имел хватку профессионального душителя, однако Баллард чувствовал свое превосходство. Он разжал руки нападавшего и ударил его по лицу. Удар был не очень сильным, но русский упал спиной на лестницу и затих.

Баллард вновь оглянулся на красную комнату. Умирающий исчез, оставив комки внутренностей на пороге.

Из глубины комнаты послышался смех.

Баллард повернулся к русскому.

— Ради бога, что здесь происходит? — спросил он, но тот лишь неотрывно смотрел на открытую дверь.

Едва Баллард задал вопрос, как смех прекратился. По залитой кровью стене прошла тень, и кто-то произнес:

— Баллард?

Голос был грубым, словно говорящий долго кричал, но принадлежал он, несомненно, Мироненко.

— Не стойте на сквозняке, заходите, — сказал Мироненко. — И прихватите с собой Соломонова.

Русский кинулся к входной двери, но не успел сделать и двух шагов, как Баллард крепко схватил его.

— Вам нечего бояться, товарищ, — сказал Мироненко. — Собаки больше нет.

Несмотря на эти заверения, Соломонов стал всхлипывать, когда Баллард заталкивал его в дверь.

Мироненко оказался прав: внутри было действительно теплее. Никаких следов собаки. Все залито кровью. Пока они воевали с Соломоновым, на бойню втащили тело человека, чьи метания по комнате Баллард уже видел. С ним обошлись с потрясающим варварством: голова разmozжена, кишки вывалены на пол.

В тускло освещенном углу жуткой комнаты на корточках сидел Мироненко. Судя по отметинам на лице и верхней части торса, он был немилосердно избит, но его небритое лицо улыбалось своему спасителю.

— Я знал, что ты придешь.— Мироненко перевел взгляд на Соломонова.— Они выследили меня,— продолжал он.— Думаю, они хотели меня убить. Вы ведь этого хотели, товарищ?

Соломонов трясся от страха и не знал, куда девать глаза. Его взгляд натыкался то на лунообразное избитое лицо Мироненко, то на разбросанные повсюду внутренности.

— Что же им помешало? — спросил Баллард.

Мироненко встал. Даже это безобидное движение заставило Соломонова нервно вздрогнуть.

— Расскажите мистеру Балларду,— подсказал ему Мироненко.— Расскажите, что произошло.

От страха Соломонов потерял дар речи.

— Он, очевидно, из КГБ,— объяснил Мироненко.— Оба они в курсе дела. Впрочем, не совсем в курсе, если эти идиоты их не предупредили. Их послали убивать меня с пушкой и молитвой.— Он рассмеялся от этой мысли.— Хотя то и другое бесполезно в данных обстоятельствах.

— Умоляю вас...— пролепетал Соломонов.— Отпустите меня. Я ничего не расскажу.

— Вы расскажете все, что им нужно, товарищ, как требует от нас долг,— ответил Мироненко.— Верно, Баллард? Ведь мы рабы своей веры?

Баллард внимательно изучал лицо Мироненко: в нем была какая-то припухлость, не похожая на кровоподтеки. Казалось, с него сползает кожа.

— Нас заставили забыть,— сказал Мироненко.

— О чем? — спросил Баллард.

— О самих себе.— Мироненко вышел из темного угла на свет.

Что сделали с ним Соломонов и его покойный напарник? Все тело было покрыто ушибами, а на шее и висках виднелись кровавые вздутия. Баллард принял их за синяки, но они пульсировали, словно какое-то суще-

ство дышало под кожей. Впрочем, они, кажется, не беспокоили Мироненко, протянувшего руку к Соломонову. От его прикосновения неудачливый убийца обмочился. Но намерения Мироненко не были кровожадными. Нежно, так что мурашки побежали по коже, он вытер слезу со щеки Соломонова.

— Возвращайся к ним,— сказал он дрожащему Соломонову.— Расскажи им все, что ты видел.

Соломонов, казалось, не верил своим ушам или позревал, как и Баллард, что прощение было притворным и любая попытка покинуть здание будет иметь фатальные последствия.

Но Мироненко не отступал.

— Давай же,— сказал он.— Избавь нас от своего общества. Или ты предпочитаешь остаться на ужин?

Соломонов нерешительно шагнул к двери. Не дождавшись удара, он сделал еще один шаг, и еще один, пока не добрался до выхода. Он скрылся.

— Расскажи им! — крикнул Мироненко ему вслед. Входная дверь хлопнула.

— О чем он должен рассказать им? — спросил Баллард.

— О том, что я вспомнил,— ответил Мироненко.— Что я нашел шкуру, которую они с меня стащили.

Впервые после появления в этом доме Баллард почувствовал тошноту. Причиной ее была не кровь и не клочья плоти под ногами, а что-то во взгляде Мироненко. Он уже видел такой блеск в глазах. Но где?

— Вы...— произнес он спокойно.— Вы сделали это?

— Безусловно,— кивнул Мироненко.

— Но как? — спросил Баллард. Он ощутил знакомый гром, нарастающий в глубины головы. Чтобы отвлечься, он повторил вопрос: — Как, черт возьми?

— Мы с тобой из одного теста,— заявил Мироненко.— Я чую это в тебе.

— Нет,— сказал Баллард. Гул продолжал нарастать.

— Все науки — просто слова. Это не то, чему нас учили, но то, что мы чувствуем своим костным мозгом, своей душой.

Он и раньше говорил о душе, о том, что его хозяева умеют рвать ее на части. Тогда Баллард подумал, что такие разговоры — просто преувеличение; сейчас он не был в этом уверен. Что означали те похороны, если не усмирение какой-то скрытой части его самого? Его костного мозга, его души.

Баллард еще не успел подобрать слова, чтобы выразить свои мысли, как вдруг Мироненко насторожился. Его глаза засверкали еще ярче.

— Они снаружи,— сказал он.

— Кто?

Русский пожал плечами.

— Какая разница? Ваши или наши. И те и другие хотят заставить нас замолчать — если смогут.

С этим трудно было не согласиться.

— Мы должны действовать быстро,— проговорил Мироненко и устремился в коридор.

Входная дверь оставалась полуоткрытой. Через несколько мгновений русский оказался около нее, Баллард следовал за ним. Один за другим они выскользнули на улицу.

Туман сгустился. Он тяжело окутывал уличные фонари, делая их свет грязноватым, превращая каждый подъезд в укрытие. Баллард не стал дожидаться, пока преследователи появятся в поле зрения. Он шел за Мироненко, который уже вырвался вперед,— русский двигался очень быстро, несмотря на свою комплекцию. Балларду пришлось прибавить шагу, чтобы не потерять его из виду. Мироненко то показывался, то вновь скрывался в плотных клубах тумана.

Теперь они двигались по жилым кварталам вдоль каких-то зданий, возможно, складов. Стены, не прореженные ни единым окном, круто взмывали в темное небо.

Баллард окликнул Мироненко, чтобы тот сбавил шаг. Русский остановился и повернулся к Балларду, его неясные очертания колебались в призрачном свете. Было ли это причудливой игрой тумана или состояние Мироненко действительно ухудшалось с тех пор, как они покинули здание? Его лицо взмокло, бугры на шее увеличились.

— Нам не обязательно бежать,— сказал Баллард.— Они не преследуют нас.

— Они всегда преследуют нас,— ответил Мироненко. Словно в подтверждение его слов, Баллард услышал приглушенные туманом шаги на ближней улице.

— Не время разговаривать,— обронил Мироненко и, повернувшись на каблуках, побежал. Через несколько секунд он уже исчез в тумане.

Какое-то мгновение Баллард колебался. Несмотря на опасность, он хотел взглянуть на преследователей, чтобы знать их на будущее. Но теперь, когда мягкая поступь Мироненко стихла, он заметил, что и другие шаги исчезли. Может быть, они знают, что он ждет их? Он задержал дыхание, но не услышал ни звука, и никто не появился. Туман не спеша продолжал скрадывать все вокруг. Балларду показалось, что он совершенно один в тумане. Он неохотно повернулся и побежал вслед за русским.

Через несколько ярдов он увидел, что дорога раздвигается. Невозможно определить, какой из двух путей выбрал Мироненко. Проклиная себя за медлительность, Баллард отправился по той дороге, где туман был гуще. Улица оказалась короткой и упиралась в стену с острыми наверху, за которой виднелось что-то вроде парка. Там туман совсем сгустился, цепляясь за мокрую землю, и Баллард мог видеть лишь пять-шесть ярдов травы за стеной. Но интуиция подсказывала ему, что он на правильном пути, что Мироненко перелез через эту стену и теперь поджидает его где-то рядом. Позади был только слепой туман; преследователи потеряли его или сби-

лись с пути. Он взобрался на острую стену, ругнувшись сквозь зубы, и спрыгнул по другую сторону.

Тишина на улице казалась абсолютной, но в парке было еще тише. Сырой туман сильнее давил на Балларда, когда тот шел по мокрой траве. Стена за спиной — единственный ориентир — превратилась в призрак, потом совсем исчезла. Практически на ощупь он прошел еще несколько ярдов, не уверенный даже, что двигается по прямой. Внезапно туман уплыл в сторону, и впереди возникла фигура поджидавшего человека. Вздутия так исказили его лицо, что Баллард не узнал бы Мироненко, если бы не пылающие глаза.

Русский не стал дожидаться Балларда, он повернулся и шагнул в молоко. Англичанин последовал за ним, проклиная и бегущего, и догоняющего. Через несколько шагов он почувствовал движение где-то совсем рядом. Органы чувств не помогали в плотных объятиях тумана и ночи, но Баллард видел другими глазами, слышал другими ушами и знал, что он не один. Может быть, Мироненко остановился и вернулся? Баллард произнес его имя, сознавая, что выдает себя всем и каждому. Впрочем, он не сомневался, что уже обнаружен, кто бы за ним ни крался.

— Говори,— сказал он.

Туман не ответил.

Снова движение. Пелена тумана немного раздвинулась, и в просвете мелькнула фигура. Мироненко! Баллард еще раз окликнул его и сделал несколько шагов в его сторону сквозь белесую мглу; и тут что-то выступило ему навстречу. Он видел призрак лишь мгновение, но этого было достаточно, чтобы разглядеть раскаленные добела глаза и зубы — такие огромные, что они растянули рот в постоянной гримасе. Глаза и зубы он видел отчетливо. Что касается других подробностей — цветина, звериные лапы — в них он был менее уверен. Возможно, его истощенный шумом и болью мозг отказал-

ся воспринимать реальный мир и прикрылся ужасом, чтобы пугливо спрятаться за ним в неведение.

— Проклятье,— бросил Баллард. Он старался не поддаваться ослепляющему гулу, вновь возникшему в голове, хотя с такими призраками лучше ослепнуть. Словно проверяя его здоровое восприятие, туман впереди заколыхался и расступился. Нечто, напоминающее человека — только живот до земли,— смутно проступило сквозь туманную завесу. Справа Баллард услышал рычание, слева еще одна неясная фигура то показывалась, то вновь исчезала. Похоже, он был окружен безумными людьми и дикими собаками.

А Мироненко? Что с ним? Он один из них или он жертва? Заслышав голос за спиной, Баллард резко обернулся и увидел, как кто-то, похожий на русского, скрылся в тумане. На этот раз он не пошел следом, а побежал, и его проворность была вознаграждена. Фигура вновь проступила перед ним, и он, рванувшись, схватил ее за пиджак. Добычей оказался Мироненко, который вертелся вокруг Балларда, изрыгая рычание. Лицо его было таким, что Баллард чуть не закричал: рот напоминал рваную рану; зубы чудовищной величины; глаза, как щели, залитые расплавленным золотом; вздутия на шее еще больше разбухли, так что голова уже не возвышалась над туловищем, но срослась с телом без какого-либо перехода.

— Баллард,— улыбнулось чудовище.

Его голос воспринимался с большим трудом, но Баллард уловил в нем отзвуки Мироненко. Чем больше он вглядывался в бьющее энергией тело, тем страшнее ему становилось.

— Не бойся,— сказал Мироненко.

— Что у тебя за болезнь?

— Единственная болезнь, какой я когда-либо болел,— это забывчивость, и теперь я от нее вылечился.

Он гримасничал, будто каждое слово находилось в противоречии с рефлексам его звукового аппарата.

Баллард коснулся пальцами виска. Несмотря на его сопротивление, шум все нарастал.

— Ты ведь тоже помнишь, так ведь? Ты такой же.

— Нет,— выдавил Баллард.

Мироненко дотронулся до него щетинистой лапой.

— Не бойся,— проговорил он.— Ты не один. Нас много, братьев и сестер.

— Я тебе не брат,— ответил Баллард.

Шум в голове был страшен, но лицо Мироненко еще страшнее. Баллард брезгливо отвернулся и двинулся прочь, однако русский не отставал.

— Ты знаешь, какова на вкус свобода, Баллард? А жизнь? Это потрясающе.

Баллард не останавливался, у него пошла кровь носом. Он не обращал на нее внимания.

— Только поначалу больно,— продолжал Мироненко.— Потом боль проходит...

Баллард шел, опустив голову, глядя в землю. Мироненко понял, что его слова не действуют, и отстал.

— Тебя не примут обратно! — крикнул он.— Ты слишком много видел.

Гул вертолетов не смог заглушить эти слова. Баллард понимал, что в них есть правда. Он шел, спотыкаясь, и сквозь какофонию в голове слышал голос Мироненко:

— Посмотри...

Туман немного рассеялся, сквозь его лоскуты просматривалась парковая стена. Сзади вновь раздался голос Мироненко, понизившийся до рычания:

— Посмотри, во что ты превратился.

Турбины ревели. Балларду казалось, что ноги его сейчас подкосятся, но он продолжал идти к стене. Когда до нее оставалось несколько ярдов, опять заговорил Мироненко, но слов было уже не разобрать, только глухой рык. Баллард не удержался, чтобы не взглянуть на него. Он посмотрел через плечо.

И вновь туман окутал его, но какое-то мгновение — долгое, как вечность, и все же слишком короткое — он

видел то, чем стал Мироненко, во всем великолепии, и вой турбин переходил в визг. Баллард прижал ладони к лицу. Тут прогремел выстрел, затем другой, и дальше — целая очередь. Он упал на землю — и от слабости, и чтобы спастись от пуль. Открыв глаза, он увидел несколько человеческих фигур, движущихся в тумане. Он забыл о преследователях, но они не забыли о нем. Они пришли за ним в парк и вступили в гущу безумия: люди, полулюди и нелюди потерялись в тумане, и всюду царило кровавое смятение. Он видел стрелка, ведущего огонь под прикрытием тени и награждающего пулей в живот каждого, кто выскакивал из тумана; видел существо, появившееся на четырех ногах и удравшее на двух; еще одна тварь пробежала с раскрытой хохочущей пастью, держа за волосы человеческую голову.

Шум приближался. Опасаясь за свою жизнь, Баллард поднялся на ноги и попятился к стене. Рычание, крики и визги продолжались, и каждую секунду он ожидал, что его настигнет либо пуля, либо какое-нибудь чудовище. Он добрался до стены живым и попробовал вскарабкаться на нее. Однако сил не хватило. Ему ничего не оставалось, как идти вдоль стены до калитки.

За его спиной продолжался карнавал масок и превращений. Его помутившееся сознание на мгновение обратилось к Мироненко. Переживет ли он или кто-нибудь из его стаи эту бойню?

— Баллард,— произнес голос из тумана. Он не мог видеть говорящего, но узнал голос. Он слышал его в бреду, когда голос лгал ему.

Он почувствовал укол в шею: человек подошел сзади и ввел иглу.

— Спи,— сказал голос, и с этими словами пришло забытье.

Поначалу он не мог вспомнить имени этого человека. Мысли блуждали, как потерявшийся ребенок в поисках родителей, хотя говорящий постоянно взывал к

его вниманию и обращался к нему, как к старому другу. И правда, искусственный глаз человека казался Балларду знакомым: он двигался значительно медленнее второго. Наконец вспомнилось и имя.

— Вы Криппс,— сказал Баллард.

— Безусловно, я Криппс,— ответил тот.— Что, память пошаливает? Не волнуйся. Я ввел тебе успокоительное, чтобы ты не свихнулся. Хотя, думаю, это излишне. Ты держался молодцом, Баллард, несмотря на явные провокации. Когда я думаю о провале Оделла...

Он вздохнул.

— Ты что-нибудь помнишь из последней ночи?

Сначала перед мысленным взглядом Балларда было лишь слепое пятно; потом воспоминания стали всплывать одно за другим. Огромные фигуры, движущиеся в тумане.

— Парк,— сказал он.

— Я вытащил тебя оттуда. Одному богу известно, сколько людей там погибло.

— Еще один... русский?..

— Мироненко? — подсказал Криппс.— Я не в курсе. Я отстранен от должности, ты же знаешь. Рано или поздно мы снова понадобится Лондону. Особенно теперь, когда они знают, что у русских есть служба, подобная нашей. Мы, конечно, разведали об этом, а потом, после того как ты встретился с Мироненко, заинтересовались им. Я устроил наше свидание. И когда я увидел его лицом к лицу, я уже знал. Что-то было в его глазах. Какой-то голод.

— Я видел, как он переменялся...

— Да, зрелище не для слабонервных, верно? Освобожденная энергия. Мы разработали программу, чтобы обуздать эту энергию, заставить ее работать на нас. Но есть трудности с контролем. Нужны годы подавляющей терапии, шаг за шагом истребляющей желание трансформации — так, чтобы в итоге получился чело-

век со способностями зверя. Волк в овечьей шкуре. Мы думали, что справились с задачей. Что, если убеждения не удерживают человека в подчинении, должен действовать болевой отклик. Но мы ошиблись.— Криппс встал и подошел к окну.— Теперь придется начинать сначала.

— Саклинг сказал, что вы ранены.

— Нет. Просто понижен в должности. Меня снова вызывают в Лондон.

— Но вы ведь не собираетесь туда?

— Теперь собираюсь, когда нашел тебя.— Он оглянулся на Балларда.— Ты — мое алиби, Баллард. Ты живое доказательство того, что моя методика жизнеспособна. Ты несешь знание о своем состоянии, хотя терапия еще не завершена.

Он снова повернулся к окну. Дождь хлестал в стекло, и Баллард почти физически ощущал его на голове, на спине: холодный свежий дождь. В один счастливый миг ему показалось, что он льется вместе с водой до самой земли, и воздух наполняется запахами, поднятыми ливнем с тротуаров.

— Мироненко сказал, что...

— Забудь Мироненко,— сказал Криппс.— Он мертв. Ты — последний из старой команды. И первый из новой.

Внизу раздался звонок в дверь. Криппс посмотрел из окна на улицу.

— Все в порядке,— сообщил он.— Делегация. Прибыли умолять нас вернуться в Лондон. Ты должен быть польщен.— Он пошел открывать дверь.— Оставайся здесь. Не нужно, чтобы тебя видели сегодня. Ты утомлен. Пусть подождут, а? Пусть попотеют.

Баллард слышал, как Криппс спускается по лестнице. В дверь снова звонили. Он встал и подошел к окну. Свет предвечернего неба казался таким же утомленным, как и сам Баллард; несмотря на нависшее над ним прокля-

тие, он и город все еще оставались в гармонии. Внизу на улице из-за машины появился человек и подошел к входной двери. Даже в этом ракурсе, под острым углом, Баллард узнал Саклинга.

В прихожей слышались голоса. Кажется, с появлением Саклинга обстановка стала накаляться. Баллард подошел к двери и прислушался, но его отупевший от медикаментов мозг не вникал в смысл разговора. Он молил бога, чтобы Криппс сдержал свое слово и не выдал его. Он не хотел стать таким же монстром, как Мироненко. Какая свобода, если станешь чудовищем? Это другой вид тирании. Он не желает быть первым в новой ударной группе Криппса. Он не принадлежит никому, даже самому себе. Он безнадежно потерян. Разве не так говорил Мироненко при их первой встрече: человек, не чувствующий себя потерянными, потерян? Уж лучше существовать в сумеречном пространстве между двумя состояниями, находя компромиссы в сомнениях и двусмысленности, чем страдать от определенности темницы.

Голоса внизу становились все более раздраженными. Баллард открыл дверь, чтобы лучше слышать. До него донесся голос Саклинга, язвительный и угрожающий.

— Все кончено,— говорил он Криппсу.— Ты что, по-английски не понимаешь?

Криппс попытался возразить, но Саклинг грубо оборвал:

— Или ты пойдешь сам, как джентльмен, или Гидеон и Шеппард тебя выволокут. Что ты выбираешь?

— В чем дело? — возмутился Криппс.— Ты никто, Саклинг. Ты смешон.

— До вчерашнего дня,— ответил тот.— Теперь кое-что изменилось. Один раз везет и собаке, не так ли? Ты должен знать об этом особенно хорошо. На твоём месте я бы надел плащ, на улице дождь.

После минутной паузы Криппс сказал:

— Хорошо. Я иду.

— Хороший мальчик, — издевательски ласково сказал Саклинг. — Гидеон, проверь наверху.

— Я здесь один, — сказал Криппс.

— Не сомневаюсь, — отозвался Саклинг и снова повернулся к Гидеону. — Пошевеливайся!

Баллард слышал, как кто-то сделал несколько шагов по коридору, а затем — резкие движения нескольких человек. Криппс совершил попытку к бегству или набросился на Саклинга, одно из двух. Саклинг что-то выкрикнул, завязалась борьба. Затем, покрывая шарканье ног, прозвучал выстрел.

Криппс вскрикнул, послышался звук падения тела.

Затем снова голос Саклинга, тонкий от ярости:

— Идиот!

Криппс что-то простонал, но Баллард не разобрал слов. Возможно, он просил добить его, потому что Саклинг ответил:

— Нет. Ты отправишься в Лондон. Шеппард, останови кровотечение. Гидеон — наверх.

Баллард отпрянул от перил, когда Гидеон начал подниматься по лестнице. Баллард плохо соображал и чувствовал слабость во всем теле. Из этой западни нет выхода. Они загонят его в угол и уничтожат. Ведь он зверь — бешеная собака в западне. Следовало убить Саклинга, когда была такая возможность. Но что бы это дало? В мире полно таких, как Саклинг — выжидающих, чтобы показать свое истинное лицо; подлые, недалекие, скрытные людишки. И вдруг, словно зверь пошевелился в нем, Баллард вспомнил и парк, и туман, и улыбку на лице Мироненко. И почувствовал прилив горя, оттого что никогда не жил — не жил жизнью монстра.

Гидеон уже почти добрался до верха. Чтобы отсрочить неизбежное хоть на несколько мгновений, Баллард скользнул по коридору и открыл первую попавшуюся дверь. Это оказалась ванная. На двери была задвижка, и он ее закрыл.

В ванной журчала вода. Кусок водосточной трубы оторвался, и на подоконник ручьем бежали струи дождя. Этот звук и холод в ванной снова напомнили о видениях той ночи. Баллард вспомнил боль и кровь, вспомнил душ — как вода лилась на голову, освобождая его от укрощающей боли. При этой мысли его губы непроизвольно произнесли три слова:

— Я не верю.

Его услышали.

— Тут кто-то есть! — крикнул Гидеон. Он подошел к двери и ударил в нее. — Открывай!

Баллард слышал его хорошо, но не отвечал. В горле он чувствовал жжение, а в голове снова нарастал гул турбин. В отчаянии он прислонился спиной к двери.

Саклинг моментально поднялся по лестнице и встал за дверью.

— Кто там внутри? — раздался его требовательный голос. — Отвечай! Кто там?

Не получив ответа, он приказал привести Криппса. Опять возникло движение — выполняли его приказ.

— В последний раз... — произнес Саклинг.

Баллард чувствовал, что его череп распирает изнутри. Нарастающий шум казался смертоносным, глаза пронзило болью, как будто они сейчас вырвутся из глазниц. Он заметил кого-то в зеркале над умывальником — кого-то с горящими глазами; опять пришли слова: «Я не верю», — но теперь его пылающая глотка не справилась с ними.

— Баллард, — провозгласил Саклинг с триумфом в голосе. — Боже мой, и Баллард здесь. Нам сегодня везет.

Ну нет, подумал человек в зеркале. Здесь нет никого с таким именем. И вообще нет никого с именем, ибо не имена ли — первый шаг к догме, первая доска ящика, где ты хоронишь свободу? То, чем он станет, не должно иметь имени; не должно быть заколочено в ящик; не должно быть похоронено. Никогда.

На мгновение он потерял из виду зеркало и обнаружил себя парящим над могилой, которую они заставили его копать. В ее глубине ящик танцевал, его содержимое боролось с преждевременным погребением. Он слышал, как трещат доски — или это звук выламываемой двери?

Крышка гроба вылетела. На головы похоронной команды посыпался град гвоздей. Шум в черепе, словно в знак того, что экзекуция дала результат, внезапно стих, и вместе с ним исчезло видение. Баллард снова был в ванной, перед распахнутой дверью. Люди уставились на него, потрясенные тем, во что он превратился. Они видели его пасть, его волосы, его золотые глаза и желтые клыки. Их ужас вдохнул в него силу.

— Убей его! — крикнул Саклинг и толкнул Гидеона в дверной пролом. Тот уже достал пушку из кармана и собирался нажать на спуск, но его палец был слишком медлительным. Зверь схватил руку, сжимавшую вороненую сталь, и превратил ее в кровавое мясо. Гидеон завизжал и пошел, шатаясь, вниз по лестнице, игнорируя команды Саклинга.

Зверь поднес лапу к морде и втянул носом запах крови. Тут прогремел выстрел, и он почувствовал удар в плечо. Впрочем, Шеппард не успел выстрелить еще раз, когда его жертва рванулась к двери и оказалась возле него. Выронив пистолет, Шеппард сделал жалкое движение к лестнице, но зверь легко ударил его по затылку и раскроил череп. Человек повалился навзничь, наполняя коридор своим запахом. Забыв про остальных врагов, зверь набросился на мясо и принялся пожирать его.

Кто-то произнес:

— Баллард.

Зверь блаженно, одним глотком, проглотил глаза мертвеца, как свежие устрицы.

И вновь то же слово:

— Баллард.

Он не стал бы отрывать от трапезы, но его слух был задет всхлипываниями. Он умер по отношению к себе — но не к горю. Отбросив пищу, он обернулся и посмотрел на коридор.

Плачущий человек лил слезы только одним глазом: другой, пристально-неподвижный, оставался неуместно сухим. Но в здоровом глазу зверь различил неподдельную боль. Там было отчаяние, и зверь знал это: слишком близко он подошел к боли, и эйфория превращения не могла стереть ее полностью. Всклипывающего человека крепко держал другой, приставивший пистолет к голове пленника.

— Если ты сделаешь еще одно движение,— сказал человек с пистолетом,— я разнесу его голову на куски. Ты понимаешь меня?

Зверь облизнулся.

— Скажи ему, Криппс! Это твое дитя. Заставь его понять!

Одноглазый пытался говорить, но слова не слушались. Кровь из его живота струилась сквозь пальцы.

— Ни одному из вас не нужно умирать,— продолжал захватчик. Зверю не понравился тон его голоса, навязчивый и коварный.— Вы нужны Лондону живыми. Почему бы тебе не поговорить с ним, Криппс? Скажи, что я не причиню ему вреда.

Плачущий человек кивнул.

— Баллард...— простонал он. Его голос звучал слабее, чем у другого.

Зверь прислушался.

— Скажи мне, Баллард,— продолжал человек,— что ты чувствуешь?

Зверь не понял смысл вопроса.

— Прошу тебя, скажи мне. Просто из любопытства...

— Черт тебя возьми! — воскликнул Саклинг, плотнее прижимая пистолет.— Здесь не дискуссионный клуб.

— Тебе хорошо? — Криппс не обращал внимания на пушку.

— Заткнись!

— Ответь мне, Баллард. Что ты чувствуешь?

Зверь все смотрел и смотрел в полные отчаяния глаза Криппса, и постепенно до него стало доходить значение того, что тот говорил. Слова становились на свои места, как кусочки мозаики.

— Тебе хорошо? — повторял человек.

Баллард услышал, как смеется его глотка, и нашел там несколько звуков, чтобы ответить.

— Да, — сказал он плачущему человеку. — Да. Мне хорошо.

Не успел прозвучать ответ, как рука Криппса метнулась к руке с пистолетом. Что он задумал, самоубийство или побег, уже не узнает никто. Палец на спусковом крючке дернулся, и пуля навывлет пробила голову Криппса, расплескав его мысли по потолку. Саклинг отбросил тело и стал поднимать руку с пушкой, но зверь уже очутился рядом.

Если бы в нем оставалось больше человеческого, Баллард, возможно, заставил бы Саклинга помучиться. Но он не имел извращенных желаний. Единственная мысль — сделать врага мертвым наиболее эффективным способом — была реализована двумя короткими смертоносными ударами.

Разделавшись с ним, Баллард подошел к распростертому на полу Криппсу. Его стеклянный глаз не пострадал. Он смотрел неподвижно, уцелевший среди побоища. Баллард вынул глаз из искаленной головы, сунул его в карман, затем вышел под дождь.

На улице стояли сумерки. Он не знал, в каком районе Берлина оказался, но его инстинкты, освобожденные от рассудка, вели его через тень окраинных улиц к пустырю за городом, посреди которого стояли одинокие развалины. Может быть, кто-то и знал, что там было раньше (бойня? оперный театр?), но по какому-то капризу судьбы время пощадило их, хотя все остальные здания

на несколько сот ярдов вокруг сровнялись с землей. Когда он шел по проросшему бульжнику, ветер сменил направление и принес запах его племени. Их было много, собравшихся под сводами руин. Некоторые передавали друг другу сигарету, опершись о стену; другие обратились в настоящих волков и рыскали в темноте, как призраки с золотыми глазами; иных можно было бы назвать людьми, если бы не хвосты.

Он опасался, что имена в их стае запрещены, но все же спросил двух любовников у стены, знают ли они человека по имени Мироненко. У самки была гладкая безволосая спина, а с живота свешивался десяток полных сосков.

— Слушай,— сказала она.

Баллард прислушался и уловил чью-то речь, доносившуюся из угла. Голос то умолкал, то звучал вновь. Он пошел на звук и увидел: между стен без крыши в окружении внимательной аудитории стоит волк, держа передними лапами открытую книгу. Слушатели направили на Балларда светящиеся глаза. Волк умолк.

— Ш-ш! — шикнул один.— Товарищ читает нам.

Читающим был Мироненко. Баллард подошел поближе и присоединился к публике, и он возобновил чтение.

— И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...

Баллард уже слышал эти слова раньше, но сегодня они звучали по-новому.

— ...и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными...

Он оглядел круг внимающих, пока слова выписывали знакомый узор.

— ...и над всяким животным, пресмыкающимся по земле*.

Где-то рядом зарыдал зверь.

* Быт. 1, 28.

Последняя иллюзия

То, что произошло потом — когда иллюзионист, за-
гипнотизировав сидевшего в клетке тигра, потянул за
шнур с кисточкой на конце и обрушил на голову зверя
дюжину шпаг,— стало предметом яростных споров по-
началу в театральном баре, а по окончании выступле-
ния Сванна — на тротуаре Пятьдесят первой улицы, у
выхода из театра. Одни уверяли, что успели заметить,
как пол клетки разошелся в стороны и за те доли секун-
ды, когда взоры публики приковало стремительное па-
дение шпаг, тигра быстро увели, а его место за лакиро-
ванными прутьями решетки заняла женщина в красном
платье. Другие не соглашались: начнем с того, твердили
они, что зверя в клетке вообще не было. Эффект при-
сутствия тигра создавал элементарный проектор, и в тот
момент, когда скрытый механизм поднял в клетку жен-
щину в красном, проектор выключили. Разумеется, все
проделано тонко и настолько быстро, что уловить хит-
рость способны лишь скептики с прекрасной реакци-
ей. Ну а как же шпаги? Загадка трюка, в мгновение ока
обратившего летящую сталь в порхающие лепестки роз,
еще сильнее подхлестнула споры. Предлагались всевоз-
можные объяснения, от самых прозаических до самых
сложных, и едва ли не каждый из покинувших театр
имел собственную теорию. Публика разошлась и разъ-
ехалась, перенесла яростные дебаты в квартиры и ресто-
раны Нью-Йорка.

Иллюзион Сванна подарил зрителям двойную радость. Во-первых, сам трюк — захватывающий момент, когда ощущение невозможности витает в воздухе или по крайней мере поднимается на цыпочки. А когда этот момент проходил, в действие вступала логика.

— Каким образом вы все это делаете, мистер Сванн? — пылко спросила Барбара Бернштейн.

— Магия, — отвечал Сванн.

Он пригласил ее за кулисы — осмотреть клетку тигра и лично убедиться в отсутствии каких-либо специальных приспособлений; жульничества не обнаружилось. Так же внимательно Барбара изучила и другой реквизит: шпаги — стальные и смертоносные, и лепестки роз — нежные и ароматные.

— Разумеется, магия. Ну, а *на самом деле*... — Она потянулась к нему. — Поверьте, я умею хранить тайны. Ни одна живая душа...

Ответом ей была неторопливая улыбка.

— О, понимаю... — отозвалась она. — Сейчас вы скажете, что связаны клятвой.

— Совершенно верно, — кивнул Сванн.

— И вам запрещено разглашать профессиональные секреты.

— Моя задача — доставлять людям удовольствие, — сказал он. — Мне это не удалось?

— Нет, что вы! — без раздумий воскликнула она. — Все только и говорят, что о вашем шоу. Вы — сенсация Нью-Йорка.

— О, оставьте, — запротестовал он.

— Правда, правда! Я знаю людей, на все готовых ради того, чтобы попасть на ваше представление. А мне так повезло: экскурсия с вами за кулисы!.. Все будут завидовать.

— Я очень рад, — сказал он и коснулся ее лица.

Она явно ждала этого. Еще один повод для гордости: ее соблазнял человек, которого театральные критики окрестили Манхэттенским Магом.

— Я хочу вас...— прошептал он.

— Прямо здесь?

— Нет,— проговорил он,— лучше там, где не будут подслушивать тигры.

Барбара рассмеялась. Она предпочитала любовников лет на двадцать моложе Сванна. Иллюзионист, как кто-то верно подметил, напоминал человека, скорбящего по самому себе. Однако его легкое прикосновение таило столько нежности и такта, сколько ни один на свете юноша не сумел бы ей подарить. Барбару волновал привкус распада, скрытый под маской безупречного джентльмена. Сванн был опасным человеком. Если она его отвергнет — второго такого в ее жизни не будет.

— Мы можем поехать в отель,— предложила она.

— Неплохая мысль,— ответил он.

В ее глазах мелькнуло сомнение.

— А как же ваша жена?.. Нас могут увидеть.

Он взял ее руку в свою.

— Тогда давайте станем невидимыми?

— Я серьезно.

— И я серьезно,— твердо сказал он.— Видеть — не значит верить. Это краеугольный камень моей профессии.

В ее взгляде не прибавилось уверенности.

— Если кто-то нас узнает, я смогу убедить его в том, что ему померещилось.

Барбара улыбнулась его словам, и он поцеловал ее. Она пылко ответила.

— Восхитительно,— проговорил он, когда их губы разомкнулись.— Пойдемте, пока тигры не начали сплетничать?

Он повел ее вокруг сцены. К уборке еще не приступили, и подмостки были усыпаны лепестками и бутонами роз. Сванн отпустил ее ладонь и направился туда, где лежали цветы.

Очарованная этим жестом, Барбара наблюдала, как он наклонился, чтобы поднять с пола бутон. В то самое

мгновение, когда Сванн должен был выпрямиться, что-то сверху, прямо над ним, привлекло ее внимание. Подняв голову, Барбара увидела устремившийся вниз серебристый клинышек. Она не успела предостеречь иллюзиониста — шпага оказалась быстрее языка. В последний миг Сванн вроде бы почуял опасность и оглянулся с бутоном розы в руке, но тут острое коснулось его спины. Движущая сила вогнала шпагу в тело по рукоять. Из груди хлынула кровь, выплескиваясь на пол. Не проронив ни звука, Сванн упал ничком, и от удара о сцену клинок вышел из его спины на две трети.

Барбара чуть не закричала, но ее внимание отвлек звук за спиной, из-за кулис, где был в беспорядке сложен реквизит иллюзиониста: глухой рык, вне всяких сомнений, тигриный. Она замерла. Говорят, существует какой-то способ остановить взглядом сбежавшего из клетки тигра, но Барбаре, родившейся и выросшей на Манхэттене, он не был известен.

— Сванн? — позвала она, все еще надеясь, что происходящее — причудливый фокус, исполненный персонально в ее честь. — Сванн, пожалуйста, встаньте.

Но иллюзионист недвижимо лежал там, где упал, а из-под него растекалась темная лужа.

— Если это шутка, — вспыхнула Барбара, — то дурацкая!

Не дождавшись ответа, она попыталась изменить тактику:

— Сванн, милый, ну хватит, пойдем же, прошу вас.

Из темноты за ее спиной опять донесся рык. Как же не хотелось ей поворачиваться и выяснять, где затаился тигр. Еще меньше она хотела, чтоб зверь прыгнул на нее.

Барбара осторожно оглянулась. Закулисное пространство съела темнота, и тигра видно не было. Однако его было слышно: его поступь, его ворчание. Потихоньку,

шаг за шагом, она начала пятиться к авансцене. От зрительного зала Барбару отделял опущенный занавес, под которым она надеялась проползти, прежде чем тигр до нее доберется.

Как только ее руки коснулись плотной тяжелой ткани, одна из закулисных теней потеряла свою двусмысленность и обрела четкий абрис зверя. Он не был красивым, каким казался за прутьями клетки. Он был огромным, смертельно опасным и голодным. Барбара опустила на корточки и потянулась к кромке занавеса. Она никак не ожидала, что ткань окажется такой тяжелой, и все же ей удалось протиснуться под занавесом наполовину, когда прижатыми к доскам сцены ладонями и щекой она почувствовала: тигр прыгнул. В следующее мгновение на ее оголенную открытым платьем спину плеснуло жаркое дыхание. Барбара закричала, когда тигр вогнал когти обеих лап в ее тело и потянул добычу к горячей пасти.

Даже после этого Барбара не сдалась. Она яростно пинала зверя, обеими руками выдирала полные пригоршни шерсти из его шкуры, она обрушила шквал ударов на его морду. Увы, перед его мощью любое сопротивление было бесполезно; Барбара отчаянно старалась, но ни на секунду не остановила зверя. Одним небрежным ударом лапы он разорвал ее тело, вспоров живот. К счастью для Барбары, с этой первой раной все ее ощущения утратили реальность и сосредоточились на нелепых вымыслах. Ей вдруг почудилось, что откуда-то несутся аплодисменты и одобрительно ревет огромная аудитория, а из ее растерзанного тела хлещет не кровь, но фонтаны искрящегося света. Агония нервных окончаний происходила где-то вне ее. И даже когда тигр разорвал тело Барбары на три или четыре части, ее откатившаяся по сцене голова наблюдала за тем, как зверь рвет туловище, жадно отгрызает и глотает конечности.

В утасажившем сознании женщины мерцал один вопрос: как же так может быть, что ее глаза все еще способны наблюдать эту последнюю трапезу? И единственным ответом было слово Сванна: «Магия».

Именно об этом думала Барбара — о том, что это *несомненная магия*, — когда тигр неторопливо и мягко подошел к голове и в один прием ее проглотил.

Гарри Д'Амур с удовольствием сознавал, что обладает неплохой репутацией в некоем узком кругу людей. В этот тесный круг, увы, не входили его бывшая супруга, его кредиторы или те анонимные недоброжелатели, что регулярно заталкивали собачьи экскременты в щель почтового ящика его офиса. Но женщина, с которой он сейчас говорил по телефону — ее голос так пропитался горем, будто она полгода плакала не переставая и вот-вот готова опять разрыдаться, — эта женщина откуда-то знала Гарри таким, каким он знал себя сам.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Д'Амур, очень, очень...

— Я крайне занят. У меня несколько срочных дел, — ответил он. — А не могли бы вы подъехать ко мне в офис?

— Мне не выйти из дому, — сказала женщина. — Я все объясню. Прошу вас, приезжайте. Пожалуйста.

Она крайне заинтриговала его. Но его на самом деле ждали неотложные дела, и одно из них грозило обернуться братоубийством, если он не найдет решения. Гарри посоветовал женщине обратиться к кому-нибудь другому.

— Я не могу обратиться ни к кому другому, — продолжала настаивать женщина.

— Но почему именно я?

— Я читала о вас. О случае в Бруклине.

Упоминание о том блистательном провале — не лучший способ добиться согласия, подумал Гарри; но, безусловно, оно привлекло его внимание. Происшествие

на Уикофф-стрит началось невинно — муж нанял его проследить за неверной женой — и закончилось полным безумием на верхнем этаже дома Ломаксов. Когда завершился подсчет тел и выживших служителей культа увезли, он остался один на один с поселившимся в душе страхом перед лестницами, и вопросов было гораздо больше, чем ответов. Он не любил, когда ему напоминали о тех ужасах.

— Мне не хотелось бы говорить о Бруклине,— произнес он.

— Простите,— проговорила женщина.— Но мне необходима помощь того, кто имел в своей практике случаи... необъяснимые.— Она на мгновение умолкла. Гарри слышал ее дыхание: легкое, но неровное.

— Прошу вас...— попросила она.

Во время повисшей паузы, когда оба молчали и звучал лишь ее страх, Гарри решил, каким будет его ответ.

— Я приеду,— сказал он.

— Я вам очень благодарна! — отозвалась женщина.— Я живу на Восточной Шестьдесят первой...— Он записал подробный адрес.— Прошу вас, приезжайте скорее.— И повесила трубку.

Гарри сделал несколько телефонных звонков в тщетной попытке умиротворить двоих своих самых беспокойных клиентов. Затем надел пиджак, закрыл кабинет и стал спускаться по лестнице. На нижней площадке он поморщился от едкого неприятного запаха. У самой двери встретил Чаплина — консьержа, поднимавшегося из подвала.

— Чем это пахнет? — спросил Гарри.

— Дезинфекцией.

— А по-моему, кошачьей мочой,— возразил Гарри.— Сделайте что-нибудь, хорошо? Мне дорога моя репутация.

И он ушел, оставив за спиной смех консьержа.

Здание из бурого песчаника на Восточной Шестьдесят первой улице сохранило первозданный вид. С отвратительным привкусом во рту, вспотевший и мрачный, Гарри стоял на выдраенной ступеньке крыльца и чувствовал себя полным неряхой. Выражение лица мужчины, открывшего дверь, не развеяло этого ощущения.

— Вы к кому? — поинтересовался мужчина.

— Меня зовут Гарри Д'Амур, — представился он. — Мне звонили.

Мужчина кивнул и без энтузиазма проговорил:

— Заходите.

В доме было прохладнее, чем на улице, и ароматы другие. От запаха духов резало глаза. Вдоль по коридору Гарри проследовал за унылой физиономией в большую комнату. Там, у противоположной стены, отделенная от вошедших восточным ковром (в немыслимую вязь его яркого рисунка было вплетено все, кроме ценника), сидела вдова. Траур и слезы не шли ей. Поднявшись навстречу мужчинам, она подала руку.

— Мистер Д'Амур?

— Да.

— Валентин приготовит вам выпить, если желаете.

— Будьте добры, молока, если можно. — Уже час его донимал желудок. Кажется, с того самого момента, как она упомянула Уикофф-стрит.

Валентин отправился за питьем; он все время сверлил Гарри бусинками глаз.

— Кто-то умер, — предположил Гарри, когда Валентин вышел.

— Умер, — снова усаживаясь, подтвердила вдова. Следуя ее приглашающему жесту, он опустился напротив на диван, заваленный таким количеством подушек и подушечек, что хватило бы на целый гарем. — Мой муж.

— Простите. Печально...

— Некогда печалиться, — сказала она, каждым взглядом и каждым движением отрекаясь от своих слов. А он

втайне порадовался ее горю: вуаль слез и усталости затуманила слишком яркую красоту. Доведись ему увидеть эту красоту во всем блеске — онемел бы от восхищения.

— Мне сообщили, что муж погиб в результате несчастного случая,— заговорила она.— А я убеждена, что это не так.

— Вы не могли бы... как ваше имя?

— О, простите. Моя фамилия Сванн, мистер Д'Амур. Доротея Сванн. Возможно, вы слышали о моем муже.

— Фокусник?

— Иллюзионист,— поправила она.

— Я читал об этом трагическом происшествии.

— Вам не приходилось бывать на его представлениях?

Гарри покачал головой:

— Мне Бродвей не по средствам, миссис Сванн.

— С начала его гастролей минуло всего три месяца, и в сентябре мы собирались возвращаться...

— Возвращаться?..

— В Гамбург,— уточнила она.— Не люблю я Нью-Йорк. Жаркий, душный город. И жестокий.

— Не вините Нью-Йорк. Город ни при чем.

— Возможно, и так,— кивнула она.— Наверное, то, что случилось со Сванном, должно было произойти, здесь или где-то еще. Мне твердят: несчастный случай, несчастный случай... Всего лишь несчастный случай.

— Но вы так не считаете?

Появился Валентин со стаканом молока, поставил его на стол перед Гарри и собрался уходить, как Доротея попросила:

— Валентин, письмо.

Он взглянул на нее довольно странно — будто она сказала что-то непристойное.

— *Письмо*,— твердо повторила она.

Валентин удалился.

- Вы говорили...
- Что? — нахмурилась она.
- О несчастном случае.

— А, да. Мы прожили с Сванном семь с половиной лет, и я научилась понимать мужа так, как никто другой в его жизни. Я научилась чувствовать, когда ему хочется, чтоб я была рядом, а когда — нет. Когда ему этого не хотелось, я удалялась и оставляла мужа наедине с его тайнами. Поверьте мне, это был гений. Величайший иллюзионист со времен Гудини.

— Вот как?

— Порой мне казалось чудом то, что он позволил мне войти в его жизнь...

Гарри чуть не сказал, что Сванн был бы безумцем, откажись он от этого, но счел подобный комментарий неуместным. Ей сейчас было не до лести, да она в лести и не нуждалась. Нуждалась она в одном — в живом муже.

— Теперь же мне кажется, что я совсем его не знала, — продолжила она. — Не понимала его. Может, это еще один фокус? Еще немного магии?

— Пару минут назад я назвал его фокусником, — напомнил Гарри, — а вы поправили меня.

— Да, поправила. — Подняв на Гарри извиняющийся взгляд, вдова признала его правоту. — Простите. Сванн меня приучил. Он терпеть не мог, когда его называли фокусником. Говорил, что это слово годится для артистов цирка.

— А он таковым не был?

— Муж часто называл себя Великим Притворщиком, — сказала она. И улыбнулась своим мыслям.

Опять появился Валентин; его скорбный облик по-прежнему источал подозрительность. Он принес письмо и явно не желал с ним расставаться. Доротее пришлось встать, пересечь комнату и взять конверт из его рук.

— Думаете, так надо? — спросил Валентин.

— Да,— ответила она.

Развернувшись на каблуках, он проворно удалился.

— Валентин убит горем,— повернулась она к Гарри.— Простите его резкость. С самого начала карьеры Сванна он находился рядом с ним. И, наверное, любил его не меньше, чем я.

Доротея вытянула из конверта письмо. Бумага была желтоватой и воздушно-тонкой, как газовая косынка.

— Через несколько часов после смерти мужа мне передали вот это,— объяснила она.— Я вскрыла. Пожалуй, вам следует прочесть.

Она протянула Гарри листок. Почерк выдавал человека независимого и цельного.

«Доротея,— писал Сванн.— Если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых.

Тебе известно, как мало значения я придавал снам, предчувствиям и тому подобному. Однако в последние несколько дней странные мысли закрались в мою голову и пробудили подозрение о том, что смерть моя совсем рядом. Если я прав — так и быть, ничем тут не поможешь. Не теряй времени и не пытайся выяснить, отчего и почему; теперь слишком поздно. Просто знай: я люблю тебя и любил всегда. Прости меня за те несчастья, что я приносил тебе прежде и принес теперь. Над этим я не властен.

Ниже в письме ты найдешь инструкции о том, как распорядиться моим телом. Прошу тебя твердо придерживаться их. Пусть никто не пытается убедить тебя поступить вопреки моей воле.

Я прошу тебя позаботиться о том, чтобы мое тело оставалось под надзором ночь и день, пока меня не кремируют. Не пытайся вывезти мои останки в Европу. Кремировать меня надо только здесь и как можно скорее, а пепел бросить в Ист-Ривер.

Родная моя, я боюсь. Не страшных снов и не того, что может случиться со мной в этой жизни; я боюсь

того, что мои враги готовы совершить после моей смерти. Ты знаешь, на что они способны: дождутся момента, когда ты будешь не в силах постоять за себя, и начнут тебя топтать. Слишком долго и сложно объяснять, в чем дело, поэтому я просто доверяю тебе сделать все так, как я сказал.

Не устану повторять: я люблю тебя и очень надеюсь, что ты никогда не получишь это письмо.

Обожающий тебя

Сванн».

— Прощальное письмо,— прокомментировал Д'Амур, перечитав дважды. Затем сложил листок и вернул вдове.

— Я бы попросила вас побыть с ним,— заговорила она.— Бдение у тела, если хотите... Всего лишь до того момента, когда с юридическими формальностями будет покончено и я смогу заняться приготовлениями к кремации. Много времени не потребуется, мой адвокат уже работает над этим.

— Повторю свой вопрос: почему именно я?

Она отвела глаза.

— Муж пишет, что никогда не был суеверным. Но я суеверна. И я верю в приметы, предзнаменования, предчувствия... Последние несколько дней перед его гибелью меня не оставляло странное ощущение, будто за нами следят.

— Вы полагаете, его убили?

Она задумалась над его словами, затем ответила:

— Ну, я не верю в несчастный случай.

— Враги, о которых он упоминает...

— Он был великим человеком, и завистников хватало.

— Профессиональная зависть? И вы считаете ее мотивом для убийства?

— Мотивом может стать что угодно, не так ли? — сказала она.— Порой людей убивают за красивые глаза.

Гарри поразился. Двадцать лет его жизни ушло на то, чтобы понять, как много событий происходит из-за капризов случая. А она говорила об этом с обыденной рассудительностью.

— Где ваш муж? — спросил он.

— Наверху, — сообщила она. — Мне пришлось привезти тело сюда, чтобы я могла за ним приглядывать. Хотя я и не понимаю, что происходит, однако последнюю волю супруга выполняю.

Гарри кивнул.

— Сванн был моей жизнью... — мягко добавила она, словно ни о чем. И обо всем.

Доротея проводила Гарри наверх. Запах духов, окутавший его у входной двери, здесь сгустился. Пол хозяйской спальни, превращенной в усыпальницу, покрывали ветки, цветы и венки всех мыслимых форм — ноги утопали в этом ковре до колена. Перемешиваясь, их запахи становились почти галлюциногенными. В самом центре этого изобилия возвышался гроб — нечто замысловатое, черное с серебром, доведенное до совершенства. Верхняя половина крышки стояла торчком, роскошный бархатный покров был отвернут назад. Доротея жестом предложила Гарри подойти ближе, и он, обходя подношения, направился взглянуть на покойного. Ему понравилось это лицо: в нем читались и юмор, и живой ум; Сванн даже казался красивым в своей изнуренности. Более того — его питала любовь Доротеи, и это было лучшей рекомендацией. Стоя у гроба по пояс в цветах, Гарри нелепо позавидовал любви, в которой купался этот человек.

— Вы поможете мне, мистер Д'Амур?

Ему ничего не оставалось, как ответить:

— Да, конечно, рассчитывайте на мою помощь... Зовите меня Гарри.

В «Крылатом павильоне» его сегодня не дождётся. Вот уже шесть с половиной лет кряду Гарри каждую пятницу заказывал там лучший столик и съедал за один вечер столько, что компенсировал свою диету в остальные шесть дней недели. Этот пир — лучшая китайская кухня, какую можно найти к югу от Кэнал-стрит, — был бесплатным благодаря услуге, когда-то оказанной им хозяину ресторана. Сегодня столик будет пустовать.

Гарри недолго страдал от голода. Не успел он и часа просидеть у тела, как появился Валентин и спросил:

— Как вам приготовить стейк?

— Хорошо прожаренным, — ответил Гарри.

Валентин не проявил особой радости.

— Терпеть не могу пережаривать мясо, — проворчал он.

— А я терпеть не могу вида крови, — в тон откликнулся Гарри. — Даже если это чужая кровь.

Раздосадованный вкусами гостя, шеф-повар собрался уйти.

— Валентин?

Мужчина оглянулся.

— Это ваше христианское имя?* — спросил Гарри.

— Христианские имена — для христиан, — был ответ.

Гарри кивнул:

— Вам не по душе, что я здесь, не так ли?

Валентин промолчал. Взгляд его, миновав Гарри, перелетел к гробу.

— Я ненадолго, — сказал Гарри. — Но пока я здесь — может, подружимся?

Взгляд Валентина вновь нашел его.

— У меня нет друзей, — проговорил он без всякой враждебности к Гарри или жалости к себе. — По крайней мере сейчас.

* Christian name (англ.) — имя, в отличие от фамилии.

— Ладно. Простите.

— За что? — пожал плечами Валентин. — Сванн мертв. Все кончено, ничего не поделаешь. — На скорбном лице отразился мужественный отказ дать волю слезам.

«Скорее камень разрыдается, — предположил Гарри. — Но горе есть горе — веское основание для того, чтобы не желать разговаривать».

— Один вопрос.

— Только один?

— Почему вы не хотели, чтобы я читал письмо?

Валентин чуть приподнял брови — тонкие, будто нарисованные:

— Сванн не был безумцем, — проговорил он. — И я не хотел, чтобы вы, ознакомившись с письмом, посчитали его таковым. Держите при себе то, что прочли. Сванн был легендой. Я не позволю порочить память о нем.

— А вы напишите книгу, — предложил Гарри. — Поведайте людям историю Сванна от начала и до конца. Я слышал, вы долго были с ним рядом.

— О да, — кивнул Валентин. — Достаточно долго, чтобы знать правду, но не болтать об этом.

С этими словами он удалился, оставив цветам их увядание, а Гарри — кучу загадок.

Двадцать минут спустя Валентин вернулся с подносом еды: огромная порция салата, хлеб, вино и стейк. Последний лишь на один градус отстал от уголька.

— О, то что надо! — Гарри с жадностью набросился на еду.

Доротея Сванн больше не показывалась, а Гарри о ней, видит бог, частенько вспоминал. Всякий раз, заслышав шепот на лестнице или приглушенные ковром шаги на лестничной площадке, он ждал: вот-вот на пороге появится она и с ее губ слетит приглашение. Вряд ли на такие мысли наводило соседство с трупом ее мужа; однако какая теперь разница мертвому иллюзионисту? Если покойный был человеком великодушным, вряд ли он пожелал бы вдове горевать всю оставшуюся жизнь.

Гарри выпил полграфина вина, принесенного Валентином, и, когда три четверти часа спустя тот появился с кофе и кальвадосом, попросил не уносить бутылку.

Близилась ночь. На ближайшем перекрестке шумели машины. От нечего делать Гарри подошел к окну и принялся разглядывать улицу. На тротуаре двое любовников затеяли громкую ссору и умолкли лишь тогда, когда брюнетка с заячьей губой и пикинесом на поводке остановилась рядом и бесстыдно уставилась на них. В окне напротив готовились к вечеринке: заботливо накрытый стол, зажженные свечи. Через час подглядывание вселило в Гарри уныние. Он позвонил Валентину и спросил, не найдется ли в доме переносного телевизора. Сказано — сделано, и в течение следующих двух часов, устроившись перед стоящим на полу среди орхидей и лилий маленьким черно-белым экраном, Д'Амур пересмотрел все бестолковые передачи, что предлагало ему телевидение. Серебристый отсвет мерцал на цветах, как робкий лунный свет.

Пятнадцать минут первого ночи, когда в окне напротив званый ужин был в разгаре, явился Валентин и спросил:

- Стаканчик на сон грядущий?
- С удовольствием.
- Молока или чего покрепче?
- Чего покрепче.

Валентин принес бутылку превосходного коньяка и два бокала. Они вместе выпили.

- За мистера Сванна.
- За мистера Сванна.
- Если ночью вам что-нибудь понадобится,— сказал Валентин,— я в комнате прямо над вами. Миссис Сванн внизу, так что услышите шаги — не волнуйтесь. Ей сейчас не спится.

- А кому сейчас спится? — вздохнул Гарри.

Валентин оставил его наедине с бессонницей. Удаляющиеся шаги прозвучали на лестнице, затем проскри-

пели доски пола этажом выше. Гарри попытался вновь сосредоточиться на фильме, который смотрел до прихода Валентина, но нить сюжета он упустил. До рассвета было далеко; в Нью-Йорке началась полная развлечений ночь пятницы.

Картинка на экране вдруг задержалась. Гарри поднялся, направился к телевизору и — не дошел. Он успел сделать лишь два шага от своего кресла, когда прыгающий кадр на экране свернулся в точку и погас, погрузив комнату в крошечную тьму. Гарри хватило мгновения, чтобы заметить: окна не пропускают свет с улицы. И тут началось безумие.

В темноте родилось движение: какие-то смутные формы взлетали и опадали. За долю секунды Гарри распознал их. Цветы! Невидимые руки, раздирая венки и гирлянды, подбрасывали цветы вверх. Он проследил за их падением: до пола цветы не долетали, словно доски потеряли веру в свою материальность и исчезли. Цветы падали — *вниз, вниз* — и сквозь пол комнаты первого этажа, и сквозь подвальный этаж; одному богу известно, куда их влекло. Ужас не отпускал Гарри, как старый уличный дилер, обещающий наивысший кайф. Оставшиеся под ногами твердые доски пола уже казались иллюзорными; Гарри был готов сам полететь вслед за цветами.

Гарри резко развернулся, ища глазами кресло — единственный статичный материальный предмет в этом кошмарном вихре. Смутно различимое во мраке, оно оставалось на месте. Осыпавший вырванными цветами, Гарри потянулся к нему. В то мгновение, когда его ладонь легла на подлокотник, пол под креслом растворился и, подсвеченное мертвенно-бледным сиянием, плеснувшим из провала под ногами Гарри, кресло ухнуло в пропасть, кувыркаясь на лету и уменьшаясь до размеров булавочной головки.

А затем все исчезло: и цветы, и стены, и окна. Все, кроме одного — самого Гарри.

Пожалуй, не все. Остался гроб Сванна — половина крышки по-прежнему поднята, покров аккуратно отвернут от изголовья, как простыня на детской кровати. Постамент отсутствовал, как, впрочем, и пол под ним. Гроб парил в темноте, словно являл миру некий извращенный иллюзион. Он сопровождался рокочущим звуком из разверзшихся глубин, напоминающим барабанную дробь.

Гарри почувствовал, как по зову бездны последний островок тверди ушел из-под ног в никуда. На одно кошмарное мгновение он завис над провалом, лихорадочно пытаясь ухватиться за край гроба. Правая рука нащупала одну из рукоятей и с благодарностью сомкнулась на ней. Вес тела едва не выбил плечо из сустава, но Гарри удалось выбросить вверх вторую руку и уцепиться за край гроба. Странная получилась спасательная шлюпка, но не менее странным было и море, по которому она дрейфовала. Беспредельно глубокое, беспредельно жуткое.

В тот момент, когда Д'Амур попытался поудобнее ухватиться руками, гроб качнулся. Гарри поднял голову и увидел, что покойник сел. Глаза Сванна были широко распахнуты, а взгляд, обращенный к Гарри, безжалостен. В следующее мгновение мертвый иллюзионист, извиваясь, начал выбираться из-под закрытой части крышки, чтобы подняться на ноги. С каждым его движением парящий гроб раскачивался сильнее. Встав в полный рост, Сванн попытался сбросить своего гостя, ударив каблук по судорожно сжатым пальцам Гарри. Обратив лицо к Сванну, Гарри взглядом умолял его остановиться.

Великий Притворщик представлял собой впечатляющее зрелище. Глаза его едва не вываливались из орбит, разодранная на груди рубашка обнажала глубокую свежую рану, откуда холодная кровь хлестала прямо на запрокинутое лицо Гарри. Каблук вновь безжалостно опустился на его пальцы, и Гарри почувствовал, как рука осла-

беваает. Сванн, чуя приближение своего триумфа, оскаллился.

— Падай, парень! — скомандовал он. — Падай!

Гарри больше не мог. В отчаянном усилии спастись он отпустил рукоять, которую сжимала правая рука, и попытался схватить Сванна за ногу. Его пальцы ощутили кромку ткани брюк мертвеца и дернули за нее. Улыбка исчезла с лица потерявшего равновесие иллюзиониста. В попытке опереться спиной на открытую половину крышки он отшатнулся назад, но от резкого движения гроб опасно накренился. Бархатный покров полетел мимо головы Гарри, за ним — цветы.

Взбешенный Сванн взвыл и изо всех сил врезал ногой по руке Гарри. Это было ошибкой. Гроб опрокинулся и вывалил покойника. У Гарри нашлось мгновение, чтобы бегло рассмотреть искаженное ужасом лицо Сванна, когда тот пролетал мимо. В следующую секунду руки его разжались и он рухнул следом.

Темный воздух жалобно выл в ушах, а внизу распахнула объятия бездна. И вдруг, перекрыв шипение и гул в голове, раздался новый звук: человеческий голос.

— Он умер? — спросил голос.

— Нет, — отвечал другой голос, — не думаю. Как его зовут, Доротея?

— Д'Амур.

— Мистер Д'Амур! Мистер Д'Амур!

Падение Гарри чуть замедлилось. Бездна внизу шумела так же грозно.

Вернулся голос — хорошо поставленный, но не мелодичный:

— Мистер Д'Амур.

— Гарри! — позвала Доротея.

Как только раздался *ее* голос, падение прекратилось, и пришло ощущение второго рождения. Гарри открыл глаза. Он лежал на твердом полу; в нескольких дюймах от его головы темнел экран телевизора. Комната утопала

в цветах, Сванн покоился в гробу, а Бог — по слухам — пребывал на небесах.

— Живой,— прошептал Гарри.

У его воскрешения нашлись зрители. Конечно же, Доротея. И двое незнакомцев. Один из них, голос которого Гарри слышал первым, стоял у самых дверей. На вид — самый обыкновенный, разве что брови и ресницы так белесы, что почти незаметны. Рядом стояла женщина, и ее внешность тоже была удручающе банальна, лишена малейшего признака индивидуальности и привлекательности.

— Дорогая, помоги ему,— сказал мужчина, и незнакомая женщина послушно наклонилась к Гарри. С неожиданной силой она рывком поставила Гарри на ноги. Во время жуткого сна его вырвало, и он чувствовал себя грязным, смешным и нелепым.

— Что за чертовщина здесь приключилась? — спросил Гарри, когда женщина повела его к креслу. Он сел.

— Вас пытались отравить,— сказал мужчина.

— Кто?

— Валентин, кто же еще.

— Валентин?

— Он сбежал,— вступила в разговор Доротея. Ее бил дрожь.— Просто исчез. Я услышала, как вы зовете меня, поднялась сюда и нашла вас на полу. Я решила, что вы задыхаетесь.

— Теперь можно не волноваться, все в порядке,— сказал мужчина.

— Слава богу,— сказала Доротея, явно успокоенная его бесцветной улыбкой.— Это адвокат, о котором я вам говорила, Гарри. Мистер Баттерфилд.

Гарри вытер рот и проговорил:

— Рад познакомиться.

— Давайте спустимся вниз,— предложил Баттерфилд,— и я рассчитаюсь с мистером Д'Амуром.

— Я в полном порядке. И не в моих привычках принимать гонорар, пока работа не закончена.

— Но она закончена,— сухо возразил Баттерфилд.— Мы больше не нуждаемся в ваших услугах.

Гарри бросил взгляд на Доротею. Она отщипывала сухие листочки с ветки антуриума.

— Согласно контракту, я должен оставаться у тела...

— Приготовления к кремации закончены,— стараясь быть вежливым, разъяснил Баттерфилд.— Не так ли, Доротея?

— Посреди ночи? — удивился Гарри.— Вам разрешат кремацию не ранее завтрашнего утра.

— Благодарю вас за помощь,— сказала Доротея.— Но теперь мистер Баттерфилд вернулся, и я уверена, что все будет в порядке. В полном порядке.

Баттерфилд обратился к своей спутнице:

— Не будешь ли ты так любезна вызвать мистера Д'Амуру такси? — А затем, повернувшись к Гарри, продолжил: — Нам бы очень не хотелось отправлять вас пешком по ночному городу, не так ли?

Пока они спускались по лестнице, пока Баттерфилд рассчитывался с ним в холле внизу, Гарри не оставляла надежда, что Доротея возразит адвокату и попросит Д'Амура остаться. Однако хозяйка не промолвила ни слова на прощание, когда его выпроваживали из дома. Заработанные двести долларов — более чем достаточная компенсация за несколько часов бездействия; однако Гарри был бы счастлив сжечь банкноты за одну лишь тень огорчения на лице Доротеи по поводу их расставания. Увы, ничего подобного он не увидел. По опыту он знал: его израненному самолюбию понадобится как минимум двадцать четыре часа, чтобы прийти в себя после столь вопиющего безразличия.

Гарри вылез из такси на углу Третьей и Тридцать третьей улиц и отправился в бар на Лексингтон-стрит, где собирался разделить полбутылки бурбона со своими невеселыми думами.

Близился второй час ночи. Улица была пуста, если не считать его самого и эха чьих-то шагов. Он завернул за угол Лексингтон и стал ждать. Несколько секунд спустя за тот же угол завернул Валентин. Гарри ухватил его за галстук.

— Попался! — Он дернул Валентина на себя, едва не сбив с ног.

Тот даже не пытался сопротивляться.

— Вы живы, благодаренье богу! — воскликнул Валентин.

— Да, уж не вас благодарить, — отозвался Гарри. — Что за гадость вы мне подмешали?

— Ничего я не подмешивал, — удивился Валентин. — С какой стати?

— Тогда как я очутился на полу? И как объяснить мой бредовый сон?

— Баттерфилд, — ответил Валентин. — Это он вас опоил, вот вам и мерещилось, поверьте мне. Я запаниковал, как только услышал, что он в доме. Конечно, мне следовало бы предостеречь вас, но я точно знал: если сейчас же не унесу ноги, я протяну их.

— Вы хотите сказать, он мог убить вас?

— Не лично меня, но... Да, именно так.

Гарри недоверчиво смотрел на него.

— У нас с Баттерфилдом старые счеты.

— Ну так он вас ждет с нетерпением. — Гарри отпустил галстук. — Я слишком устал от этого бреда. — Он развернулся и пошел прочь.

— Пойдите. — Валентин догнал его. — Знаю, я был с вами не слишком любезен, но вы должны понять: может произойти трагедия. Для нас обоих.

— Вы, кажется, говорили: «Все кончено, ничего не поделаешь»?

— Я думал, что кончено... Думал, можно отбросить это... А потом приехал Баттерфилд, и до меня дошло,

каким я был наивным. Они не дадут Сванну покоиться с миром. Ни сейчас, ни потом. Нам надо спасать его, Д'Амур.

Гарри остановился и внимательно взгляделся в лицо Валентина.

«Встретишь такого на улице,— размышлял он,— и не подумаешь, что псих».

— Баттерфилд поднимался наверх? — спросил Валентин.

— Поднимался. А что?

— Не помните, подходил он к гробу?

Гарри покачал головой.

— Хорошо,— вздохнул Валентин.— Значит, защита еще не взломана, и это дает нам небольшой выигрыш во времени. Сванн был превосходным тактиком, знаете ли. Но ему случалось поступать легкомысленно. На этом они его и подловили. Элементарная беспечность. Сванн знал, что за ним охотятся. Я так ему и говорил: надо немедленно прервать гастроль и вернуться домой. Какое-никакое, но все же убежище...

— Вы считаете, это убийство?

— Боже правый! — поражаясь наивности Гарри, всплеснул руками Валентин.— Конечно убийство.

— Выходит, он пренебрег спасением, так? Ведь человек погиб.

— Погиб, да. Пренебрег спасением? Нет.

— А с чего это вас прорвало? Вы со всеми так откровенничаете?

Валентин опустил руку на плечо Гарри:

— О нет, что вы,— ответил он с неподдельной искренностью.— Я никому не доверяю так, как вам.

— Довольно неожиданно,— удивился Гарри.— Могу я поинтересоваться почему?

— Потому, что вы по горло во всем этом. Впрочем, как и я сам,— сказал Валентин.

— Но я — нет,— возразил Гарри, однако Валентин игнорировал его отречение и продолжил:

— На данный момент нам неизвестно, сколько их. Возможно, они просто подослали Баттерфилда, но я думаю, это маловероятно.

— Кто «они»? Кто подослал Баттерфилда? Мафия?

— Нам немного повезло,— продолжал Валентин, выудив из кармана клочок бумаги.— Сванн был с этой женщиной. В тот вечер в театре, после выступления. Возможно, она имеет представление об их силе.

— Так значит, остался свидетель?

— Она не обращалась в полицию... Да, свидетель есть. Видите ли, мне приходилось сводничать хозяину, организовывать некоторые его интрижки — так было удобнее сохранять тайну. Может, попробуете поговорить с ней...

Он резко умолк. Где-то поблизости проснулась музыка. Казалось, пьяный джаз-бэнд импровизировал на волынках: резкая, с хрипом и посвистом какофония. Лицо Валентина мгновенно исказило страдание.

— Боже, помоги нам,— тихо проговорил он и начал пятиться от Гарри.

— В чем дело?

— Вы умеете молиться? — спросил Валентин, отступая по Восемьдесят третьей улице.

С каждой секундой шум бессвязной музыки нарастал.

— Не молился лет двадцать,— сказал Гарри.

— Тогда *учитесь*,— был ответ.

Развернувшись, Валентин побежал.

Не успел он сделать несколько шагов, как по улице с севера двинулась волна темноты, гася на своем пути дорожные знаки и фонари. Неоновые вывески тускнели и умирали; кое-где из окон верхних этажей полетели возмущенные голоса. В то время как исчезали огни, музыка, будто вдохновленная проклятиями, встрепенулась в еще более лихорадочном ритме. Сверху донесся вою-

щий звук. Гарри поднял голову и на фоне закрутившейся воронки облаков увидел, что на улицу опускается косматый силуэт, наполняя воздух жутким запахом гниющей рыбы. Без сомнений, мишенью его был Валентин. Перекрывая вой, музыку и несущуюся из окон ругань, Гарри крикнул, и одновременно с его криком из темноты раздался и резко оборвался жалобный вопль Валентина.

Гарри стоял во мраке, и ноги отказывались нести его туда, откуда прилетел голос Валентина. Тошнотворная вонь по-прежнему была в нос. И тут вдоль улицы прокатилась другая волна — зажигательная; она смыла тьму, разбудила фонари и неоновые вывески баров. Достигнув Гарри, она обнажила то место, где он в последний раз видел Валентина. Там не было никого, лишь пустынный тротуар вплоть до следующего перекрестка.

Пьяный джаз умолк.

Ища глазами человека, зверя или останки того или другого, Гарри медленно двинулся вперед. В двадцати шагах от того места, где он стоял, асфальт тротуара был мокрым. К его радости, не от крови: эта жидкость цветом и мерзким запахом напоминала желчь. В ее потеках и брызгах кое-где виднелись мелкие кусочки того, что могло быть человеческой плотью. Валентин, несомненно, боролся и даже ранил напавшего; чуть дальше на тротуаре виднелись следы крови — туда, видно, раненый отступил, чтобы повторить атаку. Гарри сознавал, что перед такой свирепой мощью его скудные силы абсолютно бесполезны, и тем не менее остро чувствовал вину. Он ведь слышал крик и видел пике нападавшего, однако страх вморозил его каблуки в тротуар.

Такой же страх душил его на Уикофф-стрит — в тот момент, когда демонический любовник Мими Ломакс окончательно отбросил все притязания на человеческий облик. Комната наполнилась невыносимой вонью эфира и экскрементов, и демон, поднявшись во весь рост в

своей жуткой наготы, устроил такое, что Гарри едва не вывернуло наизнанку. Сцены эти ворвались в его душу, да так в ней и остались. Навсегда.

Он опустил глаза на зажатый в руке клочок бумаги, который дал ему Валентин: имя и адрес были нацарапаны наспех, но поддавались прочтению.

Разумный человек, напомнил себе Гарри, порвал бы эту записочку и выбросил к чертям. Однако события на Уикофф-стрит и нынешнее происшествие, когда в течение нескольких часов во сне и наяву он столкнулся с таким же злом, свидетельствовали: это повторение не случайно. Он должен взять след, найти источник зла, какой бы отвратительной ни казалась мысль об этом, и расправиться с ним собственными руками.

Но сейчас время было неподходящее: на сегодня событий и так хватило. Он вернулся на Лексингтон-стрит и, поймав такси, отправился по адресу. На трель звонка с табличкой «Бернштейн» вышел лишь заспанный портье, и Гарри вступил с ним в тщетные пререкания через стеклянную дверь. Разбуженный посреди ночи портье был неприветлив. Мисс Бернштейн дома нет, уверял он и оставался непреклонным, даже когда Гарри, понизив голос, сообщил, что речь идет о жизни и смерти. Но стоило ему достать бумажник, как в глазах портье мелькнула искорка участия. Наконец он впустил гостя.

— Ее нет дома.— Портье, зевая, прятал в карман банкноты.— Уже несколько дней.

Гарри поехал на лифте: ноги его гудели, и спину ломило. Хотелось спать; нет, сперва выпить, а затем — спать. На стук в дверь, как и предрекал портье, никто не ото- звался, но Гарри продолжал стучать и звать:

— Мисс Бернштейн! Вы здесь?

Ни малейшего признака жизни — до тех пор, пока он не сказал:

— Мне надо поговорить о Сванне.

Прямо за дверью прошелестел тихий вздох.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросил Гарри.— Отвечьте, прошу вас. Не бойтесь...

Несколько секунд спустя тягучий и унылый голос пропел:

— Сванн мертв.

Слава богу, что она жива, подумал Гарри. Какие бы силы ни унесли Валентина, до этого уголка Манхэттена они еще не добрались.

— Можно с вами поговорить? — попросил он.

— Нельзя,— последовал ответ. Слабый огонек голоса, казалось, вот-вот угаснет.

— Лишь парочку вопросов, пожалуйста, Барбара.

— Я в животе тигра,— вяло проговорила она.— А он не хочет, чтобы я вам помогала.

Нет, похоже, и сюда они добрались.

— Вы не могли бы дотянуться до двери? — продолжал упрашивать он.— Просто вытяните вперед руку...

— Но ведь он съел меня.

— *Попробуйте*, Барбара. Тигр не против. *Дотянитесь*.

За дверью все стихло, потом раздался шорох. Что она делала — то, что он просил? Похоже. Он услышал, как ее пальцы коснулись замка.

— Вот так, хорошо,— подбодрил он женщину.— Теперь поверните ручку.

И тут же подумал: а вдруг она говорит правду и за дверью стоит сожравший ее тигр? Отступить было поздно — дверь начала открываться. Зверя в прихожей не оказалось, Гарри встретила женщина. И запах немывтого тела. После бегства из театра она явно не принимала душ и не переодевалась. Вечернее платье испачкано и порвано, кожа серая от въевшейся грязи. Гарри вошел. Женщина отпрянула назад, словно отчаянно боялась его прикосновения.

— Все хорошо, не волнуйтесь,— сказал он.— Тигра нет.

Распахнутые глаза Барбары казались опустошенными. Что за видения в них блуждали, знал лишь ее рассудок.

— Что вы, он здесь,— возразила она.— Я внутри тигра. Я в нем на веки вечные...

Поскольку у Гарри не было ни времени, ни умения разубеждать ее, он решил, что мудрее согласиться.

— Как вы туда попали? — спросил он.— В тигра? Это случилось, когда вы были со Сванном?

Она кивнула.

— Вы помните, как все произошло?

— О да.

— Что конкретно вы помните?

— Помню шпагу, она упала. Сванн наклонился, чтобы поднять... — Она умолкла и нахмурилась.

— Что поднять?

Внезапно она очень смутилась.

— Как вы можете слышать меня,— спросила она,— если я в тигре? Или вы тоже в тигре?

— Возможно, и так,— ответил Гарри, не желая разбирать эту метафору.

— Представляете, мы заключены здесь навечно,— сообщила она ему.— Нам никогда не выбраться.

— Кто вам сказал?

Она не ответила, но чуть вздернула голову.

— Слышите? — спросила она.

— Что именно?

Она отступила еще на шаг. Гарри прислушался — ничего. Однако растущее беспокойство на лице Барбары вынудило его вернуться к входной двери и распахнуть ее. Лифт пришел в движение. С порога Гарри слышал его мягкое урчание. Еще хуже было другое: освещение в коридоре и на лестнице вдруг стало меркнуть, лампы теряли силы с каждым футом, который преодолевал поднимающийся лифт.

Гарри развернулся, подошел к Барбаре и взял ее за запястье. Она не сопротивлась и не сводила глаз с двери, будто именно оттуда должен был вернуться к ней рас-судок.

— На лестницу,— скомандовал Гарри и повел ее к площадке.

Нити накала ламп едва теплились. Он бросил взгляд на табличку с номером этажа над дверями лифта. Последний или предпоследний этаж? Этого он не помнил, и до наступления полной темноты на размышления не оставалось ни секунды.

Спотыкаясь на незнакомой территории, он тянул за собой девушку, отчаянно надеясь выйти на лестницу до прихода лифта на их этаж. Барбара упиралась, но он рывком заставил ее не отставать. И в то мгновение, когда его нога встала на первую ступеньку, лифт закончил подъем.

Двери с шипением расползлись, и холодное свечение умыло площадку. Источника Гарри не видел, да и не хотел видеть, но эффект был поразительный. Теперь можно было без труда рассмотреть каждое пятнышко и трещинку на стенах и потолке, каждый малейший признак порчи, зарождающейся ржавчины, подкрадывающихся гниения и распада, искусно закамуфлированные краской. Необычайное зрелище отвлекло внимание Гарри лишь на мгновение; он крепче сжал руку женщины, и они начали спускаться. Барбара не проявляла энтузиазма к побегу, однако очень заинтересовалась происходящим на площадке перед лифтом: засмотревшись, она споткнулась и налетела на Гарри. Оба чуть не свалились, но Гарри вовремя схватился за перила. Разозлившись, он повернулся к ней. С площадки их не было видно, но свечение сползло по ступеням вниз, упало на лицо и руки Барбары, и под этим немилосердным светом Гарри разглядел труды разложения. Увидел гниющие зубы, отмирающие кожу и ногти. Без сомнения, Барбара уви-

дела бы то же самое при взгляде на него, однако женщина по-прежнему смотрела через плечо назад и вверх. Источник света сдвинулся. Его сопровождали голоса.

— Дверь открыта,— произнес женский голос.

— Чего же ты ждешь? — второй голос. Баттерфилд.

Гарри задержал дыхание, когда свечение снова сдвинулось — предположительно к двери — и затем чуть потускнело, переместившись в квартиру.

— Бежим,— поторопил он Барбару.

Она спустилась вместе с Гарри на три-четыре ступени, но неожиданно рука ее резко метнулась к его лицу и ногтями разодрала щеку. В попытке защититься он выпустил ее запястье, и в то же мгновение Барбара ринулась от него — наверх.

Он выругался и запнулся, пытаясь догнать ее, но прежнюю вялую Барбару словно подменили — она сделалась изумительно проворной. Сквозь легкую вуаль света с лестничной площадки он смотрел, как она добежала до верхней ступеньки и скрылась из виду.

— А вот и я! — донесся ее голос.

Гарри неподвижно стоял на лестнице, не в силах решить — уходить ему, или остаться, или не шевелиться вообще. После Уикофф-стрит он люто ненавидел лестницы. В следующее мгновение свет наверху взорвался ослепительной вспышкой, перечеркнув Гарри тенями перил, и угас. Д'Амур потрогал лицо — царапины глубокие, но крови мало. Был бы от Барбары прок, если б он бросился ее выручать? Никакого. Пустой номер.

Но когда надежда на помощь Барбары угасла, из-за угла сверху донесся звук негромкий и мягкий, то ли вздох, то ли шаги. Неужели ей удалось сбежать? А может, не дойдя до двери квартиры, она решила вернуться? В тот момент, когда Гарри взвешивал шансы, он вдруг услышал ее:

— Помогите...— Голос был совсем призрачный, но, без сомнений, принадлежал ей.

Гарри достал свой 38-й калибр и пошел наверх. Не успел он завернуть за угол, как почувствовал, что волосы на загривке встают дыбом.

Барбара была там. И тигр — тоже. Зверь стоял на лестничной площадке в футе от Гарри: тело налито скрытой мощью, глаза блестят желтым, брюхо неправдоподобно огромное. А в его широченной глотке Гарри увидел Барбару. Он посмотрел ей в глаза, нашедшие его из пасти тигра, и увидел в них проблеск разума, что было печальнее любого помешательства. Зверь пару раз дернул головой, затакивая в пищевод проглоченную жертву. Ни капли крови ни на полу, ни на морде тигра — лишь отвратительное зрелище лица молодой женщины, исчезающего в темно-розовом туннеле его глотки.

Она испустила последний крик из брюха твари. Тигр икнул, и Гарри показалось, что зверь попытался ухмыльнуться: морда причудливо сморщилась, глаза сузились, как у улыбающегося Будды, губы загнулись внутрь, обнажив серпы великолепных клыков. За этим красочным звериным фасадом стих женский крик. И сразу же тигр прыгнул.

Гарри выстрелил в его ненасытное брюхо. Как только пуля вцепилась в цель, плотоядный взгляд, и утроба, и морда — вся полосатая махина в одно мгновение расплелась и исчезла, оставив облачко спирально планирующих на Гарри светлых конфетти. Грохот выстрела привлек внимание: из-за дверей соседних квартир послышались возбужденные возгласы, а свечение, сопровождавшее Баттерфилда от лифта и по-прежнему струящееся из открытой квартиры Барбары, стало интенсивнее. Пару секунд Гарри колебался — задержаться и взглянуть на «осветителя»? Однако благоразумие и осторожность перебороли любопытство. Он развернулся и побежал вниз, перепрыгивая через ступени. А следом всколыхнулась и закружилась поземка конфетти, словно у нее была собственная жизнь. Или это жизнь Барбары превратилась

в бумажную россыпь, летящую вниз по лестничному пролету.

В вестибюле, куда добежал запыхавшийся Гарри, маячил портье, безучастно наблюдая за его спуском.

— Кого-то застрелили? — хмуро любопытствовал он.

— Нет, — выдохнул Гарри, — съели.

На пути к двери он услышал знакомое жужжание — лифт спускался. Может быть, один из жильцов собрался на предрассветную прогулку? А может быть, и нет.

Портье остался за спиной, точно такой же, каким он встретил Гарри, — сонно-угрюмый и сбитый с толку. Гарри выскочил на улицу и пробежал, не останавливаясь, два квартала. Его даже не сочли нужным преследовать. Слишком он для них незначителен.

Так. И что теперь делать? Валентин мертв, Барбара Бернштейн тоже. Ни на йоту он не стал мудрее, разве что повторил и выучил наизусть урок, преподанный ему на Уикофф-стрит: сталкиваясь с бездной, никогда не надо верить собственным глазам. Стоит поверить в происходящее, стоит лишь на секундочку поверить в то, что тигр — это *настоящий* тигр, и ты уже наполовину пропал.

Совсем нетрудный урок, но он, глупец, забыл его, и для повторения пройденного понадобились две человеческие жизни. Может, проще сделать на тыльной стороне ладони татуировку с этим правилом? Так, чтобы каждый раз, справляясь о времени, наткнуться на напоминание: «Не верь глазам своим».

Обдумывая новый жизненный принцип, он подходил к своему дому, как вдруг из дверного проема к нему шагнул мужчина и произнес:

— Гарри.

Он выглядел как Валентин. Израненный Валентин, тело которого расчленила, а потом сшила бригада слепых хирургов; но по сути — именно он. Это верно, но тигр тоже был похож на тигра, не так ли?

— Это я,— сказал человек.

— Не ты,— ответил Гарри.— Не обманешь.

— О чем вы? Я — *Валентин*.

— Докажи.

Мужчина выглядел озадаченным.

— Некогда забавляться,— возразил он.— Положение отчаянное.

Гарри достал из кармана револьвер и направил его в грудь Валентину:

— Доказывай, или я пристрелю тебя.

— Вы в своем уме?

— Я видел, как тебя разорвали в клочья.

— Ну, не совсем разорвали,— возразил Валентин. На его левой руке красовалась замысловатая перевязка от кончиков пальцев до середины бицепса.— И не совсем в клочья. Положение было отчаянным, но... У каждого есть своя ахиллеса пята. Вопрос лишь в том, чтобы отыскать ее.

Гарри впился в него взглядом. Ему так хотелось, чтобы этот Валентин был подлинным, однако трудно было поверить, что стоящее перед ним хрупкое создание смогло уцелеть после того кошмара на Восемьдесят третьей улице. Нет! Очередной мираж. Как с тигром: гибрид бу маги и злого умысла.

Мужчина прервал последовательность мыслей Гарри:

— Ваш стейк...— проговорил он.

— Мой стейк?

— Вы предпочитаете сильно прожаренный стейк,— сказал Валентин.— Я еще возражал, припоминаете?

Гарри припоминал.

— Продолжайте,— кивнул он.

— А вы сказали, что терпеть не можете вида крови. Даже если она чужая.

— Было дело,— отозвался Гарри. Его сомнения понемногу таяли.

— Вы просили доказать, что я Валентин. Я привел лучшее доказательство из тех, что у меня есть.

Гарри почти согласился.

— Ради всего святого,— воскликнул Валентин,— неужели мы так и будем спорить об этом посреди улицы?

— Заходите.

Квартира была маленькой, и в этот ночной час она показалась хозяину особенно душной. Валентин уселся так, чтобы видеть дверь, и отказался от спиртного и первой помощи. Гарри налил себе бурбона. На третьем глотке Валентин наконец подал голос:

— Надо вернуться в дом, Гарри.

— *Что?!*

— Мы должны завладеть телом Сванна до того, как это сделает Баттерфилд.

— Хватит с меня на сегодня. И с этим делом покончено.

— Значит, бросаете Сванна? — спросил Валентин.

— Если *ей* плевать, то мне — тем более.

— Вы о Доротее? Да она понятия не имеет, во что вовлечен Сванн. Вот почему она так доверчива. Может, у нее есть кое-какие подозрения, но она так невинна... Насколько это возможно в ее ситуации.— Валентин сделал паузу, поудобнее пристраивая раненую руку.— Видите ли, до свадьбы Доротей была проституткой. Не думаю, что она сообщила вам об этом. Сванн однажды сказал мне: он женился на ней потому, что только проститутки знают истинную цену любви.

Гарри не стал скрывать удивления.

— Почему же она не ушла от него? Он, по-моему, изменял ей.

— Любила,— ответил Валентин.— Только и всего...

— А вы?

— И я любил Сванна. Несмотря на его глупое упрямство. Вот поэтому мы и должны ему помочь. Если останки Сванна попадут в руки Баттерфилда и его союзников — быть беде.

— Догадываюсь. Я мельком видел лицо Бернштейн.

— Что именно видели?

— Кое-что и ничего конкретного,— пожал плечами Гарри.— Показалось — видел тигра, а потом выяснилось, что — нет...

— Старые шуточки.

— А Баттерфилд был в компании с чем-то — разглядеть мне не удалось,— что испускало сильный свет.

— Кастрат,— в замешательстве пробормотал Валентин.— Нам надо быть очень осторожными.— Он поднялся, поморщившись от боли, и повторил: — Пора, Гарри, идем.

— Мои труды будут оплачены,— осведомился Д'Амур,— или мне делать это по любви?

— Вы будете трудиться из-за того, что случилось на Уикофф-стрит,— последовал тихий ответ.— Из-за того, что бездна отняла у вас бедняжку Мими Ломакс, и во имя того, чтобы не позволить ей отнять Сванна. Вот так.

На Мэдисон-авеню они поймали такси и отправились назад к Шестьдесят первой улице, ни слова не проронив по дороге. Гарри накопил уже с полсотни вопросов к Валентину. Кто такой Баттерфилд, например, и какое злодеяние на совести Сванна, что его так преследуют до и после смерти? Сплошные загадки. Однако Валентин выглядел слишком слабым и больным, чтобы засыпать его вопросами. Кроме того, Гарри чувствовал: чем больше ему откроется, тем меньше ему захочется продолжать путь.

— Пожалуй, у нас есть одно небольшое преимущество,— нарушил молчание Валентин, когда они подъезжали к Шестьдесят первой улице.— Чего-чего, а лобовой атаки они от нас не ожидают. Баттерфилд полагает, что я погиб, а вы в смертельном ужасе где-то прячетесь.

— Хотел бы я спрятаться.

— Лично вам опасность не грозит,— сказал Валентин.— Во всяком случае, не та, что грозила Сванну. Если

бы они собрались разорвать ваше тело на части, это ни в какое сравнение не идет с пытками, уготованными магу.

— Иллюзионисту,— поправил Гарри, но Валентин покачал головой.

— Магу. Он всегда был и останется магом.

Гарри хотел процитировать Доротею, но его прервал водитель:

— Какой номер дома?

— Можно прямо здесь,— ответил Валентин.— И дождите нас, поняли?

— Понял.

Валентин повернулся к Гарри:

— Дайте водителю пятьдесят долларов.

— *Пятьдесят?!*

— Вы хотите, чтоб он нас дождался?

Гарри отсчитал таксисту четыре десятки и десять бумажек по одному доллару и попросил:

— Двигатель не глушите.

— Слушаю и повинуюсь,— осклабился водитель.

Выбравшись из машины, Гарри подошел к уже стоявшему на тротуаре Валентину, и они вместе преодолели двадцать пять ярдов до дома. Несмотря на ночной час, улица не спала: вечеринка, приготовление к которой наблюдал Гарри, была в самом разгаре. Однако за темными окнами резиденции Сваннов жизнь признаков не подавала.

Возможно, они нас не ждут, размышлял Гарри. Похоже, наша лобовая атака столь безрассудна и тактически невообразима, что способна застать неприятеля врасплох. Но можно ли застать врасплох подобные силы? Бывает ли в причудливо-мерзостной жизни этих тварей минутка, когда веки их опускаются и сон ненадолго укрощает зло? Нет. Опыт подсказывал Гарри: лишь добро нуждается во сне и отдохновении; беззаконие и его практики ежесекундно начеку, они планируют новые злодеяния.

— Как мы войдем? — спросил он, когда они остановились перед домом.

— У меня ключ.— Валентин шагнул к двери.

Отступление отрезано. Ключ повернулся, дверь открыта, относительная безопасность улицы кончилась. Наполненный безмолвием, дом внутри оставался таким же темным, каким казался снаружи. Неужели защита, выставленная Сванном вокруг своего тела, дала отпор Баттерфилду и отбросила его войско? Но Валентин подавил неуместный оптимизм Гарри. Он взял его за руку и прошептал:

— Они здесь!

«Как вы догадались?» — хотел спросить Д'Амур, но момент для вопросов был неподходящий.

Гарри пообещал себе расспросить обо всем потом — когда (если это «когда» наступит) они покинут гостеприимный дом, сохранив головы на плечах.

Валентин уже был внутри. Слабый уличный свет прокрался за ними в прихожую, а когда угас — глаза Гарри не сразу привыкли к наступившей темноте. Вслед за Валентином он пересек прихожую, с радостью подметив уверенность, с какой слуга двигался во мраке: подергивая за рукав пиджака, он направлял Гарри и уберег от верного падения на площадке между двумя пролетами лестницы.

Вопреки утверждению Валентина, ни звука, ни видимого признака вторжения внизу не наблюдалось. Когда они подходили к спальне Сванна, нездоровый зуб в нижней челюсти Гарри, до недавних пор не беспокоивший его, вдруг запульсировал болью, а желудок опять сжался от ужаса. Предчувствие и ожидание были мучительны. С трудом он подавил огромное желание закричать и тем заставить врага вытянуть руку; если, конечно, у *такого* врага есть руки.

Валентин дошел до двери, обернулся — и словно гулкий удар колокола донесся в темноте до Гарри, настоль-

ко явным был страх Валентина. Кожа на лице слуги блестяла, от него пахло свежим потом.

Валентин указал на дверь. Гарри кивнул. Он сконцентрировался, как только мог. Валентин потянулся к дверной ручке. Щелчок замка показался оглушительно громким, но ни единая душа в доме не отреагировала на звук. Дверь распахнулась, и их встретил опьяняющий запах цветов: в духоте они начали вянуть, и за сильным ароматом явственно угадывалось гниение. Освещение комнаты оказалось более отрадным, чем запах. Шторы спальни были задернуты не полностью, и в свете уличных фонарей вокруг гроба клубились похожие на облака холмы венков и цветов; темнело кресло, где сидел Гарри; бутылка кальвадоса по-прежнему стояла около него, и зеркало над камином отражало сумрачную загадочность комнаты.

Валентин пересек спальню, подошел к гробу, и Гарри услышал тяжкий вздох, когда слуга взглянул на своего старого господина. Чуть постояв, Валентин стал поднимать нижнюю половину крышки гроба. Одной рукой справиться с этим ему было нелегко, и Гарри, страстно желавший поскорее все закончить и убраться восвояси, поспешил ему на помощь. Прикосновение к твердому дереву с перехватывающей дыхание силой всколыхнуло воспоминание о ночном кошмаре: разверстая пасть бездны, поднимающийся со своего ложа иллюзионист. Ничего похожего, однако, не произошло. Сейчас телу Сванна не помешало бы чуть больше жизни: мужчиной он был крупным, и окоченевший труп не желал двигаться. Простейшая задача — вынуть из гроба покойника — затребовала все внимание и силы. Наконец, с огромной неохотой, иллюзионист покинул колыбель.

— Так... — задыхаясь, проговорил Валентин. — Теперь вниз.

Когда они пошли к двери, что-то вспыхнуло на улице — во всяком случае, им так показалось, поскольку в

комнате вдруг стало заметно светлее. Свет не щадил их ношу, он обнажил грубость наложенной на лицо Сванна косметики и расцвет тлена под ней. У Гарри было лишь мгновение, чтоб насладиться зрелищем этих прелестей. В следующий миг свечение резко усилилось, и Д'Амур понял, что источник его находился не снаружи, а внутри комнаты.

Он поднял глаза на Валентина, и сердце его болезненно сжалось. К слуге свет отнесся с меньшим снисхождением, чем к господину. С лица Валентина будто живьем содрали кожу. Гарри лишь мельком увидел, что обнажил свет — его внимание сразу же отвлекли другие события, — но разглядел он достаточно, чтобы понять: в рискованном предприятии он уже не мог положиться на Валентина в той мере, на какую рассчитывал.

— Выносите его отсюда, скорее! — крикнул Валентин.

Он отпустил ноги Сванна, предоставив Гарри управляться с покойником собственными силами. Мертвое тело не стало более послушным. Гарри успел сделать два мучительных шага к выходу, и тут события приняли катастрофический оборот.

Д'Амур услышал, как Валентин выругался. Подняв голову, Гарри замер. С поверхности зеркала исчезло отражение. Что-то всплывало из его жидких глубин, волоча за собою шлейф света.

— Что это? — выдохнул Гарри.

— Кастрат, — ответил Валентин. — Идите скорее.

Однако выполнить панический приказ Валентина времени не хватило, поскольку жидкое нечто, взломав поверхность зеркала, наполнило комнату. Гарри ошибся: оно не волочило за собой свет — оно само *являлось светом*. Точнее, выползающая тварь вся светилась изнутри кипевшим в ней зловещим пламенем. Бывший в прежней жизни человеком, Кастрат обладал огромным телом с необъятным брюхом и грудью неолитической

Венеры. Беснующийся огонь невероятно исказил это тело, он рвался наружу из кистей рук и пупка, бил изо рта и ноздрей, преобразая их в единую пламенеющую равную рану. В полном согласии со своим именем тварь была бесполой: из дыры в паху тоже бил свет, под лучами которого сразу же стали увядать и осыпаться цветы. Комната мгновенно наполнилась зловонием гниющих растений.

Гарри услышал, как Валентин окликнул его, потом еще раз. Лишь тогда он вспомнил, что держит тело Сванна. Он оторвал взгляд от зависшего в воздухе Кастрата и протацил тело еще на ярд. Открытая дверь ждала за спиной. Пока он выволакивал мертвеца на лестничную площадку, Кастрат одним ударом опрокинул гроб. Раздался грохот, затем — крики Валентина. За всем этим последовала жуткая суматоха и высокий резкий голос Кастрата, вырвавшийся из огненной раны-дыры на его физиономии.

— Умри и будь счастлив! — взвизгнул Кастрат, и взметнувшийся вихрь швырнул мебель в стену с такой силой, что кресла впечатались в штукатурку. Валентин, однако, увернулся. По крайней мере так показалось Гарри, потому что мгновением позже он услышал визг Кастрата — жалобный и противный. Если б руки Д'Амура не были заняты, он заткнул бы уши.

Гарри почти добрался до конца лестничного марша. Протацив Сванна вверх еще на несколько ступеней, он опустил тело. Свечение Кастрата, несмотря на его стечения, не ослабевало: режущие глаза вспышки освещали спальню, как молнии в летнюю грозу. Уже третий раз за сегодняшнюю ночь — сначала на Восемьдесят третьей улице, затем на лестнице дома Бернштейн — Гарри застыл в нерешительности. Если пойти на помощь Валентину, он рискует увидеть нечто пострашнее сцен на Уикофф-стрит. И все же на этот раз отступать нельзя. Без Валентина он пропадет. Гарри бегом вернулся

наверх и ударом распахнул дверь. Густой воздух; раскачивающиеся лампы. Над центром комнаты завис Кастрат, бросая вызов силе притяжения. Одной рукой он держал Валентина за волосы, другой поддерживал баланс. Указательный и средний пальцы растопырены, как рога, и нацелены Валентину в глаза.

Гарри выхватил из кармана 38-й калибр, прицелился и выстрелил. Когда не хватало времени целиться, стрелком он был никудышным, но в экстремальных ситуациях инстинкт управлял рациональным мышлением и он никогда не промахивался. Сейчас был как раз такой случай. Пуля нашла шею Кастрата и пробуравила в ней отверстие. Скорее от удивления, чем от боли, тот выпустил Валентина. Из раны ударил свет, и Кастрат прикрыл ее рукой.

Валентин быстро вскочил на ноги.

— Еще! — крикнул он Гарри. — *Стреляйте еще!*

Гарри повиновался. Вторая пуля пробила грудь Кастрата, третья — брюхо. Последняя рана, похоже, оказалась самой серьезной — рыхлая плоть, словно распираемая изнутри, порвалась, и тоненькая струйка света, хлынувшая из входного отверстия, в мгновение ока превратилась в поток, разваливающий брюхо.

Кастрат снова взвыл, на этот раз в панике, и потерял контроль над своим парением. Как проколотый булавкой воздушный шарик, он метнулся к потолку, пухлыми лапами отчаянно пытаясь загасить бунт разодранной субстанции. Но тело достигло критической массы, и это было непоправимо: от него уже отваливались крупные куски плоти. Валентин, то ли контуженый, то ли зачарованный, замер на месте, задрал голову и уставился на Кастрата, а вокруг него дождем сыпались куски вареного мяса. Гарри схватил его за руку и потянул к двери.

Кастрат наконец оправдал свое имя — взял пронзительную, режущую слух высокую ноту. Когда Гарри, не дождавшись финала, захлопнул дверь спальни, голос Ка-

страта достиг устрашающей высоты и из окон брызнули стекла.

Валентин ухмылялся.

— Знаете, что мы сейчас сотворили? — спросил он.

— Мне все равно. Пошли отсюда к чертовой матери.

Вид лежащего на ступенях трупа Сванна, похоже, отрезвил Валентина. Гарри велел ему помогать, и тот откликнулся усердно, насколько позволяло его состояние. Вдвоем они эскортировали тело вниз. Уже у входной двери их настиг последний визг расплзшегося по швам Кастрата. Затем все стихло.

Суматоха не осталась незамеченной. Гуляки из дома напротив и кучка любителей ночных променадов собрались на тротуаре.

— Хорошо повеселились, — обронил один из зевак, когда странная троица появилась на пороге.

Гарри сомневался, что такси все еще ждет их, но он не учел любопытства водителя: выбравшись из машины, тот заглядывал в окно первого этажа.

— В больницу? — спросил таксист, когда они затакивали Сванна на заднее сиденье.

— Нет, — ответил Гарри. — Ему уже так хорошо, что лучше не будет.

— Мы поедем наконец?! — торопил Валентин.

— Поедем, поедем. Только скажите куда.

— Куда угодно, — последовал усталый ответ. — Только поскорее отсюда.

— Понял, — кивнул таксист. — Если честно, не хотелось бы приключений на свою голову...

— Тогда *поезжайте*, — велел Валентин.

Таксист встретился с его жестким взглядом и тут же проговорил:

— Уже еду...

Они рванули вдоль Восточной Шестьдесят первой, словно от проклятия.

— Нам удалось, Гарри, — несколько минут спустя сказал Валентин. — Мы вернули его.

— А эта тварь? Расскажите о ней.

— Кастрат? Да нечего рассказывать... Баттерфилд, видно, оставил его сторожить Сванна до тех пор, пока не привезут специалиста, чтобы раскодировать систему защиты. Нам очень повезло. Кастрат засиделся, его давно не использовали, что существенно ослабило его.

— Откуда вы это знаете?

— Долго рассказывать,— ответил Валентин.— И не в такси.

— Хорошо, а что теперь? Всю ночь нарезать круги по городу?

Валентин глянул на усаженное между ними тело, моля бога уберечь их от прихотей подвески машины и неровностей дорожного покрытия. Деликатно и осторожно он сложил руки Сванна на его коленях.

— Вы безусловно правы,— сказал он.— Нам необходимо подготовиться к кремации, и чем скорее, тем лучше.

Машину подбросило на рытвине. Лицо Валентина напряглось.

— Рука болит? — спросил Гарри.

— Если б только рука...

— Можно вернуться ко мне домой и передохнуть,— предложил Гарри.

Валентин покачал головой:

— Не очень разумно,— сказал он.— Первым делом они нагрянут туда.

— Можно в мой офис...

— Это их вторая цель.

— Бог ты мой, но у машины скоро опустеет бак!

На этом месте их прервал водитель.

— Ребята, вы что-то говорили о кремации?

— Возможно,— ответил Валентин.

— Ну, просто у моего шурина погребальная контора в Куинсе.

— Вот как? — отозвался Гарри.

— И очень умеренные расценки. Рекомендую. Кроме шуток.

— Можете связаться с ним немедленно? — спросил Валентин.

— В два часа ночи?

— Дело срочное.

Таксист поднял руку и поправил зеркало — поглядеть на Сванна.

— А можно спросить, а? Кремировать надо вот этого, что сидит с вами?

— Да, — ответил Гарри. — Он терпит из последних сил.

Водитель крикнул.

— Черт, ну мне везет! На этом сиденье женщина рожала двойню, шлюхи занимались своим делом, однажды даже крокодил ехал. Но сегодня рекорд побит! — Пару секунд он размышлял. — Вы прикончили его, да?

— Нет, — покачал головой Гарри.

— Ага, иначе мы б уже катили в сторону Ист-Ривер, точно?

— Точно. Мы просто хотим устроить приличную и скромную кремацию. И как можно быстрее.

— Ясно.

— Как вас зовут? — спросил Гарри.

— Уинстон Джовитт. Но все меня зовут Байроном. Поэт я, понимаете? По крайней мере по выходным.

— Байрон.

— Любой другой водила на моем месте уже завелся бы, согласны? Два парня с трупом на заднем сиденье, все такое. Но у меня свое видение.

— Поэтическое.

— Именно, — кивнул Байрон. — Муза — подружка капризная. Приходит и уходит, когда ей вздумается, согласны? Кстати, вы, джентльмены, придумали наконец, куда ехать?

— Едем в ваш офис, Гарри, — решился Валентин. — Оттуда он и позвонит своему шуруину.

— Хорошо,— сказал Гарри и обратился к Байрону: — Давайте на запад, по Сорок пятой до Восьмой.

— Сделаем,— ответил Байрон и пустил машину раз в два быстрее.— А хотите, выдам стишок?

— Прямо сейчас? — удивился Гарри.

— Обожаю импровизировать,— улыбнулся Байрон.— Придумайте тему. Любую.

Валентин крепче прижал раненую руку к груди. И тихо произнес:

— Как насчет конца света?

— Отличная тема,— одобрил поэт.— Дайте мне пару минут.

— Так быстро? — спросил Валентин.

Пока окольными путями они добирались до офиса, Байрон Джовитт выдал серию рифм на тему Апокалипсиса. На Сорок пятой улице обретались полуночные бродяги в поисках того или иного кайфа; кто сидел на ступенях, а кто растянулся прямо поперек тротуара. Ни один из них не обратил ни малейшего внимания на такси или его пассажиров. Байрон помог Гарри затащить Сванна на третий этаж.

Офис Д'Амура был его вторым домом — те же теснота и беспорядок. Они усадили труп на вращающееся кресло за стол с невымытыми чашками и кипами исков на выплату алиментов. Из всех четырех у Сванна, бесспорно, был самый здоровый вид. Байрон потел, как маклер на бирже, Гарри выглядел и чувствовал себя так, будто не спал шестьдесят дней, а рухнувшего в кресло для клиентов Валентина, побывавшего на пороге смерти, оставили последние силы.

— Вид у вас жуткий,— сказал Гарри.

— Не важно,— устало ответил Валентин.— Все скоро закончится.

Гарри повернулся к Байрону:

— Как насчет звонка шуруину?

Пока Байрон набирал номер, Гарри обернулся к Валентину.

— У меня где-то здесь есть аптечка первой помощи,— сообщил он.— Хотите, перевяжу вам руку?

— Спасибо, не стоит. Как и вы, я не переносу вида крови. Особенно своей.

Байрон по телефону жестко критиковал шурина за неблагодарность:

— Ну, чего ты ноешь? Я нашел тебе клиента! Господи, да знаю я, который час, но бизнес есть бизнес...

— Передайте ему, что мы платим по двойному тарифу,— попросил Валентин.

— Слышал, Мэл? Двойной тариф. Так что давай приезжай, ладно? — Он сообщил адрес, положил трубку и объявил: — Едет.

— Прямо сейчас? — спросил Гарри.

— Прямо сейчас.— Байрон бросил взгляд на свои часы.— Мой желудок подсказывает, что пора перекусить. Вы как? Здесь поблизости можно купить еды?

— Да, в квартале отсюда.

— Есть хотите? — спросил Байрон Валентина.

— Не думаю...— ответил Валентин; ему, похоже, стало совсем худо.

— Ладно.— Байрон повернулся к Гарри.— Значит, вы да я. Десяточку одолжите?

Гарри выдал ему деньги, ключи от входной двери, заказал жареные пончики и пиво, и Байрон удалился. Только после его ухода Гарри пожалел, что не уговорил поэта еще ненадолго потерпеть муки голода. Без него в кабинете стало мучительно тихо. Сванн в кресле за его столом, засыпающий Валентин в кресле напротив. Тишина пробудила воспоминание о последней страшной ночи в доме Ломаксов. Тогда раненный отцом Гессе демонический любовник Мими, пройдя сквозь стены, на время улизнул, и они бесконечно долго ждали в полной уверенности, что он вернется, и в полной неизвестно-

сти, когда и как это произойдет. Так просидели они шесть часов — тишину порой прерывали лишь смех или бессвязная болтовня Мими. Первым признаком возвращения любовника стал запах свежих экскрементов, а затем раздался крик Мими: «Содомит!» — когда отец Гессе наконец уступил соблазну, который его вера так долго запрячала ему. Дальше не было тишины, только крики Гессе и мольба Гарри о забвении. Но его мольбу не слышали.

Ему казалось, он и сейчас слышит дьявольский голос, его требования, его завлекающие призывы. Нет, нет, это всего лишь Валентин: его голова металась по спинке кресла в забытии. Внезапно он вскочил с кресла и прошептал:

— Свани!

Из его широко раскрытых сверкающих глаз, устремленных на сидящее в кресле тело иллюзиониста, хлынули слезы.

— Он умер,— всхлипнул Валентин, будто во сне забывал о горестном факте.— Я не уберег его, Д'Амур, и это его убило. Всему виной моя небрежность!

— Сейчас вы делаете для него самое лучшее, на что способны,— попытался успокоить Гарри, хотя знал, что слова — утешение слабое.— Мало кто может похвастаться таким верным другом.

— Я никогда не был ему другом,— покачал головой Валентин, не отрывая наполненных слезами глаз от трупа.— И все надеялся: придет день, когда он полностью доверится мне. Но он не доверился.

— Почему?

— Он вообще никому не доверял. Положение не позволяло.— Тыльной стороной ладони Валентин вытер слезы.

— Может быть,— предложил Гарри,— сейчас самое время рассказать мне обо всем?

— Если хотите.

— Хочу.

— Что ж, хорошо,— вздохнул Валентин.— Тридцать два года назад Сванн заключил сделку с бездной. Он согласился быть ее посланником, если, в свою очередь, ему даруют магию.

— *Магию?*

— Способность творить чудеса. Трансформация материи. Приворот душ. Даже изгнание Бога.

— Это вы называете чудесами?

— Все гораздо сложнее, чем вы думаете,— ответил Валентин.

— Так Сванн был настоящим магом?

— Вне всяких сомнений.

— Тогда почему же он не пользовался своим могуществом?

— Пользовался,— сказал Валентин.— Каждый вечер. На каждом представлении.

— Не понимаю,— озадаченно проговорил Гарри.

— Все, что Князь лжи предлагает человечеству, не стоит и ломаного гроша,— сказал Валентин.— Иначе он бы ничего не предлагал. Сванн не догадывался об этом, когда заключил первую сделку. Он узнал позже. Чудеса бесполезны. Чудеса отвлекают от истинных интересов и забот. Они — лишь риторика, театр.

— А что есть истинные интересы?

— Вам это известно лучше, чем мне,— ответил Валентин.— Возможно, дружба? Любознательность? Разумеется, это не имеет никакого отношения к тому случаю, когда вода обращается в вино или Лазарю даруют еще один год жизни.

Гарри видел в этом истину, но не причину, приведшую мага на Бродвей. Можно было и не спрашивать. Валентин просто освежил факты, а короткий рассказ осушил его глаза — ушли слезы, и в чертах лица появилось оживление.

— Сванн быстро осознал, что он продал душу за чечевичную похлебку,— пояснил Валентин.— А когда осо-

знал, впал в отчаяние. По крайней мере поначалу. Затем принялся строить планы отмщения.

— Каким образом он собирался мстить?

— Например, тратить впустую темные силы. Применять магию, которой так кичится бездна, для тривиальных фокусов, тем самым приуменьшая ее могущество. Как вы уже убедились, то был акт героического своеволия и упрямства. Всякий раз, когда трюк Сванна объясняли ловкостью рук, это чувствительно задевало бездну.

— Почему же бездна не убила его? — спросил Гарри.

— О, она пыталась. Много раз. Но у Сванна имелись союзники. Агенты во вражеском стане вовремя предупредили его. В течение нескольких лет ему удавалось избегать возмездия.

— До вчерашнего дня?

— До вчерашнего дня.— Валентин вздохнул.— Он был беспечен, да и я тоже. Теперь он мертв, и у пособников бездны руки чешутся завладеть его телом.

— Ясно.

— Нельзя, однако, утверждать, что мы абсолютно не подготовились к этому случаю. Он принес свои извинения Небесам, и я смею надеяться, что ему простят прегрешения. Молитесь, чтобы было так. Под угрозой спасение не одного только Сванна.

— Ваше тоже?

— Всех нас, кто любил его,— отвечал Валентин.— Если мы сумеем уничтожить его физические останки прежде, чем бездна завладеет ими, нам, возможно, удастся избежать последствий его сделки.

— Зачем же вы так долго ждали? Почему не кремировали его сразу после смерти?

— Адвокаты бездны — люди неглупые. Согласно особой статье договора, тело должно «вылежаться» определенный период. Если бы мы этой статьей пренебрегли, Сванн автоматически поплатился бы душой.

— И когда выходит срок?

— Срок истек три часа назад, в полночь,— сказал Валентин.— Вот почему *они* так встревожены. И так опасны.

Еще один стишок соткался в голове Байрона Джовитта, легкой походкой возвращавшегося по Восьмой авеню и жевавшего на ходу сэндвич с тунцом и салатом. Музу нельзя торопить. Для придания четверостишию окончательной формы достаточно и пяти минут, а если намечается продолжение — то чуть больше. Поэтому Байрон и не спешил обратно в офис, пребывая в мечтательном настроении и подгоняя строки в угодный рифм: он надеялся явиться с готовым стихотворением.

Однако он добрался до дверей, не успев отшлифовать финальную строфу. Автоматически он опустил руку в карман за выданными Д'Амуром ключами и впустил себя в дом. Едва он собрался закрыть за собой дверь, как на порог шагнула женщина и улыбнулась ему. Она была красавица, а Байрон, как истинный поэт, от красоты дурел.

— Прошу вас,— заговорила она,— помогите мне.

— Что я могу сделать для вас? — пробубнил Байрон, дожевывая сэндвич.

— Не знаете ли вы человека по имени Д'Амур? Гарри Д'Амур?

— Еще как знаю. И как раз к нему сейчас направляюсь.

— А не могли бы вы меня к нему проводить? — попросила женщина, когда Байрон впустил ее и закрыл входную дверь.

— С превеликим удовольствием,— откликнулся он и повел гостью через прихожую к лестнице.

— Вы так добры,— проговорила она, и сердце Байрона растаяло.

Валентин встал и подошел к окну.

— Что-то не так? — спросил Гарри.

— Предчувствие, — тихо проговорил Валентин. — Боюсь, дьявол уже на Манхэттене.

— Что здесь нового?

— А то, что он, возможно, придет за нами.

Откликом на его слова стал внезапный стук в дверь. Гарри подскочил.

— Все в порядке, — успокоил Валентин. — Он никогда не стучит.

Гарри пошел к двери, чувствуя себя полным идиотом.

— Байрон, это вы? — спросил он, прежде чем открыть.

— Прошу вас, — донесся из-за двери голос, который, думал Гарри, уже никогда ему не услышать. — Помогите...

Он открыл. Ну конечно, Доротея. Она была прозрачна, как вода, и так же непредсказуема. За секунду до того, как Гарри пригласил ее переступить порог кабинета, череда выражений или их теней пробежала по ее лицу: мука и боль, настороженность, недоверие, страх и, наконец, когда глаза ее нашли тело любимого супруга, облегчение и благодарность.

— Так он у вас! — ахнула она, шагнув в кабинет.

Гарри закрыл дверь. Снизу по лестнице полз холод.

— Слава богу! Слава богу! — Она взяла в ладони лицо Гарри и легко поцеловала в губы. И лишь потом заметила Валентина.

Она уронила руки.

— А что здесь делает *он*? — спросила Доротея.

— Он со мной. С нами.

Сомнение отразилось на ее лице.

— Нет, — проговорила она.

— Ему можно доверять.

— Я сказала, нет! Прогоните его, Гарри. — Ее трясло от холодной ярости. — Прогоните его!

Валентин смотрел на нее остановившимся взглядом.

— Мадам что-то слишком расшумелась,— пробормотал он.

Доротея поднесла пальцы к губам, словно пыталась подавить новую вспышку гнева.

— Простите,— сказала она, поворачиваясь к Гарри.— Но вам должны были рассказать, что лежит на совести этого человека.

— Если бы не совесть этого человека, ваш муж так и остался бы в доме, миссис Сванн,— перебил Гарри.— И именно *его* вам следует благодарить, а не меня.

Выражение лица Доротеи смягчилось.

— Вот как? — Теперь она смотрела на Валентина.— Простите меня. Когда вы сбежали из дома, я подумала, что вы заодно с...

— С кем? — спросил Валентин.

Она легонько покачала головой, а затем сказала:

— Ваша рука... Вы ранены?

— Пустяки, царапина,— ответил Валентин.

— Я уже пытался сделать ему перевязку,— улыбнулся Гарри.— Но он упрямится.

— Я чертовски упрям,— без всякой интонации отозвался Валентин.

— Но нам скоро ехать...— начал Гарри.

— Не говорите ей ничего! — вдруг выпалил Валентин.

— Я только хотел рассказать ей о шурине...— сказал Гарри.

— О шурине? — переспросила Доротея, опускаясь на стул. Легкий шорох, с которым она скрестила ноги, стал для Гарри самым чарующим звуком за последние двадцать четыре часа.— О, пожалуйста, расскажите мне о шурине.

Не успел Гарри раскрыть рот, как Валентин сказал:

— Гарри, это не она.

Слова, произнесенные ровным тоном, без намека на драматичность, витали несколько мгновений, пока были осознаны. И даже тогда их безумие казалось очевидным. Вот же она, Доротея — во плоти, живая и неподдельная в каждом жесте, в каждой клеточке.

— Вы о чем? — спросил Гарри.

— Как еще яснее сказать, а? Это не она. Это трюк. Фокус. Иллюзия. Они знают, где мы, и подослали *это*, чтобы разузнать о нашей защите.

Гарри чуть не рассмеялся, но в глазах Доротеи заблестели слезы.

— Перестаньте,— бросил он Валентину.

— Не перестану, Гарри. Подумайте хорошенько. Все ловушки, расставленные ими, все монстры, которых они сотворили. И что же, ей удалось преспокойно избежать их? — Он пошел к Доротее.— Где Баттерфилд? — прошипел он.— Внизу, в прихожей, ждет вашего сигнала?

— Замолчите,— сказал Гарри.

— А сюда он боится подняться, да? — не унимался Валентин.— Боится Сванна, боится нас — после того, что мы сделали с его мерином?

Доротея подняла глаза на Гарри.

— Остановите его,— попросила она.

Гарри вытянул руку и уперся ладонью в костлявую грудь Валентина, остановив его наступление.

— Вы слышали, что сказала леди?

— Это не леди.— Глаза Валентина сияли.— Я не знаю, что это такое, но только не леди.

Доротея поднялась:

— Я пришла сюда в надежде, что буду здесь в безопасности.

— Вы в безопасности,— заверил Гарри.

— Возможно, но только не в компании с ним.— Она оглянулась на Валентина.— Пожалуй, мне лучше уйти.

Гарри коснулся ее руки и твердо сказал:

— Нет!

— Мистер Д'Амур,— ласково проговорила она,— вы отработали свой гонорар в десятикратном размере. Теперь, думаю, пришел *мой* черед позаботиться о теле супруга.

Гарри вгляделся в ее переменчивое лицо: ни намека на ложь.

— Внизу моя машина,— продолжила она.— А что, если... Если я попрошу вас отнести мужа вниз?

Гарри услышал за спиной шум загнанной в угол собаки, обернулся и увидел Валентина. Тот остановился у тела Сванна, сжал в руке тяжелую настольную зажигалку и чиркал ею. Искры летели, но огонь упрямился.

— Черт возьми, что вы делаете? — потребовал ответа Д'Амур.

Валентин поднял глаза, но не на Гарри, а на Доротею, и коротко бросил:

— Она знает.

Наконец он справился с зажигалкой. Родился язычок пламени.

Доротея издала тихий возглас отчаяния.

— Пожалуйста, не надо,— взмолилась она.

— Надо. И если надо, мы все сгорим с ним вместе,— заявил Валентин.

— Он сошел с ума.— Из глаз Доротеи вдруг исчезли слезы.

— Она права,— сказал Гарри Валентину.— Вы ведете себя как безумец.

— А вы — как дурак, поверивший двум фальшивым слезинкам! — парировал Валентин.— Неужели вы не понимаете: если она сейчас заберет его, мы потеряем все, за что боролись!

— Не слушайте,— промурлыкала Доротея.— Вы же знаете меня, Гарри. Вы доверяете мне.

— Что там, под маской твоего лица? — крикнул ей Валентин.— Что ты такое? Копролит? Гомункул?

Эти имена были для Гарри пустым звуком. Значима для него сейчас была лишь близость Доротеи. Ее рука накрыла его ладонь.

— А сам ты кто? — обернулась она к Валентину. Затем спросила мягче: — Почему бы тебе не показать нам свою рану?

Доротея покинула безопасное соседство с Гарри и подошла к столу. Огонек зажигалки заметался и погас.

— Давай.— Голос ее был не громче дыхания.— Я бросаю тебе вызов.— Она глянула через плечо на Гарри: — Попросите его, Д'Амур. Пусть покажет вам, что прячет под бинтами.

— О чем это она? — спросил Гарри. Ему хватило всплеска волнения в глазах Валентина, чтобы убедиться в законности требования Доротеи.— Объясните.

У Валентина не осталось шанса. Сбитый с толку приказом Гарри, он оказался легкой добычей, когда Доротея потянулась через стол и выбила из его рук зажигалку. Валентин нагнулся за ней, но Доротея вцепилась в его импровизированный бандаж и дернула. Бандаж порвался и отлетел.

Она шагнула назад:

— Видите?

Разоблаченный Валентин выпрямился. Существо с Восемьдесят третьей улицы сорвало с руки остатки человеческой плоти: конечность представляла собой массу сине-черных чешуек. Каждый палец пупырчатой лапы заканчивался когтем, который открывался и закрывался наподобие клюва попугая. Валентин даже не пытался скрыть правду. Стыд затмил все прочие эмоции.

— Я ведь предупреждала,— вздохнула Доротея.— Я предупреждала вас, что ему нельзя доверять.

Валентин пристально смотрел на Гарри.

— У меня нет оправданий,— проговорил слуга.— Я лишь прошу вас верить, что хочу сделать для блага Сванна все, что в моих силах.

— Неправда. Ты не способен на это,— сказала Доротея.— Ты демон.

— Больше того,— ответил Валентин.— Я — искуситель Сванна. Его фамилиар, его тварь. Ему я принадлежу в гораздо большей степени, чем когда-либо принадлежал бездне. И я буду бороться с ней,— он перевел взгляд на Доротею,— и с ее агентами.

Доротея повернулась к Гарри.

— У вас пистолет,— сказала она.— Пристрелите подлеца. Нечисти не место на земле.

Гарри глянул на покрытую гнойничками лапу, на щелкающие ногти: какие еще мерзости спрятаны за фасадом плоти?

— Убейте его,— призывала женщина.

Он вытянул из кармана пистолет. Валентин, казалось, уменьшился после разоблачения. Прижавшись спиной к стене, он стоял с выражением отчаяния на лице.

— Что ж, убивайте,— обратился он к Гарри.— Убивайте, если я так противен вам. Но, Гарри, умоляю вас, не отдавайте Сванна ей. Обещайте мне. Дождитесь возвращения водителя и найдите способ ликвидировать тело. Только не отдавайте его этой женщине!

— Не слушайте его! — воскликнула Доротея.— Ему плевать на Сванна, а мне — нет.

Гарри поднял пистолет. Даже перед лицом смерти Валентин не отступал.

— Ты проиграл, иуда,— бросила Доротея Валентину.— Фокусник мой.

— Какой фокусник? — не понял Гарри.

— Мой Сванн, кто же еще! — небрежно ответила она.— Фокусник, по-моему, здесь только один.

Гарри отвел прицел от Валентина и возразил:

— Он иллюзионист. Вы уверяли меня в этом с самого начала. «Никогда не называйте его фокусником», — попросили вы меня тогда.

— Не будьте столь педантичны,— отозвалась она, пытаясь легким смехом прикрыть ошибку.

Он направил пистолет на нее. Лицо Доротеи сморщилось, она резко откинула назад голову и издала звук, на который, подумалось Гарри, человек не способен — такое человеческая гортань не в состоянии воспроизвести. Крик ее эхом отозвался в коридоре и на лестнице, словно искал поджидавшее его ухо.

— Баттерфилд здесь, — отчеканил Валентин.

Гарри кивнул, и Доротея тут же пошла к нему с причудливо искаженным лицом. Она была сильна и проворна; сбросившее маску зло застало Д'Амура врасплох. До него донесся призыв Валентина: надо убить ее прежде, чем она трансформируется. Мгновение ушло на то, чтобы ухватить суть команды, а в следующую секунду зубы Доротеи коснулись горла Д'Амура. Ее рука ледяными тисками сжала его запястье. Гарри чувствовал, что она легко раздробит ему кости; его пальцы начали неметь, и времени осталось лишь на нажатие спускового крючка. Грохнул выстрел. Дыхание Доротеи горячим потоком хлынуло на его шею. Затем она ослабила хватку и отшатнулась назад. Выстрелом ей разворотило живот.

Гарри с содроганием смотрел на то, что натворил. Пронзительно визжащее создание все еще напоминало женщину, которую он мог полюбить.

— Вот так, — подал голос Валентин, когда на пол офиса брызнула кровь. — А сейчас она должна показаться во всей красе.

Услышав его, Доротея покачала головой.

— Это все, больше мне нечего вам показать... — выдавила она.

Гарри уронил руку с пистолетом.

— Боже правый, — тихо проговорил он. — Это же она... Доротея скривилась. Кровь не унималась.

— Ее *часть*, — едва слышно сказала она.

— И вы всегда были заодно с *ними*? — спросил Валентин.

- Конечно нет.
- Зачем же вы это сделали?
- От безысходности... — Голос ее увядал с каждым слогом. — От безверия... Крутом одна ложь.
- И вы пошли за Баттерфилдом?
- Лучше ад, — лепетала она, — чем фальшивый рай.
- Кто вам это внушил? — прошептал Гарри.
- А как вы думаете? — перевела на него взгляд Доротея. Силы покидали ее вместе с кровью, но глаза по-прежнему сверкали. — Вы погибли, Д'Амур. И вы, и демон, и Сванн. Теперь никто вам не поможет.

Вопреки презрению и горечи в ее словах, Д'Амур не мог просто стоять и смотреть, как она истекает кровью. Несмотря на приказ Валентина держаться от Доротеи подальше, Гарри шагнул к ней. Стоило ему приблизиться, как женщина с яростью рванулась к нему. Удар на мгновение ослепил его, он отлетел к высокому шкафу с картотекой, расшатав его. На пол рухнули оба, Гарри и шкаф, причем шкаф выплюнул бумаги, а Гарри — проклятия. Оглушенный, он смутно сознавал, что Доротея двигается мимо него к двери, но от головокружения не в силах был ей помешать. К тому времени, когда он вновь обрел равновесие, Доротея ушла, оставив кровавые отпечатки ладоней на стене и двери.

Консьерж Чаплин ревностно охранял вверенную ему территорию. Подвал здания был его вотчиной: здесь он собирал и сортировал офисный хлам, кормил топливом милый его сердцу отопительный котел и громко вслух читал любимые отрывки из Библии — без страха, что ему помешают. Больной кишечник не давал ему спать долго. Пару часов ночью, не больше, плюс еще чуток днем. Этого ему хватало. В подвале он находил уединение, когда жизнь там, наверху, становилась слишком беспокойной; тепло гудящей топки дарило удивительные грезы.

А этот унылый тип в шикарном костюме ему тоже грезится? Если нет, то каким образом ему удалось попасть в подвал, когда железная дверь заперта на ключ и засов задвинут? Однако задавать вопросы непрошеному гостю он не стал: что-то в его пристальном взгляде заставило консьержа прикусить язык.

— Чаплин,— процедил незнакомец, едва шевеля губами,— я хочу, чтоб ты открыл топку.

При других обстоятельствах Чаплин взял бы в руки лопату и хватил наглеца по башке. Топку он лелеял потечески. Он знал ее причуды и капризный нрав; он досконально изучил ее ровный гул, когда она была накормлена досыта; и оттого Чаплину пришлось не по нраву собственнический тон незнакомца. Но отчего-то воля к сопротивлению у него пропала. Привратник поднял тряпку и открыл дверцу топки, предложив ее обжигающее тепло незнакомцу. Так Лот в Содоме предложил чужакам своих дочерей.

Баттерфилд улыбнулся жару открытого зева печи. Он слышал, как трем этажами выше молила о помощи женщина, как спустя несколько секунд хлопнул выстрел. Он так и знал: у Доротеи ничего не выйдет. Поплатилась жизнью. На то, что ей удастся выпросить тело фокусника у хранителей, Баттерфилд не надеялся. Невелика потеря. Конечно, можно было бы сэкономить немного времени до полномасштабной атаки, но теперь уж не важно. Для того чтобы завладеть душой Сванна, любые средства хороши. Он осквернил доброе имя Князя лжи и поплатится за это. Его накажут так, как еще не наказывали ни одного, даже самого подлого чародея. По сравнению с тем, что уготовано Сванну, наказание Фауста покажется легким неудобством, а участь Наполеона — приятной прогулкой.

Как только разлетелись и замерли отголоски выстрела, Баттерфилд достал из кармана пиджака черную лакированную коробочку. Привратник уткнул взгляд в потолок — он тоже слышал выстрел.

— Не обращай внимания,— сказал ему Баттерфилд.— Поддай жару.

Чаплин повиновался. В тесном подвале резко потеплело. Привратник начал потеть, его гость — нет. С невозмутимым видом, стоя возле открытой топки, Баттерфилд неотрывно глядел на разгорающийся огонь. Наконец он удовлетворенно кивнул.

— Достаточно,— проговорил он и открыл лакированную коробочку.

Чаплину показалось, что он заметил внутри коробочки какое-то мельтешение, будто она доверху наполнена личинками мух. Однако приглядеться получше не удалось: коробочка вместе с содержимым полетела в топку.

— Закрой дверцу,— приказал Баттерфилд. Чаплин закрыл.— Можешь понаблюдать за ними, тебе понравится. Им нужен жар — он делает их могучими.

Адвокат оставил Чаплина дежурить у топки и вернулся в прихожую. Он оставил входную дверь открытой, и уличный торговец наркотиками вместе с клиентом зашли в нее, чтобы укрыться от холода. Они шептались в углу, пока торговец не заметил взгляд адвоката.

— Не обращайтесь на меня внимания,— сказал Баттерфилд, отвернулся и стал подниматься по лестнице. Вдову Сванн он нашел на первой площадке. Она была еще жива, и Баттерфилд быстро довершил начатое Д'Амуром.

— Дело плохо,— сказал Валентин.— Слышите — шум внизу. Другой выход отсюда есть?

Гарри сел на пол и, привалившись спиной к упавшему шкафу, старался не думать о лице Доротей в тот миг, когда пуля нашла ее, и о существе, нуждавшемся сейчас в его помощи.

— Есть. Пожарный выход к лестнице вниз, на задний двор.

— Пойдем, покажете его.— Валентин попытался поднять на ноги Гарри.

— Убери руки!

Валентин отшатнулся, как от удара.

— Простите,— проговорил он.— Вероятно, я зря надеюсь, что вы меня не отвергнете... И все-таки я надеюсь.

Ничего не ответив, Гарри поднялся с заваленного отчетами и фотографиями пола. Поганая у него жизнь: вынюхивать следы адюльтера по заказам мстительных супругов; прочесывать трущобы в поисках сбежавших детей; поддерживать отношения с дерьмом, поскольку дерьмо всплывает, а все остальное тонет. Едва ли душа Валентина может быть более зловещей.

— Пожарный выход в конце коридора.— Он устало махнул рукой.

— Мы еще можем успеть вынести отсюда Сванна,— сказал Валентин.— И предать тело достойной кремации...— Его настойчивое желание сохранить честь и достоинство покойного господина подкупала.— Но вы должны помочь мне, Гарри.

— Помогу,— сказал Д'Амур, избегая смотреть на демона.— Только не рассчитывайте на любовь и привязанность.

Если можно услышать улыбку, то именно ее Гарри и услышал.

— Они планируют покончить с нами до рассвета.

— Недолго осталось.

— Час, наверное,— ответил Валентин.— Но этого достаточно. В любом случае.

Шум топки умиротворял Чаплина: гул и потрескивание были так же знакомы, как жалобы собственного кишечника. А вот за дверью начали плодиться шумы абсолютно незнакомые. Пытаясь определить их источник, его рассудок рисовал дурацкие образы: смеющиеся

ся свиньи, скрежет зубов о стекло или о колючую проволоку, танцующие по полу копыта. По мере нарастания шума росло и беспокойство Чаплина. Решив позвать кого-нибудь на помощь, он направился к железной двери из подвала, но та оказалась заперта, и ключ отсутствовал. В довершение всех неприятностей погас свет.

Привратник испуганно забормотал:

— Пресвятая Мария, Матерь Божья, спаси нас грешных и помоги в час испытаний...— И замолк, услышав обращение к себе.

— Михельмас! — внятно произнес голос.

Вне всяких сомнений — это его мать! И вне всяких сомнений — голос прилетел от топки.

— Михельмас,— поинтересовалась она,— долго мне еще жариться тут?

Да нет, не могла она здесь появиться во плоти: прошло тринадцать лет, как мать умерла. Может, это ее дух? Чаплин верил в духов. Конечно, ведь он видел их иногда — они рука об руку входили и выходили из кинотеатров на Сорок второй улице.

— Открой-ка, Михельмас,— велела мать тем тоном, каким в детстве делала ему выговоры. Послушный сын, он подошел и присел у дверицы. Еще никогда его любимая топка не дышала таким жаром: он почувствовал запах подпаленных волосков на своих руках.

— *Открой дверицу!* — повторила мать.

Разве маме можно отказать? Не замечая раскаленного воздуха, он потянулся к задвижке.

— Проклятый консьерж! — Гарри в сердцах пнул запертую дверь пожарного выхода.— Запасная дверь должна постоянно оставаться открытой.— Он позвонел цепью, опутавшей дверные ручки.— Придется идти по лестнице.

В коридоре за их спинами зашумело, по трубам отопления прокатился гул, от которого завибрировали ста-

рые радиаторы. В этот самый миг в подвале Михельмас Чаплин, повинувшись маминому приказу, открывал дверь топки. Когда ему в лицо бросилось пламя, его вопль взвился до третьего этажа, а следом вскарабкался грохот распахнувшейся подвальной двери.

Гарри поглядел на Валентина; отвращение мгновенно исчезло.

— По лестнице не получится,— проговорил демон.

Стрекот и шелест, мычание и визги уже поднимались снизу. Что бы ни родилось в подвале, оно явно было скороспелым.

— Надо чем-то взломать дверь,— сказал Валентин.

Гарри лихорадочно перебирал в памяти вещи из здешних офисов в поисках инструмента, могущего произвести впечатление либо на дверь пожарного выхода, либо на солидную цепь, державшую дверные створки. Ничего толкового на ум не приходило — одни пишущие машинки да скоросшиватели.

— *Думай*, человек! — молил Валентин.

Мысль снова пробежалась по уголкам памяти. Требовалось что-то тяжелое и крепкое. Лом, молоток... Топор! Этажом ниже располагалась контора человека по фамилии Шапиро, агента порноактеров. Месяц назад одна актриса чуть не отстрелила агенту причинное место. Промахнулась. Гарри слышал, как на следующий день Шапиро хвастался кому-то на лестнице, что приобрел самый большой топор, какой только смог найти, и теперь с радостью снесет башку любому, посмей тот покуситься на его драгоценную персону.

Суматоха внизу стихала. Надвигающаяся тишина тревожила больше, нежели предшествовавший ей шум.

— Времени в обрез,— торопил демон.

Оставив его у скованной цепями двери, Гарри рванулся к лестнице:

— Сможешь притащить сюда Сванна? — крикнул он Валентину уже на бегу.

— Постараюсь.

Когда Гарри подбегал к лестнице, внизу замирали последние шорохи, а когда первый пролет был наполовину преодолен, все окончательно стихло. И стало абсолютно непонятно, где сейчас враг. Этажом ниже? Или вот за этим углом? Он пытался не думать об этом, но встревоженное воображение заселяло каждую тень и неосвященный уголок.

Гарри благополучно добрался до конца лестничного пролета и крадучись пошел по полутемному коридору второго этажа к офису Шапиро. На половине пути до нужной двери он услышал за спиной шипение. С трудом погасив желание рвануть вперед и бежать, онглянул через плечо. Одна из батарей отопления, не выдержав температуры и давления, выпустила тонкую шипящую струйку пара. Гарри позволил сердцу проделать путь обратно — от глотки до груди — и поспешил к двери Шапиро, молясь о том, чтобы похвальба соседа не оказалась пустой. Иначе они приговорены. Ну конечно, офис закрыт. Локтем он вышиб матовое стекло двери, протиснулся внутрь и нащупал выключатель. Стены комнаты были сплошь заклеены фотографиями секс-богинь, но они едва затронули внимание Гарри — паника его возрастала, словно подпитывалась каждым ударом сердца. Наспех он обыскал офис, в нетерпении опрокидывая мебель. Ничего.

И вновь шум снизу, преобразившись и добравшись до второго этажа, нашел Гарри — неземная какофония сродни той, что он слышал на Восемьдесят третьей улице. Д'Амур скрипнул зубами, и нерв больного коренного опять схватило пульсирующей болью. Что означал музыкальный призыв? Сигнал к наступлению?

Отчаявшись, Гарри пересек кабинет Шапиро и подошел к столу в поисках хоть чего-нибудь, чем можно сбить цепь. Там, в узком пространстве между столом и стеной, он обнаружил топор и вытянул его из тайника.

Как и говорил Шапиро, инструмент был массивный, тяжелый и грозный. Гарри вышел из кабинета — пар из расширившегося свища радиатора залил коридор дымкой — и услышал, как с новой силой грянула музыка. Скорбные причитания взметались и угасали, ритм подчеркивала вялая перкуссия.

Храбро нырнув в облако пара, Гарри поспешил к лестнице. Когда его нога коснулась нижней ступени, музыка словно впилась ему в загривок и громко шепнула в ухо:

— Слушай.

Слушать он, разумеется, не желал; музыка была мерзкой. Однако каким-то способом — вероятно, пока он в растерянности и отчаянии искал топор — она все же вползла ему под череп и истощила силы, оттого топор стал невыносимым бременем.

— Спускайся вниз,— манила музыка,— спускайся вниз, присоединяйся к оркестру.

Гарри попытался выдавить короткое «нет», но с каждой новой нотой музыка все больше овладевала им. В этом кошачьем концерте он начал улавливать мелодии, продолжительные закольцованные мотивы, от которых ток крови делался вялым, а мысли — идиотскими. Гарри смутно сознавал: оказавшись во власти источника музыки, он получит отнюдь не удовольствие, а лишь боль и отчаяние. Тем не менее ему никак не удавалось стряхнуть экстатическое оцепенение. Ноги сами несли его на призывы труб. Он позабыл Валентина, позабыл Сванна, позабыл о страстном желании бежать, обо всех потраченных во имя побега усилиях — и начал спускаться по лестнице. Мелодия заплелась еще более замысловато. Теперь в ней слышался хор, нестройно тянувший песню на неизвестном языке. Откуда-то сверху прилетел голос, окликнувший его по имени, но Гарри не внял призыву. Музыка, вцепившись в него, увлекла вниз еще на один лестничный пролет — и наконец стали видны музыканты.

Они оказались более живописны, чем он себе представлял. Слишком вычурны и разнообразны (гривастые, многоголовые); слишком причудливо декорированы (освежаванные лица, нарумяненные анусы); и, как с болью подметило его затуманенное сознание, чудовищно изобретательны в выборе инструментов. Что это были за инструменты! Вот, например, Байрон: в его выбеленных дочиста костях высверлены отверстия; диафрагма и легкие, торчавшие из прорезов в теле, выполняли функции воздушных мешков для волынки. Поэт был крайне сосредоточен: его легкие раздувались, а голова, распахнув рот с отрезанным языком, выдавала сильные тона. Доротея, притулившись к Байрону сбоку, тоже претерпела существенную трансформацию и напоминала собой непристойную лиру: по струнам ее внутренностей, туто натянутым между скрепленных шплинтом ног, барабанили груди. Были там и другие инструменты, и другие люди — случайные прохожие, заглянувшие в открытую входную дверь и ставшие жертвами оркестра. Среди них был даже Чаплин с обожженным дочерним телом: он бесстрастно постукивал по обнажившимся ребрам грудной клетки.

— Вот не думал, что вы любитель музыки.— Баттерфилд затянулся сигаретой и приветливо улыбнулся.— Положите топор и присоединяйтесь к нам.

Слово «топор» напомнило Гарри о тяжести в его руках. Однако, опутанный паутиной музыкальных тактов, он никак не мог сообразить, что эта тяжесть значит.

— Не бойтесь,— продолжал Баттерфилд,— лично вас мы ни в чем не виним.

— Доротея...— пробормотал он.

— Она тоже была невинна,— сказал адвокат.— До тех пор, пока мы не предъявили ей кое-какие счета.

Гарри взглянул на жутко перекроенное тело женщины, и его забила дрожь. В тот же миг нити державшей его музыкальной паутины резко ослабли: неотвратимо подступившие слезы смывали их.

— Положи топор на пол,— приказал Баттерфилд.

Однако теперь мелодии оркестра уже не могли соперничать с затопляющим его горем. Баттерфилд, похоже, заметил в глазах Гарри растущее отвращение и ярость. Он бросил наполовину выкуренную сигарету и дал знак оркестрантам умолкнуть.

— Значит, выбираем смерть? — поинтересовался адвокат, но Гарри уже двинулся к нему вниз и преодолел последние ступени марша лестницы прежде, чем слышал вопрос. Он поднял топор, замахнулся — и не попал. Лезвие разрубило штукатурку стены в футе от плеча Баттерфилда.

В этот момент какофония смолкла, и музыканты двинулись через прихожую к лестнице, волоча за собой на перьях, шкурах и хвостах шлейфы грязи, жира и крови. Краем глаза Гарри успел отметить начало их наступления. За этой компанией, едва заметное в густой тени, пряталось какое-то существо — явно крупнее самого большого из согнанных сюда демонов. Именно оттуда, из тени, доносился глухой и мощный, как удар парового молота, стук. Гарри попытался понять или рассмотреть, что это, но безуспешно. У него не оставалось времени: демоны подбирались все ближе.

Баттерфилд оглянулся и обвел взглядом наступающих, направляя атаку, и Гарри уловил момент, чтобы махнуть топором второй раз. Лезвие врезалось Баттерфилду в плечо и мгновенно отхватило руку. Адвокат завизжал, на стену брызнула кровь. На третий удар времени, увы, не хватило. Демоны уже тянулись к нему, осками улыбок предвещая смерть.

Резко повернувшись, Гарри бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через две, три, четыре ступени. Внизу вопил Баттерфилд. С верхней площадки звал Валентин — ни секунды, ни вдоха не нашлось у Гарри для ответа.

Они уже наступали ему на пятки, сопровождая это топотом, бормотанием, криками и хлопаньем крыль-

ев. Но их шум не заглушил потрясшие лестницу шаги «парового молота», подступавшего к нижней ступени лестницы. Отдаленный грохот наводил больше ужаса, чем гвалт берсерков прямо за спиной. Этот грохот заползал в душу, в самый сокровенный ее уголок, и бился там ровно и сильно, как пульс смерти, если у смерти есть сердце.

На площадке второго этажа Гарри услышал за спиной жужжание и, полуобернувшись, увидел летящую к нему снизу бабочку с человеческой головой, размером с грифа. Ударом топора он сбил ее на пол. Внизу кто-то удивленно вскрикнул, когда тушка покатилося по ступеням, загребая крыльями, точно веслами. Гарри рванулся вверх — туда, где стоял Валентин. Он прислушивался не к бормотанью, не к хлопанью крыльев, не к воплям адвоката, но к шагам «парового молота».

— Они привели Рапари,— сказал Валентин.

— Я ранил Баттерфилда.

— Слышал. Но это их не остановит.

— Мы еще можем попытаться открыть дверь.

— Боюсь, слишком поздно, мой друг.

— *Нет!* — Гарри кинулся к двери мимо Валентина.

Отчаявшись дотащить Сванна до пожарного выхода, демон устроил тело на полу посреди коридора, скрестив руки иллюзиониста на груди. В каком-то таинственном прощальном ритуале он положил к ногам и голове Сванна свернутые из бумаги подобия чаш, а губы покойника прикрыл крошечным цветком-оригами. Гарри задержался на мгновение, чтобы еще раз поразиться свежести и безмятежности лица Сванна, и затем подбежал к двери и рубанул по цепи. От удара пострадал топор, но не стальные звенья. Однако Гарри не сдавался: это был единственный путь к спасению, не считая возможности выброситься из окна и разбиться насмерть. Он решил, что именно так и поступит, если выбора не останется: прыгнуть и умереть, но не стать их игрушкой.

Он бил по цепи, пока не заныли руки. Бесполезно. Его отчаяние подхлестнул крик Валентина — высокий и жалобный, на который Гарри не мог не откликнуться. Оставив дверь, он вернулся на лестницу.

Демоны облепили Валентина, как осиный рой облепляет сахарный столб, и рвали на части. Когда Валентин еще отбивался от них, Гарри увидел под обрывками одежды человеческую оболочку, а затем — его истинную, кроваво заблестевшую под маскировкой. Наружность Валентина была столь же мерзкой, как и у осаждавших его, но Гарри все равно шел к нему на выручку, чтобы перебить демонов и спасти их жертву.

Топор проложил себе путь, отбросив нападавших вниз по ступеням, с отрубленными конечностями и разбитыми мордами. Но крови не было. Из разрубленного брюха одного посыпались тысячи яиц, из пробитой головы другого клубком вывалились утри и, взлетев к потолку, прилепились к нему белыми губами. В схватке Гарри потерял из виду того, к кому шел на помощь, и забыл про него, пока вновь не услышал шаги «парового молота». Он припомнил, с каким лицом Валентин называл имя этого существа. Кажется, он сказал «Рапари»?

В ту же секунду, когда слово в памяти обрело форму, показался сам Рапари. Он ничем не напоминал своих братьев: ни крыльев, ни гривы, ни суетливости. Едва ли он вообще обладал плотью — этой кованой машине, словно сработанной умелым кузнецом, требовалась лишь неимоверная злоба. Так работал ее механизм.

При его появлении демонические оркестранты отступили, оставив Гарри наверху лестницы посреди яичной россыпи. Восхождение Рапари было неспешным: шесть его искусно изготовленных и смазанных конечностей могли бы пробуровать стены лестничной клетки, чтобы проложить себе путь. Он двигался, как инвалид на костылях, выбрасывая перед собой лапы, а затем переносил на них вес туловища. Однако в громохании

его тела не было ничего инвалидного, а в единственном белом глазу на серпообразной голове — ни тени боли.

Гарри думал, что ему знакомо отчаяние, но оказалось, он ошибался: пепел отчаяния высушил горло лишь сейчас. Похоже, окно за спиной оставалось единственным выходом. Окно — и гостеприимная мостовая. Он бросил топор и попятился.

Валентин оказался в коридоре. Он не погиб, как полагал Гарри; весь израненный, он стоял на коленях над телом Сванна. Наверняка просит прощения у мертвого хозяина, подумал Д'Амур. Но нет, Валентин был занят совсем другим: чиркнув зажигалкой, он поджег бумагу. Затем, бормоча под нос какую-то молитву, поднес огонек ко рту чародея. Оригами-цветок охватило пламя, его языки необычайно ярко горели и необычайно живо разбежались по лицу и туловищу Сванна. Валентин рывком поднялся на ноги, отсветы пламени поливали лаком рубцы на его теле. Он нашел в себе силы почти-тельно склонить голову, а затем повалился навзничь и больше уже не шевелился. Гарри смотрел, как огонь набирал силу. Скорее всего, тело было облито бензином или чем-то схожим, поскольку пламя порой резко вспыхивало и становилось желто-зеленым.

И тут Д'Амура схватили за ногу. Опустив глаза, он увидел демона с телом цвета спелой малины, плотоядно тянувшегося к нему. Длинный язык обвился вокруг голени Гарри, а пасть нацелилась на пах. Нападение заставило позабыть и об огне, и о Рапаре. Гарри нагнулся, чтобы руками оторвать от ноги язык, но тот был гладкий — не ухватить. Гарри пошатнулся и попятился, а демон, обнявший уже обе ноги, стал карабкаться вверх по его телу.

В борьбе они упали на пол и откатились по коридору от лестницы. Боролись они на равных — отвращение Д'Амура по силе равнялось энтузиазму демона. Прижа-

тый к полу, Гарри вдруг вспомнил о Рапари: его приближение отдавалось гулом и вибрацией в досках пола и стенах.

Между тем Рапари достиг верхних ступеней и медленно повернул голову в сторону погребального костра. Даже на расстоянии Гарри видел и понимал, что отчаянные попытки Валентина уничтожить тело хозяина оказались тщетными. Огонь едва-едва начинал пожирать Сванна.

Засмотревшись на Рапари, Гарри позабыл о своем непосредственном противнике, и тот умудрился запустить кончик щупальца ему в рот. Горло тут же наполнилось какой-то жидкой гадостью, Гарри стал задыхаться. Широко раскрыв рот, он со всей силы прикусил конечность, перерубив ее зубами. Демон не закричал, но брызнул в воздух струями едких экскрементов из тянувшихся вдоль спины пор и отвалился. Выплюнув вслед уплывшему гаду кусок его плоти, Гарри обернулся к костру.

То, что он увидел, заставило его позабыть обо всем на свете.

Сванн поднялся на ноги.

Он весь горел, с головы до ног. Волосы, одежда, кожа. Каждая клетка его тела светилась пламенем, а он стоял с поднятыми руками и приветствовал аудиторию.

Рапари прекратил наступление и замер, не дойдя пары ярдов до Сванна, словно зачарованный ошеломляющим трюком.

С лестницы в коридор выплывал еще один силуэт. Баттерфилд. Культя его была наспех забинтована, а сбorkу скособоченное туловище поддерживал демон.

— Сбей пламя,— приказал адвокат Рапари.— Это не сложно.

Кованый даже не пошевелился.

— Вперед! Это всего лишь фокус. Да он мертв, черт тебя дер! Это просто фокус.

— Нет,— сказал Гарри.

Баттерфилд посмотрел в его сторону. Адвокат и прежде казался блеклым, теперь же так побледнел, что его существование было явно под вопросом.

— Что ты можешь знать?

— Это не фокус,— сказал Гарри.— Это *магия*!

Сванн будто услышал последнее слово. Его веки затрепетали и поднялись, он медленно потянулся рукой к внутреннему карману пиджака и плавным движением выудил оттуда носовой платок. Платок тоже горел. И был абсолютно чистым. Как только Сванн встряхнул его, из складок платка выпорхнул рой крошечных птишек, зажужжавших крылышками. Рапари был околдован ловкостью рук волшебника, его глаз неотрывно следил за полетом иллюзорных птиц, поднявшихся к потолку и там растворившихся. В это мгновение Сванн сделал шаг вперед и заключил машину в объятия.

Огонь тут же охватил Рапари, змейками разбежавшись по суставчатым конечностям. Кованый попытался высвободиться из объятий Сванна, но безуспешно: тот прильнул к Рапари, словно к блудному сыну, и не отпускал до тех пор, пока иссушенная огнем тварь не зачахла. Гарри показалось, что огонь пожрал Рапари мгновенно, за доли секунды, но полной уверенности у него не было. Время — как в моменты самых эффектных выступлений иллюзиониста — остановилось. Надолго ли — на минуту? две минуты? пять? — Гарри никогда не узнает. Он и не пытался анализировать. Неверие — удел трусов, а сомнение и нерешительность — верный способ позволить сломать тебе хребет. Он довольствовался увиденным, не постигая, жив Сванн или мертв; не постигая, реальны или призрачны птицы, огонь, коридор, да и сам он, Гарри Д'Амур.

Рапари рассыпался в прах. Гарри поднялся на ноги. Сванн все еще стоял, но прощальное представление закончилось.

Провал Рапари подорвал мужество всей стаи демонов, и они схлынули вниз, оставив Баттерфилда на верхних ступенях в одиночестве.

— Такое не забывается и не прощается,— сказал адвокат Гарри.— Отныне тебе не будет покоя. Ни днем, ни ночью. Я твой враг.

— К вашим услугам,— ответил Гарри.

Он оглянулся на Сванна, давая Баттерфилду возможность отступить. Волшебник снова улегся на пол: глаза закрыты, руки скрещены на груди, будто и не поднимался. И только теперь пламя взяло свое. Кожа Сванна вздувалась пузырями, одежда дымилась, тлела и расплзалась. Огню потребовалось немало времени, чтобы справиться с телом, но в итоге он обратил человека в пепел.

Между тем рассвет миновал, настало воскресенье, а это означало, что клиентов сегодня не будет. Никто не помешает Гарри сгрести останки, растолочь осколки костей и сложить все в пакет. Затем он поедет к какому-нибудь мосту или причалу и пустит Сванна в плавание по реке.

Когда огонь довершил свое дело, от волшебника осталось совсем мало и уже ничто не напоминало человека.

Все приходит и уходит; это тоже магия. А что в промежутке? Погони и фокусы, ужасы, подмены. Случайные радости.

Ах, в эту жизнь вместились столько радости; это тоже магия.

Послесловие: На улице Иерусалима

Уайберд смотрел на книгу, а книга смотрела на него. Все, что говорили о мальчике, было правдой.

— Как вы вошли? — поинтересовался Макнил. В его голосе не звучало ни гнева, ни страха. Обычное любопытство.

— Перелез через стену, — ответил Уайберд.

Книга кивнула.

— Посмотреть, справедливы ли слухи?

— Да, примерно так.

Среди знатоков странных явлений историю Макни-ла рассказывали уважительным шепотом. Как юноша выдал себя за медиума и выдумывал байки о покойниках для собственной выгоды; и как мертвые, устав от его насмешек, прорвались в мир живых, дабы осуществить безупречную месть. Они сделали надписи на его теле: вытатуировали на коже свои истинные заветы, чтобы он никогда больше не смог использовать их скорбь всуе. Они превратили его плоть в живую книгу — книгу крови, каждый дюйм которой нес на себе их истории.

Уайберд не был легковым человеком. Он не принимал всерьез эту историю — до сего момента. Но сейчас живое доказательство ее истинности стояло перед ним. На открытой глазу коже Макни-ла не осталось ни единого участка, не истерзанного этими мелкими буквами. Прошло более четырех лет с того дня, когда духи

пришли за мальчиком, но раны его по-прежнему были свежи. Казалось, они никогда полностью не заживут.

— Вы увидели достаточно? — заговорил юноша.— Это еще не все. Он покрыт надписями с ног до головы. Иногда он думает, что они исписали даже его внутренности.— Он вздохнул.— Хотите выпить?

Уайберд кивнул. Может быть, от глотка спирта его руки перестанут дрожать.

Макнил налил себе стакан водки, отхлебнул из него и наполнил второй для гостя. Уайберд заметил, что его затылок испещрен словами так же плотно, как лицо и руки; надписи терялись в волосах. Похоже, даже скальп не избежал внимания мертвых авторов.

— Почему вы говорите о себе в третьем лице? — спросил Уайберд, когда Макнил обернулся со стаканом.— Как будто вы не здесь...

— Мальчик? — уточнил Макнил.— Он не здесь. Его нет здесь очень давно.

Он сел; выпил. Уайберд начал испытывать легкое беспокойство. Юноша безумен, или он затеял какую-то проклятую игру?

Макнил сделал еще один большой глоток водки и задал вопрос:

— Сколько это стоит для вас?

— Сколько стоит что? — нахмурился Уайберд.

— Его кожа,— сказал мальчик.— Вы пришли за ней, не так ли?

Уайберд в два глотка осушил свой стакан, не давая ответа. Макнил пожал плечами.

— Каждый имеет право молчать,— заметил он.— Кроме мальчика, разумеется. Для него — никакого молчания.— Он посмотрел вниз на свои руки, перевернув их, чтобы показать надписи на ладонях.— Истории творятся днем и ночью. Никогда не останавливаются. Они рассказывают о себе, вы видите. Они истекают кровью. Их никогда не унять; никогда не излечить.

Он безумен, подумал Уайберд, и это представление каким-то образом облегчило то, что он собирался сделать. Лучше убить больное животное, чем здорового зверя.

— Это дорого, понимаете...— говорил мальчик. Он даже не смотрел на своего палача.— Дорога, куда уходят мертвые. Он видел ее. Темный странный путь, заполненный людьми. Не было ни одного дня, когда бы он не хотел... не хотел вернуться назад.

— Назад? — повторил Уайберд, радуясь тому, что юноша продолжает свою речь.

Рука Уайберда опустилась в карман пиджака — к складному ножу. Нож успокаивал его в присутствии безумца.

— Ничего не хватает,— сказал мальчик.— Ни любви. Ни музыки. Ничего.

Раскрыв нож, Уайберд вытянул его из кармана. Макнил увидел нож, и взгляд его потеплел.

— Ты не сказал ему, сколько это стоит,— произнес он.

— Двести тысяч,— ответил Уайберд.

— Кто-то, кого он знает?

Убийца покачал головой:

— Эмигрант,— ответил он.— В Рио. Коллекционер.

— Коллекционер кожи?

— Да.

Юноша поставил стакан. Он что-то бормотал — Уайберд не разобрал слов. Затем, очень быстро, Макнил сказал:

— Поскорее сделай это.

Он вздрогнул, когда нож нашел его горло, но Уайберд хорошо знал свое дело. Миг наступил и прошел, прежде чем мальчик понял, что все уже случилось; он почти ничего не почувствовал. Все завершилось; по крайней мере для Макнила. Для Уайберда настоящая работа только началась. Ему потребовалось два часа. Когда он закончил — кожа была завернута в чистую простыню и уложена в портфель, взятый специально для этой цели,— он очень устал.

Выходя из дома, он думал, что завтра полетит в Рио и потребует оставшуюся часть оплаты. Потом Флорида.

Он провел вечер в маленькой квартирке, снятой на скучное время слежки и подготовки к сегодняшнему делу. Он радовался, что уедет. Он был одинок здесь и томился в ожидании. Теперь работа сделана, все осталось позади.

Он крепко уснул, убаюканный воображаемым запахом апельсиновых деревьев.

Его разбудил не аромат апельсинов, но нечто менее сладкое. В комнате было темно. Он повернулся направо и потянулся, чтобы включить лампу, но это ему не удалось.

Теперь он слышал вокруг себя в комнате тяжелые переливающиеся звуки. Он сел на постели, прищурил глаза, но ничего не разглядел. Свесив ноги с края кровати, он собрался встать.

Сначала он подумал, что не закрыл кран в ванной и квартиру затопило. Его ноги по колено погрузились в теплую воду. Удивленный, он двинулся к двери, к главному выключателю, хлопая в разлившейся жидкости. Это не вода. Слишком густая, слишком драгоценная; слишком красная.

Он издал крик отвращения и ринулся к двери, чтобы открыть ее; но дверь оказалась заперта, и ключа не было. Он в панике бил кулаками по твердому дереву и молил о помощи. Его вопли остались без ответа.

Когда он вернулся в спальню, горячий поток бурлил на уровне его бедер.

Портфель. Он лежал на столе, где Уайберд оставил его, и бурно истекал кровью из каждого шва, из-под застежек и со всех сторон. Словно сотни злодеяний соединились внутри и портфель не может вместить поток, рожденный ими.

Уайберд смотрел на изобильное течение крови. За секунды, прошедшие после того, как он встал с крова-

ти, кровавый бассейн углубился на несколько дюймов и продолжал пополняться.

Он попытался открыть дверь ванной, но там тоже оказалось заперто. Он хотел открыть окно, но рама была неподвижна. Кровь дошла ему до пояса. Предметы мебели плавали в ней. Понимая, что пропадет, если не предпримет решительных действий, он прижал руки к крышке портфеля в надежде остановить поток. Напрасные старания. От его прикосновения кровь хлынула с новой силой, вырываясь из швов.

«Истории продолжаютсЯ,— так говорил мальчик.— Они истекают кровью».

Сейчас Уайберд слышал их в своей голове, эти истории. Дюжины голосов, и каждый рассказывает свою трагическую сказку. Поток крови поднимал его к потолку. Уайберд попытался удержать подбородок над поверхностью, но за считанные мгновения в комнате остался лишь дюйм воздуха на самом верху. Эта прослойка сужалась, но Уайберд все же присоединил свой голос к общей какофонии, умоляя прекратить кошмар. Но другие голоса утопили его в своих словах, и, когда он коснулся потолка, его дыхание прервалось.

У мертвых свои магистрали. По точным маршрутам идут поезда-призраки и вагоны-сновидения; они движутся вокруг пустырей, лежащих за пределами наших жизней; несется бесконечный поток душ. На этих магистралях есть дорожные знаки, мосты и стоянки. Есть развилки и перекрестки.

На одном из таких перекрестков Леон Уайберд поймал взгляд человека в красном костюме. Толпа мертвецов подтолкнула Уайберда вперед, он подошел ближе и только тогда осознал этот ужас. На человеке в красном не было одежды. На нем не было даже кожи. Тем не менее Уайберду встретился не Макнил — мальчик ушел отсюда уже давно. Это был совершенно другой

освеженный человек. Уайберд догнал его, и они побеседовали. Освеженный рассказал, что с ним произошло: всему виной преступное коварство его шурина и неблагодарность дочери. Леон в свою очередь поведал о собственной кончине.

Это огромное облегчение — рассказать историю. Не для того, чтобы ее запомнили, но потому, что рассказ освобождает от истории. Твоя жизнь, твоя смерть — они больше не принадлежат тебе. У тебя есть дела лучше, как и у всех мертвых. Дороги, чтобы путешествовать по ним; красота, чтобы впитывать ее. Уайберд почувствовал открытый простор. Увидел сияющий воздух.

Все, что говорил мальчик, было правдой. У мертвых широкие дороги.

Только живые потеряны.

Содержание

КНИГА КРОВИ V	5
Запретное (перевод М. Красновой)	7
Мадонна (перевод А. Крышана)	61
Дети Вавилона (перевод М. Красновой)	116
Во плоти (перевод М. Красновой)	157
КНИГА КРОВИ VI	225
Жизнь Смерти (перевод В. Шитикова)	227
Они заплатили кровью (перевод В. Шитикова) .	270
Сумерки над башнями (перевод В. Шитикова) .	310
Последняя иллюзия (перевод А. Крышана)	351
Послесловие: На улице Иерусалима (перевод Н. Волковой)	424

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер

КНИГИ КРОВИ V—VI
ДЕТИ ВАВИЛОНА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *Н. Шабунина*
Корректоры *М. Одинокова, Е. Ампелогова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 28.12.2007.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 341

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**